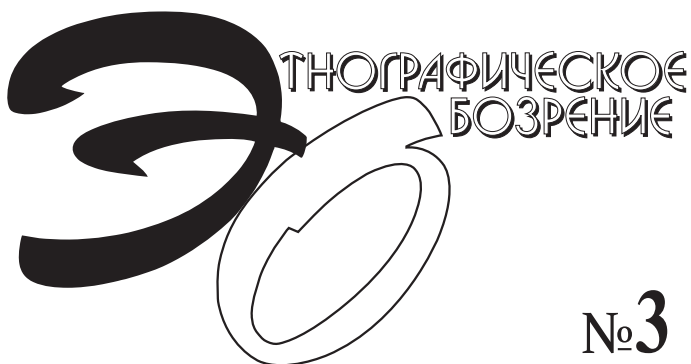

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

№3

МАЙ–ИЮНЬ 2021

Журнал основан в 1889 г.

Выходит 6 раз в год

Выходил под названиями: “Этнографическое обозрение” (1889–1916; 1992–н.в.);
“Этнография” (1926–1930); “Советская этнография” (1931–1991).

Журнал издается под руководством

Отделения историко-филологических наук РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.Н. Абашин (д.и.н., Европейский ун-т, Санкт-Петербург),
С.С. Алымов (к.и.н., ИЭА РАН, Москва), **С.А. Арутюнов** (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН),
В.О. Бобровников (к.и.н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург),
М.Л. Бутовская (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН, Москва),
М.В. Добровольская (д.и.н., Ин-т археологии РАН, Москва),
А.Л. Елфимов, зам. гл. ред. (Ph.D., к.и.н., ИЭА РАН),
С.А. Кан (Ph.D., Дартмутский колл., США), **П.С. Куприянов** (к.и.н., ИЭА РАН),
М.Ю. Мартынова (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.В. Михель** (д.ф.н., РАНХиГС, Москва),
Е.В. Попова (к. полит. н., Томский гос. ун-т),
С.В. Соколовский, главный редактор (д.и.н., ИЭА РАН), **В.А. Тишков** (акад. РАН, ИЭА РАН),
В.В. Трепавлов (д.и.н., Ин-т российской истории РАН, Москва),
Е.Г. Трубина (д.ф.н., Уральский федеральный ун-т),
Е.И. Филиппова, зам. гл. ред. (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.А. Функ** (д.и.н., ИЭА РАН),
Й.О. Хабек (д.ф.н., Гамбургский ун-т, Германия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

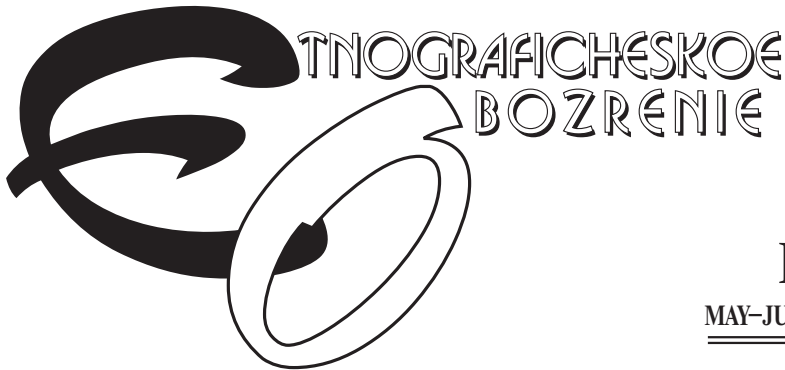
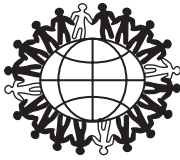
Ю.Е. Березкин (Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург), **В. Вате** (CNRS, Франция),
Д.Н. Замятин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), **Н.М. Лебедева** (ВШЭ, Москва),
М. Могильнер (Ун-т шт. Иллинойс, США), **В.И. Мукомель** (Ин-т социологии РАН, Москва),
Б. Петрик (EHESS, Франция), **И.Ф. Попова** (Ин-т восточных рукописей, Санкт-Петербург),
М. Ривз (Манчестерский ун-т, Великобритания), **Н.В. Ссорин-Чайков** (ВШЭ, Санкт-Петербург),
Л.А. Чவர் (Ин-т востоковедения РАН, Москва), **П. Швайцер** (Венский ун-т, Австрия),
В.А. Шнирельман (ИЭА РАН, Москва)

Заведующая редакцией *И.А. Кучерова*

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский пр., д. 32а, тел. (495) 938-18-67, факс (495) 938-06-00

Интернет-сайт: <http://journal.iea.ras.ru>, e-mail: ethnoreview@iea.ras.ru

№3

MAY–JUNE 2021

Founded in 1889

Published as *Etnograficheskoe Obozrenie* (1889–1916, 1992–present);
Etnografia (1926–1930); *Sovetskaja Etnografia* (1931–1991)

Publication frequency: 6 issues per year

Organ of the Division of History and Philology, Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Sergey Abashin (European U. at St. Petersburg),
Sergey Alymov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Sergey Arutyunov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vladimir Bobrovnikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Marina Butovskaya (Inst. of Ethnology and Anthro., Moscow),
Maria Dobrovolskaya (Inst. of Archaeology, Moscow),
Alexei Elfimov, *Associate Editor* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Elena Filippova, *Associate Editor* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitri Funk (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow), **J. Otto Habeck** (U. of Hamburg, Germany),
Sergei Kan (Dartmouth College, USA), **Pavel Kupriyanov** (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Marina Martynova (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow), **Dmitry Mikhel** (RANEP, Moscow),
Evgeniya Popova (Tomsk State U., Tomsk),
Sergey Sokolovskiy, *Editor-in-Chief* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Valery Tishkov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vadim Trepavlov (Inst. of Russian History, Moscow), **Elena Trubina** (Ural Federal U., Ekaterinburg)

ADVISORY BOARD

Yuri Berezkin (Kunstkamera, St. Petersburg), **Liudmila Chvyr** (Inst. of Oriental Studies, Moscow),
Nadezhda Lebedeva (Higher School of Economics, Moscow),
Marina Mogilner (U. of Illinois at Chicago, USA), **Vladimir Mukomel** (Inst. of Sociology, Moscow),
Boris Pétric (EHESS, France), **Irina Popova** (Inst. of Oriental Studies, St. Petersburg),
Madeleine Reeves (U. of Manchester, UK), **Peter Schweitzer** (U. of Vienna, Austria),
Viktor Shnirelman (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Virginie Vaté (CNRS, France), **Dmitry Zamiatin** (Moscow State University)

Irina Kucherova Editorial Office Manager

Editorial Office Address:

Rm 1807, Leninsky prospect 32-a, Moscow, 119991, Russia; phone +7 (495) 938-1867;
fax +7 (495) 938-0600

Специальная тема номера: Европейские колонизаторы и коренное население Америки от эпохи первых контактов до середины XIX в.
(отв. ред. — *А.В. Гринёв*)

<i>А.В. Гринёв.</i> Европейская колонизация Америки и ее оценка в XXI в.	5
<i>А.В. Калюта.</i> Духовный мир испанских конкистадоров в свете письменных источников XVI в.	15
<i>Г.В. Александров.</i> Язык индейцев и политика англичан: взаимоотношения колонистов с коренным населением Америки в учебниках Роджера Уильямса и Джона Элиота.....	30
<i>А.В. Гринёв.</i> Эволюция восприятия алеутов в российских источниках XVIII–XIX вв.	48
<i>А.В. Зорин.</i> Динамика изменений в комплексе вооружения индейцев-тлинкитов во второй половине XVIII — середине XIX в.	66
<i>С.А. Исаев.</i> “Пять цивилизованных племён” в пределах США до депортации 1830 г.....	83

Дискуссия

<i>Н.Л. Пушкарёва.</i> Труд и отдых женщин-ученых в оценках их самих в советской и постсоветской России.....	98
Комментарии: <i>О.А. Валькова.</i> И что за чудо такое — отдых женщин-ученых?...; <i>В.А. Веремёнко.</i> Размышления женщины-ученого о работе и отдыхе; <i>И. Гевиннер.</i> Кросскультурные практики балансирования работы и отдыха в немецком академическом контексте; <i>О.И. Секенова.</i> Чем отличались труд и отдых женщин-ученых дореволюционной эпохи; <i>Н.Л. Пушкарёва.</i> Ответ автора: размышления на полях коммеморативов.....	106

Статьи и материалы

<i>Д.А. Опарин.</i> Долг и лояльность среднеазиатских мулл в миграции	149
<i>С.А. Абдулкаримов.</i> Футбольное движение: триумф мягкой силы	168

Критика, обзоры, рецензии

<i>Т.Д. Соловей.</i> Уйти от науки, где вечно повторяется вчера (рец. на: Три века российской этнографии: страницы истории. М., 2019)	185
<i>Л.Н. Хаховская.</i> Традиция Гондатти в современном этнографическом североведении (рец. на: Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (К 125-летию поездки Н.Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 году). М., 2020)....	189

In memoriam

Игорь Алексеевич Морозов (30.11.1955 — 18.10.2020)	193
--	-----

Special Theme of the Issue: European Colonizers and America's Native Population from the First Contact Era to the mid-19th Century(guest editor – *A. V. Grin'ev*)

<i>Grin'ev, A. V.</i> European Colonization of America and Its Assessment in the 21 st Century [Evropeiskaia kolonizatsiia Ameriki i ee otsenka v XXI v.]	5
<i>Kalyuta, A. V.</i> The Spiritual World of the Spanish Conquistadors in the Light of Written Sources of the 16 th Century [Dukhovnyi mir ispanских konquistadorov v svete pis'mennykh istochnikov XVI v.]	15
<i>Aleksandrov, G. V.</i> Native Languages and English Politics: Native-Colonial Relations in Roger Williams' and John Eliot's Language Manuals [Yazyk indeitsev i politika anglichan: vzaimootnosheniia kolonistov s korennym naseleniem Ameriki v uchebnikakh Rodzhera Uil'iamsa i Dzhona Eliota]	30
<i>Grin'ev, A. V.</i> The Evolution of the Perception of the Aleuts in Russian Sources of the 18 th –19 th Centuries [Evolutsiia vospriiatiia aleutov v rossiiskikh istochnikakh XVIII–XIX vv.]	48
<i>Zorin, A. V.</i> Dynamics of Changes in the Weapon Complex of the Tlingit in the Second Half of the 18 th – mid-19 th Centuries [Dinamika izmenenii v komplekse vooruzheniia indeitsev-tlinkitov vo vtoroi polovine XVIII – seredine XIX v.]	66
<i>Isaev, S. A.</i> Five Civilized Tribes within the Limits of the U.S., till the Removal Act of 1830 ["Piat' tsivilizovannykh plemen" v predelakh SShA do deportatsii 1830 g.]	83

Discussion

<i>Pushkareva, N. L.</i> Work and Leisure of Women Scholars in Soviet and Post-Soviet Russia as Assessed by Themselves [Trud i otdykh zhenshchin-uchenykh v otsenkakh ikh samikh v sovetskoi i post-sovetskoi Rossii]	98
Comments: <i>Valkova, O. A.</i> What Kind of Miracle Is It, the Leisure of Women Scholars? [I chto za chudo takoe – otdykh zhenshchin-uchenykh?..]; <i>Veremenko, V. A.</i> Reflections of a Woman Scholar about Work and Leisure [Razmyshleniia zhenshchiny-uchenogo o rabote i otdykh]; <i>Gewinner, I.</i> Cross-Cultural Practices of Balancing Work and Leisure in the German Academic Context [Krosskul'turnye praktiki balansirovaniia raboty i otdykha v nemetskom akademicheskoi kontekste]; <i>Sekenova, O. I.</i> In What Ways Did Work and Leisure of Women Scholars in the Pre-Revolutionary Era Differ? [Chem otlichalis' trud i otdykh zhenshchin-uchenykh dorevoliutsionnoi epokhi]; <i>Pushkareva, N. L.</i> Response to Commenters: Thoughts at Commemorators' Margins [Otvot opponenitam: razmyshleniia na poliakh kommehoratorov]	106

Research Articles

<i>Oparin, D. A.</i> Duty and Loyalty of the Central Asian Mullahs in Migration [Dolg i loial'nost' sredneaziatskikh mull v migratsii]	149
<i>Abdulkarimov, S. A.</i> Football Movement: A Triumph of Soft Power [Futbol'noe dvizhenie: triumf miagkoi sily]	168

Reviews and Critiques

<i>Solovei, T. D.</i> To Move Away from the Discipline Where Yesterday Perennially Repeats Itself [Uiti ot nauki, gde vechno povtoriaetsia vchera]: A Review of <i>Tri veka rossiiskoi etnografii: stranitsy istorii</i> [Three Centuries of Russian Ethnography: Pages of History], ed. by M. M. Kerimova and A. A. Sirina	185
<i>Khakhovskaya, L. N.</i> Gondatti's Traditions in Contemporary Ethnographic Studies of the North [Traditsiia Gondatti v sovremennom etnograficheskom severovedenii]: A Review of <i>Prikladnaia etnologia Chukotki: narodnye znaniia, muzei, kul'turnoe nasledie (k 125-letiiu poezdki N. L. Gondatti na Chukotskii poluostrov v 1895 godu)</i> [Applied Ethnology in Chukotka: Indigenous Knowledge, Museums, Cultural Heritage (Celebrating 125th Anniversary of N. L. Gondatti's Trip to the Chukchi Peninsula in 1895)], ed. by O. P. Kolomiets and I. I. Krupnik	189

In Memoriam

Igor Alekseevich Morozov (30.11.1955 – 18.10.2020)	193
--	-----

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА: ЕВРОПЕЙСКИЕ КОЛОНИЗАТОРЫ И КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ АМЕРИКИ ОТ ЭПОХИ ПЕРВЫХ КОНТАКТОВ ДО СЕРЕДИНЫ XIX в. (отв. ред. — А.В. Гринёв)

© А.В. Гринёв

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ И ЕЕ ОЦЕНКА В XXI в.

Ключевые слова: европейская колонизация, Аляска, этнические контакты, оценка колонизации, политкорректность

Текст вводной статьи анонсирует тематический блок номера, в который вошли работы А.В. Калюты, Г.В. Александрова, А.В. Гринёва, А.В. Зорина и С.А. Исаева: даются краткая характеристика и хронологические рамки этих работ, написанных с позиций исторического позитивизма. Кроме того, автор поднимает тему последних тенденций в оценке европейской колонизации Нового Света в современном американском обществе, базирующихся на принципах политкорректности. Эта проблема стала особенно актуальной в свете острого политического кризиса, охватившего США после смерти негритянского рецидивиста Джорджа Флойда в мае 2020 г. после его задержания полицией. По стране прокатился вал демонстраций протеста против расовой дискриминации, полицейского насилия, сопровождаемый актами вандализма, коснувшимися и исторических памятников. Поднялась новая волна требований по пересмотру колониальной истории в духе политкорректности, в том числе и в отношении истории Русской Америки, что нашло отражение в дебатах о памятнике первому правителю российских колоний Александру Баранову в г. Ситке на Аляске. Автору введения в последние годы уже неоднократно приходилось сталкиваться с проявлениями подобного исторического ревизионизма, и в данной статье он излагает свой взгляд на эту проблему на материале по этноистории российских колоний в Новом Свете.

Данная статья предвещает тематический блок номера, в который вошли пять работ отечественных американистов. В них анализируется духовный мир испанских конкистадоров начала XVI в. (статья А.В. Калюты), рассматривается политическое и идеологическое содержание учебников индейских языков, написанных в колониях Новой

Андрей Вальтерович Гринёв | <http://orcid.org/0000-0002-0246-7945> | agrinev1960@mail.ru | д. и. н., профессор кафедры общественных наук | Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (ул. Политехническая 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия)

Англии в XVII в. (статья Г.В. Александрова), демонстрируется эволюция оценки русскими алеутов в период с 1741 по 1867 г. (статья А.В. Гринёва), прослеживается динамика изменений вооружения индейцев-тлинкитов под влиянием контактов с европейцами в конце XVIII–XIX вв. (статья А.В. Зорина) и, наконец, анализируются попытки пяти индейских племен (чероков, чикасо, чокто, криков, семиолов) усвоить достижения цивилизации белых людей в 1776–1830 гг., что, однако, не помогло им стать полноправными гражданами США (статья С.А. Исаева).

Замысел предложенного читателям тематического блока возник после проведения IX Международного Американистского симпозиума, состоявшегося в Санкт-Петербурге 24–25 июня 2020 г. (Александренков, Воробьев 2020; Игнатьев, Исаев 2020). Автором проекта стал глава отдела Америки ИАЭ РАН Р.Н. Игнатьев. Стоит отметить, что именно благодаря его неустанным трудам и энтузиазму отечественная американистика в буквальном смысле слова обретает второе дыхание (надо также отдать должное директору ИЭА РАН профессору Д.А. Функу за всемерную поддержку развития американистики в стенах института).

Так получилось, что большую часть статей тематического блока составили работы петербургских ученых, а географический ареал ограничился Северной Америкой (две статьи относятся к Аляске, две — к восточным штатам США и одна — к Мексике). При этом у читателя не должно возникнуть ложного впечатления, что народы и история Латинской Америки находятся в небрежении. Достаточно сказать, что у нас в стране сложилась сильная школа по изучению истории и культуры индейцев майя и других народов Центральной Америки в Учебно-научном Мезоамериканском центре им. Ю.В. Кнорозова при РГГУ, среди специалистов которого нельзя не выделить такого компетентного эксперта, как Д.Д. Беляев. Южная Америка также привлекает интерес отечественных профессионалов-антропологов — можно вспомнить, к примеру, экспедиции к индейцам бассейна Амазонки и Ориноко московского путешественника-этнографа А.А. Матусовского (Матусовский 2015, 2018).

Что касается общей тематики предлагаемого блока статей, то она посвящена наиболее популярной среди отечественных американистов проблеме колонизации европейцами Нового Света, взаимоотношений с туземцами и последствий контактов для обеих сторон. Сходен методологический подход авторов заявленных работ — исторический позитивизм, т.е. акцент в первую очередь на факты и источники. Хронологически статьи, размещенные в этом блоке, охватывают период с 1519 г., когда испанские конкистадоры приступили к завоеванию Мексики, и до второй половины XIX в., когда Аляска перешла под контроль Соединенных Штатов. При этом конкретные сюжеты, предлагаемые вниманию читателя, весьма разнообразны: от отдельных аспектов материальной культуры до политической сферы и различных элементов духовного мира пришельцев и аборигенов. Насколько полно и глубоко авторам удалось раскрыть заявленные темы, читатель может оценить, ознакомившись с их статьями.

Здесь, возможно, стоит выйти за рамки краткого вводного очерка и остановиться подробнее на ситуации с осмыслением европейской колонизации Америки в свете острого социально-политического кризиса в США, начавшегося в конце мая 2020 г. При этом основное внимание будет уделено материалу, связанному с этноисторией Аляски русского периода, изучением которой автор занимается уже более 40 лет, — это позволяет использовать личный опыт погружения в тему.

Проблема внутренней колонизации огромных территорий Северо-Американского материка, населенных многочисленными индейскими племенами, была актуальна для Соединенных Штатов с момента их возникновения в XVIII в. и до самого конца XIX в. Изначально в традиционной американской историографии преобладал взгляд на колонизацию как на благое дело исторического прогресса, в свете которого индейцы представлялись досадной помехой на пути распространения евро-американской

цивилизации. Покорение и переселение индейцев в резервации в лучшем случае преподносились достаточно нейтрально как экзотическая часть ранней истории страны. Однако после Второй мировой войны ситуация начинает кардинально меняться. Подъем борьбы за гражданские права негритянского и индейского населения в 1960–1970-е годы, а также сильный сдвиг “влево” среди значительной части преподавателей и студентов в американских университетах привели к изменению воззрений как на саму колонизацию, так и на ее жертв — индейцев. Коренные народы стали получать десятки миллионов долларов в виде реституций за утраченные в ходе колонизации территории. В этот же период возникает такое явление, как “политкорректность” (*political correctness*). Известный российский социолог, политолог и философ Л.Г. Ионин дает следующую характеристику этому феномену: “Политическая корректность — это идеология современной массовой демократии, служащая, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой — подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса” (Ионин 2010: 3).

С 1990-х годов политкорректность широко внедряется в межличностное общение, научную и политическую культуру и практику в виде аффирмативных действий (*affirmative action*), или так наз. позитивной дискриминации. Последняя представляет собой комплекс мер, направленных на предоставление режима наибольшего благоприятствования ряду групп, которые ранее подвергались той или иной дискриминации и находились в невыгодном положении (негры, индейцы, женщины, представители секс-меньшинств, инвалиды, старики). Соответственно, жертвами “позитивной дискриминации” становились в первую очередь белые мужчины, борьба с “привилегиями” которых продолжается в США вплоть до сегодняшнего дня. Причем широкому внедрению политкорректности немало способствовали “политкомиссары” (идеологические чиновники), целая армия которых паразитирует в американских университетах и фирмах, проводя бесконечные тренинги, лекции, курсы на тему борьбы с расовой и прочей дискриминацией, “белизмой”, “белыми привилегиями” и тому подобными сюжетами. Это очень выгодный бизнес!

Одной из зримых черт наступившей “эпохи политкорректности” стали терминологические преобразования. Они были связаны с заменой старых понятий, слов, названий, которые с точки зрения конкретных социальных групп звучали оскорбительно или нелепо, на новые, более толерантные. Так, вместо слова “негр”, попавшего под фактический запрет, рекомендовано было использовать “черный” (*Black*) или “афроамериканец” (*African American*). Экзоэтнонимы коренных народов Америки (*Natives, Indigenous peoples*) стали все чаще замещаться их самоназваниями: например, широко известные в традиционной этнографической литературе канадские индейцы-квакиутлы (*Kwakiutl*) теперь обозначаются как “кваквэкэвакв” (*Kwakwaka'wakw*), а атапаски танаина на Аляске поменяли свое название на созвучное — “денаина” (*Dena'ina, Danaina*). В свою очередь, потомки коренных обитателей большого о-ва Кадьяк у берегов Южной Аляски, известные в русских источниках как “коняги” (этноним алеутского происхождения), “кадыякские алеуты” и просто “алеуты”, а позднее как “кадыякцы” и “кадыякские эскимосы”, также решили сменить название. Этноним “эскимосы” они посчитали унижительным и заменили его на “алютиик” (*Alutiiq*, мн.ч. *Alutii*) — искаженное “алеут”; в ходу также такие обозначения, как “сугпиак” (*Sugpiaq*, мн.ч. *Sugpiat*) и “кониагмиут” (*Koniagmiut*). Редакции американских журналов уже как минимум пару раз просили меня заменить этноним “эскимосы” на более политкорректный в отношении коренных жителей Кадьяка (*Kodiak people, Koniag*).

Но одной сменой этнических обозначений дело не ограничилось. С 1960-х годов журналисты, ученые и политические активисты левого толка стали усиленно обхаживать потомков коренных обитателей Америки как жертв геноцида “белого человека”

на фоне все более широкого движения “позитивной дискриминации” белых мужчин и предоставления различных льгот и привилегий представителям индейского населения, неграм, женщинам и секс-меньшинствам. Это привело к тому, что к коренным жителям стали причислять себя лица, имеющие всего 1/128 или даже меньшую часть “индейской крови”. На Аляске возникли самопровозглашенные общины фактически белых людей, которые объявили себя потомками местных племен и потребовали от правительства признания их таковыми, что подразумевает предоставление соответствующих льгот (Знаменский 2020).

Неудивительно, что в свете политкорректной идеологической “моды” европейская колонизация (в т.ч. и российская) стала изображаться почти исключительно темными красками, а коренные жители — вечными страдальцами, замученными так наз. исторической травмой. Под последней обычно понимается психологический стресс от коллективных потерь, понесенных предшествующими поколениями в ходе тех или иных бедствий, например в результате колонизации, эпидемий или войн. По моим наблюдениям, основанным на аляскинских материалах, характерная черта жертв “исторических травм” — постоянное муссирование трагических событий прошлого с целью списать на них свои собственные проблемы и добиться новых материальных преференций от властей и сочувствия со стороны общества. В современных США комплекс “исторической травмы” от евро-американской колонизации периодически испытывают (или заявляют, что испытывают) как представители коренного населения, так и симпатизирующие им белые, как правило, придерживающиеся левых убеждений. В этой связи не могу не вспомнить, как после моего доклада о социальной политике в Русской Америке на конференции в Орегонском университете (г. Юджин) в апреле 2018 г. одна американская слушательница стала с жаром отстаивать тезис о том, что русские якобы постоянно занимались массовыми изнасилованиями алеуток. Подобные эксцессы действительно иногда имели место на ранних стадиях колонизации, но то, что русские промышленники (добытчики пушнины) систематически занимались изнасилованиями на протяжении всей истории Русской Америки, — это явное преувеличение. Ведь их цель состояла в добыче ценного зверя и в элементарном выживании в суровых условиях Субарктики, а не в поиске плотских развлечений. Более того, если казенное начальство узнавало о подобных эксцессах, виновные могли подвергнуться наказанию, как это случилось с частью экипажа судна “Св. Евдоким”, который вел промысел на Ближних Алеутских островах в 1745–1746 гг. После следствия часть промышленников была осуждена на Камчатке за “убийство и блудное воровство” в отношении алеутов (АРГО: Л. 22). В дальнейшем, после перехода власти в колониях в руки морских офицеров в 1818 г. и усиления административного контроля, массовые преступления сексуального характера вообще ни разу не фигурировали в официальных документах. Однако попытки донести эти мысли до моей американской оппонентки оказались тщетными, и она продолжала стоять на своем, словно была очевидцем всех преступных деяний русских в Новом Свете. К сожалению, в ходе нашей полемики на конференции я забыл упомянуть о традиционной сексуальной культуре алеутов, которая совершенно не препятствовала обмену женщинами и предоставлению их во временное пользование другим мужчинам (см. статью в этом номере). Учитывая это обстоятельство, русским зачастую вовсе не было никакой необходимости прибегать к насилию на сексуальной почве. Тут уместно сказать, что история и самого русского народа, и других народов России в XX в. — это почти сплошная “историческая травма” (мировые войны, революции, Гражданская война, коллективизация, сталинские репрессии и т.д.), но никто не проливает бесконечные потоки слез, занимаясь стенаниями по поводу прошедших трагических событий. Изменить историю мы не в состоянии, но в наших силах извлечь из нее уроки. И политкорректность тут вряд ли может чем-либо помочь.

Новое агрессивное наступление политкорректности началось сразу же после смерти в ходе задержания полицией в американском г. Миннеаполисе в конце мая 2020 г. негритянского рецидивиста и наркомана Джорджа Флойда. Последовавшие за этим волнения, помимо погромов и разграбления магазинов, сопровождались очередной волной ревизии колониального наследия, которая вылилась в борьбу с историческими памятниками. Главными жертвами стали, естественно, монументы в честь конфедератов-южан и статуи Колумба как “отца” геноцида коренных американцев. Протестующие против расовой дискриминации свалили или изуродовали свыше 100 памятников в США (еще несколько было свергнуто с пьедесталов в Великобритании). Дошло до того, что погромщики сбросили с постамента в г. Рочестере (шт. Нью-Йорк) статую одного из самых известных борцов за права темнокожих Фредерика Дугласа. Трудно сказать, чем был вызван гнев беснующейся толпы, поскольку сам Дуглас был негром-рабом, но смог бежать из неволи, после чего стал одним из лидеров движения за освобождение “афроамериканцев”.

Волна массового психоза докатилась и до Аляски, где гнев борцов с расовым угнетением и геноцидом коренного населения обратился на памятник первому главному правителю Русской Америки Александру Баранову; монумент был установлен в 1989 г. на частные средства в городке Ситка (Рис. 1). Этот городок под названием “Ново-Архангельск” Баранов заложил в 1804 г., а через четыре года превратил в столицу российских колоний. Снос монумента основателю Ситки потребовали члены местной общины индейцев-тлинкитов при поддержке сочувствующих из числа других этнических групп и белых активистов; было собрано более 2 тыс. подписей. По мнению подписантов, Баранов был жестоким правителем, притеснявшим индейцев, расистом, захватившим их земли. На митинге сторонников ликвидации памятника звучали даже голоса с требованием сбросить его в океан (Локтионова 2020).

Поскольку монумент Баранову мне всегда нравился (единственная ошибка скульптора состояла в том, что он изобразил правителя довольно субтильным, хотя его портрет и описание говорили, скорее, об обратном), то я выступил в его защиту, чем немедленно спровоцировал полемику в социальной сети Facebook. Моя заметка о необходимости оставить памятник в покое была объявлена “токсичной” (любимое прилагательное сторонников политкорректности в отношении аргументов оппонентов), а решение убрать монумент — единственно верным. Конечно, Баранов был далеко не ангелом, а суровым и требовательным начальником, который зачастую не щадил ни себя, ни других (Рис. 2). Но он не был расистом, о чем не в последнюю очередь свидетельствует и то, что он был женат на дочери эскимосского старейшины, всегда выступал за мир с тлинкитами и начал с ними войну только после того, как они уничтожили русское поселение на о-ве Ситха (совр. Баранова), причем за участок земли под это поселение индейцам было щедро заплачено (Grinёv 2020a: 58–59). Но любые аргументы и исторические факты оказались бесполезны.

В ходе развернувшейся в Facebook полемики выяснилось несколько моментов: 1) мои критики крайне смутно представляют себе историю Русской Америки, но претендуют на то, что она им известна гораздо лучше, чем специалистам, — на этом основании любые контраргументы противоположной стороны или отвергаются, или игнорируются; 2) из истории они заимствуют только то, что им выгодно, а остальные неудобные для них факты просто отменяют; 3) их сознание заполнено различными псевдоисторическими фантазиями, например, о том, что превосходство европейской цивилизации было построено на маисе, картофеле, золоте и серебре, захваченных на землях, которые не принадлежали европейцам. Отсюда, кстати, проистекает популярное среди нынешних коренных жителей представление, что Россия не имела права продавать Аляску США в 1867 г., так как эти земли принадлежали туземцам.

Рис. 1. Памятник Александру Баранову в г. Ситке до перенесения в музей. Фото автора, 2017 г.

Рис. 2. Мемориальный столб индейцев-глинkitов в г. Ситке с изображением А. Баранова на вершине и двуглавым российским орлом в центре. Фото автора, 2017 г.

Что тут можно сказать? Совершенно очевидно, что не грабеж кукурузы или серебра стал основой превосходства европейской цивилизации, а более совершенная техника и производственные отношения, которые в совокупности позволяли обеспечить более высокую производительность труда. Точно так же земли Нового Света, захваченные или купленные у индейцев в ходе колонизации, принадлежали уже не им, а европейцам по факту захвата, завоевания или приобретения, и не следует грешить себя пустыми иллюзиями по этому поводу, как это делают любители политкорректных фантазий. В частности, территория современного штата Аляска была юридически признана российским владением в международных договорах с США и Великобританией в 1824 и 1825 гг. (ПСЗРИ 1824, 1825), а потому распространять современные политкорректные представления на события более чем 150-летней давности абсолютно бессмысленно и контрпродуктивно.

Любопытно отметить, что, обличая европейскую колонизацию, мои оппоненты совершенно не хотят отказываться от привнесенных ею благ и возвращаться к традиционной культуре коренных народов Америки, т.е. жить в полуземлянках или простых дощатых домах, питаться квашеной рыбой с тюленьим жиром, плавать на байдарках или каноэ, а не на лодках с подвесным мотором и т.д. Обличителям европейской цивилизации следует напомнить, что традиционная культура аборигенов включала в себя немало отрицательных аспектов, как то: бесконечные межплеменные войны, жестокие пытки пленных, рабство, приниженный статус женщин. Совершенно нелепо выглядит, например, попытка оправдать ритуальные убийства рабов на потлачах у тлинкитов в период Русской Америки тем, что индейцы якобы стремились таким путем сохранить свою культурную автономию, сопротивляясь русскому колониализму. Статья с такой, мягко говоря, оригинальной гипотезой поступила мне для рецензии из редакции одного британского научного журнала в феврале 2020 г. (подробнее о проблеме борьбы русских с ритуальными убийствами у тлинкитов см.: *Grinëv* 2020b).

С другой стороны, сказанное вовсе не означает, что европейская колонизация была детским пикником с раздачей подарков. Нет, она зачастую сопровождалась неслыханными злодеяниями в отношении местных жителей (вплоть до геноцида) и бесчисленными актами несправедливости. Скрывать это не следует ни при каких обстоятельствах, как это происходило в послевоенный период в СССР при описании освоения русскими Сибири и Аляски. Необходимо изучать и анализировать евро-американскую колонизацию такой, какой она была на самом деле, вне любых идеологических установок, т.е. как очень сложный, динамичный и противоречивый процесс, и воздерживаться от примитивных односторонних оценок, столь свойственных адептам политкорректности. Да, российское освоение Аляски на начальном этапе порой сопровождалось актами жестокого геноцида алеутов, но зато в заключительный период оно носило ярко выраженный патерналистский характер в отношении коренных жителей, что весьма выгодно отличалось от политики американских колонизаторов на Дальнем Западе США. Несмотря на тяжелую эксплуатацию зависимых туземцев российских колоний, русские способствовали предотвращению межплеменных войн, делали гораздо более доступными полезные в быту и на промысле металлические орудия труда и утварь, пытались бороться с эпидемиями, разработали письменность для ряда народов Аляски, приобщили их к огородничеству и т.д. (*Гринёв* 2018). Все это хорошо известные факты, которые невозможно отрицать.

Возвращаясь к судьбе памятника Баранову, следует сказать, что она сложилась относительно благополучно: 29 сентября 2020 г. его просто перенесли с постамента у выставочного зала “Хэрриган Сэнтенниал Холл” (*Harrigan Centennial Hall*) внутрь, где расположен маленький музейчик, посвященный русскому периоду истории Ситки (*Злодоров* 2020). Возможно, на благоприятную судьбу памятника повлияла кампания

по его защите, поднятая представителями русской общины в США и поддержанная российскими СМИ и Московским общественно-просветительским обществом “Русская Америка” во главе с В.Г. Колычевым.

Здесь остается только добавить пару слов о позиции американских ученых относительно характеристики европейской колонизации. Часть из них искренне поддерживает политкорректные установки, включая нанесенную коренным жителям “историческую травму” (один мой коллега из Канады полностью разделяет подобные воззрения). Часть склоняется к нейтральной позиции (*Znamenski* 2020), ведь открытое неприятие политкорректных постулатов в современных Соединенных Штатах чревато потерей должности, получением клейма “расиста” и в лучшем случае бойкотом со стороны коллег. Редкие американские ученые способны выступить против господствующей ныне в США тоталитарной политкорректной идеологии (см.: *Wood* 2003), которая, на мой взгляд, прямо нарушает одно из основополагающих прав человека на свободу слова, искажает реальную историю, противоречит здравому смыслу и элементарной справедливости, порождая лишь новую дискриминацию, необоснованные амбиции и социальный паразитизм. Мы уже проходили нечто подобное в СССР, когда определенными преимуществами наделялись члены коммунистической партии, представители рабочего класса и ряда нацменьшинств (напр., при поступлении в вузы или при кадровых назначениях). Ни к чему хорошему это не привело, причем советская “позитивная дискриминация” была явным отступлением от провозглашенного самими коммунистами принципа социализма: “От каждого по способностям, каждому по труду”. Впрочем, никакого социализма в СССР никогда не было и в принципе быть не могло, но это уже другой вопрос. Подводя же общие итоги, можно предложить продолжить анализ политики аффирмативных действий и психоза политкорректности (по-другому не скажешь!), который охватил США летом 2020 г., в специальном блоке статей на страницах журнала “Этнографическое обозрение” в более широком контексте европейского и российского исторического опыта.

Источники и материалы

АРГО — Архив Русского географического общества. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2.

Злодоров 2010 — Злодоров Д. Убрать нельзя оставить. Представители русской диаспоры на Аляске уверены, что статуя Баранова попала в хорошие руки // РусскийМир.ru. 26.10.2010. <https://rusmir.media/2020/10/26/baranov?fbclid=IwAR1mST2nBZNybyujvnlecHxOIwgsCTVJiquQoYVeVIGTFzwQv32GKpPQblw>

Локтионова 2020 — Локтионова М. “Сбросить в океан”: как американцы избавляются от памятников // Портал Газета.ru. 02.07.2020. <https://www.gazeta.ru/social/2020/07/02/13138165.shtml>

ПСЗРИ 1824 — Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIX: 1824. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830. С. 251–253.

ПСЗРИ 1825 — Полное собрание законов Российской империи. Т. XL: 1925 по 19 ноября. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830. С. 72–74.

Научная литература

Александренков Э.Г., Воробьев Д.В. Восемь форумов отечественных индеанистов и американистов (1982–2018) // Журнал фронтирных исследований. 2020. № 3. С. 189–199.

Гринёв А.В. Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М.: Academia, 2018.

Знаменский А.А. Кенайцы, креолы, индейцы: этническая самобытность атапасков-денайна // История Америки: человек, народы, культуры. Тезисы докладов IX Международного

- Американистского симпозиума (Санкт-Петербург, 24–25 июня 2020 г.) / Ред. Р.Н. Игнатьев, С.А. Исаев. СПб.: СПбИИ РАН; ИЭА РАН, 2020. С. 35–36.
- Игнатьев Р.Н., Исаев С.А. (ред.) История Америки: человек, народы, культуры. Тезисы докладов IX Международного Американистского симпозиума (Санкт-Петербург, 24–25 июня 2020 г.). СПб.: СПбИИ РАН; ИЭА РАН, 2020.
- Юнин Л.Г. Общество меньшинств: политкорректность в современном мире. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010.
- Матусовский А.А. Социокультурный облик индейцев верхней Пира-Параны // Вестник антропологии. 2015. № 4. С. 129–149.
- Матусовский А.А. Питомцы индигенных групп Амазонии и Оринокии: отношения между людьми и животными // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 26–43.
- Grinëv A.V. Russian Colonization of the Alaska: Baranov's Era, 1799–1818. Lincoln: University of Nebraska Press, 2020a.
- Grinëv A.V. Russian Resistance to Human Sacrifice among the Tlingit Indians (1819–1867) // Arctic Anthropology. 2020b. Vol. 57. No. 1. P. 22–34.
- Wood P. Diversity: The Invention of a Concept. San Francisco: Encounter Books, 2003.
- Znamenski A. Epidemics, Prophecy, and Self-Christianization: Ahtna Indians Quest for Russian Orthodoxy, 1880s–1930s // Антропологический форум. 2020. № 1. С. 7–15.

Editor's Introduction

Grinëv, A.V. European Colonization of America and Its Assessment in the 21st Century [Evropeiskaia kolonizatsiia Ameriki i ee otsenka v XXI v.]. *Этнографическое обозрение*, 2021, no. 3, pp.5–14. <https://doi.org/https://www.sobyanin.ru/koronavirus-vremennyi-poryadok-posesheniya-restoranov-i-drugie-resheniya-22-06-21> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Andrei Grinëv | <https://orcid.org/0000-0002-0246-7945> | agrinev1960@mail.ru | Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Polytechnicheskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russia)

Keywords

European colonization, Alaska, ethnic contacts, assessment of colonization, political correctness

Abstract

The current essay introduces the thematic issue of the journal, which includes articles by A.V. Kalyuta, G.V. Alexandrov, A.V. Grinëv, A.V. Zorin and S.A. Isaev. The paper briefly reviews the content and chronological framework of their articles. In addition, the introductory article analyzes recent trends in the study of European colonization of the New World in American social scholarship with a special emphasis on how political correctness affects the presentation of that theme. This problem has become especially urgent in light of the acute political crisis that gripped the United States after the death of the black repeat offender George Floyd in May 2020 after he was detained by the police. A wave of demonstrations of protest against racial discrimination, police violence, accompanied by acts of vandalism, including against historical monuments, swept across the country. A new wave of demands arose to revise colonial history in the spirit of political correctness, including in relation to the history of Russian America, which was reflected in the debate about the monument to the first ruler of the Russian colonies, Alexander Baranov, in Sitka, Alaska. In recent years, the author of the introductory article has repeatedly had to deal with manifestations of such historical revisionism, and in this article he expounds his view on this problem, using material on the ethnohistory of Russian colonies in the New World.

References

- Alexandrenkov, E.G., and D.V. Vorobiev, eds. 2020. Vosem' forumov otechestvennykh indeanistov i amerikanistov (1982–2018) [Eight Forums of Domestic Indianists and Americanists (1982–2018)]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniï* 3: 189–199.

- Grinëv, A.V. 2018. *Aliaska pod krylom dvuglavogo orla (rossiiskaia kolonizatsiia Novogo Sveta v kontekste otechestvennoi i mirovoi istorii)* [Alaska under the Wing of a Two-Headed Eagle (Russian Colonization of the New World in the Context of Russian and World History)]. Moscow: Academia.
- Grinëv, A.V. 2020. *Russian Colonization of the Alaska: Baranov's Era, 1799–1818*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Grinëv, A.V. 2020. Russian Resistance to Human Sacrifice among the Tlingit Indians (1819–1867). *Arctic Anthropology* 57 (1): 22–34.
- Ignatiev, R.N., and S.A. Isaev, eds. 2020. *Istoriia Ameriki: chelovek, narody, kul'tury: Tezisy dokladov IX Mezhdunarodnogo Amerikanistskogo simpoziuma (Sankt-Peterburg, 24–25 iunია 2020 g.)* [History of Americas: Individual, People, Cultures: Abstracts of the 9th International Symposium on American Studies (St. Petersburg, June 24–25, 2020)]. St. Petersburg: SPbII RAN; IEA RAN.
- Ionin, L.G. 2010. *Obshchestvo men'shinstv: politkorrektnost' v sovremennom mire* [Society of Minorities: Political Correctness in the Modern World]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Matusovskiy, A.A. 2015. Sotsiokul'turnyi oblik indeitsev verkhnei Pira-Parany [Socio-Cultural Image of the Upper Pira-Parana Indians]. *Vestnik antropologii* 4: 129–149.
- Matusovskiy, A.A. 2018. Pitomtsy indigennykh grupp Amazonii i Orinokii: otnosheniia mezhdu liud'mi i zhivotnymi [Pets of Indigenous Groups of Amazonia and Orinocia: Relationships between Humans and Animals]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 26–43.
- Wood, P. 2003. *Diversity: The Invention of a Concept*. San Francisco: Encounter Books.
- Znamenskii, A.A. 2020. Kenaitsy, kreoly, indeitsy: etnicheskaia samobytnost' atapaskov-denaina [The Kenaitze, Creoles, and Indians: The Making of Dena'ina Ethnicity]. In *Istoriia Ameriki: chelovek, narody, kul'tury. Tezisy dokladov IX Mezhdunarodnogo Amerikanistskogo simpoziuma (Sankt-Peterburg, 24–25 iunია 2020 g.)* [History of Americas: Individual, People, Cultures: Abstracts of the 9th International Symposium on American Studies (St. Petersburg, June 24–25, 2020)], edited by R. Ignatiev and S. Isaev, 35–36. St. Petersburg: SPbII RAN; IEA RAN.
- Znamenski, A. 2020. Epidemics, Prophesy, and Self-Christianization: Ahtna Indians Quest for Russian Orthodoxy, 1880s–1930s. *Antropologicheskii forum* 1: 7–15.

ДУХОВНЫЙ МИР ИСПАНСКИХ КОНКИСТАДОРОВ В СВЕТЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ XVI в.

Ключевые слова: конкистадоры, Средние века, Ренессанс, ментальность, Конкиста

В статье в свете письменных свидетельств самих конкистадоров или созданных на их основе хроник рассматриваются религиозные, пространственно-географические и правовые аспекты мировоззрения завоевателей Америки и делается вывод о теснейшей связи их сознания со зрелым Средневековьем. Это позволяет говорить об “импортировании” средневековых представлений и институтов в Новый Свет. Особое внимание уделяется религиозным взглядам конкистадоров, демонстрирующим все основные характеристики религиозности зрелого Средневековья: провиденциализм, вера во вмешательство сверхъестественных сил в любые значимые действия человека, почитание локальных ипостасей Богородицы, восприятие борьбы с аборигенами Америки как продолжения крестовых походов против мусульман на Ближнем Востоке и в самой Испании.

Вступление

Непосредственным толчком к написанию этой статьи стала грядущая 500-летняя годовщина падения столицы государства ацтеков Теночтитлана в августе 1521 г. под ударами объединенного войска конкистадоров во главе с Эрнандо Кортесом и их индейских союзников и установления в Мексике господства испанской короны, продлившегося три века. События, приведшие к такому исходу, настолько неординарны и драматичны, что заставляют вновь вернуться к вопросу, что за люди прибыли в Новый Свет в начале XVI в.? Как они воспринимали новую окружающую их действительность? Каковы были их убеждения и ценности? В историографии уже давно существуют две противоположные точки зрения на духовный мир испанских конкистадоров. Согласно первой, они были носителями культуры Ренессанса, людьми с широкими взглядами и развитым чувством собственного “я”, верой в неограниченные возможности человека, толкавшей их на осуществление самых дерзких замыслов. Они перенесли ценностные установки Ренессанса на американскую почву. Сторонники другой точки зрения считают, что конкистадоры оставались людьми Средневековья, будучи уроженцами страны, находившейся на периферии Европы, которую перемены, связанные с эпохой Возрождения, практически не затронули. Это средневековое наследие они привезли с собой в Новый Свет.

Цель настоящей статьи заключается, во-первых, в том, чтобы на базе письменных источников, созданных самими конкистадорами, или на основе их устных сообщений проанализировать главные составляющие их духовного мира, определявшие их восприятие новых реалий и поведенческую реакцию на эти реалии. Во-вторых, мы хотим

Анастасия Валерьевна Калюта | <http://orcid.org/0000-0002-4829-5149> | anastasiakalyuta@mail.ru | к. и. н., младший научный сотрудник | Санкт-Петербургский институт истории РАН (Петрозаводская ул. 7, Санкт-Петербург, 197110, Россия)

соотнести эти составляющие с некоторыми духовными и религиозными феноменами, характерными для средневековой Европы XII–XV вв., в первую очередь Пиренейского п-ова.

Краткая историография вопроса

Духовный мир конкистадоров давно привлекает внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей и писателей. Венесуэльский автор Руфино Бланко Фомбона был одним из первых, кто попытался воссоздать внутренний облик завоевателя. В своей книге “Испанский конкистадор. Попытка интерпретации” (1922) он анализирует особенности испанской истории, сформировавшей менталитет покорителей Нового Света, и приходит к выводу, что они воплощали национальные “добродетели и пороки” (*Blanco Fombona* 1922: 9). Большой вклад в изучение юридических институтов и политической философии Конкисты внес мексиканский историк Сильвио Савала, подробно рассмотревший основные стимулы и идеи, которые в значительной степени определяли действия конкистадоров (*Zavala* 1935). Венесуэльская исследовательница Ида Родригес Прампolini в книге “Амадисы Америки. Героическая эпопея Конкисты как рыцарский поход” (1948) и американский историк Ирвинг Леонард в монографии “Книги конкистадора” (1953) проанализировали влияние на завоевателей рыцарских романов, столь популярных в Испании в конце XV – XVI в. (*Rodriguez Prampolini* 1948; *Leonard* 1953). Мексиканский историк Хосе Дуранд в работе “Социальная трансформация конкистадоров” (1953) впервые поднял вопрос изменения их мировоззрения под воздействием реалий Нового Света (*Durand* 1953). Австрийский исследователь Виктор Франкл в статье “Эрнан Кортес и традиция Семи партий” (1962) тщательно разобрал значение средневекового кастильского кодекса “Семь партий” Альфонсо X Мудрого для правового сознания и образа действий не только Кортеса, но и его сподвижников (*Frankl* 1962). Нельзя не упомянуть также работу английского историка Джона Эллиота “Духовный мир Эрнана Кортеса” (*Elliot* 1967) и монографию мексиканского историка Хосе Луиса Мартинеса “Эрнан Кортес” (*Martínez* 1990), в которых на основе архивных документов и хроник детально анализируются факторы, сформировавшие личность и ценностные установки завоевателя Мексики. В свою очередь, испанский историк Франсиско Моралес Падрон в книгах “Конкистадоры Америки” (1973) и “История открытия и завоевания Америк” (1971) впервые выдвинул идею о том, что испанские покорители Нового Света соединяли в себе черты двух эпох – Средневековья и Возрождения (*Morales Padrón* 1971; 1973). По его мнению, от Средневековья они восприняли идеал рыцаря, религиозность и отождествление себя с крестоносцами, а от Ренессанса – жажду подвига, желание увековечить свое имя, юридическое мышление и практицизм. Подробный и тщательный анализ происхождения, социального статуса, уровня грамотности, характеров и мотиваций участников завоевания государства инков предпринял американский историк Джеймс Локхарт в монографии “Люди Кахамарки” (*Lockhart* 1972). Видный мексиканский историк Луис Векманн в книге “Средневековое наследие Мексики” (*Weckmann* 1992) убедительно продемонстрировал средневековые истоки основных социальных и религиозных институтов колониальной Мексики, пришедших вместе с конкистадорами. Французский историк Гийом Оливье в статье “Индейцы и испанцы в свете гадательных практик и знамений во время завоевания Мексики” (*Olivier* 2006) подробно рассмотрел отношение испанцев и коренных народов Мексики к предзнаменованиям и предсказаниям, в т.ч. астрологическим.

В России анализом духовного мира конкистадоров занимались литературоведы, специализировавшиеся на странах Латинской Америки, Валерий Земсков и Андрей Кофман. В 1985 г. вышел первый том “Истории литератур Латинской Америки” под

редакцией Земскова, который также является автором большинства глав. Среди них главы о письмах Кортеса и хронике “Правдивая история завоевания Новой Испании” одного из его товарищей по оружию Берналя Диаса дель Кастильо (Земсков 1985а; Земсков 1985б). Кроме того, Земсков предпринял весьма интересную попытку сравнить хроники Конкисты и летописи покорения Сибири, выделив в них такие общие черты, как провиденциализм завоевателей, осознание ими своей особой миссии носителей христианства, их стремление привести в подчинение императору или царю местное население и обложить его данью, использование новых технологий, в первую очередь огнестрельного оружия, для устрашения аборигенов. В то же время Земсков заявляет: “Конкиста Нового Света и завоевание Сибири осуществлялись разными типами общественного человека, порожденного разными культурами. Главный герой испанской конкисты рыцарь — но не средневековый, а Нового времени; открытие и завоевание Америки — одно из ключевых событий, вызвавших изменение в его сознании. То было время разложения, распада средневековых норм и стереотипов” (Земсков 2002: 178).

Коллега Земскова Кофман несколько более осторожен в своих оценках. В книге “Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности” (Кофман 2012) он характеризует завоевателя Америки как человека, “одной ногой стоящего в Средневековье”. Вместе с тем вслед за Земсковым он настойчиво пытается найти в сообщениях и хрониках присущие конкистадорам черты нового ренессансного времени. К этим чертам Кофман относит индивидуализм, который рассматривает также как отличительную особенность испанского национального характера, стремление повысить свой социальный статус (*ir a valer más*) и прославить свое имя в веках, практицизм, точнее, жажду обогащения и отсутствие расовых предрассудков при половых контактах с индейскими женщинами. Он также видит важное различие между крестовыми походами и Конкистой в том, что крестоносцы ставили своей целью изгнание мусульман и евреев со Святой земли, а конкистадоры — обращение побежденных народов в христианство.

На наш взгляд, далеко не все аргументы этого автора, равно как и его предшественников, о пробуждении ренессансного начала в конкистадорах выдерживают критику. В эпоху феодальной раздробленности в Испании многие рыцари, горожане и зажиточные крестьяне вели себя столь же индивидуалистично и независимо, как и их потомки в Новом Свете. В средневековых королевствах Пиренейского п-ова не существовало такой строгой границы между крестьянами и дворянством, как в других государствах Европы того времени, а Реконкиста давала широкие возможности для повышения своего социального статуса. Это показывает пример предка конкистадора Альвара Нуньеса Кабеса де Ваки, пастуха, получившего от короля дворянство в награду за указание безопасной тропы в лагерь мусульманского войска. Кофман постоянно подчеркивает, что повествование завоевателей Америки ведется от первого лица, а это признак пробуждающегося индивидуалистичного “я”. Однако такое повествование присутствует уже в средневековых хрониках XII—XIII вв., в частности в записях путешественников Одорико Порденоне и Марко Поло, которые оказали значительное влияние на представления конкистадоров о Новом Свете. Крестовые походы в XIII в. предпринимались не только с целью изгнания “неверных”, но и для их обращения в христианство, как в случае с финно-угорскими и балтскими народами Прибалтики. К тому же после взятия Иерусалима, действительно сопровождавшегося поголовным истреблением или изгнанием из города мусульман и евреев, крестоносцы не стали преследовать остальное иноверческое население Палестины, вместо этого закрепостив его и обложив податями (Hamilton 2005: 50—51). Поэтому в течение всего периода существования Иерусалимского королевства потомки крестоносцев жили вместе с мусульманами, маронитами, евреями, православными христианами и монофизитами, переняв у них, как в случае с конкистадорами, ряд

обычаев и пополнив свой язык заимствованиями из местных наречий. Метисация происходила везде, где среди завоевателей и колонистов не хватало женщин. Стоит отметить, что для покорителей Америки их индейские наложницы чаще всего так и оставались существами низшей расы и брак с родовой испанкой был по-прежнему предпочтителен. Кортес в письмах-сообщениях из Мексики испанскому королю лишь вскользь упоминает о своей индейской любовнице и переводчице Марине, только один раз назвав ее по имени. Став маркизом, он женился на дочери графа де Агилара (Martínez 1990: 517).

Мы полагаем, что в канун 500-летия падения Теночтитлана стоит вновь вернуться к свидетельствам первоисточников, чтобы объективно рассмотреть духовный мир конкистадоров.

Характеристика источников

К счастью для историков, занимающихся изучением завоевания Америки, существуют достаточно многочисленные, хотя и весьма разнородные письменные свидетельства, подробно рассказывающие об убеждениях, ценностях, верованиях и чаяниях конкистадоров. Они прямо указывают, какая эпоха и конкретные обстоятельства сформировали покорителей Нового Света.

Все имеющиеся в нашем распоряжении источники можно разделить на две большие категории:

— документы, созданные самими конкистадорами, участниками завоевательных походов в Мексику, Центральную и Южную Америки для Совета Индий и испанского монарха: письма-сообщения (исп. *cartas de relación*) королям Карлу V (Карлосу I) и Филиппу II и послужные списки (исп. *probanzas de meritos*), которые конкистадоры составляли в надежде на земельное пожалование или денежную субсидию;

— исторические хроники середины и второй половины XVI в., повествующие об открытии и завоевании Мексики, а также Центральной и Южной Америк. Хотя они созданы значительно позднее изображенных в них событий, в их основу легли устные и письменные свидетельства конкистадоров, в т.ч. ныне утраченные письма-сообщения.

Наиболее важные из источников первой группы — это “Письма-сообщения Карлу V” Кортеса, составленные в ходе завоевания государства ацтеков (мешика) в Центральной Мексике и дальнейших походов в Центральную Америку (1519–1526), “Сообщение о завоевании Новой Испании” (ок. 1540) Андреса де Тапии, “Сообщение фрая Франсиско де Агиляра” (1571), “Сообщение о достоинствах и заслугах Бернардино Васкеса де Тапии” (1542), “Правдивое сообщение о завоевании Перу” секретаря Франсиско Писарро Франсиско де Хереса (1534), “Открытие и завоевание Перу” (ок. 1542) Мигеля де Эстете, “Краткое изложение завоевания Нового Королевства Гранада” (1539), приписываемое руководителю похода конкистадоров на территорию современной Колумбии Гонсало Хименесу де Кесаде, а также “Повествование о новооткрытии достославной великой реки Амазонок” (1542) Гаспара де Карвахалы, капеллана экспедиции Франсиско де Орельяны, и “Сообщение обо всем, что случилось в экспедиции в Омагуа и Дорадо” (1562) Франсиско Васкеса, участника злополучного похода Педро де Урсуа в Амазонию в поисках Эльдorado (Jeréz 1891; Tapía 1866; Estete 1918; Vázquez de Tapía 1953; Aguilar 1954; Cortés 2007; Vázquez 2007).

Источники второй группы — пространные повествования-хроники о колонизации испанцами Америки, в которых очень часто используются как устные, так и письменные свидетельства конкистадоров. Как правило, они написаны много лет спустя хорошо образованными людьми, не принимавшими непосредственного участия в запечатленных ими событиях. У большинства конкистадоров не было ни

времени, ни желания, а нередко и образования, чтобы создавать что-нибудь более длинное, чем послужной список или донесение королю. Исключение составляют спутник Кортеса, уроженец кастильского г. Медина-дель-Кампо Берналь Диас дель Кастильо, Педро Съеса де Леон и Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес. “Правдивая история завоевания Новой Испании” Диаса (1568), изначально задуманная как *probanza de meritos*, является не только одним из самых интересных памятников нарождающейся креольской литературы Мексики, но и любопытнейшим свидетельством того, как конкистадоры воспринимали самих себя и коренных жителей Америки. Не меньшее значение для изучения оценки завоевателями экзотических для них реалий Южной Америки имеет “Хроника Перу” Съесы де Леона, конкистадора, принимавшего активное участие в захвате территории современной Колумбии и подавлении мятежа Гонсало Писарро, сводного брата Франсиско Писарро, против испанской короны. После усмирения мятежа Съеса де Леон совершил длительное путешествие по Центральным Андам от оз. Титикака до области индейцев чаркас (современного департамента Чукисака в Боливии), собирая информацию об истории, обычаях и религии народов региона. Результатом его усилий стало вышеупомянутое объемистое сочинение из шести томов, содержащее подробное описание истории и географии Колумбии и Центральных Анд и получившее условное название “Хроника Перу”.

Пространная “Общая и естественная история Индий, островов и твердой земли Моря-Океана” (1535–1557) официального хрониста Индий Овьедо-и-Вальдеса охватывает период с 1492 по 1543 г. Отпрыск знатной астурийской семьи, Овьедо в юности был пажом при дворе сводного брата короля Фердинанда Арагонского Альфонсо де Арагона-и-Эскобара, затем прислуживал сыну католических королей дону Хуану, принцу Астурийскому. Он был свидетелем возвращения Христофора Колумба из его первого путешествия и лично знал его сыновей Диего и Эрнандо. В 1513 г. Овьедо в составе экспедиции будущего губернатора Панамы Педрариаса де Авилы отправился в Новый Свет, где сначала служил нотариусом (исп. *escribano*), а затем и заместителем губернатора. В дальнейшем он был алькальдом и капитаном крепостей Санто-Доминго и Эспаньола на о-ве Эспаньола (совр. Гаити). Хронист активно участвовал в завоевательных походах и был знаком со многими конкистадорами, в т.ч. с первооткрывателем Тихого океана Васко Нуньесом-де-Бальбоа, а также соратниками Кортеса и Ф. Писарро. Свой личный опыт и накопленные сведения Овьедо использовал для создания капитального труда, в котором подробно описываются флора, фауна, нравы и обычаи коренных народов Нового Света от Юго-Запада США до Центральных Анд, а также все основные перипетии Конкисты, начиная с первой экспедиции Колумба. Первая часть его хроники увидела свет в 1535 г. Издание второй части было прервано в связи со смертью автора. Полностью труд Овьедо был опубликован только в 1851–1855 гг. историком Хосе Амадором де лос-Риос-и-Серрано.

Что касается произведений хронистов, не принимавших непосредственного участия в Конкисте, но писавших именно на основе устных и письменных свидетельств конкистадоров, то наибольший интерес для нас представляют “История завоевания Новой Испании” (1545–1552) капеллана и биографа Кортеса Франсиско Лопеса де Гомары и “Хроника Новой Испании” Франсиско Сервантеса де Саласара (ок. 1565) (*López de Gomara* 1553; *Cervantes de Salazar* 1985).

Люди эпохи Ренессанса или новые крестоносцы? Святые заступники и дьявольские козни

Анализ свидетельств в вышеперечисленных источниках приводит нас к совершенно конкретному выводу: мировоззрение завоевателей Америки за редким исключением оставалось средневековым и ограниченным теми реалиями, которые

оказывали им в детстве и юности. Самой важной из них была религия, конкретно католицизм — западная ветвь христианства, являвшаяся для конкистадоров одним из основных факторов самоидентификации. В “Сообщении о завоевании Новой Испании” Тапи урроженец андалузского г. Эсихи Херонимо де Агиляр, освобожденный Кортесом из плена у майя, в первую очередь спрашивает: “Сеньоры, вы христиане и чьи вассалы?” (*Tapia* 1866: 2). В “Правдивом сообщении о завоевании Новой Кастилии” Хереса слово *cristianos* (“христиане”) является синонимом понятия *los nuestros* (“наши”) и встречается куда чаще, чем *españoles* (“испанцы”) или *castellanos* (“кастильцы”) (*Jeréz* 1891: 25, 29, 34, 35–37, 41, 43, 46, 48–49 и др.). Конкистадоры были выходцами из разных областей Испании, существенно отличавшихся друг от друга по своему этноязыковому составу, а также из соседней Португалии, Италии и Греции, и христианская религия была для них главным объединяющим фактором. В 1492 г. Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский после длительной осады взяли Гранаду, последний оплот мусульман на территории Пиренейского п-ова, и это событие считается завершением Реконксты — отвоевания испанских земель у мусульман, растянувшегося на восемь веков. Предки и родители многих известных покорителей Нового Света, в частности Кортеса, активно участвовали в Реконксте, и сами завоеватели родились и выросли в ту эпоху, когда этот процесс близился к завершению. Неудивительно, что захват новых территорий Америки конкистадоры рассматривали как продолжение священной войны против *infieles* — “неверных”. Показательно, что именно так в сообщении Хереса именуются все коренные жители Перу независимо от их этнической принадлежности (*Ibid.*: 14). Конкистадоры считали себя новыми крестоносцами, призванными самим Провидением принести христианство язычникам и подчинить их всемирной католической монархии. Алый крест был изображен на знамени Кортеса во время его похода в Мексику в 1519–1521 гг., и отнюдь не случайно этот символ сопровождала латинская надпись: “Друзья, последуем за крестом, и если у нас будет вера, увидим, что этим знаком победим” (*Tapia* 1866: 1).

В донесениях и письмах конкистадоров, не говоря уж о хрониках, которые призваны были закрепить за Конкистой ее статус крестового похода, встречаются и чудесные явления святых, помогающих “новым крестоносцам” в самые критические моменты сражений с индейцами. Съеса де Леон в “Хронике Перу” посвятил целую главу “великим чудесам”, свершившимся при покорении территории современной Колумбии и Центральных Анд в результате Божьего промысла (*Cieza de Leon* 2005: 291–294). К таковым он относит не только открытие Нового Света и ключевые моменты завоевания Перу, такие как пленение Атауальпы, но и свидетельства испанцев, переживших осаду Куско войском инки Манко в 1536–1537 гг.: конкистадоры говорили о появлении “некого небесного существа” (*una figura celestial*), бившегося вместе с ними, нанося индейцам большой урон (*Ibid.*: 292). Тапиа и Васкес де Тапиа также сообщают о появлении в одном из самых ожесточенных сражений таинственного всадника то ли на белом, то ли на сером в яблоках коне, который неоднократно обращал аборигенов в бегство (*Tapia* 1866: 4; *Vázquez de Tapia* 1953: 29). Диас упоминает, что, когда ацтеки пытались штурмовать запертых во дворце Ашайякатля испанцев, таинственная женщина, очень похожая на образ Девы Марии, установленный на алтаре главного храма Теночтитлана, ослепляла индейцев, бросая землю им в глаза (*Díaz del Castillo* 1975: 385). Вместе с Богородицей явился и “великий бог, который ездил на белой лошади, чинил им еще больший ущерб” (*Ibid.*: 385). Васкес де Тапиа также говорит, что при штурме ацтекского дворца Ашайякатля, где укрылись испанцы, перед индейцами явилась “кастильская женщина очень красивая и сиявшая как солнце, которая бросала им в глаза пригоршни земли” (*Vázquez de Tapia* 1953: 43). В облике рыцаря на белом коне в Испании обычно изображался апостол Иаков Старший, главный покровитель христиан Пиренейского п-ова, к которому они неоднократно обращались

с молитвой о помощи во времена Реконксты. В эпоху завоевания Нового Света имя этого святого стало боевым кличем конкистадоров (*Jeréz* 1891: 87, 91). Характерно, что Васкес де Тапия называет появление всадника на белом коне “великим чудом” (*gran milagro*) (*Vázquez de Tapia* 1953: 29). Здесь трудно не вспомнить рассказы о битве при Клавихо между войсками астурийского короля Рамиро II и эмиром кордовского эмирата Абд-ар-Рахманом II, во время которой апостол Иаков впервые предстал перед христианами в виде всадника на белом коне с белым знаменем в руках и помог малочисленному войску короля победить мусульман (*Batalla de Clavijo*).

К этому следует добавить стойкое отождествление аборигенов Америки с недавно побежденными врагами-мусульманами. Оно проявляется не только в общем обозначении тех и других как “неверных” (*infieles*), но и в том, как конкистадоры именovali встреченные ими города, культовые сооружения и самих служителей культа. Так, первооткрыватель Юкатана Франсиско Эрнандес де Кордова назвал первый попавшийся ему на побережье полуострова город майя Большим Каиром (*Díaz del Castillo* 1975: 93). Кортес, Херес и Эстете неизменно называют храмы майя, ацтеков и инков “мечетями” (*mezquitas*) (*Jeréz* 1891: 59, 79, 108, 114, 132; *Estete* 1918: 322, 325–326, 332; *Cortés* 2007: 26, 56, 72, 79). Губернатор Кубы Диего Веласкес в своих инструкциях Кортесу в 1518 г. именует индейских жрецов “альфаки” (*alfaqui*), что является искажением арабского слова *al-faquiḥ* – “богослов-законовед”. В своих сообщениях конкистадоры также постоянно подчеркивают, что у американских аборигенов есть общие отрицательные черты характера с мусульманами и евреями: в первую очередь трусость. Отнюдь не случайно они всегда обращают внимание на панический страх индейцев при первом контакте. Так, в “Кратком изложении завоевания Нового Королевства Гранады” говорится:

Что касается завоевания, то когда они вошли в это Новое Королевство, христиане были встречены с величайшим страхом всех людей, поскольку между собой они решили, что испанцы сыновья солнца и луны, которым они поклоняются, и говорят, что они живут как муж и жена и что они их породили и послали с неба этих своих сыновей, чтобы наказать их за их грехи (*Jiménez de Quesada* 2013: 29).

Аналогичные истории о том, что ацтеки приняли Кортеса за вернувшегося бога Кецалькоатля, а инки Ф. Писарро и его отряд – за бога Виракочу и его спутников, содержатся в хрониках завоевания Мексики и Перу. Очень часто конкистадоры обвиняли индейцев в людоедстве и содомии, видя в этом доказательство их низшей, “рабской” и даже inferнальной природы и необходимости их насильственного обращения в христианство.

Нетрудно заметить, что религиозность завоевателей не выходила за рамки того, что принято обозначать как “народная религиозность”, т.е. специфическое понимание христианства широкими массами, для которых основой веры зачастую служили отнюдь не Библия, а изображение в приходской церкви или случайно услышанное предание о деяниях какого-либо святого. Даже в письмах-сообщениях Кортеса, сравнительно хорошо образованного и знавшего латынь человека, аллюзии на библейские тексты чрезвычайно редки. Все они почти исключительно относятся к эпизодам из Нового Завета. При этом единственная прямая цитата из Евангелия содержится во “Втором письме-сообщении” Кортеса, датированном октябрём 1520 г.: “Я даже вспомнил отрывок из Писания, где сказано: Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет...” (*Cortés* 2007: 52). Это ответ Иисуса фарисеям после изгнания беса из него в Евангелии от Луки.

Для большинства конкистадоров, незнакомых непосредственно с текстом Священного Писания, большее значение, чем абстрактная Святая Троица или сам Иисус Христос, имел апостол Иаков Старший, который, как мы уже отметили, неоднократно

упоминается участниками завоевания Мексики в качестве их помощника в решающие моменты.

Еще более характерная особенность, отражающая средневековый склад религиозности конкистадоров, — марианизм, т.е. приверженность культу матери Христа, Девы Марии, в той форме, в которой он сложился в Западной Европе в XI—XII вв. В это время Богородица приобретает черты воительницы, сражающейся против бесовского воинства и его приспешников. При этом также примечательно, что каждый из конкистадоров почитал не общий абстрактный образ Богородицы, а именно тот, которому поклонялись в его родной области. Так, например, Ф. Писарро особенно чтит образ Нашей Владычицы Непорочного Зачатия, культ которого был распространен в его родной Эстремадуре (*Lockhart* 1972: 152). В честь него был освящен Кафедральный собор в Лиме, столице вице-королевства Новая Кастилия (современная республика Перу) (*Ibid.*: 152). Вернувшись на родину в 1528 г., Кортес, также уроженец Эстремадуры, специально сделал остановку в монастыре Девы Марии Гваделупской, крупнейшем религиозном центре этой области, чтобы поклониться ее образу и принести ему votiv — золотую подвеску в виде скорпиона, инкрустированную изумрудами и жемчугом, в знак благодарности за чудесное исцеление от укуса этого насекомого, помещенного внутрь украшения (*Martínez* 1990: 500—501).

Святому воинству и его небесным покровителям противостояли силы ада, которые для конкистадоров воплощались в первую очередь в индейских божествах. Причем для завоевателей они были не менее реальны, чем святой Иаков Старший или Богородица. Диас дель Кастильо в своей хронике рассказывает, как Уицилопочтли и Тескатлипока, “разгневанные” воздвижением креста на вершине главного храма Теночтитлана, “пригрозили” жрецам покинуть ацтеков и “потребовали” убить испанцев, совершивших это святотатство (*Díaz del Castillo* 1975: 338). Сыеса де Леон был убежден, что религия всех индейцев основана на сношениях с демонами (*demonios*), и приводит конкретные примеры их явления коренным жителям Колумбии и Перу в обличье ягуара, стервятников и антропоморфных существ (*Cieza de Leon* 2005: 40, 63, 82, 289). Но нечистая сила могла явиться и самим конкистадорам. Вот какой эпизод описывает фрай Франсиско де Агиляр:

Случилось, что один солдат был заключен в церкви, которая у нас была, за некую проделку, которую совершил, будучи там, в полночь выбежал бегом из церкви и крича, что видел, как ходили, прыгая по всей церкви, мертвецы и человеческие головы и среди них его собственная, также часовые, которые стояли на посту, бежали, чтобы сказать, что видели, как в канал падали ноги и головы мертвецов (*Aguilar* 1954: 89).

Эти жуткие видения — тоже плод средневекового сознания, в котором мертвецы и сама Смерть играли важную роль еще с эпохи пандемии чумы в 1348—1350 гг. (*Olivier* 2006: 177). Добавим, что региональные варианты Пляски смерти исполнялись с XIV в. на всем Пиренейском п-ове (*Ibid.*: 177). Как раз в 1520 г. в Севилье была опубликована книга, в которой 58 персонажей беседуют со Смертью, желая узнать, когда наступит их час (*Ibid.*: 177).

Астрология на практике: Блас Ботельо Пуэрто де Плата

Еще одним любопытным элементом в мировоззрении конкистадоров, к сожалению, весьма малоизученным, была вера в астрологию, в частности в возможность определения с ее помощью благоприятных и неблагоприятных дней для совершения любого действия. Такой подход также характерен для средневекового сознания, когда человек воспринимается как инструмент в руках высших сил. Отношение к астрологии среди завоевателей было далеко не однозначным. Диас дель Кастильо утверждал, что их товарищ по оружию, занимавшийся астрологией, Блас Ботельо Пуэрто де

Плата имел пакт с дьяволом (*Díaz del Castillo* 1975: 396). Тем не менее в наиболее критический момент, в самом конце июня 1520 г., когда испанцы искали путь к бегству из осажденного дворца Ашайкатля, Кортес обратился за советом о подходящем для отступления моменте именно к Ботельо (*Cervantes de Salazar* 1985: 489–490). Похоже, он последовал рекомендациям своего астролога, выбрав для ухода из Теночтитлана ночь с 30 июня на 1 июля 1520 г. Реконструкции звездного неба в ту ночь, осуществленные двумя польскими археоастрономами Рихардом Томицкими и Робертом Садовским, позволяют понять, почему Ботельо посоветовал Кортесу бежать именно тогда:

Солнце находилось в достаточно слабом положении по сравнению с предыдущими ночами, положение Луны улучшилось... Асцендент все еще находился в знаке Овна, который будучи огненным знаком, способствует всем осторожным действиям, но это положение могло длиться не более получаса. Следующее ограничение исходило от Луны, которая опасно приближалась к Сатурну и в течение двенадцати часов должна была войти в соединении с ним, увеличивая его дурное влияние (*Tomicki, Sadowski* 1992: 84).

Совет Ботельо стоил Кортесу потери 450 из 1500 испанцев, бывших в его войске, 4000 союзников-тлашкальтеков, 46 лошадей, всей артиллерии и королевской пятинны золота (*López de Gomara* 1553: 378). В числе погибших был и сам астролог, а ночь с 30 июня на 1 июля 1520 г. вошла в историю Мексики как Ночь печали — естественно, только для конкистадоров и их союзников.

Семь городов Сиболы и о-в Антиллия

В сознании завоевателей окружающее их пространство Нового Света изобиловало легендарными островами и мифическими персонажами из старинных преданий и сочинений средневековых путешественников на Восток, в первую очередь Марко Поло. В 1540 г. Франсиско Васкес де Коронадо отправился на поиски Семи городов Сиболы, основанных, согласно средневековой легенде, семью епископами Вестготского королевства, бежавшими от мусульман (*Weckmann* 1992: 16). Именно благодаря средневековому сознанию покорителей Нового Света на карте Западного полушария появились названия Бразилия и Антиллы (Антиллия) (*Ibid.*: 17) — изначально это наименования мифических счастливых островов, — а также название Калифорния, восходящее к имени легендарной царицы амазонок Калафии, упоминающейся еще в “Песне о Роланде” XI в. (*Ibid.*: 19). Последнее название было дано не кем иным, как Кортесом, во время его неудачного похода на север мексиканского побережья Тихого океана в 1534 г. (*Ibid.*: 19). Амазонки, великаны, люди с огромными ушами или песьими головами, нередко встречавшиеся на страницах рыцарских романов и в книгах средневековых путешественников, были для конкистадоров вполне реальными существами. Они предполагали встретить их в новых землях. Пункт 26 из Инструкций губернатора о-ва Кубы Веласкеса Кортесу недвусмысленно предписывает:

На всех островах, которые вы откроете, сходите на берег с вашим нотариусом и множеством свидетелей и от имени Их Высочеств вступайте во владение ими с максимально возможной торжественностью, заручившись переводчиком, который может сообщить вам о других островах и землях и об их жителях ... *поскольку говорят, что есть люди с большими и широкими ушами и другие, у которых лица, как у собак, и также где есть часть, в которой имеются амазонки* (курсив мой. — А.К.) (*Martínez* 1990: 56).

Диас дель Кастильо, находясь в Тлашкале, лично измерил принесенные индейцами “кости великанов”. К своему громадному удивлению, он обнаружил, что длина бедренной кости равна его росту, хотя он считался высоким мужчиной для своего

времени (*Díaz del Castillo* 1975: 250). Съеса де Леон также утверждает, что колодцы на мысе Святой Елены близ г. Лимы вырыли великаны, прибывшие в древности на плотах из-за моря (*Cieza de Leon* 2005: 21, 150–151). Овьедо сообщает о встрече конкистадора Эрнандо де Сото с касиком Актаначи, который “был столь высокого роста, что казался гигантом” (*Oviedo y Valdés* 1851: 567).

Капеллан Франсиско де Орельяны доминиканец Гаспар де Карвахаль подробно описывает сражение с амазонками, в честь которых была названа крупнейшая в мире река. Причем его свидетельство очень сильно повлияло на изображения на географических картах, и “королевство амазонок” помещено, к примеру, на французской карте Мийе 1683 г. Карвахаль пишет:

Пусть все знают, что тамошние индейцы — подданные и данники амазонок и что, узнав о нашем приближении, они отправились к амазонкам за помощью, и десять или двенадцать из них явились к ним на подмогу. Мы видели воочию, что в бою амазонки сражаются впереди всех индейцев и являются для оных чем-то вроде предводителей. Они сражались так вдохновенно, что индейцы не осмеливались показать нам спины. Того же, кто все-таки показывал врагу спину, они убивали на месте. Сии жены высоки ростом и белокожи, волосы у них очень длинные, заплетенные и обернутые вокруг головы. Они весьма сильны, ходят же нагишом — в чем мать родила, и только стыд прикрывают. В руках у них луки и стрелы, и в бою они не уступают доброму десятку индейцев (*Карвахаль* 1963: 76–77).

Овьедо, полностью включивший сообщение Карвахалья в свою хронику, даже доносит до читателя имя “королевы” южноамериканских амазонок — Корони (*Oviedo y Valdés* 1855: 389). Кроме того, хронист неоднократно приводит свидетельства завоевателей о встрече с ними в разных областях Нового Света, от Северной Мексики до Амазонии. В частности, он передает слухи о богатом жемчугом и золотом острове женщин, расположенном близ северо-западного побережья Мексики, и сообщение конкистадора Нуньо де Гусмана о городе амазонок Сигуатлане (искаженное Сиуатлан — “место женщин” на ацтекском языке) в Новой Галисии, т.е. в современной Северной Мексике (*Oviedo y Valdés* 1852: 447; 1853: 576; 1855: 389).

Немалая часть раннесредневековых преданий дошла до покорителей Америки уже в трансформированном виде благодаря рыцарским романам, которые пользовались популярностью среди всех, кто владел грамотой и питал хоть какую-либо склонность к чтению. Хотя с 1531 г. испанская монархия неоднократно запрещала ввоз в свои американские колонии этих “лживых историй”, изгнать их из сознания переселенцев в Индии было невозможно (*Martínez* 1990: 65). Диас дель Кастильо утверждал, что вид столицы ацтеков-мешика Теночтитлана с окружавшими ее городами-спутниками казался ему и его товарищам по оружию видением из сочинений об Амадисе Галльском, самом любимом герое рыцарских романов в Испании конца XV–XVI вв., которому впоследствии безуспешно пытался подражать Дон Кихот (*Díaz del Castillo* 1975: 278). Кортес и его спутники, по всей видимости, читали старую версию романа из трех книг, изданную в 1508 г. (*Martínez* 1990: 65).

Другим источником для самоидентификации конкистадоров как странствующих рыцарей служили *romancero* — романсы, посвященные подвигам выдающихся героев былых времен (*Ibid.*: 67). Многие конкистадоры знали их наизусть. Диас дель Кастильо в своей хронике приводит следующий эпизод:

Я помню, что пришел один рыцарь по имени Алонсо Эрнандес де Пуэртокарреро и сказал Кортесу: “Мне кажется, сеньор, что эти рыцари, которые побывали дважды в этой земле, приходили к вам, говоря:

Вот Франция, Монтесинос,
Вот город Париж,
Вот воды Дуэро, что текут в море.

Я говорю, смотрите, земли богатые и умеете хорошо ими управлять”. Тогда Кортес хорошо понял, с какой целью были сказаны эти слова, и ответил: “Да пошлет нам Бог удачу в оружии, как паладину Ролану, что же до остального, имея при себе Вашу милость и других рыцарей в качестве сеньоров, я сумею хорошо разобраться” (*Díaz del Castillo* 1975: 161).

В данном случае Пуэртокарреро цитирует популярный тогда романс о Монтесиносе, родители которого, граф Гримальтос и французская принцесса, были оклеветаны подлым царедворцем Томильясом перед королем Франции и изгнаны из дворца (*Martínez* 1990: 69). В дальнейшем Монтесинос лично убивает клеветника, а затем провозглашается наследником короля (*Ibid.*: 70). Кортес немедленно понимает намерения своего спутника на возможность подобной клеветы со стороны Веласкеса, которому он не подчинился, и необходимость мести губернатору Кубы.

Правовое и политическое сознание конкистадоров

Вышеприведенный эпизод дается не только затем, чтобы продемонстрировать прекрасное знание романсов Кортесом и его спутниками. Он содержит намеки на гораздо более важные вопросы, волновавшие конкистадоров, и отражает их правовое сознание, целиком и полностью основанное на средневековых законах “Семи партий” Альфонсо X Мудрого, крупнейшего юридического свода королевства Кастилия, созданного в XIII в. юристами этого монарха при его активном содействии (*Frankl* 1962: 29, 32). В этом отношении весьма показателен такой источник, как “Письмо совета города Веракрус”, написанное в июле 1519 г. конкистадорами — членами совета *cabildo* только что основанного ими г. Вилья-Рика-де-Веракрус на побережье Мексиканского залива (*Ibid.*: 9). Прекрасно сознавая, что, заложив город без разрешения губернатора Кубы, они превысили те полномочия, которые предоставил им Веласкес, Кортес и его сторонники обращаются к более высокой инстанции, королю, и опираются на статьи “Семи партий”, которые позволяют им отстаивать правомочность своего поведения (*Ibid.*: 16, 21, 29).

Прежде всего в письме-сообщении подчеркивается, что все члены *cabildo* Веракруса и сам Кортес являются дворянами-идальго, т.е. представителями сословия, служившего основной опорой королевской власти (*Ibid.*: 36). Одной из главных форм служения вассала-идальго монарху является именно расширение владений последнего, в т.ч. за счет открытия новых земель и узнавания их тайны (исп. *secreto de tierra*) (*Elliot* 1967: 46). Вассал также обязан правдиво информировать короля о новых территориях и их жителях и действовать в первую очередь в интересах монарха (*Frankl* 1962: 65). В этом отношении члены *cabildo* открыто противопоставляют себя Веласкесу, который думает только о своей выгоде и не сообщает королю об истинном положении дел в ущерб благу монарха и общему благу (*Ibid.*: 27, 40, 53).

Конкистадоры сохраняют в своем сознании характерное для Средневековья представление о том, что монарх сам по себе является воплощением общего блага (*Ibid.*: 34). Поэтому он высшая инстанция для апелляции в подобных случаях. Оправдывая нарушение инструкций Веласкеса и самовольное основание города, члены *cabildo* вновь ссылаются на статью из “Семи партий”, в которой говорится, что закон может быть отменен, если он противоречит общему благу (*Ibid.*: 37).

Наконец, характерно, что конкистадоры в их собственном понимании основывают город на “ничейной земле” в мире варваров, которых еще предстоит покорить и на которых еще не распространяются испанские законы (*Ibid.*: 39). Это типичное

для эпохи Реконкисты представление, ничего общего не имеющее с зарождающимся международным правом, отцом которого считается, как ни парадоксально, испанец Франсиско де Виттория (Ibid.: 39). Напротив, в письме подчеркивается контраст между организованным и слаженным устройством нового христианского города, готового к войне и миру, и языческим варварством, его окружающим, которое будет уничтожено силой оружия верных вассалов короля.

Совсем не случайно конкистадоры давали завоеванным территориям имена Новая Испания, Новая Кастилия, Новая Гранада, Новая Галисия, а основанные ими города называли в честь своих родных городов и поселений. Благодаря этому на карте Мексики, Центральной и Южной Америк часто встречаются такие топонимы, как Медельин, Трухильо, Кордоба, Вальядолид, Мерида. Также показательно, что в их сообщениях все захваченные области неизменно именуются “королевствами” (исп. *reynos*), даже если на данной территории не было никаких государственных образований. В чужом и зачастую враждебном к ним мире Америки конкистадоры стремились воспроизвести те политические, правовые и бытовые реалии, которые были им привычны и знакомы с детства, с поправкой на то, что на новой родине они, выходцы из низшего дворянства и третьего сословия, хотели безраздельно господствовать, превратившись в правящую элиту и феодальных владетелей с неограниченными правами. В капитуляциях, договорах, которые заключались между организаторами завоевательных походов и испанскими монархами, предводителю экспедиции и его ближайшим сподвижникам обязательно гарантируются ключевые посты в управлении будущими колониями. Действительно, в первые десятилетия после Конкисты списки членов *cabildo* наиболее важных городов пестрят именами конкистадоров. Тем не менее ни заочные назначения на должности губернатора или генерал-капитана новой колонии, ни титулы не могли в полной мере удовлетворить амбиций завоевателей. Подтверждение тому — обвинения, выдвинутые против Кортеса во время судебного процесса в 1526–1545 гг. в намерении поднять восстание в Мексике с целью ее отделения от Испании. По словам свидетелей, Кортес предлагал своему окружению: “Женимся и привезем наших жен и посадим растения из Кастилии, потому что *мы завоевали эту землю и она наша, так как король нам ее не отдаст, мы ее возьмем*” (курсив мой. — А.К.) (Martínez 1991: 118). В Перу Г. Писарро возглавил мятеж против короля, за что поплатился головой. В 1561 г. во время плавания экспедиции Педро де Урсуа по Амазонке печально известный Лопе де Агирре по прозвищу Безумный также выступил против короля, объявив себя “Князем свободы” (Vázquez 2007).

План действий конкистадоров по преобразованию и управлению подчиненными территориями имел целью превращение чуждой и непонятной им реальности в свою, знакомую и понятную с ранних лет и желательно полностью свободную от власти испанской короны, вопреки заверениям в преданности монарху.

* * *

Мы рассмотрели религиозный, пространственно-географический и правовой элементы сознания конкистадоров на основе их собственных свидетельств, и не один из этих элементов не позволяет отнести первооткрывателей и покорителей Нового Света к людям Ренессанса. В первую очередь конкистадоры воспринимали свои кампании как крестовые походы против неверных, причем завоеванные земли считались своего рода продолжением враждебного мусульманского мира. Их искренняя религиозность также носила открыто средневековый характер. Человек мыслился оружием Бога, а поле боя — неизменно местом столкновения между небесными силами и воинством Сатаны. Неслучайны упоминания о вмешательстве в сражения с индейцами Богородицы и самого почитаемого в Испании святого — апостола Иакова Старшего. Мир бесов, колдунов и магии превалировал в сознании конкистадоров наряду с образом Смерти,

восходившим к эпохе пандемии чумы XIV в. Человек в глазах завоевателей по-прежнему воспринимался как игрушка судьбы, о чем свидетельствует обращение Кортеса к астрологии в критический момент. Окружающее пространство, согласно их мировоззрению, было “заполнено” несуществующими в реальности географическими объектами и фантастическими существами, пришедшими из средневековых преданий и сочинений, а также рыцарских романов, являвшихся позднейшей версией этих преданий. Наконец, в правовом аспекте конкистадоры также мыслили нормами второй половины XIII в., когда хотели юридически обосновать свои действия. При этом их истинной целью зачастую было создание в Америке копии своей родины с новыми феодальными вотчинами, где они могли бы безраздельно господствовать, подобно титулованным владетелям в их родных областях. Можно сказать, что конкистадоры “импортировали” свой средневековый мир в Новый Свет.

Источники и материалы

- Карвахаль* 1963 — *Карвахаль Г. де*. Повествование о новооткрытии достославной великой реки Амазонк // Открытие великой реки Амазонк. Хроники и документы XVI в. о путешествиях Франсиско де Орельяны / Отв. ред. Я.М. Свет. М.: Географгиз, 1963. С. 39–91.
- Aguilar* 1954 — *Aguilar F. fray de*. Relación breve de la conquista de la Nueva España. México: Porrúa, 1954.
- Batalla de Clavijo* — *Batalla de Clavijo*: Santiago Apóstol se transforma en matamoros y peregrino // *Mundohistoria*. <https://web.archive.org/web/20090721115554/http://mundohistoria.portalmundos.com/la-batalla-de-clavijo-23-de-mayo-844-dc-santiago-apostol-se-transforma-en-matamoros-y-peregrino/> (дата обращения: 29.07.2020).
- Cervantes de Salazar* 1985 — *Cervantes de Salazar F.* Crónica de la Nueva España. México: Porrúa, 1985.
- Cieza de Leon* 2005 — *Cieza de Leon P.* Crónica del Perú, el señorío de los incas. Ayacucho: Fundación Biblioteca Ayacucho, 2005.
- Cortés* 2007 — *Cortés H.* Cartas de relación. México: Porrúa, 2007.
- Díaz del Castillo* 1975 — *Díaz del Castillo B.* Historia verdadera de la conquista de Nueva España. Barcelona: Ramón Sopena, 1975.
- Estete* 1918 — *Estete M. de*. Noticia de Perú // *Boletín de la Sociedad Ecuatoriana de Estudios Historicos Americanos*. 1918. T. 1. No. 3. P. 312–335.
- Jeréz* 1891 — *Jeréz F. de*. Verdadera relación de la conquista de Perú y provincia de Cuzco llamada la Nueva Castilla conquistada por Francisco de Pizarro, capitan de la Sacra Cesarea Catolica Magestad del Emperador Nuestro Señor embiada a S.M. por Francisco de Xerez uno de primeros conquistadores anno 1534. Madrid: Historia de Nuevo Mundo, 1891.
- Jiménez de Quesada* 2013 — *Jiménez de Quesada G.* Epitome de la Conquista del Nuevo Reyno de Granada // *Cronistas de indios en la Nueva Granada (1536–1731)* / Ed. A. García Ángel. Bogotá: Alcaldía Mayor de Bogotá, 2013. P. 19–50.
- López de Gomara* 1553 — *López de Gomara F.* Hispania vitrix. Primera y segunda parte de la historia general de las Indias con todo el descubrimiento y cosas notables que han acacido donde que se ganaron hasta el año de 1551. Con la conquista de México y de la Nueva España. Medina del Campo: Guillermo de Millis, 1553.
- Martínez* 1991 — *Martínez J.L.* Documentos cortesianos. Vol. II: 1526–1545. Sección IV: Juicio de Residencia. México: UNAM; Fondo de Cultura Económica, 1991.
- Oviedo y Valdés* 1851 — *Oviedo y Valdés G.F. de*. Historia general y natural de las Indias, Islas y Tierra Firme del Mar-Océano. Vol. 1. Madrid: Imprenta de la Real Academia de Historia, 1851.
- Oviedo y Valdés* 1852 — *Oviedo y Valdés G.F. de*. Historia general y natural de las Indias, Islas y Tierra Firme del Mar-Océano. Vol. 2. Madrid: Imprenta de la Real Academia de Historia, 1852.
- Oviedo y Valdés* 1853 — *Oviedo y Valdés G.F. de*. Historia general y natural de las Indias, Islas y Tierra Firme del Mar-Océano. Vol. 3. Madrid: Imprenta de la Real Academia de Historia, 1853.
- Oviedo y Valdés* 1855 — *Oviedo y Valdés G.F. de*. Historia general y natural de las Indias, Islas y Tierra Firme del Mar-Océano. Vol. 5. Madrid: Imprenta de la Real Academia de Historia, 1855.
- Tapía* 1866 — *Tapía A.* Relación hecha por señor Andrés de Tapía sobre la conquista de México. Colección de documentos para historia de México publicada por Joaquín García Icazbalceta. Vol. 2. México: Antigua Librería, 1866.

- Vázquez 2007 — Vázquez F. El Dorado. Crónica de la expedición de Pedro de Ursúa y Lope de Aguirre. Madrid: Alianza, 2007.
- Vázquez de Tapia 1953 — Vázquez de Tapia B. Relación del conquistador Bernardino Vazquez de Tapia, vecino y regidor de esta gran ciudad de Tenustitlan. México: Antigua Librería Robredo, 1953.

Научная литература

- Земсков В.Б. Литература открытий и Конкисты. (Первые испаноамериканские памятники) // История литератур Латинской Америки / Отв. ред. В.Б. Земсков. Т. 1. М.: Наука, 1985а. С. 152–172.
- Земсков В.Б. Берналь Диас дель Кастильо и его “Подлинная история завоевания Новой Испании” // История литератур Латинской Америки / Отв. ред. В.Б. Земсков. Т. 1. М.: Наука, 1985б. С. 197–212.
- Земсков В.Б. Хроники Конкисты Америки и летописи взятия Сибири в типологическом сопоставлении (к постановке вопроса) // Свободный взгляд на литературу. Проблемы современной филологии: к 60-летию научной деятельности академика Н.И. Балашова / Под ред. А.Д. Михайлова и др. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 173–183.
- Кофман А.Ф. Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности. М.: ИМЛИ РАН, 2012.
- Blanco Fombona R. El conquistador español del siglo XVI. Ensayo de interpretación. Madrid: Mundo Latino, 1922.
- Durand J. La transformación social del conquistador. México: Porrúa y Obregón, 1953.
- Elliot J.H. The Mental World of Hernán Cortés // Transactions of the Royal Historical Society. 1967. Vol. 17. P. 41–58.
- Frankl V. Hernán Cortés y la tradición de las Siete Partidas // Revista de Historia de América. 1962. No. 53/54. P. 9–74.
- Hamilton B. Leper King and His Heirs: Baldwin IV and the Crusader State of Jerusalem. Nottingham: University of Nottingham Press, 2005.
- Leonard A.I. Los libros del conquistador. México: Fondo de Cultura Económica, 1953.
- Lockhart J. The Men of Cajamarca: A Social and Biographical Study of the First Conquerors of Peru. Austin; L.: Institute of Latin American Studies; University of Texas Press, 1972.
- Martínez J.L. Hernán Cortés. México: UNAM; Fondo de Cultura Económica, 1990.
- Morales Padrón F. Historia del descubrimiento y conquista de América. Madrid: Editora Nacional, 1971.
- Morales Padrón F. Los conquistadores de América. Madrid: Editora Nacional, 1973.
- Olivier G. Indios y españoles frente a prácticas adivinatorias y presagios durante la Conquista de México // Estudios de la Cultura Náhuatl. 2006. Vol. 37. P. 169–192.
- Rodríguez Prampolini I. Amadises de América. La hazaña de Indias como empresa caballeresca. México: Junta Mexicana de Investigaciones Históricas, 1948.
- Tomicki R., Sadowski R.M. The Night of Blas Botello: On a Certain Astrological Prediction During the Conquest of Mexico // Readings in Archaeoastronomy / Ed. S. Iwaniszewski. Warsaw: Warsaw University Cooperative Publication, 1992. P. 84–86.
- Weckmann L. The Medieval Heritage of Mexico. N.Y.: Fordham University Press, 1992.
- Zavala S. Las instituciones jurídicas en la conquista de América. Madrid: Centro de Estudios Históricos, 1935.

Research Article

Kalyuta, A.V. The Spiritual World of the Spanish Conquistadors in the Light of Written Sources of the 16th Century [Dukhovnyi mir ispanskikh konkistadorov v svete pis'mennykh istochnikov XVI v.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 3, pp. 15–29. <https://doi.org/10.31857/S086954150015492-1> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Anastasia V. Kalyuta | <https://orcid.org/0000-0002-4829-5149> | anastasiakalyuta@mail.ru | Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (7 Petrozavodskaya str., St. Petersburg, 197110, Russia)

Keywords

conquistadors, Middle Ages, Renaissance, mentality, Conquista

Abstract

The article draws on conquistadors' own writings, as well as later chronicles that eventually stemmed from those, in order to examine the religious, spatial, geographic, and legal aspects of the worldview of America's conquerors and argue about its distinct connection to the cultural outlook of the High Middle Ages and consequently about the import of mediaeval notions and institutions from the Old to the New World. I focus specifically on conquistadors' religious views which are marked by the essential traits of the religiosity of the High Middle Age period, such as providentialism, belief in the supernatural powers intervening in all meaningful actions and deeds of the humans, locally colored cults of the Virgin, and last but not least, the perception of the struggle against Americas' natives as a logical extension of the Crusades waged in the East and in Spain itself.

References

- Blanco Fombona, R. 1922. *El conquistador español del siglo XVI. Ensayo de interpretación* [Spanish Conquistador of the 16th Century. An Attempt at Interpretation]. Madrid: Mundo Latino.
- Durand, J. 1953. *La transformación social del conquistador* [The Social Transformation of the Conquistadors]. México: Porrúa y Obregón.
- Elliot, J.H. 1967. The Mental World of Hernán Cortés. *Transactions of the Royal Historical Society* 17: 41–58.
- Frankl, V. 1962. Hernán Cortés y la tradición de las Siete Partidas [Hernan Cortes and the Tradition of the Seven Partides]. *Revista de Historia de América* 53/54: 9–74.
- Hamilton, B. 2005. *Leper King and His Heirs: Baldwin IV and the Crusader State of Jerusalem*. Nottingham: University of Nottingham Press.
- Kofman, A.F. 2012. *Ispanskii konkistador. Ot teksta k rekonstruktsii tipa lichnosti* [Spanish Conquistador. From the Text to the Reconstruction of the Personality Type]. Moscow: IMLI RAN.
- Leonard, A.I. 1953. *Los libros del conquistador* [Books of the Conquistador]. México: Fondo de Cultura Económica.
- Lockhart, J. 1972. *The Men of Cajamarca: A Social and Biographical Study of the First Conquerors of Peru*. Austin; London: Institute of Latin American Studies; University of Texas Press.
- Martínez, J.L. 1990. *Hernán Cortés* [Hernan Cortes]. México: UNAM; Fondo de Cultura Económica.
- Morales Padrón, F. 1971. *Historia del descubrimiento y conquista de América* [The History of the Discovery and Conquest of America]. Madrid: Editora Nacional.
- Morales Padrón, F. 1973. *Los conquistadores de América* [The Conquistadors of America]. Madrid: Editora Nacional.
- Olivier, G. 2006. Indios y españoles frente a prácticas adivinatorias y presagios durante la Conquista de México [The Indians and the Spanish in the Light of Divination Practices and Omens during the Conquest of Mexico]. *Estudios de la Cultura Náhuatl* 37: 169–192.
- Rodríguez Prampolini, I. 1948. *Amadises de América. La hazaña de Indias como empresa caballeresca* [The Amadis of America. The Heroic Epic of the Conquest as a Crusading Stunt]. México: Junta Mexicana de Investigaciones Históricas.
- Tomicki, R., and R.M. Sadowski. 1992. The Night of Blas Botello: On a Certain Astrological Prediction During the Conquest of Mexico. In *Readings in Archaeoastronomy*, edited by S. Iwaniszewski, 84–86. Warsaw: Warsaw University Cooperative Publication.
- Weckmann, L. 1992. *The Medieval Heritage of Mexico*. New York: Fordham University Press.
- Zavala, S. 1935. *Las instituciones jurídicas en la conquista de América* [Legal Institutions in the Conquest of America]. Madrid: Centro de Estudios Históricos.
- Zemskov, V.B. 1985a. Literatura otkrytii i Konkisty. (Pervye ispanoamerikanskije pamiatniki) [Literature of Discoveries and Conquista. (The First Spanish-American Monuments)]. In *Istoriia literatur Latinskoi Ameriki* [History of Latin American Literature], edited by V.B. Zemskov, 152–172. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- Zemskov, V.B. 1985b. Bernal' Dias del' Kastil'o i ego "Podlinnaia istoriia zavoevaniia Novoi Ispanii". In *Istoriia literatur Latinskoi Ameriki* [History of Latin American Literature], edited by V.B. Zemskov, 197–212. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- Zemskov, V.B. 2002. Khroniki Konkisty Ameriki i letopisi vziatii Sibiri v tipologicheskome sopostavlenii (k postanovke voprosa) [Chronicles of the Conquista of America and the Annals of the Capture of Siberia in a Typological Comparison (To the Formulation of the Question)]. In *Svobodnyi vzgliad na literaturu. Problemy sovremennoi filologii: k 60-letiiu nauchnoi deiatel'nosti akademika N.I. Balashova* [A Free View on Literature. Problems of Modern Philology: To the 60th Anniversary of Academician N.I. Balashov's Scientific Activity], edited by A.D. Mikhailov et al., 173–183. Moscow: IMLI RAN.

**ЯЗЫК ИНДЕЙЦЕВ И ПОЛИТИКА АНГЛИЧАН:
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОЛОНИСТОВ
С КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ АМЕРИКИ
В УЧЕБНИКАХ РОДЖЕРА УИЛЬЯМСА
И ДЖОНА ЭЛИОТА**

Ключевые слова: Новая Англия, Джон Элиот, Роджер Уильямс, XVII век, идеология английской колонизации

В данной статье рассматривается политическое и идеологическое содержание учебников индейских языков, написанных в колониях Новой Англии в XVII в. Таковых существует два – “Ключ к языку Америки” Роджера Уильямса и “Начала индейской грамматики” Джона Элиота. Оба эти труда стали инструментом выражения позиции авторов по насущным политическим вопросам, в первую очередь о взаимоотношениях духовной и светской властей. Кроме того, в обеих книгах предлагались, пусть и неявно, определенные модели выстраивания отношений колонистов и коренного населения. В статье рассматриваются место этих сочинений в идейной жизни колоний и метрополии, а также специфика предлагаемых их авторами методов построения отношений с индейцами.

В XVII в., когда началось освоение Нового Света англичанами, идеологическая основа английской колонизации была еще не вполне оформлена. Хотя общие контуры идеологии Британской империи уже были намечены усилиями теоретиков колонизации времен Елизаветы I, в реальности колонисты сталкивались со множеством проблем, требовавших не только практических решений, но и их осмысления, а также идейного обоснования. Одной из ключевых проблем такого рода стали отношения с коренным населением и вопрос о правомочности присвоения индейских земель.

В теоретических работах Ричарда Хаклюйта, Сэмюэля Перчаса (*Hakluyt* 1584, 1890; *Purchas* 1614) и других лондонских интеллектуалов перспективы соседства с индейцами и вопрос о праве англичан на земли Нового Света обсуждались достаточно подробно. Предполагалось, что “дикари” не претендуют на земли Америки, поскольку живут “подобно зверям” в лесах и занимают небольшие территории, оставляя большую часть континента свободной для заселения. Эти теоретические построения не выдерживали столкновения с реальностью и мало подходили на роль одного из идеологических “двигателей” колонизации. В результате определенная эволюция представлений о взаимоотношениях с индейцами произошла уже в самих колониях. В процессе обсуждения проблемы индейских земель высказывались самые разные идеи: от различных попыток оправдать “природное” право англичан на территории Нового Света до теорий, подразумевавших полное отсутствие таких прав (*Aleksandrov* 2019).

Глеб Владимирович Александров | <https://orcid.org/0000-0002-5377-4494> | glaleksandrov@gmail.com | к. и. н., старший научный сотрудник Международного центра антропологии | Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (ул. Старая Басманная 21/4, Москва, 101000, Россия)

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

Более того, проблемы, касавшиеся отношений колонистов с индейцами и определения места представителей двух культур в формирующемся колониальном обществе, не ограничивались трудностями, связанными с получением прав на владение определенными территориями. Разные представления об отношениях с индейцами выражались в самых различных формах: в дискуссиях (содержание некоторых известно нам, напр., из переписок [Forbes 1943: 141; Williams 2007a], памфлетов [White 1630; Winslow 2014 [1624]; New England's First Fruits 1643], законодательных актов [Shurtleff 1853: 7, 197; 1854: 86, 257; 1857: 66, 184]).

Частью этих идеологических баталий стало создание так наз. учебников, по которым англичане могли осваивать языки индейцев (это были не совсем учебники в привычном нам понимании). В рамках данной статьи мы рассмотрим идеологическое и политическое содержание двух учебников такого рода, изданных в Новой Англии в XVII в.: это “Ключ к языку Америки” Роджера Уильямса и “Начала индейской грамматики” Джона Элиота (Williams 1997 [1643]; Eliot 1666).

Издание учебника индейского языка, созданного в активно растущих колониях, где проблема взаимоотношений с коренными жителями была насущной и злободневной, не могло не быть до некоторой степени политическим заявлением. Большинство населения считало, что именно индейцы должны адаптироваться к новым соседям, и вовсе не собиралось заниматься изучением их языка. Сам факт издания подобного руководства, практически независимо от его содержания, противоречил идеям и взглядам большинства колонистов и колониальных властей.

К тому же обе книги предназначались во многом для аудитории в метрополии. Вопросы отношений с населением колонизируемых территорий интересовали и жителей Британской империи, особенно связанных так или иначе (чаще всего финансово) с колониальными предприятиями. Кроме того, само содержание этих трудов и даже форма изложения материала имели совершенно определенное политическое значение, вполне понятное современникам. Отношение к языку и через него — к культуре индейцев, разные подходы к выстраиванию “индейской” политики становились элементами политических дискуссий, зачастую практически не касавшихся колоний в целом и совершенно никак не затрагивавших индейцев. Участие Уильямса в английской общественной жизни рассмотрено в ряде работ, хотя “Ключ к языку Америки” изучен гораздо менее подробно, чем другие его труды¹.

Оба рассматриваемых нами “пособия” выполняли, таким образом, целый ряд задач. Во-первых, чисто практическую задачу — обучение языку (которую наличие политических и идеологических аспектов не нивелирует). Во-вторых, политическую, связанную с конфликтами в метрополии и с ее политикой в отношении колоний. В-третьих, также политическую, но относящуюся уже к идеологическому противостоянию внутри колоний. Каждый из учебников представлял определенную модель отношений колоний, их властей и населения с коренными жителями региона.

Основная задача настоящей статьи — выделить главные особенности моделей взаимодействия с индейцами, предлагаемых Уильямсом и Элиотом, а также показать, как вопросы отношения к языкам и культуре коренного населения Нового Света были связаны с идейной и политической жизнью как колоний, так и метрополии.

Ключ к языку Америки. Первый из интересующих нас текстов — “Ключ к языку Америки”. Его автор, Роджер Уильямс (1603–1683), — одна из самых ярких фигур в ранней истории Новой Англии. Проповедник, религиозный мыслитель, политический деятель, основатель Род-Айленда. На протяжении последних четырех веков и личность Уильямса, и его деятельность оценивали по-разному, зачастую диаметрально противоположно. Для некоторых авторов он был одним из провозвестников, если не творцов американской демократии, а для некоторых — опасным вольнодумцем. Его называли и религиозным фанатиком, и демократом-просветителем,

лишь для вида прикрывающим свои рассуждения религиозной риторикой (Knowles 1834; Bancroft 1886; Parrington 1930; Brockunier 1940; Calamandrei 1952; Miller 1953, 1963; Winslow 1957; Garret 1970).

Уильямс прибыл в колонию Массачусетского залива в 1630 г., но уже в 1635 г. из-за разногласий с властями колонии был из нее изгнан по обвинению в ереси и крамоле. В 1636 г. Уильямс и его немногочисленные спутники обосновались на территории проживания индейцев племени наррагансетт, в поселении, которое называли Провиденс. Связей с Массачусетсом Уильямс, естественно, не разрывал. Среди прочего он помогал властям колоний в качестве переводчика и посредника в отношениях с наррагансеттами, в том числе во время Пекотской войны 1636–1638 гг.²

“Ключ к языку Америки” представляет собой не столько учебник, сколько разговорник. Текст разбит на главы, каждая из которых посвящена определенному аспекту жизни общества наррагансеттов — хозяйству, торговле, религии, семейным отношениям и т.п. В каждой главе Уильямс приводит несколько десятков фраз, от самых простых (“Дай мне табака”, “Что случилось?” и т.п.) до достаточно сложных (“Благодарю, что составил мне компанию”, “Куда отправляется душа после смерти?”) (Williams 1997 [1643]: 44, 54, 70, 130). Кроме того, в текст включены описания тех или иных аспектов жизни наррагансеттов или отдельных эпизодов, которые довелось наблюдать Уильямсу. Каждая глава заканчивается “финальным наблюдением”, как правило носящим поучительный характер. За этим финальным абзацем всегда следует короткое стихотворение сходного содержания (позволяющее заключить практически без всяких сомнений, что среди многочисленных талантов Уильямса все же не было таланта поэтического).

Уильямс составил итоговый текст “Ключа...” на корабле, во время плавания в Англию, куда он отправился в надежде получить хартию, которая могла бы “узаконить” Провиденс. За время пребывания в Лондоне Уильямс не только добился получения хартии, но и опубликовал несколько памфлетов, в том числе и наиболее известное и “громкое” свое произведение *The Bloudy Tenent of Persecution for Cause of Conscience* (Williams 1644), а также “Ключа...”, ставший первой книгой Уильямса, напечатанной после его возвращения в Англию. Впервые за много лет оказавшись в Лондоне, выдающийся религиозный мыслитель, озабоченный к тому же благополучием своего нового поселения, в первую очередь печатает не религиозный памфлет и не критику колониальных властей, а учебник языка — на первый взгляд, решение довольно странное. Впрочем, внимательное рассмотрение текста позволяет предположить, что основную роль в принятии этого решения сыграли политические соображения.

Выбранная Уильямсом форма к моменту публикации “Ключа...” была хорошо знакома английским читателям. Он позаимствовал ее из сочинения Яна Амоса Коменского *Janua Trilinguarum Reserata*. Хотя Коменский известен сегодня в первую очередь как выдающийся педагог и теоретик образования, в XVII в. его труды и идеи воспринимались несколько шире. В создании надежной образовательной системы, позволяющей любому желающему освоить любой язык, Коменский и его последователи-пансофисты видели залог гармонии и основу будущего утопического общества (Beecher Field 2007: 360). Важно, что система Коменского ставила во главу угла именно равноправное общение носителей разных языков, не выстраивая между языками (и культурами) никакой иерархии. Естественно, в зарождающейся колониальной империи, активно осваивающей внеевропейский мир, да и в целом в Атлантическом мире по обе стороны океана эти идеи приобрели особую актуальность как возможные ответы на мировоззренческие вызовы колонизации.

В Англии труды Коменского приобрели несомненное политическое значение. Различные политические фракции в английском парламенте и вне его редко формировались на основе взглядов исключительно политических в нашем сегодняшнем

понимании. Да, отправной точкой для них могли служить сходные представления потенциальных политических союзников о роли королевской власти или функций парламента. Но сами эти представления зачастую основывались на концепциях в первую очередь религиозных, так что политические союзники оказывались еще и представителями одной и той же деноминации или одного религиозного течения.

Представления же об идеальном общественном строе, основанные на конкретной религиозной позиции, редко ограничивались вопросами чисто политическими в современном понимании. Идеи Коменского нашли поддержку в определенных кругах политической элиты. Кристофер Хилл справедливо отмечает, что список видных политических деятелей, пригласивших Коменского в Англию в 1641 г., практически идентичен списку руководителей Компании острова Провиденс (провалившегося колониального проекта на территории современного Никарагуа, который имел то же название, что и поселение Уильямса) и, что важнее, списку лидеров оппозиции в Долгом парламенте (Hill 1997: 90).

Для Уильямса особенно важен был тот факт, что представители той же “аристократической колонизаторской оппозиции” (Brenner 2003: 243) составляли большинство членов парламентского комитета по поселениям (*Committee for Foreign Plantations*), которому предстояло рассматривать его петицию. “Позаимствовав” форму сочинения Коменского, Уильямс ясно показал, на чьей он стороне. Труд Уильямса, несомненно, должен был заинтересовать членов комитета — в конце концов, даже не сталкиваясь с проблемой индейцев на практике, они понимали ее важность для растущего колониального предприятия, а “Ключ...” был первым такого рода произведением, напечатанным по-английски. Знакомство же с ним ясно давало понять, что Уильямс — “свой человек”.

Уильямс вполне обоснованно рассчитывал на то, что из всех запланированных для публикации сочинений именно “Ключ...” позволит ему добиться поддержки влиятельных лиц в решении вопросов, связанных с судьбой Провиденса, и сможет послужить в качестве своеобразного “кредита” на случай, если какой-нибудь из следующих его трудов вызовет недовольство. Это само по себе говорит о том, какое внимание в метрополии было привлечено к вопросам, касающимся отношений с коренным населением Америки. Расчет Уильямса оказался абсолютно верен. Он действительно добился поддержки, получил и хартию для Провиденса, и дополнительный патент, согласно которому власти колоний должны были оказывать ему всяческую помощь. Фактически — и власти Массачусетса это прекрасно понимали — эта бумага защищала Уильямса от любых дальнейших судебных преследований и гарантировала ему защиту влиятельных лондонских покровителей. Его следующие труды действительно были восприняты неоднозначно, но к моменту их публикации он успел стать в достаточной мере “своим”, чтобы избежать любых возможных проблем. Уильямс, известный своей горячностью и непримиримостью, действовал в данном случае как тонкий и расчетливый политик. Сложно противиться искушению предположить, что хотя бы отчасти “виной” тому стало влияние Канноникуса, известного своим красноречием сахема наррагансетов, с которым Уильямс за годы, проведенные в “пустоши”, близко подружился.

Впрочем, “политическая” составляющая апелляции к Коменскому не означает, конечно, что Уильямс руководствовался только конъюнктурными соображениями. Идеи Коменского действительно были ему близки и созвучны его собственным представлениям об образовании. Да и форма, предложенная Коменским, как нельзя лучше подходила для реализации других задач текста.

Очевидное сходство “Ключа...” с трудами Коменского отмечалось неоднократно. Хотя “этнографических заметок” у Коменского нет, основная часть “Ключа...”, собственно разговорник, формой (вплоть до верстки и внешнего вида страниц) повторяет *Janua Trilinguarum* практически точь-в-точь. Пожалуй, единственное, чего

Уильямс, казалось бы, избегает, — это диалоги. Он прямо указывает, что не будет их использовать, еще во вступлении. Учитывая важность для последователей Коменского коммуникации, общения, это решение может казаться странным. На самом деле Уильямс лукавит, и при знакомстве с текстом это становится ясно довольно быстро. Расписанных по ролям диалогов, как в современных школьных учебниках, в “Ключе...” действительно нет. Однако диалог все же присутствует: довольно часто идущие одна за другой фразы складываются именно в диалоги. Приветствие — ответ на него. Предложение торговли — согласие и предложение товара. Выражение горя — выражение сочувствия. Например, “Я пришел домой” — “Издалека ли ты пришел?”, и др. (*Williams* 1997 [1643]: 2, 4, 12, 34, 35, 57, 62, 130, 132, 142, 147). Уильямс аккуратно выстраивает в воображении внимательного читателя ситуации общения, заставляет его читать “на два голоса” и, соответственно, рисовать в голове образ собеседника-индейца и модель взаимодействия с ним. Причем, поскольку “роли” не прописаны, участниками диалога оказываются не неведомые г-н А, англичанин, и Б, индеец, а сам читатель и его воображаемый собеседник, образ которого, поначалу нечеткий, в процессе чтения неизбежно наполняется деталями, индивидуальными чертами и оживает. Диалог, внешне никак не оформленный, присутствует в “Ключе...” постоянно и становится основным средством воздействия.

Важнейшая составляющая концепции отношений с индейцами, предлагаемой Уильямсом, — его мнение о миссионерстве. Джон Элиот был автором первого (в течение долгого времени являвшегося единственным) крупного миссионерского проекта в Новой Англии; Уильямс же, при всей его религиозности, к миссионерству относился скептически. Речь, впрочем, не о том, что он стремился проявить нехарактерное для англичан уважение к традициям и вере индейцев. Для Уильямса миссионерство — вообще крайне сомнительное занятие. С его точки зрения, проповедовать слово Божье имеют право только те, кто осенен особой апостольской благодатью; распространение христианства должно происходить по воле Божьей и в срок, определенный не людьми, а Всевышним (“In his own most holy season”; *Williams* 1997 [1643]: XIX, XXIV, 131). Самого себя носителем такой благодати Уильямс не считал. Деятельность других миссионеров, протестантских и особенно католических, он прямо осуждал, не потому что они искореняли индейские традиции и образ жизни, а потому что присвоили себе (для Уильямса — неоправданно) право обращаться в христианство. В результате все их “обращенные” на самом деле оказывались ложными христианами, уведенными с пути истинного. При этом Уильямс не отрицал самой возможности обращения индейцев, в том числе спонтанного, просто не считал, что это требует какого-то “официального” закрепления. Это не мешало ему при случае рассказывать заинтересованным индейцам об основах христианской доктрины, чем он занимался довольно активно; большое количество фраз, приведенных в “Ключе...”, предназначено для этого (*Williams* 1997 [1643]: 130–132).

Индейцы, по наблюдениям Уильямса, проявляли немалый интерес к христианству, и он не сомневался, что миссионерам не составляло труда найти “подопечных”. Впрочем, он считал — и это, возможно, одно из лучших этнографических наблюдений Уильямса, — что подобный интерес объяснялся вовсе не снисхождением благодати и искренней верой в христианского бога. С точки зрения индейцев, бог христиан явно был чрезвычайно силен, раз своим последователям предоставил всевозможные материальные блага, которыми сами индейцы не обладали. Следовательно, почитать его было вполне разумно в контексте их традиционных представлений. Никакого фундаментального изменения духовной культуры, никакой интроспекции, духовного перерождения (главного условия спасения для пуритан), с точки зрения Уильямса, не происходило (*Williams* 1997 [1643]: XXVIII–XXIX, 123, 125, 130, 138). В этом его оценка заметно отличается от той, что была представлена в работах других миссионеров, которые видели в стремлении отдельных индейцев принять

христианство как знак духовного перерождения “дикарей” и всемогущества Господа, “вразумившего” их. Уильямс же считал, что столь радикальной духовной трансформации не происходило, а индейцы просто рассчитывали получить определенную выгоду от почитания нового “великого духа”. Хотя вероятность появления искренне и глубоко верующих среди обращенных нельзя отрицать, в целом, как показал дальнейший опыт миссионеров XVII в., в том числе Элиота, Уильямс был, видимо, недалек от истины.

Непосредственным результатом общения индейцев с англичанами он считал распространение среди последних “цивилизованности” (*civility*)³, благодаря которой они со временем, по милости Божьей, могут стать христианами. Эта идея (сначала культура, потом религия) была не чужда и некоторым другим миссионерам. Но в позиции Уильямса было одно принципиальное отличие, непосредственно связанное с его восприятием индейцев в целом.

Для других миссионеров, особенно иезуитов в Канаде, сама возможность обращения индейцев и их способность понять и принять христианство не вызывали сомнений. Причем иезуиты даже не требовали для этого полного отказа от традиционного образа жизни. Уильямс же считал, несмотря на все славословия в адрес индейцев, подчеркивание их доброты, ума, вежливости, гостеприимства и прочих добродетелей, что к обращению в христианство они не готовы. Свершиться оно могло лишь милостью Божьей, и даже предугадать момент, когда это произойдет, человек (в т.ч. и сам Уильямс) был не в силах (*Williams* 1997 [1643]: XIX, XXIV). В том, что христианизация индейцев потенциально возможна, он не сомневался, но средств ее осуществления, помимо божественного вмешательства, не видел. Соответственно, и о каком-либо принятии индейцев как равноправных членов английского колониального сообщества речи идти не могло. В христианском обществе, пусть и несовершенном, индейцам не было места. В этом с Уильямсом были согласны многие видные лица среди колонистов, с той лишь разницей, что они не возражали против их “искоренения” или, по крайней мере, изгнания куда-нибудь далеко за границы колоний. Уильямс же считал, что индейцев просто следует оставить в покое, заселяя лишь незанятые территории или честно приобретенные у них земли.

Представленная им модель отношений с коренным населением радикально отличалась от привычной для колониальных властей не только в практических аспектах (они как раз были во многом сходны), но и в совершенно другом позиционировании культур, лишенном привычной иерархии. В диалогах, которые Уильямс предлагает воображению читателя, представлены определенные формы взаимодействия, определенные ситуации, иллюстрирующие отношения представителей двух культур. Такое моделирование ситуаций коммуникации показывает спектр возможных и необходимых форм общения, предлагаемых Уильямсом. Хотя прямо ничего не говорится, в каждом конкретном случае читатель, вступающий в диалог с воображаемым собеседником-индейцем, принимает на себя определенную роль, обусловленную самим содержанием диалога. Читатель Уильямса может оказаться “в шкуре” торговца (чаще всего), соседа, путешественника, гостя и даже дипломата — каждая из этих ролей была хороша знакома самому Уильямсу. Важно, что среди них практически никогда не появляется миссионер (в лучшем случае путешественник, рассказывающий индейцу о самых основных положениях христианства). При этом никогда читатель не оказывается в роли солдата, военного командира или, что особенно важно, администратора, управленца или судьи. Разговорник Уильямса был, безусловно, полезен торговцу, но совершенно бесполезен для колониального чиновника, пытающегося общаться с индейцем, даже воображаемым, как с подданным. В то время как большинство других подходов к отношениям с индейцами подразумевали именно один из этих двух способов взаимодействия — агрессию или подчинение колониальным властям, Уильямс их настойчиво избегает.

Сложно сказать, имели ли индейцы в создаваемой Уильямсом картине отношений двух культур равные права с англичанами. С одной стороны, их право на владение землями Америки Уильямс признавал безоговорочно. Защита этого права стала даже одной из причин его конфликта с властями Массачусетса, хотя и не главной. Эту позицию подчеркивает даже само название разговорника. “Язык Америки” — это, для Уильямса, язык индейцев. Неоднократно он называет индейцев *Americans*, что в целом нехарактерно для текстов того периода — индейцы обычно фигурируют как *savages*, *barbarians*, *Indians*, *natives*, но не как “американцы”.

С другой стороны, их неспособность полноценно принять христианство, пусть и временная и ни в коем случае не связанная с какими-то природными особенностями и врожденными ограничениями, несомненно, все же ставит их на ступеньку “ниже” англичан. Подчеркнув несколько раз, что индейцы как раз и есть “американцы” — подразумевая их законное право на земли Нового Света, — Уильямс в целом не стесняется использовать и привычную риторику колониализма. Индейцы фигурируют и как “варвары” и “дикари”, в религии которых Уильямс не находит положительных черт (кроме разве что того, что в целом индейцы догадываются о существовании высших сил) (*Williams* 1997 [1643]: 123). В будущем же на них “обрушится справедливое возмездие” (за то, что они ценят приметы, по которым можно предсказать погоду, но не знают Бога) (*Ibid.*: 84).

Во многих главах Уильямс активно подчеркивает различия культур, фактически разводит их по противоположным полюсам, причем в качестве некоего основного идеала, за несоответствие с которым критикуются европейцы вообще и колонисты в особенности, выступают именно наррагансетты. Они, в отличие от европейцев, не отличаются чрезмерной алчностью, их правители внимательно относятся к подданным, редко прибегая к силе, и, главное, они грешат гораздо меньше, чем европейцы, — хотя их не сдерживают писанные законы, грабежи и убийства, супружеские измены и пьяное буйство им практически незнакомы (*Williams* 1997 [1643]: 142, 143, 158). Проблема в том, что такая референтная культура не может не идеализироваться, по крайней мере до некоторой степени, — иначе она не может быть референтной.

При этом, как уже было отмечено выше, идеализация индейцев в духе еще не сформулированной, но уже зарождающейся концепции “благородного дикаря” Уильямсу в целом чужда. Что касается “Ключа...”, то здесь такая идеализация происходит с вполне определенной целью, которая заключалась в критике европейцев и самих колоний; сам учебник служил риторическим инструментом в политических и философских дебатах Уильямса с его противниками-колонистами.

Важнейшей проблемой для колониальных властей, мирских и духовных, был вопрос разграничения светской и религиозной властей. Насколько церковь имеет право вмешиваться в дела светской власти? Должен ли статус свободного гражданина колоний быть доступен только членам церкви (и если да, то какой)? Имеет ли власть право, например, изгнать человека из колонии за его религиозные убеждения?

Уильямс в этом отношении придерживался позиции, прямо противоположной идеям большинства лидеров колоний, и считал, что власть духовная и мирская должны быть полностью отделены друг от друга. Этому посвящено уже упомянутое произведение Уильямса *Bloudy Tenent of Persecution...* (*Williams* 1644), наиболее известная его работа. Для большинства оппонентов Уильямса было самоочевидно, что религия — основа морали, и, следовательно, общественный порядок и покой недостижимы без активного участия церкви или религиозной общины в жизни людей. Без церкви социальные отношения неизбежно деградируют и воцарится хаос. С другой стороны, церковь, связанная с государственной властью, непременно сделает и саму власть высокодуховной и моральной.

Именно с этими положениями и спорил Уильямс. Для него *civility*, которую он понимал в первую очередь как способность жить в обществе (Bejan 2011), не связана с религией и вполне доступна не только представителям различных христианских деноминаций, но и (даже) язычникам. Эта тема красной нитью проходит через весь текст “Ключа...”. Раз за разом, в главе за главой, Уильямс доказывает и показывает, что индейцы — не только лишенные благодати христианской веры, но и неспособные обрести ее без прямой санкции Всевышнего — обладают *civility* в полной мере (напр.: Williams 1997 [1643]: 54, 60, 126, 130, 142, 148, 171). Причем обретают ее индейцы без всякого влияния церкви, вмешательство которой в жизнь общества оказывается совершенно излишним. Уильямс не столько стремился показать достоинства настоящей индейской культуры, сколько использовал ее для доказательства истинности своей политической концепции.

При этом “реальные” случаи из жизни индейцев, описанные Уильямсом, часто напоминают скорее притчи и, откровенно говоря, вызывают определенные сомнения. Так, один из аспектов индейского быта, который Уильямс критикует, пусть и достаточно мягко, — воспитание детей, по отношению к которым индейцы, по мысли Уильямса, слишком снисходительны, отчего они становятся шумными, наглыми и непослушными. Уильямс описывает следующий случай. Он якобы был в гостях у одного индейца, дети которого вели себя совершенно непотребно, а отец никак не мог удержать их в узде. Тогда пришлось вмешаться самому Уильямсу и лично выпороть особо несносного мальчишку, отец которого не только не стал возражать, но и позже со слезами на глазах отблагодарил Уильямса и признал его правоту в отношении методов воспитания (Ibid.: 30). История выглядит, мягко говоря, не слишком правдоподобно. Индейцы действительно чрезвычайно снисходительно относились к детям — именно поэтому посторонний человек, пусть даже и близкий друг, поднявший руку на чужого ребенка, скорее всего, получил бы вовсе не слезную благодарность родителей. Кажется, что речь идет о фантазии Уильямса, реальная основа у которой если и была, то явно не совсем такая, как представлено в тексте. Также и с большинством других “историй из жизни”. Те из них, которые содержат некий поучительный элемент, обычно кажутся скорее притчами, чем реальными случаями.

Еще один важный аспект политической мысли Уильямса — представление о власти на основе согласия подданных. С его точки зрения, “основа любой гражданской власти — в согласии народа” (Williams 2007b: 214, 249). Общение с нарагансеттами позволило Уильямсу наблюдать именно такую модель властных отношений в действии и убедиться в ее принципиальной возможности. Он даже пытался заимствовать отдельные ее элементы в руководстве Провиденсом. В частности, изначально Уильямс предполагал, что участки земли жители “его” колонии будут не покупать или получать в собственность, а лишь брать в пользование по согласию с губернатором и остальными жителями колонии — в точности так, как, по его представлениям, происходило у нарагансеттов. Впрочем, идею Уильямса не восприняли, поселенцы отказывались понимать, почему они не могут получить, как во всех остальных колониях, документы на право владения своими участками, и вскоре Уильямс вынужден был сдаться, а власти Род-Айленда начали выдавать соответствующие документы (Davis 1970: 598–599).

Итак, в “Ключе...” Уильямс формирует у читателя совершенно определенный образ индейской культуры и общества. Общая структура текста основана на контрасте, противопоставлении многочисленных изъянов европейского и колониального общества и достоинств общества нарагансеттов. При этом главная задача Уильямса — продемонстрировать практическую возможность существования “цивилизованного” (обладающего *civility*, гармонично живущего и не скатывающегося в анархию и беззаконие) общества без участия церкви и вообще без христианской религии.

Таким образом он доказывал правомерность своей политической концепции, которая противоречила представлениям об общественном устройстве, характерном в том числе для властей Массачусетса. Индейское общество стало для Уильямса примером социального устройства, при котором светская власть осуществляется с согласия управляемых, а власть духовная полностью отделена от мирской. На этот образец он пытался ориентироваться и в практической деятельности по управлению колониями.

Язык — важная составляющая индивидуальной и групповой идентичности, один из ключевых элементов ее формирования. Но язык — и сам по себе, и его интерпретация и восприятие — также служит неотъемлемым инструментом конструирования другой культуры и взаимоотношений с ней. Уильямс создает образ индейцев в целом в первую очередь как *civil beings*, людей общества. Получившийся образ действительно выглядит гораздо более сбалансированным и близким к реальности, чем популярные в то время картины “кровожадных дикарей”. Но основной целью Уильямса остается политика. Его модель межкультурной коммуникации формируется в определенных политических контекстах. Для Нового Света обладающие *civility* индейцы становятся мощным аргументом в дебатах о внутреннем устройстве колоний и распределении власти — мирской и духовной. Этот аргумент не теряет своего значения и в Англии, где дебаты о роли церкви в государстве тоже не прекращались. “Ключ...”, и формой, и содержанием явно отсылающий к Коменскому и другим пансофистам, также ясно демонстрировал современникам приверженность Уильямса определенному комплексу религиозных и политических идей, одной из “сторон” во внутриполитической борьбе в Англии — что, однако, не могло остаться незамеченным и в колониях. Представленная им модель отношений с коренным населением радикально отличалась от привычной для колониальных властей. Она, впрочем, не подразумевала полного отсутствия иерархии или полного равноправия культур: индейцы Уильямса все равно ограничены — хотя бы своими религиозными воззрениями. Тем не менее в модели Уильямса отсутствует не только дискурс завоевания, но и дискурс управления. Индейцы не включаются в колониальное общество ни в каком виде — ни как завоеванные, ни как подданные. Культуры остаются разделены непреодолимым барьером, которому предназначено сохраняться до момента, когда сам Господь сочтет нужным его разрушить. Индейцы не обязательно равны англичанам, но обязательно отделены от них.

При всей кажущейся безобидной этнографичности “Ключ...” считался значимым политическим произведением для читателей по обе стороны Атлантики. При чем книга была не только выражением определенных теоретических политико-философских идей, отвлеченным размышлением об устройстве общества, но и продуманным, действенным (хартию для Провиденса Уильямс получил, несмотря на свои последующие чрезмерно радикальные заявления) инструментом политической борьбы.

“Начала индейской грамматики”. Второй интересующий нас текст — “Начала индейской грамматики” Джона Элиота (1604–1690). Опубликованный в 1666 г. учебник Элиота преследует в чем-то схожие с “Ключом...” цели, но методы их достижения отличаются радикально. Как, впрочем, отличались и их авторы. Пожалуй, Элиота и Уильямса объединяли только прекрасное образование, полученное в Англии, и очевидная религиозность. Джон Элиот прибыл в Америку в 1631 г. и, в отличие от Уильямса, оставался всю жизнь добропорядочным жителем Массачусетса. Будучи уже вполне состоявшимся религиозным деятелем, Элиот отправился в Новый Свет с ясной целью — посвятить себя обращению индейцев в христианство.

Но на деле ситуация была несколько сложнее. Джона Элиота, “апостола индейцев”, на самом деле не интересовали индейцы сами по себе. Обращение их было, безусловно, делом богоугодным, и Элиот занимался им с немалым энтузиазмом, но

его конечная цель была куда амбициозней. Первые несколько лет в колониях Элиот потратил на изучение языка, установление связей с индейцами и “воспитание” первых обращенных. Крупнейшим его достижением на этом этапе стало издание Библии на алгонкинском, которая была напечатана в Массачусетсе в 1663 г., причем не только в переводе, но и в издании книги активное участие принимали индейцы — “подопечные” Элиота. Заложив таким образом основу своего предприятия, Элиот приступил к реализации основной части миссионерского проекта. Главной его целью было создание “молитвенных поселений”, в которых индейцы-христиане жили бы в домах, построенных по европейскому образцу, носили бы европейскую одежду и вели бы европейский образ жизни — вполне в рамках концепции “распространения цивилизованности”, не чуждой и Уильямсу. В колониях идея Элиота не встретила особой поддержки, обращенные индейцы вызывали недоверие и даже агрессию у большинства колонистов, но благодаря финансовой помощи из метрополии проект был успешно реализован, и к середине 1670-х годов существовало уже семь поселений, в которых постоянно жило немалое число индейцев (большинство составляли представители племени нипмак, но встречались и выходцы из других алгонкинских племен).

Проект Элиота на первый взгляд во многом напоминает возникшие значительно позже школы-интернаты для индейцев, целью которых — чего их основатели и не скрывали — было искоренение индейской культуры как таковой. В этих школах детям и подросткам запрещалось носить традиционную одежду и прически, заниматься традиционными видами деятельности, а также иметь индейские имена. “Убей индейца, чтобы спасти человека” — таков был их девиз (Davis 2001; Churchill 2004). Создатели этой “воспитательной” системы, введение которой справедливо считается одной из самых черных страниц и без того непростой истории отношений белых американцев и индейцев, брали пример с “молитвенных поселений” Элиота. Вернее, со своих представлений о “молитвенных поселениях”. Потому что идеи самого Элиота заметно отличались от идей его “последователей”, живших полутора веками позже. Элиот вовсе не стремился к искоренению индейской культуры как таковой, к превращению индейцев в англичан.

Идеалом, который должны были воплотить в себе “молитвенные городки”, было не английское общество, а общество библейское, богоугодное. Внутреннее управление в них строилось на ветхозаветной модели (в трактовке самого Элиота, естественно), и правила жизни в них имели мало общего с английским законодательством, а образ жизни в целом — с укладом англичан, даже колонистов-пуритан. Финальной же целью было не искоренение любых следов индейцев как независимых народов, а преобразование всего общества, в том числе английского, в соответствии с библейской моделью. Индейцы, не испорченные европейскими пороками и влиянием католицизма, были в глазах Элиота идеальным “материалом” для эксперимента, но в итоге такая же трансформация должна была произойти и в Англии, и вообще по всему миру — что потребовало бы от англичан отказа от многих аспектов привычного образа жизни. Об этой цели своего “эксперимента” Элиот прямо писал в предисловии к первому изданию “Христианского содружества” (Eliot 1659: viii—x), которое в результате было подвергнуто цензуре, запрещено, а из последующих изданий эту часть пришлось вырезать. Если Элиот и стремился искоренить культуру индейцев, то не в большей степени, чем стремился искоренить культуру англичан, французов, голландцев и других европейских народов. При этом, естественно, ни о какой “неполноценности” индейцев как таковых речи не шло — напротив, с точки зрения Элиота, они были более готовы к жизни в богоугодном обществе.

Кроме того, Элиот на самом деле не стремился искоренить индейскую культуру полностью. У него было четкое представление о том, как должно существовать богоугодное общество, и он готов был бороться со всем, что не вписывалось в эту

картину. Многие элементы индейской культуры и быта попали в эту категорию, например одежда или традиционное разделение труда по гендерному признаку (женщины работают в поле, мужчины охотятся). Но все, что не мешало реализации ветхозаветной модели, имело полное право на существование. В отличие от создателей школ-интернатов, для Элиота уничтожение индейцев — если не физическое, то культурное — не было самоцелью и, строго говоря, вообще не имело смысла. По стандартам своего времени Элиот проявлял немалое уважение и к индейской культуре (при этом стремясь понять ее), и к индейскому *agency*, праву на самостоятельность. Индейцы не должны были превращаться в англичан, они должны были стать образцовыми членами богоугодного общества — оставаясь при этом индейцами.

В частности, одним из аспектов индейской культуры, который никоим образом не мешал реализации библейского идеала, был язык. Именно в отношении к языку отличия Элиота от позднейших миссионеров, американских и английских, проявились, возможно, ярче всего. Не случайно первым масштабным проектом Элиота стало именно издание Библии на алгонкинском. Причем не сокращенное, не “в пересказе”, не в виде катехизиса с упрощенным изложением основ христианского образа жизни (зачастую вообще без объяснения их теологической основы), как случилось и в Канаде у католических миссионеров, и позже по всему миру, а полное и без купюр издание всего текста.

Элиот, кроме того, приложил все усилия для того, чтобы как можно скорее изучить алгонкинский и начать проповедовать на родном языке индейцев, — мысль о том, что это индейцы должны изучать английский, ему, видимо, даже в голову не приходила. И, наконец, управление в “молитвенных городках”, пусть и построенное по ветхозаветной модели, осуществлялось на алгонкинском, и документация велась на нем же (при этом Элиоту пришлось добавить в английский алфавит несколько новых знаков для звуков, которых в английском не было, — впрочем, как и Уильямсу).

К языку индейцев он относился с очевидным уважением, пожалуй, даже с восхищением. Если бы целью Элиота был культурный геноцид индейцев, вряд ли он уделял бы такое внимание к сохранению индейского языка — напротив, в его отношении к языку ясно проявлялось стремление сохранить если не традиционный быт индейцев, то их культурную самостоятельность.

В этом заключается, возможно, ключевая особенность модели отношений с коренным населением, предложенной Элиотом и в “Началах...”, и в других его трудах. Включение индейцев в европейское общество было допустимо и даже желательно, однако Элиот имел в виду общество не столько колониальное или английское, сколько грядущее “царство Божие на земле”. При этом индейцы должны были стать его частью не в качестве подданных колониальных властей, а как равноправные участники единого божественного замысла. В этом главное отличие Элиота от Уильямса — в его модели индейцы не просто не остаются “в стороне”, они предельно сближаются с остальным человечеством. Но есть между моделями и сходство: индейцы в обоих случаях остаются именно индейцами — отдельной и самостоятельной культурой, не трачивающей своей идентичности. Ни у Элиота, ни у Уильямса индейцы не становятся подданными англичан, добровольно или силой оружия. Впрочем, какого-либо гармоничного сосуществования с колонистами в рамках единого сообщества без колоссальных трансформаций образа жизни и индейцев, и колонистов ни один из авторов также не подразумевает. У Уильямса такая трансформация требуется только от индейцев, возможна только по желанию Всевышнего и отложена на неопределенный срок. У Элиота коренным изменениям должны подвергнуться и индейское, и колониальное общества, добиться их можно сознательными усилиями (чем, собственно, и занимался сам Элиот), и произойти они должны в обозримом будущем

(когда, увидев успех “молитвенных городков”, сперва колонии, а после и Англия примут ветхозаветный образ жизни).

Как и Уильямс, Элиот создает у читателя определенный образ индейца, хотя и гораздо менее живой и четкий. Сама структура работы Элиота не подразумевает или практически не подразумевает имплицитного диалога. Культурная и духовная полноценность индейцев подтверждается более простыми, по сравнению с Уильямсом, почти “топорными” средствами, однако не менее эффективными. Та или иная концепция чужого языка в тот период (впрочем, как и в любой другой) во многом определяла восприятие всей культуры носителей этого языка. Язык индейцев, по мнению англичан, явно свидетельствовал об их неполноценности. Для ранних идеологов колонизации и даже для многих видных колонистов языки индейцев представляли собой “бормотание”, “рычание” — в общем, неразборчивый набор звуков. Такой язык был, очевидно, не приспособлен для выражения сложных теорий и понятий, и, следовательно, индейцы, не желающие говорить по-английски, в принципе не в состоянии были понять ни идеи жизни в цивилизованном обществе, ни тем более христианскую религию.

Важнейшей задачей Элиота, важнейшей целью его произведения было именно доказательство “полноценности” индейского языка, его глубины и способности выразить самые сложные абстрактные идеи и понятия. Собственно, ту же цель отчасти преследовала и публикация Библии на алгонкинском — язык, на котором можно выразить слово Божье, по определению не может быть “ограниченным” или “неполноценным”. В “Началах...” эта интенция читается даже более отчетливо, и в первую очередь именно в форме текста. Если Уильямс принял за основу труды Коменского, то Элиот ориентировался на классические университетские грамматики латыни и греческого. Выбор формы также был неслучаен и объяснялся более существенными соображениями, чем удобство и привычка.

Массачусетский, который изучал Элиот, весьма отличается от германских и романских языков, в том числе грамматической структурой. В обычную для университетских учебников латыни структуру он вписывался с большим трудом, Элиоту пришлось “подгонять” язык под форму учебника. Например, говоря о формах существительных, Элиот вынужден признать, что изменение их имеет мало общего со склонением в европейских языках. Ему пришлось подобрать другое представление различных форм существительных, чтобы все же “загнать” их в привычную таблицу учебника (*Eliot 1666: 9*). Элиот даже прямо признает, что встретился с “видами грамматики, какими не пользуется ни один другой язык” (*Ibid.: 66*) и в некоторых случаях вынужден был изобретать названия для структур, совершенно чуждых любому европейским языкам (*Ibid.: 17*). И, несмотря на все эти сложности, Элиот все же стремился придать массачусетскому знакомый читателю “университетский” вид.

Бесконечное спряжение глаголов в разных временах, целые страницы, заполненные таблицами спряжений, не могли не напоминать о “серьезных” языках — греческом и латыни, для чего и составлялись. Анатомирование языка, представление его, в том числе и чисто визуальное, в виде сложной, но логичной схемы, сближало его с языками, хорошо знакомыми европейской образованной публике. Элиот пошел по пути, прямо противоположному пути Уильямса. Уильямс стремился создать в сознании читателя живой образ индейца, с которым пришлось бы так или иначе взаимодействовать, “проигрывая” общение в голове. Элиот, напротив, избегал всякой “приземленности”, представлял язык максимально “теоретически”, отстраненно. Такая отстраненность сближала его образ индейцев с образами представителей других культур, знакомых современникам, “полноценность” которых не вызвала сомнений. Если алгонкинский можно изучать точно так же, как древнегреческий, то и отличия индейца от древнего грека не столь очевидны. А если язык и культура индейцев ничем не уступают по сложности европейским, то и духовно-административный эксперимент

с “молитвенными городками” окажется полезен не только “дикарям” — они станут не “школой цивилизации” для инфантильных варваров, которым без нее не обойтись, а прообразом нового общества.

Именно отношение к языку индейцев в полной мере раскрывает содержание модели Элиота и показывает ее сходства с моделью Уильямса. Но “Начала...” предназначались, естественно, не индейцам — у тех уже была Библия на родном языке. Они были рассчитаны в первую очередь на европейскую аудиторию и также не лишены определенного политического наполнения. В контексте ситуации, сложившейся в самих колониях, Элиота преимущественно волновали проблемы отношений с индейцами, а его позиция по этому вопросу была прекрасно знакома властям колоний и очевидна — благодаря всей деятельности Элиота. Публикация “Начал...” лишь подтверждала в глазах читателей-колонистов то, что и так было им известно о предлагаемых Элиотом методах выстраивания отношений с коренным населением.

Как и более современная форма “разговорника”, выбранная Элиотом классическая грамматика имела определенный политический смысл. Бывший, безусловно, пуританином, Элиот был гораздо умереннее Уильямса, а главное — совершенно иначе воспринимал идею отделения церкви от государства. Для него, как и для многих современников, моральное руководство церкви (в той или иной ее форме) было абсолютно необходимо. Более того, только следование ветхозаветной модели, в рамках которой роль духовных властей в социальной жизни людей была достаточно велика, могло привести к созданию поистине богоугодного общества. Как и в случае с Уильямсом, форма изданного Элиотом учебника стала своеобразным изъяснением поддержки определенных политических сил, в данном случае более консервативного большинства. Причем для Элиота заявление было особенно актуальным. Во вступлении к “Христианскому содружеству”, помимо изложения своих представлений об устройстве общества, он высказался и по поводу королевской власти. Согласно Элиоту, в 1659 г. “сам Христос есть единственный законный наследник английского трона” (*Eliot* 1659: vi). Неудивительно, что после реставрации Стюартов в 1660 г. и восшествия на престол Карла II эта идея вызвала определенные нарекания, и, хотя “Христианское содружество” подвергли цензуре, Элиоту не помешало бы лишний раз продемонстрировать свою благонадежность.

Так или иначе, по вопросу отношений власти и церкви Элиот и Уильямс придерживались едва ли не противоположных точек зрения. Возможно, именно поэтому для Элиота была неприемлема избранная Уильямсом форма изложения языковых и этнографических знаний. Если бы он взял за образец Коменского, ему пришлось бы ассоциировать себя с политическими силами, которые не только были радикальными, но и зачастую поддерживали полную свободу вероисповедания, чего, в отличие от Уильямса, Элиот делать совершенно не хотел. Это поставило бы под угрозу дальнейшую поддержку, в том числе финансовую, его предприятий, а также было неприемлемо идеологически.

* * *

Итак, два рассмотренных нами “учебника” не только имели чисто практическую значимость, но и представляли собой своеобразную форму политического заявления, инструмент полемики и критики существующего колониального управления, предлагали определенную модель отношений с коренным населением колонизируемых территорий. У Уильямса она заключалась в общих чертах в том, чтобы оставить индейцев совершенно отдельным сообществом, внешним по отношению к колониальному. Модель Элиота требовала радикальной трансформации общества индейцев, а затем и колонистов и их соотечественников в метрополии, при сохранении культурного и языкового своеобразия индейцев. Так наз.

учебники языка стали прекрасным средством выражения этих идей, которые, однако, противоречили представлениям большинства колонистов. Помимо того, “Ключ...” Уильямса стал выражением и других концепций, в первую очередь о разделении церкви и государства, — и через свой учебник, и посредством прочих сочинений Уильямс выражал свою позицию в важнейшем для английской политической жизни того времени споре. Разница между ними объяснялась как несхожестью намерений авторов, так и политическими соображениями, стремлением добиться поддержки различных групп в метрополии.

Колониальные власти и большинство колонистов не приняли ни одну из моделей в полной мере. Но это не значит, что их можно полностью списать со счетов и забыть как пример не имеющих практической значимости рассуждений.

Во-первых, анализ этих текстов показывает, как именно восприятие языка и обучение языку могут стать инструментами конструирования восприятия чуждой культуры, способным менять отношение к ней. Известно, что жители Англии, в отличие от населения колоний, проявляли сочувствие к индейцам, и власти колоний неоднократно подвергались критике за жестокую и несправедливую политику по отношению к ним. Именно жестокость к индейцам стала одной из причин вмешательства королевской власти в дела Новой Англии и отзыва (пусть и временного) хартии Массачусетса в 1684 г. Такое отношение было сформировано в том числе работами Уильямса и Элиота, успешно конкурировавшими с другими формами представления культуры индейцев в метрополии, например с трудами Джона Смита или памфлетами новоанглийских колонистов (*White* 1630; *Winslow* 2014 [1624]; *New England's First Fruits* 1643; *Smith* 1865 [1616], 2006 [1621]). Кажется разумным предположить, что не последнюю роль в этом сыграло само обращение к языку — знакомство с чужим языком, пусть даже поверхностное, вольно или невольно вызывает желание понять чужую культуру — и чаще всего то, как именно она будет понята, зависит от того, как показан язык.

Во-вторых, само появление этих “альтернативных” моделей показывает богатство и разнообразие существовавших в колониях идей, касавшихся насущных проблем колонизации. Среди этих идей были и те, которые впоследствии “выжили” и сформировали зрелую идеологию британской колонизации Америки, причем сами колонисты (в противовес лондонским политикам и идеологам) принимали в процессе ее формирования живейшее участие.

В-третьих, сами модели Элиота и Уильямса не канули в лету. Уильямс заимствовал определенные решения у индейцев и, главное, выстраивал отношения Род-Айленда с соседями-индейцами, ориентируясь на свою модель. В результате Род-Айленд, например, остался нейтральным во время Войны Короля Филиппа⁴ и, несмотря на разорение Провиденса, в целом по итогам этого масштабного конфликта понес наименьшие потери. Таким образом, модель Уильямса применялась на практике и доказала и свою жизнеспособность, и потенциальную возможность осуществления колонизации (как минимум, в небольших масштабах) без конфликтов и активного геноцида, часто считающихся неременным ее атрибутом. При этом большинство трудов Уильямса посвящено вопросам скорее теологическим и философским, а в отношении индейской политики главным источником, безусловно заслуживающим дальнейшего изучения, остается именно “Ключ к языку Америки”.

Модель Элиота ждала более печальная судьба. Как бы ни отнесся к этому сам Элиот, доживи он до XVIII–XIX вв. (скорее всего, с нескрываемым осуждением), ее элементы легли в основу американской политики в отношении коренного населения. Безусловно, они были искажены и поставлены на службу идеям, которых сам Элиот не разделял. Возможно, более внимательное отношение к “Началам индейской грамматики” могло бы помочь избежать как подобных искажений, так и проведения

чудовишно негуманной политики, к которым они привели. И уж точно оно может способствовать более взвешенной оценке деятельности самого Элиота.

Примечания

¹ Обзор наиболее значимых исследований представлен, напр., в работе Энтони Карлино (*Carlino* 2000). См. также: *Barry* 2012; *Bejan* 2017; *Byrd* 2002; *Davis* 1970; *Goodman* 2009; *Gaustad* 2005; *Hall* 1998; *Johnson* 2015; *Stanley* 2009; *Wood* 2000.

² Конфликт между племенем пекотов и коалицией, возглавляемой англичанами, причиной которого стали расширение колоний и борьба за территории в долине реки Коннектикут (подробнее см.: *Cave* 1996).

³ Сложное понятие, значение которого менялось в этот период и в Англии, и в колониях (подробнее об эволюции концепции в целом см.: *Fitzgerald* 2007; применительно к Новой Англии: *Aleksandrov* 2019).

⁴ Война Короля Филиппа — конфликт английских колоний, их союзников и конфедерации *вампаноаг*, возглавляемой Метакомом (англичане называли его Филиппом), у которой также были союзники. Во время войны, особенно на первых ее этапах, колонии несли значительные потери. В итоге победу одержали колонисты, во многом за счет союза с могавками.

Источники и материалы

- Eliot* 1659 — *Eliot J.* The Christian Commonwealth: or, The Civil Policy Of The Rising Kingdom of Jesus Christ. L.: Printed for Livewell Chapman, at the Crown in Popes-Head-Alley, 1659.
- Eliot* 1666 — *Eliot J.* The Indian Grammar Begun. Cambridge [Mass.]: Printed by Marmaduke Johnson, 1666.
- Forbes* 1943 — Winthrop Papers: 1631–1637. Vol. III / Ed. A.B. Forbes. Boston: Massachusetts Historical Society, 1943.
- Hakluyt* 1584 — *Hakluyt R.* A Discourse of Western Planting. 1584 // National Humanities Center. <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/amerbegin/exploration/text5/hakluyt.pdf>
- Hakluyt* 1890 — *Hakluyt R.* The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. XIII, America. Pt. II // Internet Archive. <https://archive.org/details/theprincipalnavi25645gut/mode/2up>
- New England's First Fruits 1643 — New England's First Fruits: with Divers other special Matters concerning that Country. L.: Printed by R.O. and G.D. for Henry Overton, and are to be fold at his Shop in Popes-head-Alley, 1643 // Internet Archive. <https://archive.org/details/NewEnglandsFirstFruitsInRespectFirstOfTheCounversionOfSome/page/n0>
- Purchas* 1614 — *Purchas S.* Purchas, His Pilgrimage or Relations of the World and the Religions Observed in All Ages and Places Discovered, From the Creation Unto This Present. L.: Printed by William Stansby for Henrie Fetherstone, and are to be fold at his Shop in Pauls Church-yard at the Signe of the Rofe, 1614 // Internet Archive. <https://archive.org/details/purchashispilgri00purc/mode/2up>
- Shurtleff* 1853 — Records of the Governor and Company of the Massachusetts Bay in New England. Vol. 1 / Ed. N. Shurtleff. Boston: William White, 1853.
- Shurtleff* 1854 — Records of the Governor and Company of the Massachusetts Bay in New England. Vol. 4 / Ed. N. Shurtleff. Boston: William White, 1854.
- Shurtleff* 1857 — Records of the Colony of New Plymouth in New England. Vol. 11 / Ed. N. Shurtleff. Boston: William White, 1857.
- Smith* 1865 [1616] — *Smith J.* A Description of New England. Boston: William Veazie, 1865 [1616].
- Smith* 2006 [1621] — *Smith J.* The General History of Virginia, New England and the Summer Isles. Vol. 1. Bedford, MA: Applewood Books, 2006 [1621].
- White* 1630 — *White J.* The Planters Plea. L.: Printed by William Iones, 1630. <http://name.umdl.umich.edu/A15097.0001.001>
- Williams* 1644 — *Williams R.* The Bloudy Tenent of Persecution for Cause of Conscience. L., 1644.
- Williams* 1997 [1643] — *Williams R.* A Key into the Language of America. Bedford, MA: Applewood Books, 1997 [1643].
- Williams* 2007a — *Williams R.* The Complete Writings of Roger Williams. Vol. 3. Eugene, OR: Wipf and Stock, 2007.

- Williams* 2007b — *Williams R.* The Complete Writings of Roger Williams. Vol. 6. Eugene, OR: Wipf and Stock, 2007.
- Winslow* 2014 [1624] — *Winslow E.* Good News from New-England. Cambridge, MA: University of Massachusetts Press, 2014 [1624].

Научная литература

- Aleksandrov G.* Native Relations in Early British North America and the Emergence of Imperial Ideas // *Social Evolution and History*. 2019. Vol. 18 (1). P. 27–46. <https://doi.org/10.30884/SEH/2019.01.02>
- Bancroft G.* History of the United States of America, from the Discovery of the Continent. Vol. 1. N.Y.: Appleton, 1886.
- Barry J.* Roger Williams and the Creation of the American Soul. N.Y.: Viking Press, 2012.
- Bejan T.* The Bond of Civility: Roger Williams on Toleration and Its Limits // *History of European Ideas*. 2011. Vol. 37 (4). P. 409–420. <https://doi.org/10.1016/j.histeuroideas.2011.03.003>
- Bejan T.* Mere Civility: Disagreement and the Limits of Toleration. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017.
- Beecher Field J.* A Key for the Gate: Roger Williams, Parliament, and Providence // *New England Quarterly*. 2007. Vol. 80 (3). P. 353–382.
- Brenner R.* Merchants and Revolution: Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550–1653. L.: Verso, 2003.
- Brockunier S.* The Irrepressible Democrat: Roger Williams. N.Y.: Ronald Press, 1940.
- Byrd J.* The Challenges of Roger Williams: Religious Liberty, Violent Persecution, and the Bible. Macon: Mercer University Press, 2002.
- Calamandrei M.* Neglected Aspects of Roger Williams's Thought // *Church History*. 1952. Vol. 21 (3). P. 245–256.
- Carlino A.* Roger Williams and His Place in History: The Background and the Last Quarter Century // *Rhode Island History*. 2000. Vol. 58 (2). P. 34–71.
- Cave A.* The Pequot War. Amherst: University of Massachusetts Press, 1996.
- Churchill W.* Kill the Indian, Save the Man: The Genocidal Impact of American Indian Residential Schools. San-Francisco: City Lights Publishers, 2004.
- Davis J.* Roger Williams among the Narragansett Indians // *New England Quarterly*. 1970. Vol. 43 (4). P. 593–604.
- Davis J.* American Indian Boarding School Experiences: Recent Studies from Native Perspectives // *OAH Magazine of History*. 2001. Vol. 15 (2). P. 20–22.
- Fitzgerald T.* Discourse on Civility and Barbarity. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Garret J.* Roger Williams: Witness beyond Christendom. L.: Macmillan & Co, 1970.
- Gaustad E.* Roger Williams. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Goodman N.* Banishment, Jurisdiction, and Identity in Seventeenth-Century New England: The Case of Roger Williams // *Early American Studies: An Interdisciplinary Journal*. 2009. Vol. 7 (1). P. 109–39. <https://doi.org/10.1353/eam.0.0014>
- Hall T.* Separating Church and State: Roger Williams and Religious Liberty. Urbana: University of Illinois Press, 1998.
- Hill C.* The Intellectual Origins of the English Revolution Revisited. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Johnson A.* The First American Founder: Roger Williams and Freedom of Conscience. Pittsburgh: Philosophia Publications, 2015.
- Knowles J.* Memoir of Roger Williams, the Founder of the State of Rhode Island. Boston: Lincoln, Edmunds & Co., 1834.
- Miller P.* Roger Williams: His Contribution to the American Tradition. N.Y.: Bobbs, Merrill, 1953.
- Miller P.* Roger Williams: An Essay of Interpretation // *The Complete Writings of Roger Williams*. Vol. 7 / Ed. P. Miller. N.Y.: Russell & Russell, 1963. P. 5–25.
- Parrington V.* Main Currents in American Thought: An Interpretation of American Literature from the Beginnings to 1920. N.Y.: Harcourt, Brace & Co, 1930.
- Stanley A.* “To Speak With Other Tongues”: Linguistics, Colonialism and Identity in 17th Century New England // *Comparative American Studies*. 2009. Vol. 7 (1). P. 1–17. <https://doi.org/10.1179/147757009X417233>
- Winslow O.* Master Roger Williams: A Biography. N.Y.: Macmillan & Co, 1957.
- Wood T.* Kingdom Expectations: The Native American in the Puritan Missiology of John Winthrop and Roger Williams // *Fides et Historia*. 2000. Vol. 32 (1). P. 39–49.

Research Article

Aleksandrov, G.V. Native Languages and English Politics: Native-Colonial Relations in Roger Williams' and John Eliot's Language Manuals [Yazyk indeitsev i politika anglichan: vzaimootnosheniia kolonistov s korennyim naseleniem Ameriki v uchebnikakh Rodzhera Uil'iamsa i Dzhona Eliota]. *Etno-graficheskoe obozrenie*, 2021, no. 3, pp. 30–47. <https://doi.org/10.31857/S086954150015493-2> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Gleb V. Aleksandrov | <https://orcid.org/0000-0002-5377-4494> | glaleksandrov@gmail.com | National Research University "Higher School of Economics" (21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 101000, Russia)

Keywords

New England, Roger Williams, John Eliot, seventeenth century, English colonial ideology

Abstract

This article examines the political and ideological implications of native language manuals published in the New England colonies in the 17th century. There were two such manuals published in that period – Roger Williams's "A Key into the Language of America" and John Eliot's "The Indian Grammar Begun". Both works, apart from their practical purpose, were something of a political statement on contemporary political issues – the separation of powers first and foremost. Besides that, both offered, often in subtle ways, certain templates for native-colonial relations. The article explores the place of these works in the political landscape of both the colonies and England, and the specifics of the native-colonial relations models proposed by the authors.

References

- Aleksandrov, G.V. 2019. Native Relations in Early British North America and the Emergence of Imperial Ideas. *Social Evolution and History* 18 (1): 27–46. <https://doi.org/10.30884/SEH/2019.01.02>
- Bancroft, G. 1886. *History of the United States of America, from the Discovery of the Continent*. Vol. 1. New York: Appleton.
- Barry, J. 2012. *Roger Williams and the Creation of the American Soul*. New York: Viking Press.
- Beecher Field, J. 2007. A Key for the Gate: Roger Williams, Parliament, and Providence. *New England Quarterly* 80 (3): 353–382.
- Bejan, T. 2017. *Mere Civility: Disagreement and the Limits of Toleration*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bejan, T. 2011. The Bond of Civility: Roger Williams on Toleration and Its Limits. *History of European Ideas* 37 (4): 409–420. <https://doi.org/10.1016/j.histeuroideas.2011.03.003>
- Brenner, R. 2003. *Merchants and Revolution: Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550–1653*. London: Verso, 2003.
- Brockunier, S. 1940. *The Irrepressible Democrat: Roger Williams*. New York: Ronald Press.
- Byrd, J. 2002. *The Challenges of Roger Williams: Religious Liberty, Violent Persecution, and the Bible*. Macon: Mercer University Press.
- Calamandrei, M. Neglected Aspects of Roger Williams's Thought. *Church History* 21 (3): 245–256.
- Carlino, A. Roger Williams and His Place in History: The Background and the Last Quarter Century. *Rhode Island History* 58 (2): 34–71.
- Cave, A. 1996. *The Pequot War*. Amherst: University of Massachusetts Press.
- Churchill, W. 2004. *Kill the Indian, Save the Man: The Genocidal Impact of American Indian Residential Schools*. San-Francisco: City Lights Publishers.
- Davis, J. American Indian Boarding School Experiences: Recent Studies from Native Perspectives. *OAH Magazine of History* 15 (2): 20–22.
- Davis, J. Roger Williams among the Narragansett Indians. *New England Quarterly* 43 (4): 593–604.
- Fitzgerald, T. 2007. *Discourse on Civility and Barbarity*. Oxford: Oxford University Press.
- Garret, J. 1970. *Roger Williams: Witness beyond Christendom*. London: Macmillan & Co.

- Gaustad, E. 2005. *Roger Williams*. Oxford: Oxford University Press.
- Goodman, N. Banishment, Jurisdiction, and Identity in Seventeenth-Century New England: The Case of Roger Williams. *Early American Studies: An Interdisciplinary Journal* 7 (1):109–39. <https://doi.org/10.1353/eam.0.0014>
- Hall, T. 1998. *Separating Church and State: Roger Williams and Religious Liberty*. Urbana: University of Illinois Press.
- Hill, C. 1997. *The Intellectual Origins of the English Revolution Revisited*. Oxford: Clarendon Press.
- Johnson, A. 2015. *The First American Founder: Roger Williams and Freedom of Conscience*. Pittsburgh: Philosophia Publications.
- Knowles, J. 1834. *Memoir of Roger Williams, the Founder of the State of Rhode Island*. Boston: Lincoln, Edmunds & Co.
- Miller, P. 1953. *Roger Williams: His Contribution to the American Tradition*. New York: Bobbs, Merrill.
- Miller, P. 1963. Roger Williams: An Essay of Interpretation. In *The Complete Writings of Roger Williams*, edited by P. Miller, 5–25. Vol. 7. New York: Russell & Russell.
- Parrington, V. 1930. *Main Currents in American Thought: An Interpretation of American Literature from the Beginnings to 1920*. New York: Harcourt, Brace & Co.
- Stanley, A. 2009. “To Speak With Other Tongues”: Linguistics, Colonialism and Identity in 17th Century New England. *Comparative American Studies* 7 (1): 1–17. <https://doi.org/10.1179/147757009X417233>
- Winslow, O. 1957. *Master Roger Williams: A Biography*. New York: Macmillan & Co.
- Wood, T. 2000. Kingdom Expectations: The Native American in the Puritan Missiology of John Winthrop and Roger Williams. *Fides et Historia* 32 (1): 39–49.

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ АЛЕУТОВ В РОССИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: алеуты, Аляска, российская колонизация, Русская Америка, межэтнические контакты

На основании просмотра нескольких сот документов, записок, мемуаров и других материалов (включая архивные источники) была выявлена эволюция оценки российскими путешественниками, учеными, морскими офицерами, представителями колониальной администрации и миссионерами коренного населения Алеутских островов в период с 1741 по 1867 г. Как показало проведенное исследование, первоначальное негативное мнение об алеутах за десятилетия этнических контактов и постепенной аккультурации меняется на все более позитивное, которое начинает доминировать с 1830-х годов. Эта тенденция проявляется особенно четко в сопоставлении с характеристиками некоторых групп коренного населения Русской Америки, прежде всего воинственными индейцами-тлинкитами, сохранявшими свою независимость на протяжении всего русского периода истории Аляски. Как показывает историческая практика, требуется всего два-три поколения, чтобы психология и культура этноса существенным образом преобразились под влиянием межэтнических контактов. Параллельно идет процесс трансформации представления о народе (несмотря на субъективизм мнений), подвергнувшемуся аккультурации со стороны представителей доминирующего этноса. Эволюция восприятия алеутов, отразившаяся в российских источниках XVIII–XIX вв., может послужить хорошей иллюстрацией подобной динамики.

Проблема восприятия русскими коренных народов России уже неоднократно привлекала внимание исследователей. Достаточно вспомнить вышедшие еще в советское время крупные монографии известного якутского историка В.Н. Иванова, посвященные оценке народов Северо-Востока Азии в российских источниках и историографии XVII–XX вв. (Иванов 1978, 1989). Подобные работы выходили и позже (Урушадзе 2015; Валитов, Гераимова 2020). В этом плане коренным народам Аляски не слишком повезло. Мне известна только одна статья, принадлежащая перу дальневосточной исследовательницы С.Б. Белоглазовой, об отражении в записках русских миссионеров и мореплавателей конца XVIII – начала XIX в. быта и культуры эскимосов, населявших большой о-в Кадьяк у берегов Южной Аляски (Белоглазова 2002). Однако эта работа охватывала ограниченные хронологические рамки и была написана около 20 лет назад без использования изданных позднее архивных источников и вообще любых неопубликованных архивных материалов. В зарубежной историографии подобные специальные работы мне не встречались, хотя в трудах по этнической истории иногда упоминались отдельные аспекты избранной темы (см.: *de Laguna* 1972: 133–137). Поэтому будет целесообразно обратиться к ней для более

Андрей Вальтерович Гринёв | <http://orcid.org/0000-0002-0246-7945> | agrinev1960@mail.ru | д. и. н., профессор кафедры общественных наук | Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (ул. Политехническая 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия)

подробного изучения. Правда, придется ограничиться рассмотрением только одной этнической группы — алеутов, т.к. анализ восприятия русскими вообще всех туземцев Аляски, с которыми они имели контакты в период так наз. Русской Америки, потребует написания специальной монографии.

Источниками для этой статьи послужили рапорты и записки русских мореплавателей, казаков и представителей купеческих компаний, которые открыли берега Аляски и Алеутских островов в XVIII в., а затем занялись их освоением. В 1790-х годах к ним присоединяются миссионеры, а в 1799 г. и служащие вновь созданной Российско-Американской компании (РАК), которой царское правительство подчинило свои владения в Новом Свете. С начала XIX в. немало ценной информации можно обнаружить в официальных документах РАК, в записках, очерках и мемуарах путешественников и морских офицеров, а также в отчетах священнослужителей, трудившихся в российских колониях (которые в 1867 г. были проданы США).

Материалы источников существенно различаются между собой как по объему, так и по содержанию. Они были написаны разными людьми — от полуграмотных казаков до высокообразованных морских офицеров. Одни авторы ограничивались беглым наблюдением во время краткого посещения русских колоний, а другие жили на протяжении многих лет среди туземцев Аляски, как, например, знаменитый миссионер Иван Евсеевич Попов-Вениаминов (Святитель Иннокентий). Обычно россияне обращали внимание на внешность туземцев, их численность, предметы материальной культуры и гораздо реже описывали элементы духовного мира коренных американцев (это происходило чаще всего из-за краткости контактов и незнания языка местных жителей). Впечатления зависели от исторического периода и личности описывающего, а также от специфики конкретной этнической группы и ее отношения к пришельцам. Фиксация характерных черт туземцев и других касающихся их сведений иногда могла происходить спонтанно, а иногда в соответствии со специально разработанными инструкциями. Например, в “Наставлении” Адмиралтейств-коллегии (1785 г.) начальнику исследовательской экспедиции капитан-лейтенанту Иосифу (Джозефу) Биллингсу предписывалось:

Расспросить, как они называются и почему, много ли их числом, а паче мужчин; разведать об их богослужении, об обожаемых ими вещах, о которых крайне наблюдать, чтоб оные от команды вашей неприкосновенны и неразрушаемы остались; также чем они питаются, какие имеют промыслы, ездят ли куда и на чем, как и то место, куда они ездят, как называется, в которую сторону, далеко ли те земли и острова лежат? (Сарычев 1952: 288–289).

Здесь следует сказать, что первые сведения об Аляске и обитавших там туземцах русские получили еще в середине XVII в., но добраться до земли за океаном они смогли только после появления у них парусных судов современного типа в результате петровских преобразований, причем сам Петр I был инициатором 1-й Камчатской экспедиции во главе с капитаном Витусом Берингом. Одной из ее целей было открытие американских берегов. В 1728 г. команда Беринга смогла пройти проливом между Азией и Америкой на небольшом парусном боте “Св. Гавриил”. В 1732 г. этот бот под начальством геодезиста Михаила Гвоздева и подштурмана Ивана Фёдорова вновь побывал в этом районе. Русские моряки подходили к островам, расположенным в Беринговом проливе, но были враждебно встречены местными эскимосами, чьи сородичи ушли вместе с чукчами сражаться против очередного казачьего отряда, посланного на Чукотку для “замирения” и сбора ясака. Затем “Св. Гавриил” приблизился к американскому берегу, где путешественники увидели хвойные леса, множество оленей и жилища аляскинских эскимосов. Один эскимос даже подплыл на каяке (байдарке) к судну. Любопытно отметить, что он не только понимал чукотский

язык толмача, находившегося на борту бота, но и правильно указал, в какой стороне находится Камчатка, о которой его расспрашивали русские, прикинувшись заблудившимися в море и бедствующими от голода (Андреев 1948: 101–106).

4 июня 1741 г. два пакетбота с моряками 2-й Камчатской экспедиции во главе с Витусом Берингом и Алексеем Чириковым вышли из Петропавловской бухты на Камчатке и в середине июля порознь достигли побережья Америки в районе 55° и 60° с.ш. Однако полноценного контакта с туземцами не получилось. Посланные за водой на один из островов архипелага Александра две лодки с 15 “служителями” пакетбота капитана Чирикова бесследно исчезли, а появившиеся вскоре два каноэ местных индейцев-тлинкитов так и не приблизились к кораблю. Из поведения туземцев Чириков сделал горестный вывод, “что с посланными от нас людьми от них на берег поступлено неприятельски: или их побили или задержали” (Нарочницкий 1984: 226).

Из-за недостатка воды Чириков вынужден был возвратиться на Камчатку; по пути он открыл ряд Алеутских островов, с обитателями которых произошло несколько кратких встреч. Моряки общались с приплывшими к судну на байдарках алеутами знаками, причем часть подарков, которые старались передать русские, бросая их с борта пакетбота, островитяне не приняли, и те просто утонули в море. Единственное, что хотели иметь алеуты, были железные ножи. Однако попытка моряков получить взамен пресную воду окончилась неудачей. Хотя три байдарки привезли с берега воду в сивучьих пузырях, но русским она так и не досталась. Один из алеутов, протягивая пузырь, требовал за него нож, а когда нож был ему сброшен, передал пузырь другому алеуту, который потребовал еще один нож. Такое поведение туземцев подтолкнуло Чирикова к неутешительному заключению:

Почему можно признать, что они люди совести худой, что и из других их действий видеть было можно. А собою они мужики рослые, лицами похожи на татар, видом бледны, а знатно, что здоровы, бород почти у всех нет от природы или выщипывают, того знать невозможно, только двух или трех человек видели з бородами коротенькими; в носсах имеют все коренья воткнуты, от чево у иных и кровь текла, которые коренья и нам подавали в гостинцы и давали, чтоб мы ели... (Андреев 1948: 106–109).

Помимо этого “деликатеса” русские получили от алеутов некий минерал, четыре легких дротика с перьями и деревянную шляпу-козырек, за что им был отдан топор, “которой приняли с великой радостью” (Там же).

Что касается Беринга, то его пакетбот приблизился к о-ву Каяк значительно севернее высадки людей капитана Чирикова. Посланные на берег спутники командора не встречались с местными жителями, хотя и обнаружили следы их присутствия. На обратном пути пакетбот прошел к югу от о-ва Кадьяк. Он подходил к некоторым островам южнее п-ва Аляска, где моряки имели несколько коротких встреч с алеутами. Первоначально русские были приняты довольно дружелюбно, но, когда туземцы попытались задержать на берегу толмача-коряка и не отпустили канат лодки, на которой его спутники подошли к берегу, русским пришлось сделать три выстрела поверх их голов, от чего алеуты в испуге попадали на землю, выпустив толмача, который смог бежать и возвратился на лодку. Алеуты были очень недовольны поступком моряков, освободивших таким образом своего товарища (Стеллер 1995: 72).

Сопровождавший экспедицию Беринга немецкий натуралист Георг Стеллер (Штеллер) оставил нам первое подробное описание внешности алеутов, их одежды, орудий труда и байдарок:

Они среднего роста, сильные и коренастые, при этом довольно хорошо сложенные, с мускулистыми руками и ногами. Волосы у них на голове черные, блестящие и спадают совершенно прямо. Лица смуглые, несколько плоские и полные. Нос также

уплощенный, но не слишком широкий или большой. Глаза черные как уголь, губы толстые и выпяченные. Кроме того, у них короткие шеи, широкие плечи и плотные, хотя без брюшка, туловища. Все они одеты в рубахи с рукавами, достигающие до икр; рубахи изготовлены из китовой кишки, сшитой очень тонкими швами. У некоторых рубахи ниже пупа перетянуты ремнем, а другие носят их свободно. Двое из них были одеты в башмаки и штаны, изготовленные на камчатский манер из тюленьей кожи и окрашенные в буро-красный цвет корой ольхи. У двоих в ножнах на поясе на манер русских крестьян были подвешены длинные железные ножи примитивной работы, которые могут быть собственного, а никак не европейского производства (Там же: 73–74).

Стеллер предположил, что местные жители получают эти ножи через посредническую торговлю от чукчей, а те — от русских в Анадырске. Кроме того, моряки выменяли у приплывших к кораблю Беринга алеутов две деревянные шляпы-козырька, подобные тем, что носили камчадалы (ительмены) и коряки на Камчатке. Правда, в отличие от последних, алеуты украшали свои лица костяными и каменными втулками и косточками, вставленными в прорези под нижней губой, в носовом хряще и в ушах (Там же: 76).

Стеллеру не удалось сделать более детальных наблюдений, так как пакетбот взял курс на Камчатку, но по пути потерпел крушение: сильным ветром корабль был выброшен на остров, позднее названный островом Беринга. Здесь во время тяжелой зимовки скончался руководитель экспедиции. Оставшиеся в живых моряки смогли построить из обломков пакетбота новое судно, на котором и возвратились на Камчатку в 1742 г. с богатым грузом пушнины, добытой на негостеприимном острове.

Ценные меха, привезенные участниками экспедиции Беринга, заинтересовали местных купцов, промышленников и казаков. Уже в 1743 г. для промысла пушного зверя на острова к востоку от Камчатки отправилось первое судно, за ним последовали и другие, экипажи которых добывали или выменивали пушнину у алеутов, параллельно обращая их в российское подданство и собирая с них ясак в царскую казну. Первый контакт алеутов с русскими промышленниками состоялся в 1745 г., когда судно “Св. Евдоким” под командой морехода Михаила Неводчикова и передовщика (приказчика) Якова Чупрова зазимовало на о-ве Атту. Вскоре между пришельцами и коренными жителями начались столкновения, причем инициаторами и виновниками в большинстве случаев были промышленники и их начальник Чупров, “чинившие непопорочные поступки и смертное убийство” (АВПРИ: Л. 20б.—3). Свои беспощадные расправы они впоследствии объясняли тем, что якобы приняли островитян за воинственных чукчей, которых опасались из-за их многочисленности и свирепого нрава. А давая позднее показания на Камчатке, отзывались о туземцах как о не заслуживающих жалости: “Люди худые и кровь пьют. Островитяне были видом весьма страховаты и кровососы, в губы вставлены наподобие зубов кости; а когда заткнут одну ноздрю, то потечет оттуда кровь, которую языком и лижут” (АРГО 1: Л. 19–20).

Несмотря на то что часть команды Неводчикова была осуждена на Камчатке за “убийство и блудное воровство” в отношении алеутов, это не остановило насилие и убийства туземцев промышленниками других купеческих компаний. Но иногда алеуты первыми нападали на незваных пришельцев. Так, после крушения “Св. Иеремии” ночью 2 сентября 1752 г. у о-ва Адак команда судна во главе с мореходом Петром Башмаковым подверглась атаке местных жителей. Дальневосточный историк Александр Семенович Полонский писал в XIX в. на основе архивных документов:

Попуту туземцы увидели русских на берегу и встретили их неприязненно — одного убили, другого ранили и только ружейными выстрелами были прогнаны. Народ чукотский, рожи шитые (татуированные), вкладывают костяные зубы. Островитяне немирились и потом делали нападения на промышленных занявшихся уже

промыслами; а потому Башмаков, чтобы обезопасить себя, делал на туземцев поиски вооруженною рукою и произвел довольно убийств (АРГО 2: Л. 32).

Трудно сказать, верили ли сами полуграмотные промышленники в то, что перед ними чукчи, или называли алеутов так из-за воинственных наклонностей и внешнего сходства с неукротимыми обитателями Чукотки. Правда, в дальнейшем русские стали сравнивать алеутов уже не с чукчами, а с камчадалами. В рапортах мореходов, казаков и промышленников, ходивших на Алеутские острова, периодически встречались данные о численности туземцев, упоминания о получении от них заложников-аманатов, об обложении ясаком в пользу казны и тому подобные сюжеты. Иногда эти сведения дополнялись детальными этнографическими зарисовками. Так, участник промысловой экспедиции на судне “Св. Прокопий и Иоанн” в 1760–1763 гг. нежинский купец Прокопий Яковлевич Лисенков (Лисенко) сообщал о “платежных ясашных Алеуцких 3-х островах” — группе Ближних островов, население которых к этому времени платило ясак в царскую казну. Лисенков описал одежду местных жителей — теплые парки-балахоны и непромокаемые камлеи, сшитые из сивучьих кишок, украшения мужчин и женщин, орудия труда и оружие, упомянул промысловую деятельность и наличие у алеутов рабов (“холопей”) (Дивин 1979: 345).

В отличие от уже примиренных алеутов Ближних островов, жившие далее к востоку, по описанию Лисенкова, были опасными противниками, которые готовы были пойти на все, чтобы истребить промышленников:

Первый от Алеуцких островов остров, именуемой по их званию Ибья, он же называется Буддырь; на нем живет народ весьма зол и несклонен (подчиняться и платить ясак. — *А.Г.*); и когда принуждено за водою пристать, и внезапно нападают и на берег не пускают. <...> И те народы имеют с собою стрелы долгие, бросают из рук доскою (с помощью копьеметалки. — *А.Г.*), а на тех стрелах вместо железа употребляют кость китовую и камень остро (Там же).

Еще опаснее были алеуты, обитавшие к востоку от о-ва Буддырь, которые имели помимо оперенных дротиков и копьеметалок луки со стрелами, пращи, железные ножи, выкованные из гвоздей, вынутых из разбившихся русских судов и японских джонок, заносимых на Алеутские острова океанскими течениями и штормами. Лисенков писал:

Когда случится во близости тех островов пройти судну, выезжают те народы в байдарках к судну и зовут к себе с ласкою под видом и указывают гавань, потому што видев в судне железо, для того и призывают; из байдарок выходят на судно якобы приятели и пересчитывают, сколько российских народов на судне; по приезде к берегу нападают столь крепко, едва можно от них спасение получить (Там же: 345–346).

Таковыми же непримиримыми описывали алеутов самых восточных Лисьих островов побывавшие здесь в экспедиции в 1766–1767 гг. морские офицеры Петр Креницын и Михаил Левашов:

А хотя в данной секретной инструкции, между прочим, в третьем пункте упомянутых островов Умнака и Уналакши (жители. — *А.Г.*) в подданство е. и. в. (его императорского величества. — *А.Г.*) приведены и ясак платят, а ныне усмотрено, что они по-русски в называемой ясак и приносят зверей только те, у которых дети в аманатах, да и то из трусости, опасаясь, чтоб их или детей не убили, а куды те звери идут, они совсем не знают, да и впредь в них тово не можно. А разсуждали они прежде, что только в свете и людей, сколько они знают островов, а ныне имеют малое понятие о Камчатке, якоб все люди (русские. — *А.Г.*), которые приезжают к ним, обитают на Камчатке. А более нигде нет, и по той причине не можно их в настоящей порядок привести или малым числом людей с них ясак брать. Они тово и смотрят, естли хотя

мало их сторона сильная, то всех убьют без остатку, не разсуждая, что на другой год к ним много людей (русских. — *А.Г.*) будет. А которых убьют, и говорят, что только их и есть, а более к ним не будут. А хотя ныне и видят, да чрез сказывание от толмачей знают, что российских людей много, только к постоянному житию по их природной варварской злобе и зависти на всякие мелочи их привести к тому никак не можно... (Там же: 361).

Дополнительным отрицательным фактором в глазах русских было отсутствие у алеутов религиозных воззрений о душе и христианских моральных норм: “Те ж народы о душе своей попечения никакого не имеют и смертного часа и будущего века не помнят. Житие свое препровождают так, как подобно скоту” (Там же: 93).

Тем не менее уже в эти годы в записях об алеутах появляются первые позитивные нотки. Например, в 1764 г. казаки Максим Лазарев и Петр Васютинский, описывая Андреяновские острова, рассказывали о жилищах, одежде, промыслах и обычаях местных туземцев, давая им следующую характеристику:

Жительствоющие люди возраста среднего и большого, телом не меньше азиатских народов, здоровее и крепче, а силою здешних камчадалов превосходнее; лицом, глазами, волосом с тем азиатским народом совсем сходны; видом грубы, а по разговорам и обхождению ласковы и приятны, а при том ко всему понятны и смысленны (*Андреев* 1944: 33).

В “Заключении” Адмиралтейств-коллегии от 23 февраля 1767 г. про алеутов было сказано вообще исключительно в позитивном ключе: “Нравы примечены изрядные и сердца добрые, притом довольно остроумны, в чем весьма превосходят камчадалов” (*Андреев* 1948: 177).

Очевидно, что положительные изменения в оценке алеутов были связаны с их постепенным “замирением” и аккультурацией. Так, по свидетельству купца Федора Афанасьевича Кулькова, побывавшего в начале 1760-х годов на Ближних Алеутских островах, местные жители уже не представляли никакой угрозы для промышленников: “Мушины нравы имеют тихие, просты или безхитростны, в исполнении данного своего обещания безмерно суетливы и постоянны. Напротив чего, женский пол примечен очень весел, ветрен, и к непозволительным с мушинами обхождениям безмерно склонен” (*Ляпунова* 1979: 104). Эти слова подтверждают и иностранные путешественники, например знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук, побывавший на Уналашке в декабре 1778 г.:

Здесь уместно кое-что сообщить о туземцах: они по всем признакам самые мирные и спокойные люди из всех мне известных, а честность их может служить образцом для более цивилизованных народов земного шара. Но, судя по тому, что я видел у других народов, не состоящих в сношениях с русскими, я склонен думать, что эти качества отнюдь не природные, и я полагаю, что обладают они ими благодаря общению с русскими или, скорее, вследствие подчинения последним (*Кук* 1971: 397).

Далее Кук записал в своем дневнике: “Туземцы очень радушны, и живут они дружно, а к нашим людям они проявляли величайшую вежливость. Женщины оказывали нашим людям милости без малейших колебаний” (Там же: 405). В этом не было ничего особо удивительного, учитывая традиционные семейно-брачные отношения алеутов, позволявшие мужу иметь нескольких жен, которых он мог отдавать другим мужчинам за различные вещи, а жене — иметь еще одного мужа, так наз. половинщика (*Андреев* 1948: 115, 143, 167; *Вениаминов* 1840: 60, 78).

Дополним этот материал цитатой из раннего русского источника об алеутах:

Свадебных обрядов не имеют они никаких, и всяк берет столько жен, сколько он содержать в состоянии; однако ж никто более четырех не имеет. Иные удовлетворяют так же похоти своей и противным природе образом по примеру Камчадалов; и такие

мужчины носят женское платье. Жены живут не все вместе, но в разных юртах (полуземлянках. — *А.Г.*), как у Камчадалов. Мужья часто жен своих променивают на какие-нибудь надобности, а во время голоду отдают их и за пузырь с жиром. Некоторые из таковых мужей стараются так же получить жен своих обратно; если не могут выручить, а особливо таких, коих больше других любили, то не редко сами себя убивают. Ежели чужестранцы прибудут в какое ни есть селение, то женщины по общему их обыкновению выходят на встречу, а мужчины остаются дома; и сие почитается знаком дружества и доказательством того, что приезжие могут быть безопасны. Ежели хозяин имеет многих жен, то он одною ссужает своего гостя; если же и у самого его только одна, то отдает ему служанку (*Шелихов* 1971: 85).

Естественно, подобные обычаи шокировали русских, но ситуация быстро менялась в сторону адаптации коренного населения к отдельным элементам русской культуры и языку, о чем сообщал в 1780-х годах известный купец Григорий Иванович Шелихов: “Алеуты платят ныне ясак и совсем подвластны России. Некоторые из них научились уже несколько от российских промышленников и по-русски. Да и все вообще жители островов в Восточном океане лежащих отменно склонны к учению и весьма скоро российской язык понимают” (*Шелихов* 1971: 87).

Сам Шелихов в 1784 г. захватил крупный о-в Кадык и основал там первое постоянное русское поселение в Америке. Поскольку внешность, украшения и многие элементы традиционной культуры эскимосов Кадыка очень напоминали алеутские, то в дальнейшем русские именовали их “кадыкскими алеутами” или просто “алеутами”, породив тем самым их современное самоназвание — *алютиик* (мн.ч. *алютиит*). К началу 1790-х годов обитатели о-ва Кадык были уже окончательно подчинены русскими, но все еще отличались от алеутов более “грубыми нравами”, что отмечал в своем путевом журнале капитан Биллингс: “Обычай и обхождение их такие же, как и у жителей острова Уналашки; однако кадыкинцы грубее их и не столько смыслены” (*Дивин* 1979: 385). Это мнение не разделял главный правитель компании Шелихова Александр Андреевич Баранов, который мог лично наблюдать быт и нравы алеутов, перезимовав в 1790—1791 гг. на Уналашке: “Надобно много раз подтверждать, чтоб сказанное поняли, однако же непонятного им никак невозможно вперить” (*Хлебников* 1979: 98). У Баранова сложилось в целом не очень лестное впечатление об алеутах:

Мужеской и женский пол вид имеют неотвратительный, лицом смугловаты, но есть чистые и природный в лице румянец имеющие; волосы у всех черные, но вообще все ленивы и неопрятны, вшивы, ногтей не обрезают и редко умываются. Образ жизни ведут самый гнусный. Юрты их худые и холодные; огня в них, кроме что в жирниках (каменных лампах, в углубление которых наливался тюлений или китовый жир и вставлялся фитиль. — *А.Г.*), не имеют; живут по множеству в одной с семействами и нечистоту редко вычищают, а около юрт помет свой извергают. Мокрота, грязь, вонь, тесные в юрты проходы и стужа в них делают отвращение (Там же: 96).

Отношение алеутов к русским определялось, по мнению Баранова, исключительно корыстными мотивами:

К русским они ныне привязаны более по нуждам своим, [потому] что вошли уже во вкус носить русские вещи, как то: на платье и для украшения девок своих, кои желают более, чтоб и всегда были русские у них, от коих они что-нибудь достать могут. И просят беспрестанно, как оные, так и мужики, за всякий шаг своей услуги. Привычка же к табаку уже сделалась для них необходимою, то [потому] и скучают, когда нет никого из русских, а в прочем во всем они следуют руководствующей всеми животными натуре, не заботясь нимало о дальнейших предрассуждениях. <...> Данное свое слово держат потуда, поколику нужда или обстоятельство их влекут. А на мене ж, то ни греха, ни в совести терзания не ощущают, хотя б то и до жизни ближнего

касалось. Убивают без зазрения, когда изберут удобный случай наедине, и своих жителей, когда какую досаду причинил тот (Там же: 98–99).

Помощник Биллингса Гавриил Андреевич Сарычев в 1792 г. описывал коренных обитателей Уналашки совершенного иначе:

Природные жители нраву тихого и миролюбивого. Мы во все наше здесь пребывание не видали между ними никаких несогласий и раздоров. Во время путешествия моего кругом острова в селениях принимали меня с отменною ласкою и угощали весьма усердно. Можно сказать, что гостеприимство между сими дикими есть первая добродетель, оказываемая не токмо приятелям или знакомым, но вообще всем проезжим через их селения. Я сам был свидетелем, что других островов незнакомым совсем алеутам отдавали половину последнего своего запаса без всякой платы. <...> К похвале алеут надобно еще сказать, что они не воры, и сего общего порока, свойственного всем диким, населяющим берега и острова Восточного и Южного океана, склонности не имеют. Также и прочих худых склонностей в них не приметно, кроме лености и неблагодарности. Сильных страстей никогда не изыявляют и при чрезвычайных происшествиях не видно на лицах их ни досад, ни печали, ни радости (Сарычев 1952: 218).

Многие черты характера алеутов, подмеченные Сарычевым, будут впоследствии повторяться в описаниях других путешественников и миссионеров.

В отличие от Баранова, скептически относившегося к умственным способностям алеутов, Сарычев придерживался иного мнения: “Алеуты одарены природным разумом, имеют много способности и довольно понятны (понятливы. — А.Г.): я видел некоторых из них, играющих в карты и шашки, большую игру, называемую шах, так хорошо, что никто из спутников наших не мог у них выигрывать” (Там же).

К началу 1790-х годов, как отмечал Сарычев, в быту алеутов уже достаточно основательно утвердились полученные от русских металлические котлы для варки пищи, железные ножи и топоры (последние алеуты переделывали на свой особый манер). Кроме того, под влиянием русских алеутки начали постепенно оставлять обычай делать на лице татуировки, прокалывать носовой хрящ и делать отверстия под нижней губой для вставки костяных втулок и ношения подвесок из белого и голубого бисера: “Много есть, однакож, женщин, которые из угождения к русским подобными украшениями себя не безобразят: сюда принадлежат вообще все те, кои происходят от смешения русских с природными жителями. Из сих последних женщин многие имеют лицо белое, совершенно европейское, и волосы русые” (Там же: 141). Самой высокой оценки, с точки зрения Сарычева, заслуживали изделия алеуток: “Каждая на своем месте упражняется в рукоделии. Оное состоит в плетении травяных ковров, мешечков и корзинок, которое на Уналашке против протчих островов делают с отменным искусством. Не менее того заслуживают похвалу и их шитье подзоров (ленты, оборки. — А.Г.) на парки и шапочки” (Нарочницкий 1989: 269).

Что касается традиционных обычаев, то в 1790-е годы у алеутов все еще широко практиковалось шаманство, чему Сарычев неоднократно был свидетелем, а мужчины могли иметь по две-три жены и уступать одну из них другим мужчинам с ее согласия, обычно за какие-нибудь подарки, чем часто пользовались русские промышленники. Вместе с тем традиция убивать на поминках богатого алеута принадлежавшего ему раба к этому времени уже исчезла: “Ныне сей варварский обычай отменен, а кладут только с покойником его байдарку, стрелки и другие подобные сему вещи” (Сарычев 1952: 217). Более того, все больше алеутов принимали православие и совершенно оставляли свои старые обычаи и шаманство.

Надо сказать, что некоторые русские промышленники крестили алеутов частично из стремления распространить веру, частично по материальным соображениям, что отмечал позднее миссионер Вениаминов, “ибо окрещенные Алеуты, уважая восприемников своих, как отцов, служили им исключительно и усердно,

и никто другой из Русских не мог приманить к себе чужих крестников” (Творения 1887: 3). Находившийся в составе экспедиции Биллингса священник Василий Сивцов в 1790–1791 гг. окрестил на Алеутских островах 93 мужчин и 33 женщин из числа местных жителей и обвенчал 14 пар. В 1794 г. на Кадьяк прибыли монахи первой духовной миссии, по пути они останавливались на Уналашке, где окрестили более 100 человек, а иеромонах Макарий дополнительно объехал еще 25 островов Алеутской гряды и окрестил 2472 алеута и совершил 536 венчаний, из них 36 – браки русских с туземками (*Климент* 2009: 29, 50, 57). Таким образом, уже к концу XVIII в. основная часть алеутов приняла православную веру, причем многие из них искренне придерживались ее, о чем сообщал иеромонах Гедеон, побывавший на Уналашке в 1808 г.:

Жители острова Уналашка, равно как и прочих островов всей Алеутской гряды, весьма привержены вере. Знают и благоговейно почитают все праздники, с крайнею охотою и любовью слушают внушаемые наставления и оные самым делом исполняют. Они очень понятны [понятливы], трудолюбивы, кротки, усердны и честны; юрты их чище и приборнее кадьякских; некоторые имеют свои и огороды, в которых родится только картофель и репа. На острове Умнак построена часовня во имя Святителя Николая старанием грамотного тоена (старейшины. – *А.Г.*) Ивана Глотова, который сам и отправляет там утренние молитвы и часы в воскресные и праздничные дни (*Дридзе, Кинжалов* 1994: 111).

К началу XIX в. алеуты, как и жители всех российских колоний, находились уже почти 10 лет под властью монопольной Российско-Американской компании, главной целью которой было приобретение пушнины, добываемой в основном туземцами, в т.ч. алеутами. За меха туземцы получали от компании весьма ограниченный ассортимент товаров: металлические котлы, ножи, бисер, материю, одежду, табак и т.п. по крайне завышенным ценам. Неудивительно, что в начале XIX в. алеуты жили очень бедно, что отмечал побывавший в 1816 и 1817 гг. на Уналашке участник экспедиции лейтенанта Отто фон Коцебу на бриге “Рюрик” известный поэт-романтик Адельберт де Шамиссо: “Нам пришлось надолго задержаться на этом печальном острове. Я наблюдал, как бедствовали поработанные, нищие алеуты, но видел и их господ — здешних русских, которые и сами были угнетены” (*Шамиссо* 1986: 103). Шамиссо с сожалением писал о плясках, которые устроили по приказу русского начальства для экипажа брига местные алеуты: “Я твердо уверен в том, что в прежние времена, когда они были еще свободными, они были иными, чем теперь, когда рабство довело их почти до животного состояния и танцы еще радовали их” (Там же).

В несколько лучшем положении, чем обитатели Алеутской гряды, находились алеуты на островах Прибылова, переселенные сюда с Уналашки для добычи морских котиков. Побывавший здесь в 1815 г. лейтенант Семен Яковлевич Унковский писал:

На обоих островах находится около 300 человек алеут с их женами и детьми. Они казались быть гораздо здоровее и бодрее, которых мы видели в селении Ситхи (Ново-Архангельск на о-ве Ситха (Баранова). – *А.Г.*). Скромная жизнь и малое употребление горячих напитков делает их таковыми. Румяный цвет лица и довольно чистая одежда мало их отличают от европейцев. Женский пол вообще не дурен, но слишком застенчивый и дикий взгляд не привлекает просвещенного европейца. Мне случилось быть на острове св. Георгия, где я видел красавиц сего острова, сидящих на берегу, поджавши свои ноги и опустя голову в землю, как бы не смея посмотреть на нас. Я пожелал им доброго дня, но не удостоился ни от одной ответа. Мне казалось, что их горестная участь содействует столь скучными и угрюмыми, но в том весьма ошибся, ибо, по удалении несколько шагов, я их видел играющих между собою, и прыгали с веселым видом. Жилища их

довольно опрятны, хотя по недостатку леса сделаны из дерна и обиты внутри досками, но гораздо чище, нежели в селении Ситхи. Пища их состоит из птиц и молодых сивушат, в чем они никогда не имеют недостатка (*Унковский* 2004: 121–122).

Как сообщал позднее Вениаминов, добыча котиков превратила алеутов островов Прибылова в наиболее зажиточных среди сородичей, хотя он и вынужден был признать, что вообще алеуты были очень бедны (*Вениаминов* 1840: 244).

Однако постепенно, хотя и очень медленно, состояние алеутов стало улучшаться, после того как с 1818 г. российские колонии стали возглавлять морские офицеры, в большинстве своем достаточно гуманные и образованные. Так, во второй половине 1819 г. главный правитель лейтенант Семен Иванович Яновский посетил Кадьяк, Уналашку и острова Прибылова, где столкнулся с нищетой и бедствиями местных жителей. Он постарался облегчить жизнь зависимых туземцев: определил точные суммы платежей за различные работы и охотничью добычу и запретил увеличивать численность наиболее угнетаемых работников компании, так наз. каюров, без согласования с главным правителем, а существующее количество сократил более чем в два раза (*NARS: Roll 27. P. 14*). Побывавший через год на Уналашке лейтенант Алексей Петрович Лазарев отмечал:

Известно, что из всех морских зверей, китов и рыбы, доставляемых алеутами, компания берет половину за самую малейшую плату, почему алеуты не могут быть богаты, ни под каким видом. С приездом туда лейтенанта Яновского увеличена была на все цена, например, за кита прежде платили от 5 до 10, а ныне, смотря по величине, от 10 до 20 руб.; за бобра (калана. — *А.Г.*) прежде платили пять, ныне 10 руб.; за треску каждую ныне платят 5 копеек, а до того ничего не платили (*Лазарев* 1950: 186).

Помимо заботы о материальном благополучии алеутов колониальное начальство обратило внимание на их религиозные нужды, и в 1824 г. из столицы российских колоний Ново-Архангельска на Уналашку был отправлен талантливый миссионер, священник Иван Евсеевич Вениаминов (Попов). Он прожил на Уналашке 10 лет, периодически посещая свою паству на других островах Алеутской гряды. Наблюдения Вениаминова особенно ценны, т.к. он провел среди алеутов долгие годы и составил их подробнейший психологический портрет: “Самая резкая и сильная черта характера Алеутов, есть их *терпеливость* — и терпеливость почти до безчувствия; кажется не возможно придумать такой трудности, такого не выносимаго обстоятельства, которые бы поколебали Алеута и заставили его роптать” (*Вениаминов* 1840: 20). Отсюда проистекали другие особенности этого народа: молчаливость, крайняя сдержанность в проявлении чувств:

Ветренность, или дикая, глупая веселость, совсем не в характере Алеутов. Во всякое время на безразличном лице Алеута и в его поступках и движениях, видна одинаковая степенность и важность или, лучше сказать, неподвижность. При самых смешных сценах, он смеется не много; даже дети мало смеются; и все вообще почти никогда не хохочут. Алеут почти всегда в таком положении, как будто его тяготит какая-то печаль, или занимает важная мысль (Там же: 46).

По мнению Вениаминова, алеуты были наделены многими положительными качествами: они были честны, данное обещание всегда исполняли; воровство считалось среди них постыдным грехом; они были очень неприхотливы, не стремились к стяжанию богатства и охотно делились всем со своими сородичами. Среди алеутов были исключительно сильны уважение к родителям и любовь к детям: ради детей родители готовы были голодать, а иногда, в случае гибели сына, отец с горя кончал жизнь самоубийством; дети же старались всячески заботиться о родителях. “Бросить родителей считалось самым бесчестным поступком” (Там же: 26–40, 137–138).

Парадоксальным образом, отмечал Вениаминов, в алеутах сочеталось бесстрашие перед лицом природной стихии, когда они без колебаний отправлялись на промысел в открытое море, где охотились на огромных сивучей и китов, и страх перед русским начальством:

Алеуты трусливы и боязливы. Скажите ему, что начальник сердит на него, и он, хотя бы ни в чем не был виноват, оробеет и станет уныл и скучен. Разумеется, он боится не начальника, но наказаний, которых он и в детстве не видывал. <...> На против того, при опасности на море, сколько бы она не была велика и не ожиданна, Алеут не потеряется и не оробеет; и до тех пор будет противоборствовать со всею отважностью, осторожностью и искусством, пока позволяют его телесные силы. Равным образом промышленник не трусит нападать на зверей всякого рода (Там же: 34).

Как и прочие наблюдатели, Вениаминов подчеркивал беспечность алеутов, которые готовы были за три месяца съесть запас провизии на зиму, а потом голодать. Кроме того, они не отличались трудолюбием:

Алеуты ленивы. Это надобно сказать прямо и без всяких обиняков. Очень часто можно видеть Алеута, сидящего без всякого дела, тогда как кажется ему бы должно было работать и день и ночь, дабы воспользоваться обстоятельствами или погодой. Только летом он несколько деятельнее, но и тут видно большое не усердие. <...> Но надо отдать справедливость женщинам, которые вообще деятельнее и трудолюбивее мужчин. <...> Смотря на их труды, тяжкие и продолжительные, какие например требуются при переездах в байдарках, продолжающихся иногда по 20 часов сряду, и почти каждый день во все лето, — труды, для всякого другого кроме Алеута, почти невыносимые, — самое бездействие их, продолжающееся иногда столько же времени, можно почесть соразмерным отдыхом и приготовлением к новым трудам. Но не смотря на это, должно сказать, что Алеуты не очень трудолюбивы и вообще не способны к трудам непрерывным и постоянным, какие требуются на пример при скотоводстве и хлебопашестве. Они деятельны только на время и на выдержку (Там же: 48–50).

Хотя некоторые алеуты к началу XIX в. уже имели небольшие огороды, по свидетельству Вениаминова, они плохо присматривали за ними. Он полагал, что зимние и особенно весенние голодовки среди алеутов были вызваны не повинностями в пользу РАК, а их собственной беспечностью. Островитяне всегда рассчитывали найти что-нибудь съедобное на океанском берегу или просто перетерпеть голод: “Причина беззаботности Алеутов находится сколько в их характере, столько и в том, что они, живя при море, всегда надеются достать пищи и в самом море, или на берегах его; а в случае неудачи надеются вытерпеть” (Там же: 47).

Миссионер не скрывал, что алеуты имели склонность к пьянству и никогда не отказывались от водки, потребление которой, впрочем, строго ограничивалось колониальным начальством. Но особенно алеуты любили крепкий табак, который, по замечанию Вениаминова, “некоторым образом заменяет им водку”. Он писал: “Приверженность же к табаку в них так велика, что Алеут без табаку уныл и скучен и более не деятелен. При этом случае он охотно променяет последний кусок пищи, или лучшую стрелку (охотничий дротик. — *А.Г.*), за листок табаку. При изобилии же табаку он непрерывно употребляет его” (Там же: 53–54). Таким образом, табак превратился в своего рода наркотик и действенный стимул к трудовой деятельности, что активно использовали агенты РАК, контролируя распределение табака среди алеутов.

Как и другие очевидцы, Вениаминов отмечал, что этот народ не отличался склонностью к чистоте: “Алеуты довольно неопрятны. Все нечистоты выбрасываются подле самого входа в юрту. Пищу готовят очень небрежно. Домашняя посуда почти никогда не моется. <...> Дети почти всегда грязны, запачканы и со всклокоченными волосами, даже многие и из взрослых, особенно из женщин,

не много чище детей своих и в разорванном платье” (Там же: 50–51). Правда, писал миссионер, под влиянием русских алеуты постепенно привыкали к порядку и чистоте.

Главным же отличием алеутов от других туземцев Русской Америки Вениаминов считал их искреннюю набожность:

Алеуты по всей справедливости могут быть названы примерными Христианами. <...> Все требуемая от них Религиею обязанности они исполняют с полною охотою и точною и, очень многие, с благоговейным страхом и смирением, так, что во все мое пребывание там не было ни одного нерадиваго. <...> Сравнивая Алеутов с Кадыкцами — их соседями — в Религиозном отношении, с первого раза видно большое различие между ними. У Кадыкцев и по сию пору существует шаманство и все прежния их суеверия почти в полной силе — тогда, как у Алеутов первого совсем нет, да и поселения в несравненно меньшей степени, чем прежде. Из Кадыкцев едва сотая часть сколько нибудь исполняют обязанности Религии и весьма не многих можно признать усердными к ней; а Алеуты, по всей справедливости, в этом отношении не уступят и самым лучшим Христианам нашего времени (Там же: 144, 146–147).

Это наблюдение подтверждал и главный правитель колоний барон Фердинанд фон Врангель, который летом 1831 г. посетил Уналашку во время инспекционной поездки. Он писал в Главное правление РАК:

В сравнении с Кадыкскими Алеутами можно Уналашкинских (Лисьевских) назвать благочестивыми не токмо по названию, но и в соблюдении обрядов, хорошими Христианами; они совершенно отстали от шаманства и в семейной жизни скромны и честны... <...> К промыслам и те и другие радивы, ибо в этом и состоит их природный нрав; а к прочим работам довольно ленивы, не изменяя обычаю праотцов своих (NARS: Roll 34. P. 177).

Глава Новоархангельской конторы РАК Кирилл Тимофеевич Хлебников дополнял эту картину собственными наблюдениями, сделанными на островах Прибылова:

Алеуты здешние скромны, тихого нрава, но по природной склонности ленивы и неопрятны, а наипаче женщины не брегут [не заботятся] о чистоте тела и одежды. Они для пищи делают деревянную посуду; из нее днем едят, в нее ж ночью мочатся и тем поутру умываются. Платье носят по большей части европейское и редко когда во время стужи надевают парки. Все они говорят природным языком, многие чисто говорят и знают читать и писать по-русски. Кажутся прилежны к вере и каждое воскресенье, когда русские читают молитвы в часовне или казарме, непременно собираются молиться (Хлебников 1979: 203).

Действительно, уже в 1820–1830-е годы алеуты были довольно значительно ассимилированы русскими в культурном отношении. Не случайно Вениаминов сообщал: “Обычаи нынешних Алеутов есть смесь их прежних обычаев с обычаями Русских, или, по крайней мере, они придерживаются тех и других...” (Вениаминов 1840: 66). Побывавший в те годы в Русской Америке на шлюпе “Сенявин” знаменитый путешественник капитан-лейтенант Федор Петрович Литке также свидетельствовал:

Состояние жителей Уналашки и вообще Лисьей гряды, как описывают его прежние путешественники, во многом теперь изменилось. Они во многих отношениях обрусели, подражают русским в образе жизни, одеянии. Они все христиане, но только со времени о. Иоанна (Вениаминова. — А.Г.) стали получать некоторое понятие об истинном значении этого слова, хотя, впрочем, усердны к исполнению обрядов веры, церковь посещают прилежно. <...> Лисьевские алеуты добры, сметливы и ловки; море — их настоящая стихия. Увидев алеута с кривыми ногами, согбенного вперед, переваливающегося, как утка, с боку на бок и потом с необыкновенной ловкостью и проворством управляющего на большом волнении однолужной байдаркой,

похожей больше на лыжу, нежели на лодку, трудно поверить, чтобы это был один и тот же человек. Принимая обычаи наши, они много теряют прежнего своего удалства на байдарках (*Литке* 1948: 85).

Тем не менее РАК всячески поддерживала те компоненты традиционной культуры алеутов, которые были полезны для добычи пушнины, в частности спонсировало строительство байдарок и обучение управлению ими молодых островитян. А Вениаминов, считая важным донести содержание христианских молитв до сознания своей туземной паствы на ее родном языке, разработал письменность на основе кириллицы и перевел на алеутский основные религиозные тексты. В дальнейшем составленная им алеутская азбука послужила основой распространения грамотности среди населения Уналашки и островов Прибылова (см.: *Климент* 2009: 115–119). Несмотря на обретение письменности на родном языке, к середине 1840-х годов алеуты уже утратили основные элементы своей прежней культуры; одевались они как русские и сами стремились к ассимиляции, о чем свидетельствовал лейтенант Лаврентий Алексеевич Загоскин:

В главнейших наших заселениях в колониях, как и в столицах, тип народности сглажен. Алеуты ходят в куртках и сюртуках, жены их и дочери в ситцевых платьях и камлеях, то есть длинных тиковых или китайчатых (китайка — разновидность материи. — *А.Г.*) рубашках, обшитых по вороту и подолу красным сукном; замужние, под опасением греха, всегда ходят с покрытой головой; девушки — с распущенными волосами, перевязанными у затылка лентой. Сильнейшая страсть последних — выйти замуж за русского или даже креола (метиса. — *А.Г.*), или, иными словами, выйти из родового своего сословия (*Загоскин* 1956: 54).

К концу 1840-х годов главный правитель российских колоний капитан 2-го ранга Михаил Дмитриевич Тебеньков разделял алеутов на три группы (по названию групп островов, на которых они проживали): уналашкинские, атхинские и прибыловские. После инспекционной поездки он писал в Петербург об уналашкинцах директорам РАК: “Алеуты острова Уналашки дружелюбны, ласковы, гостеприимны, почтительны, послушны, честны и по степени образования своего довольно трудолюбивы” (NARS: Roll 52. P. 445). Такие положительные качества Тебеньков приписывал влиянию христианской веры, которую привили алеутам их духовные пастыри, в первую очередь, конечно, о. Иоанн Вениаминов. “Пропитание на Атхе туземцов скуднее, нежели на Уналашке”, — писал далее Тебеньков об атхинцах и указывал, что это происходит от того, что здесь меньше промыслового зверя и рыбы:

А потому в чертах лица и движениях Алеут видно какое то уныние и вялость. — Впрочем резкое различие в отношении общего характера Алеут Атхи и Уналашки происходит оттого, что на Уналашке Тоены имеют весьма малое влияние на Алеут: там всякий говорит и действует за себя. Между тем как на Атхе Тоён Дедюхин есть можно сказать Князек своего племени. <...> Атхинские Алеуты, подобно как и Уналашкинские отличаются также в особенности кротостию нрава и приветом. Они хорошие христиане; по крайней мере на этой степени они стоят не ниже туземцов Уналашки. Миролюбия на Атхе я встретил более, нежели на Уналашке (Там же: 450).

На островах Прибылова, где РАК добывала морских котиков, заработки местных алеутов были весьма значительны (до 400 руб., что превышало стандартное годовое жалованье русского промысловника — 350 руб. ассигнациями, хотя последний получал от компании также ежемесячный продуктовый паек). Это сказалось на манерах и поведении местных туземцев, которые были самыми активными, работающими и деятельными, о чем не преминул упомянуть Тебеньков: “Таким образом, довольство Алеут на о-х Прибылова даже заметно в их физиономии и духе, с каким они являются к судну — работать” (Там же: 457). Его рассуждения попали даже в официальный отчет

РАК за 1847 г., где говорилось: “Особенно утешительное явление представляют Алеуты Прибыловых островов, которые как в нравственном, так и в хозяйственном отношении заслуживают первенства пред всеми своими единоплеменниками”. Служивший здесь управляющим креол Касьян Васильевич Шаяшников завел школу, благодаря которой все население островов Прибылова стало грамотным и почти все взрослые алеуты умели писать (Отчет 1847: 36).

Наряду с успехами в области духовной культуры улучшались бытовые условия алеутов. Врач Зиновий Степанович Говорливый по результатам своей поездки на Уналашку в конце 1850-х годов писал: “Чистота, какую я нашел во всех Уналашкинских юртах, странно противоречила тому понятию, какое составлено мною из рассказов о грязных неопрятных Алеутах” (Отчет 1860: 80). А инспектирующий российские колонии в 1860–1861 гг. капитан-лейтенант Павел Николаевич Головин отмечал: “Потребности европейской жизни уже начинают проявляться среди алеутов, так что почти у всех вы найдете и чайники, и чашки и стаканы, а многие имеют и самовары, и все это содержат, относительно, довольно опрятно” (Приложения 1863: 305).

Напарник Головина по инспекции российских колоний, действительный статский советник Сергей Александрович Костливцов вообще ставил алеутов на первое место среди всех туземных жителей российских колоний:

Из всего колониального, подведомого Компании, населения, в особенности Алеуты отличаются хорошей нравственностью: доброе сердце, незлобливость, великодушие, терпение, презрение опасности, покорность судьбе и властям, над ними поставленным, и особенная преданность православной церкви, таковы вообще черты характера их. Между Алеутами не известны ни воровство, ни мошенничество, ни ложь... (Приложения 1863: 76).

Перечисленными положительными качествами алеуты выгодно отличались от других туземцев Русской Америки, особенно представителей независимых племен, в первую очередь воинственных тлинкитов, о которых историк РАК Петр Александрович Тихменев писал в начале 1860-х годов: “Хищничество и воровство при всяком удобном случае, вероломство, умение отомстить врагу и т.д. составляют и по ныне особенные достоинства между ними” (Тихменев 1863: 206).

По мнению Головина, похвальные, с точки зрения русских, качества алеутов явились результатом жестокой колонизаторской политики, особенно на первых этапах освоения Алеутских островов, когда русские промышленники,

истребив большую часть алеутов, убили и остальных морально, привив к ним разврат, которого прежде между ними не было, — а об улучшении их быта, участи их, никому не было дела. Правда, алеуты приняли христианство, очень усердно посещают церкви и исполняют религиозные обряды, но едва ли они имеют истинное убеждение в превосходстве христианской религии: люди, хорошо знающие алеутов, утверждают, что они завтра же сделаются самыми ревностными магометанами, если это им прикажет начальство. Действия первых русских промышленников довели алеутов до бесконечной покорности и ни одному из них и в голову не придет ослушаться кого-либо из русских. Алеуты обладают многими хорошими качествами: они смиренны, добры, гостеприимны, охотно помогают ближнему и честны; воровства между ними вовсе нет и не слышать вовсе о важных проступках; но за то они бесконечно ленивы, беспечны и прожорливы (Приложения 1863: 299).

Коллега Головина Костливцов писал об эволюции нравственного облика алеута под влиянием русской колонизации:

Сравнивая Алеута 1-й половины 18 столетия с нынешним, невольно сознаешь перемену. В то время обитатели островов довольствовались в полной мере тем диким образом жизни, в котором их застали Русские, — но ныне, как внутренняя, так и

внешняя жизнь Алеута совершенно изменилась: — из язычника он сделался христианином, — из дикаго разбойника, жившего набегами и грабежом, он сделался кротким гражданином; — из необузданно своевольнаго, он сделался примерно послушным и покорным поставленной над ними власти (Приложения 1863: 103).

Подобные перемены, хотя и не всегда сопровождаемые насилием со стороны белых колонизаторов, коснулись и других представителей коренного населения Америки. Так, индейцы, жившие на берегах р. Колумбия, за несколько десятилетий контактов с белыми торговцами кардинально поменяли свой менталитет. Не без сарказма высказался по этому поводу один из служащих британской Компании Гудзонова залива в разговоре с российским путешественником Николаем Ивановичем фон Фрейманом: “...большие негодяи сделались ничтожными воришками, а большие герои малыми негодяями” (Савич 1846: 86). В Русской Америке лишь воинственные и независимые тлинкиты и некоторые группы северных эскимосов и атапасков продолжали сохранять многие элементы своей традиционной материальной и духовной культуры.

* * *

Собранные из различных источников сведения однозначно свидетельствуют о значительных переменах в культуре и менталитете обитателей Алеутских островов под влиянием русской колонизации. В этом не было ничего удивительного, так как именно алеуты раньше других аляскинских туземцев вошли в тесный контакт с промышленниками, казаками, моряками и купцами из России и были полностью подчинены русскими уже к 1780-м годам. При этом параллельно изменению обычаев и постепенной аккультурации алеутов менялось их восприятие русскими, что отражено в многочисленных источниках: первоначально негативное мнение о коренном населении Алеутских островов становится все более позитивным, а с 1830-х годов положительные оценки начинают доминировать. Эта тенденция проявляется особенно четко в сопоставлении с характеристиками других туземцев Русской Америки.

Как показывает историческая практика, требуется всего два-три поколения, чтобы психология и культура этноса существенным образом преобразились под влиянием межэтнических контактов. Параллельно идет процесс трансформации представления о народе (несмотря на субъективизм мнений), подвергнувшемся аккультурации со стороны представителей доминирующего этноса. Эволюция восприятия алеутов, отразившаяся в российских источниках XVIII–XIX вв., может послужить хорошей иллюстрацией подобной динамики.

Источники и материалы

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 5.
Андреев 1944 — Андреев А.И. (ред.) Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1944.
Андреев 1948 — Андреев А.И. (ред.) Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948.
АРГО 1 — Архив Русского географического общества. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2.
АРГО 2 — Архив Русского географического общества. Ф. 99. Оп. 1. Д. 55.
Вениаминов 1840 — Иннокентий (Попов-Вениаминов И.Е.). Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым. Ч. II. СПб.: Типогр. Имп. Рос. академии, 1840.
Дивин 1979 — Дивин В.А. и др. (сост., прим. и комм.) Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1979.

- Дридзо, Кинжалов* 1994 — *Дридзо А.Д., Кинжалов Р.В.* (отв. ред.) Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М.: Мысль, 1994.
- Загоскин* 1956 — *Загоскин Л.А.* Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. / Общ. ред., прим. и коммент. М.Б. Черненко, Г.А. Агранат, Е.Э. Бломквист. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1956.
- Кук* 1971 — *Кук Дж.* Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом Океане в 1776–1780 / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. Я.М. Света. М.: Мысль, 1971.
- Лазарев* 1950 — *Лазарев А.П.* Записки о плавании военного шлюпа Благонамеренного в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах, веденные гвардейского экипажа лейтенантом А.П. Лазаревым / Под ред., со вступ. ст. и коммент. А.И. Соловьева. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1950.
- Литке* 1948 — *Литке Ф.П.* Путешествие вокруг света на военном шлюпе “Сенявин”. 1826–1829 / Ред., предисл. и прим. Н.Н. Зубова, А.Д. Добровольского. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948.
- Нарочницкий* 1984 — *Нарочницкий А.Л.* (гл. ред.) Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в. Т. 1: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М.: Наука, 1984.
- Нарочницкий* 1989 — *Нарочницкий А.Л.* (гл. ред.) Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в. Т. 2: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1989.
- Отчет 1847 — Отчет Российско-Американской компании Главного правления за один год, по 1-е января 1847 г. СПб.: Тип. Фишера, 1847.
- Отчет 1860 — Отчет Российско-Американской компании за 1860 год. СПб.: Тип. Штаба Инспектора по Инженерной части, 1861.
- Приложения 1863 — Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: В тип. Деп-та внешней торговли, 1863.
- Савич* 1846 — *Савич А.Н.* Извлечение из отчета г-на Фреймана, ездившего чрез владения Гудзонбайской компании // Записки Русского географического общества. 1846. Кн. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук. С. 79–92.
- Сарычев* 1952 — *Сарычев Г.А.* Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану / Под ред. Н.Н. Зубова. М.: Географиз, 1952.
- Стеллер* 1995 — *Стеллер Г.В.* Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742 / Пер. с англ., ред., предисл. и коммент. А.К. Станюковича. М.: ПАН, 1995.
- Творения 1887 — Творения Иннокентия, митрополита Московского. Кн. 2 / Собр. Иваном Барсуковым. М.: Синод. тип., 1887.
- Тихменев* 1863 — *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. II. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1863.
- Унковский* 2004 — *Унковский С.Я.* Записки моряка. 1803–1819 гг. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004.
- Хлебников* 1979 — *Хлебников К.Т.* Русская Америка в “неопубликованных записках” Кирилла Хлебникова / Сост., авторы введ. и коммент. Р.Г. Ляпунова, С.Г. Федорова. Л.: Наука, 1979.
- Шамиссо* 1986 — *Шамиссо А.* Путешествие вокруг света / Пер. с нем. А.М. Моделя, коммент. и послесл. Л.Р. Серебрянного. М.: Наука, 1986.
- Шелихов* 1971 — [*Шелихов Г.И.*] Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам / Под ред., с предисл. и прим. Б.П. Полевого. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1971.
- NARS — National Archives and Record Service (Wash.) RG 261. RRAC.

Научная литература

- Белоглазова С.Б.* Коренные жители острова Кадыка периода Русской Америки в записках русских миссионеров и мореплавателей // Вестник ДВО РАН. 2002. № 1. С. 34–44.

- Валитов А.А., Гераимова В.А. Образ евреев в записках сибирских паломников как фактор определения русской идентичности // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 149–155.
- Иванов В.Н. Русские ученые о народах Северо-Востока Азии (XVII – начала XX в.). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1978.
- Иванов В.Н. Историческая мысль в России XVIII – середины XIX в. о народах Северо-Востока Азии. М.: Наука, 1989.
- Ляпунова Р.Г. Новый документ о ранних плаваниях на Алеутские острова (“Известия” Фёдора Афанасьевича Кулькова 1764 г.) // Страны и народы Востока. Вып. XX. М.: Наука, 1979. С. 97–105.
- митрополит Климент (Капалин). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М.: ОЛМА Медия Групп, 2009.
- Урушадзе А.Т. Свои или чужие? Грузия и грузины глазами российских офицеров и чиновников (первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. 2015. № 3. С. 116–122.
- de Laguna F. Under Mount Saint Elias: The History and Culture of Yakutat Tlingit. Pt. 1. Washington: Smithsonian Institution Press, 1972.

Research Article

Grinëv, A.V. The Evolution of the Perception of the Aleuts in Russian Sources of the 18th–19th Centuries [Evolutsiia vospriiatiia aleutov v rossiiskikh istochnikakh XVIII–XIX vv.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 3, pp. 48–65. <https://doi.org/10.31857/S086954150015494-3> ISSN 0869-5415
© Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Andrei Grinëv | <https://orcid.org/0000-0002-0246-7945> | agrinev1960@mail.ru | Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Polytechnicheskaya str., St. Petersburg, 195251, Russia)

Keywords

Aleuts, Alaska, Russian colonization, Russian America, interethnic contacts

Abstract

Drawing on a review of several hundred documents, notes, memoirs and other materials (including archival sources), the author has traced the evolution of the assessment by Russian travelers, scientists, naval officers, representatives of the first administrative administrators of the colonial administration and missionaries of the indigenous population of the Aleutian Islands in the period from 1741 to 1867. As the research has shown, the initial negative opinion about Aleuts over the decades of ethnic contacts and their gradual acculturation changes to an increasingly positive one, which begins to dominate since the 1830s. This tendency manifests itself especially clearly in comparison with the characteristics of some groups of the indigenous population of Russian America, primarily the warlike Tlingit Indians, who retained their independence throughout the Russian period of Alaska's history. Historical practice demonstrates it takes only two or three generations for the ethnic psychology and culture of an ethnic group to be significantly transformed under the influence of interethnic contacts. In parallel, there is a process of transformation of the idea of the people (despite the subjectivism of opinions), which has undergone acculturation, on the part of the representatives of the dominant ethnos. The evolution of Aleut perception, reflected in Russian sources of the 18th–19th centuries, can serve as a good illustration of such dynamics.

References

- Beloglazova, S.B. 2002. Korennye zhiteli ostrova Kad'iaka perioda Russkoi Ameriki v zapiskakh russkikh missionerov i moreplavatelei [The Indigenous Inhabitants of the Kodiak Island of the Period of Russian America in the Notes of Russian Missionaries and Navigators]. *Vestnik DVO RAN* 1: 34–44.

- de Laguna, F. 1972. *Under Mount Saint Elias: The History and Culture of Yakutat Tlingit*. Pt. 1. Washington: Smithsonian Institution Press.
- Ivanov, V.N. 1978. *Russkie uchenye o narodakh Severo-Vostoka Azii (XVII – nachala XX v.)* [Russian Scientists about the Peoples of Northeast Asia (17 – Early 20 Century)]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Ivanov, V.N. 1989. *Istoricheskaia mysl' v Rossii XVIII – serediny XIX v. o narodakh Severo-Vostoka Azii* [Historical Thought in Russia in the 18th – Mid-19th Centuries about the Peoples of Northeast Asia]. Moscow: Nauka.
- Liapunova, R.G. 1979. Novyi dokument o rannikh plavaniiax na Aleutskie ostrova ("Izvestiia" Fedora Afanas'evicha Kul'kova 1764 g.) [A New Document on the Early Voyages to the Aleutian Islands (Izvestia by Fyodor Afanasyevich Kulkov, 1764)]. In *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East], XX: 97–105. Moscow: Nauka.
- Mitropolitan Kliment (Kapalin). 2009. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' na Aliaske do 1917 goda* [Russian Orthodox Church in Alaska before 1917]. Moscow: OLMA Mediia Grupp.
- Urushadze, A.T. 2015. Svoi ili chuzhie? Gruzii i gruziny glazami rossiiskikh ofitserov i chinovnikov (pervaia polovina XIX v.) [Ours or Strangers? Georgia and Georgians through the Eyes of Russian Officers and Officials (First Half of the 19th Century)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 3: 116–122.
- Valitov, A.A., and V.A. Geraimova. 2020. Obraz evreev v zapiskakh sibirskikh palomnikov kak faktor opredeleniia russkoi identichnosti [The Image of Jews in the Notes of Siberian Pilgrims as a Factor in Determining Russian Identity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii* 64: 149–155.

**ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ В КОМПЛЕКСЕ
ВООРУЖЕНИЯ ИНДЕЙЦЕВ-ТЛИНКИТОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX в.**

Ключевые слова: северо-западное побережье Северной Америки, индейцы-тлинкиты, вооружение, военное дело

В статье на основе анализа письменных источников XVIII–XIX вв., этнографических коллекций и материалов современных исследований прослеживается динамика изменений комплекса вооружения индейцев-тлинкитов под влиянием контактов с европейцами во второй половине XVIII – середине XIX в. Изначально комплекс вооружения тлинкитов составляли кинжалы, копья, палицы, каменные топоры, лук и стрелы. Защитное вооружение представлено щитами, кожаными и деревянными доспехами и шлемами. Примерно с середины 1790-х годов в связи с активизацией морской торговли с европейцами в комплексе вооружения индейцев происходят резкие изменения. В первую очередь это находит отражение в широком использовании огне-стрельного оружия. Из употребления выходят щиты, топоры и палицы, снижается значимость луков и стрел. Во второй четверти XIX в. эти тенденции получают дальнейшее развитие: все большее распространение получают различные разновидности кожаных доспехов, а огнестрельное оружие в этот период начинает играть решающую роль в ведении боевых действий.

Вооружение аборигенов неизменно привлекало внимание европейских мореплавателей. Не в последнюю очередь этот интерес был связан с угрозой, которую представляли воины коренного населения исследуемых земель в случае возможного столкновения с путешественниками и торговцами. Этим в какой-то мере объясняются многочисленные детальные описания оружия и боевого снаряжения, оставленные мореплавателями XVIII–XIX вв. после контактов с тлинкитами, называемыми в русских источниках “колошами” (Гринёв 1986: 104–108). Воинственные и хорошо вооруженные индейцы северо-западного побережья Северной Америки являлись для осваивающих морские пути купцов не только важными торговыми партнерами, но и опасными потенциальными противниками, готовыми при любой удобной возможности атаковать судно или высадившуюся на берег партию моряков. Реальную угрозу представляли “колоши” и для русских первооткрывателей, стремившихся обосноваться в пределах племенной территории индейцев (Гринёв 1991; Зорин 2017).

Вооружение тлинкитов XVIII–XIX вв. уже неоднократно становилось предметом изучения историков и этнографов. Разделы, посвященные вооружению коренных жителей северо-западного побережья Северной Америки, содержатся в трудах А. Краузе (Krause 1956: 172–173), Ф. де Лагуны (Laguna 1972: 367–370, 585–591), Дж. Эммонса (Emmons 1991: 337–351), А.В. Гринёва (Гринёв 1991: 66–68, 218–220). Важное значение

Александр Васильевич Зорин | <http://orcid.org/0000-0002-0353-9461> | tlingt@mail.ru | к. и. н., главный хранитель фондов | ОБУК “Курский государственный музей археологии” (ул. Пионеров 6, Курск, 305001, Россия)

имеют комментированные обзоры и каталоги музейных коллекций (*Ратнер-Штернберг* 1930: 167–191; *Тлинкиты* 2007: 149–198). Однако, как правило, авторы ограничивались лишь фиксацией наличия у тлинкитов того или иного оружия и описанием конкретных его образцов, изредка упоминая, что некоторые из предметов вооружения к моменту проведения полевых наблюдений уже вышли из употребления. Лишь в исследовании Андрея Вальтеровича Гринёва имеются замечания относительно изменений, произошедших в военном деле тлинкитов под влиянием контактов с европейцами (*Гринёв* 1991: 67, 218–219, 219–220). Проследить динамику изменений комплекса тлинкитского вооружения со второй половины XVIII до середины XIX в. и является целью данной работы.

* * *

Сообщения письменных источников, на основании которых можно восстановить традиционный комплекс вооружения тлинкитов и проследить его эволюцию в ходе общения с европейцами, следует разделить на три хронологические группы.

Первая относится к эпохе ранних контактов, к 1770 – началу 1790-х годов. Ее составляют сообщения испанских (Ф. Морель, И. де Артеага, Т. Суриа, Х. Риобо, Ф. Киррос-и-Миранда), французских (Ж.-Ф. Лаперуз), английских (Дж. Диксон, Н. Портлок, У. Бересфорд, Д. Колнетт) и русских (Г.Г. Измайлов, Д.И. Бочаров) мореплавателей.

Вторая датируется 1790–1800-ми годами, когда контакты с индейцами участились, что было связано в первую очередь с активизацией морской мехоторговли на северо-западном побережье Северной Америки и с усилиями, предпринимаемыми русскими промышленными людьми, а затем и Российско-Американской компанией по упрочению своего присутствия на землях тлинкитов. Сюда вошли свидетельства французских (Э. Маршан), английских (Дж. Ванкувер) и русских (Е. Пуртов, Д. Куликалов, А.А. Баранов, Ю.Ф. Лисянский, И.И. Баннер, М.Т. Тиханов) путешественников и коммерсантов.

Третья группа источников охватывает вторую четверть – середину XIX в., в них зафиксированы изменения, произошедшие к этому времени в комплексе вооружения аборигенов. Это свидетельства британских (Дж. Симпсон), немецких (Ф.Г. Китлиц, А. Краузе) и русских (И. Вениаминов, А.П. Шабельский, Ф.П. Литке, К.Т. Хлебников, И.Г. Вознесенский) мореплавателей и исследователей.

1770 – начало 1790-х годов. Сообщения этого периода свидетельствуют о том, что в первую очередь путешественники обращали внимание на кинжалы. Так, в 1779 г. лейтенант Игнасио де Артеага, прибывший на судне “Ла Принцесса” в бухту Букарелли, отмечал, что во время торговли с индейцами приходилось быть очень бдительными, поскольку “они воровали все, что могли, особенно железо, ценимое ими более всего, ибо из него они изготавливают оружие наподобие кинжалов, имеющих форму в виде широкого штыка, каковые выглядят изделиями рук искусного мастера; они носят эти кинжалы в кожаных ножнах, висящих у них на шее” (*Olson* 2002: 69). Жан Франсуа Лаперуз, посетивший в 1786 г. бухту Лытуа, видел у дешних индейцев однолезвийные кинжалы:

...каждый из них [тлинкитов] имеет железный кинжал, висящий на шее, формой своей подобный крису туземцев Индостана, исключая различие в рукояти, каковая есть не более чем продолжение лезвия, закругленная и без режущей кромки. Это оружие имеет ножны из дубленой кожи и кажется наиболее ценным предметом среди их имущества. Так как мы весьма внимательно осматривали эти кинжалы, то индейцы сообщили нам знаками, что используют их только против медведей и других диких зверей (*La Pérouse* 1799: 85).

Кинжалы, изготовленные из самородной меди, были зафиксированы в 1787 г. Джорджем Диксоном (*Dixon* 1789: 188) и его спутником, капитаном Натаниэлом Портлоком, отмечавшим наличие у тлинкитов необычного оружия с двумя клинками: “Кинжалы, кои эти люди применяют в битве, изготовлены так, чтобы ими можно было колоть с обоих концов, второй из которых имеет над рукояткой длину в три, четыре или пять дюймов и завершается острием” (*Portlock* 1789: 260–261). Уильям Бересфорд в 1787 г. сообщает, что среди тлинкитского оружия имеется “род короткого кинжала, каковой носится в кожаном чехле, привязанным к телу: к нему крепится кожаный ремень на конце коего имеется отверстие для среднего пальца, он дважды обматывается вокруг запястья, дабы прочно закрепить кинжал в руке, так что воин теряет свое оружие только вместе с жизнью” (*Dixon* 1789: 244). В 1788 г. русский купец и мореход Герасим Григорьевич Измайлов и штурман галиота “Три Святителя” Дмитрий Иванович Бочаров, посетив Якутат, отметили, что индейцы

носят платье на наружную сторону шерстью, сделанное на подобие плаща, и то на одном только плече, под оным имеют они всегда копья на ремне через плечо с нагашищем повешенные. Копья сии с одной стороны с выпуклыми долами, а с другой наподобие ложбины; длина их бывает в две четверти аршина, в середине шириной вершка по три, к концу же и по бокам острые, которые и куют они на камне сами (*Шелихов* 1792: 12).

О наличии у тлинкитов копий упоминает в 1779 г. де Артеага: “...также имеют они копья с очень длинными древками и остриями средних размеров”. Он сообщает, что индейцы, вооруженные копьями, с презрением относились к огнестрельному оружию испанцев, “полагая, что оно не пригодно ни для чего, кроме произведения шума, в то время как их собственное оружие пронзает сердце и убивает” (*Olson* 2002: 69, 70). Испанский судовой капеллан Хуан Риобо тогда же писал, что “их копья очень хорошо сделаны, очень прямые и правильной формы; некоторые имеют наконечники до 24 дюймов в длину на очень длинном и прекрасно выделанном древке” (*Ibid.*: 91). Позднее в 1786 г. Лаперуз также отметил среди наступательного оружия тлинкитов “копье, изготовленное из дерева, с острием, обожженным на огне или железным, в соответствии с богатством владельца” (*La Pérouse* 1799: 148). Детальное описание этого оружия оставил в 1791 г. испанский художник и исследователь Томас де Сурия, лично видевший его в руках воина в Якутате: “Копье есть тяжелый шест из черного дерева, хорошо обработанный, к концу которого привязано лезвие большого ножа, какие получают они от англичан в обмен на свои шкуры” (*Suría* 1936: 256). В то же время Джордж Ванкувер сообщает, что “их копья около 16 футов длины имели железные острия нескольких простых форм, среди коих некоторые были зазубрены (для промысла рыбы и морского зверя. — А.З.)” (*Vancouver* 1798: 339). Бересфорд в 1787 г. также упоминает о наличии у тлинкитов копий: “Их оружие — копья на древке в шесть или восемь футов” (*Dixon* 1789: 244).

Об использовании тлинкитами каменных топоров имеется единственное упоминание. В записках де Сурия находим: “Топор — из черного камня, размера, формы и заостренности наших железных топоров. Они крепят его к прочной палке и используют как на войне, так и для других нужд” (*Suría* 1936: 256).

Путешественники конца XVIII в. регулярно упоминают лук и стрелы как обычное оружие тлинкитских воинов. По словам Лаперуза, “стрелы обыкновенно имеют медные острия, но луки не представляют ничего особенного и много слабее, нежели у многих иных наций” (*La Pérouse* 1799: 148). “Они вешают *satusas* [отчаны] и перекидывают луки через плечо, позади которого и висит колчан”, — отмечает де Сурия (*Suría* 1936: 256). Риобо в 1779 г. пишет, что тлинкитские стрелы “превосходно сделаны, некоторые из них имеют наконечники из кремня, некоторые из кости, но у большинства острия из меди и железа, причем очень острые” (*Olson* 2002: 90).

Постоянный интерес у мореплавателей вызывали тлинкитские боевые доспехи. Испанский путешественник дон Франсиско Антонио Морель, посетивший залив Букарелли в 1779 г., писал:

На войне эти индейцы носят кирасы и наплечники, сделанные наподобие корсетов из китового уса у европейских дам. Основу их формируют очень узкие деревянные планки, скрепленные нитью так, что в целом они весьма эластичны и предоставляют рукам определенную свободу для действий оружием. Вокруг шеи они носят латный воротник, покрывающий их лицо до самых глаз; голову их защищает шлем, подобный испанскому мориону, изготавливаемый обычно в виде головы некоего свирепого зверя. От пояса и до ног они носят некий род передника из такого же материала, что и их кирасы. И, наконец, они имеют превосходную шкуру, свешивающуюся со спины почти до щиколоток в виде накидки, коя защищает их от стрел. Доспехи сии непроницаемы для стрел врага, но с таким бременем они не могут менять свои позиции с тою же легкостью, как если бы были менее нагружены (Ibid.: 109).

Другое подробное описание бойца в полном вооружении дал в 1791 г. де Суриа:

Сражающиеся индейцы надевают все свое вооружение: нагрудник, спинные латы, шлем с забралом или тем, что выполняет его роль. Грудные и спинные доспехи есть род кольчуги из досок в два пальца толщиной, соединенных шнуром, который переплетает их как спереди, так и изнутри, равно соединяя их. В этих точках соединения нить берет противоположное направление; получается чехол, который не может пробить стрела даже здесь, а тем более в толстых частях досок. Этот нагрудник привязывается изнанкой к телу. Они носят передник или броню от талии до колен, того же самого рода, который может мешать им ходить. Тем же самым материалом они покрывают себе руки от плеча к локтю, а на ногах носят некие ноговицы, достигающие середины бедра, шерстью внутрь. Шлемы они изготавливают различных форм; обычно это кусок дерева, крупный и толстый, столь большой, что когда я надел один такой, то весил он так же, как если бы был из железа... чтобы прикрыть лицо они опускают от шлема кусок дерева, который окружает его и висит на неких кожаных подвязках, соединяясь с другими, одна из которых идет вверх из-под подбородка. Они соединяются у носа, оставляя в месте стыковки смотровую щель. Примечательно, что перед тем, как одеть свои доспехи, они облачаются в платье, подобное женскому, но тяжелее и толще, особо обработанное. <...> Они сжимают в руках короткое копье, нож и топор. Таково снаряжение воина (Suria 1936: 255–256).

Следует отметить, что ни среди сохранившихся этнографических коллекций, ни в более поздних описаниях нет данных об упоминаемых здесь наборных деревянных “передниках”. Единственное их изображение — рисунок де Суриа. Вероятно, эта часть защитного снаряжения вышла из употребления уже к исходу XVIII в.

О применении панцирей и наручей есть запись в дневнике лейтенанта Фернандо Кироса-и-Миранды, посетившего залив Букарелли в 1779 г.: “...их защитным снаряжением являются куртки из дощечек, переплетенных нитью, кои защищают их с головы до пят... они имеют еще овальные щитки, изготовленные из тех же самых маленьких палочек, чтобы прикрывать обе руки” (Olson 2002: 161). Лаперуз видел в бухте Лыгуа в 1786 г. оригинальный головной убор из медвежьей шкуры, прикрепленной поверх деревянной ермолки (La Pérouse 1799: 139).

Бересфорд, побывавший на северо-западном побережье Северной Америки в 1787 г., обратил внимание на кожаные доспехи тлинкитов Ситки и Якутата: “...они имеют специально для войны большие куртки, сделанные из лосиной кожи, дубленной и согнутой вдвое, а иногда и втрое” (Dixon 1789: 244). А Джеймс Колнетт попытался найти в увиденном близкие британскому взгляду аналогии. По его словам, тлинкиты носят “деревянные корсеты и кожаные куртки, кои пошиты подобно сюртукам возчиков и достаточно толсты, чтобы защитить их тела от копий и стрел; они

весьма уверены в своей безопасности, когда облачены в оные; трудно сказать, из [кожи] каких животных делают они сии доспехи” (*Emmons* 1991: 345).

В сообщениях о защитном вооружении особняком стоит упоминание щитов, обнаруженное в дневниках испанского лейтенанта де Артеаги. Он описывает, как в заливе Букарелли в 1779 г. враждебно настроенные тлинкиты “делали угрожающие движения своими копьями, стуча ими по своим кожаным щитам, а потом издали свирепый клич и принялись распределять между собой стрелы, взятые из ящиков, находившихся в каное” (*Olson* 2002: 70). В другом случае он описывает поднявшихся на борт судна индейцев в тяжелом вооружении. Помимо нагрудников, шлемов и “прекрасных кожаных курток” на них были защитные доспехи наподобие “щитов из дерева” (*Ibid.*: 74).

Таким образом, наблюдатели 1770 – начала 1790-х годов отмечают наличие у тлинкитов кинжалов (как с одним, так и с двумя клинками), копий, топоров, луков и стрел, кожаных и деревянных доспехов (в т.ч. шлемов, кирас, наручей, поножей) — при этом сообщается, что эти два вида доспехов могут носиться одновременно. Упоминаются также кожаные и деревянные щиты, но нет никаких свидетельств о применении огнестрельного оружия.

1790–1800-е годы. На рубеже XVIII–XIX вв. состав вооружения тлинкитов начинает постепенно меняться. Путешественники по-прежнему фиксируют широкое использование индейцами боевых кинжалов. Так, Этьен Маршан, побывавший на Ситке в 1791 г., отмечает:

Тхинкитанеины (*Les Tchinkitânéens*) все вооружены металлическими обоюдоострыми кинжалами 15 или 16 дюймов длиной, от двух с половиной до трех шириной, завершающимися острием, — это оружие они наиболее тщательно хранят и с удовольствием чистят и полируют: гренадер не более гордится своей саблей, чем тхинкитанеин своим кинжалом; он носит его на заплочном ремне в кожаных ножнах и никогда не бывает без него, ни днем, ни ночью. С этим оружием, которое никогда не должно быть обращено против ближнего своего, он сражается подчас врукопашную с медведем, вспарывая оному брюхо, когда разъяренный зверь готов удушить его своими лапами (*Marchand* 1798: 255–256).

По мнению французского путешественника, это оружие первоначально изготавливалось из твердых пород дерева. Это мнение явно ошибочно, поскольку известны ранние образцы каменных и медных кинжалов. Ванкувер в 1793 г. также не обходит своим вниманием кинжалы: “...каждый человек был снабжен железным кинжалом, свисавшем с шеи в кожаных ножнах, каковой предназначался, вероятно, для применения в ближнем бою” (*Vancouver* 1798: 339).

Кинжалы было легко спрятать под накидками, и поэтому не случайно Александр Андреевич Баранов, первый Главный правитель русских поселений в Северной Америке, в 1801 г. рекомендует начальнику Михайловской крепости на Ситке Василию Георгиевичу Медведникову “иметь неприметное им [тлинкитам] примечание, нет ли... при них под одеждою скрытых копий [кинжалов]” (*К истории* 1957: 97). В своем описании “коложских народов” правитель Кадыкской конторы Иван Иванович Баннер в 1803 г. сообщает, что видел, как тлинкиты, начиная военную пляску, брали “каждый в руки по смертоносному орудию, состоящему из копий ручных двоеконечных, а некоторые употребляют лук со стрелою” (Там же: 129).

Реже становятся упоминания о копьях и луках, вид которых также постепенно меняется. Так, Маршан сообщает:

...их пики, *кли*, несомненно, имели первоначально острия из заточенного твердого камня или рыбьей кости, ныне снабжены железными наконечниками европейского производства. Копья их, прежняя форма коих неизвестна, состоят ныне из двух

частей: древка длиной около 15 или 18 футов и железного острия, каковое ничуть не уступает парадным алебардам швейцарцев (*Marchand* 1798: 256).

Ванкувер в 1793 г. отмечал, что “их луки добротны, а стрелы, коими они снабжены в изобилии, выглядят грубо, но имеют острия из кости и железа” (*Vancouver* 1798: 339). Копья применялись тлинкитами и в 1804 г. во время битвы при Ситке против сил Александра Андреевича Баранова и Юрия Федоровича Лисянского. Во время штурма индейской крепости тлинкиты предприняли вылазку, “убит был другой матрос, которого варвары подняли на копья” (*Лисянский* 1812: 24).

К этому же времени относятся первые упоминания о применении тлинкитами огнестрельного оружия. Если при нападении на партию Баранова в 1792 г. воины Якутата его еще не применяли, то уже в 1794 г., согласно рапорту Егора Пуртова и Демида Куликалова, у них было “множество... ружей, а снарядов, как то пороху и свинцу сколько есть неизвестно” (*Тихменев* 1863: 65). В 1794 г. лейтенант Уайдби столкнулся с военным отрядом чилкатцев в Линн-Кэнэл. Индейские воины “были хорошо снабжены не только копьями, но и семью мушкетами и несколькими медными мушкетонами в самом превосходном состоянии <...> Наряду с упомянутым оружием, каждый мужчина был снабжен коротким удобным кинжалом, весьма удачно привязанным к запястью” (*Vancouver* 1798: 252). В мае 1802 г. во время нападения на промысловую партию Ивана Александровича Кускова, основателя и коменданта Форта-Росс в Калифорнии, тлинкиты были вооружены “обыкновенными ружьями, мушкатантами и копьями на длинных ратовьях”, причем Кусков отмечал, что за год количество огнестрельного оружия у индейцев возросло не менее чем вполтину, а то и на две трети (*К истории* 1957: 108, 109). Лисянский в 1804 г. сообщает, что тлинкиты “уже с некоторого времени употребляют огнестрельное оружие и имеют даже небольшие пушки, которые покупают они у приезжающих к ним жителей Американских Областей; что же касается до прежнего их вооружения, копий и стрел, то редко оное теперь здесь видеть можно” (*Лисянский* 1812: 145).

Примечательно использование тлинкитами стреляющих дробью мушкетонов, с действием которых они, несомненно, познакомились во время нападений на суда морских торговцев. Так, Уильям Стёрджис писал в 1799 г.:

Чтобы внушить им страх, самым лучшим будет держать постоянно на реях вооруженных людей. Мы обнаружили, что это — самая лучшая вещь для того, чтобы они знали, что жизнь их в нашем распоряжении и малейшая дерзость с их стороны будет немедленно караться смертью. Один человек, сидящий сверху на корабельной рее, наводит на них ужас, так как им известно, что он со своим мушкетом посещает среди них большее опустошение, чем то смогут сделать 20 из них самих внизу на палубе. Одного вполне достаточно, чтобы держать их в порядке, так как если он находится в таком положении, когда они приближаются к судну, то их всех можно постоянно держать в поле зрения, а они не сводят с него глаз все то время, пока стоят у борта, взирая вверх, подобно ханжам или проповедникам. Но если послать человека наверх в тот момент, когда они начинают беспорядки, то они поспешно отгребут прочь и не возвратятся до тех пор, пока не решат, что вы забыли их оскорбления (*Sturgis* 1978: 80).

Следует отметить, что если первоначально огнестрельного оружия у индейцев было немного и оно использовалось, скорее, для того, чтобы подчеркнуть высокий престиж своего владельца, то спустя короткое время с развитием морской мехоторговли приток стрелкового оружия и легких пушек резко возрос. В первую очередь это коснулось южных племен северо-западного побережья Северной Америки (*Зорин* 2016б: 27). В 1792 г. клэйкутский вождь Висканинниш имел в своем распоряжении 400 воинов с ружьями, а в 1803 г. вождь нутка Макуинна раздал на потлаче 200 мушкетов и 7 бочонков пороха (*Fisher* 1976: 7). В 1805 г. знаменитый вождь киксади Катлиан, по словам Лисянского, считавшийся “самым искусным стрелком”

на Ситке, всегда держал при себе “до двадцати хороших ружей” (*Лисянский* 1812: 129).

Значительный интерес представляет использование тлинкитами артиллерии. Еще в 1802 г. Кусков сообщал Баранову, что тлинкиты, готовясь к нападению на русских, активно запасаются огнестрельным оружием и “стыкинский тойон доставил множество пороха, свинца и прочих снарядов, и сколько-то больших пушек раздавал каждому из тойонов” (*К истории* 1957: 119). В октябре 1804 г. Лисянский с некоторым удивлением отмечал, что ситкинские тлинкиты, осажденные в своей крепости, отвечали на огонь его пушек из своих орудий: “2-го числа поутру неприятель... произволил пушечную пальбу по нашим судам, но не причинил ни малейшего вреда” (*Лисянский* 1812: 24). Расспрашивая индейцев во время переговоров, русские старались узнать, много ли в крепости “пороху, ружей и пушек”, а тлинкиты в момент перемирия выходили из-за стен “на берег для подбирания наших пушечных ядер” (Там же: 26). В итоге, после того как тлинкиты покинули крепость, там было обнаружено около 100 русских пушечных ядер и “две оставленные неприятелем небольшие пушки” (Там же: 30–31).

В этот период продолжают использоваться деревянные и кожаные доспехи. В 1792 г. в результате столкновения Баранова с якутатцами в руки русских попало несколько комплектов боевых доспехов. В письме от 18 ноября 1794 г. русский мореход и купец Григорий Иванович Шелихов сообщал иркутскому генерал-губернатору Ивану Алферьевичу Пилю, что вместе с донесением “прислал Баранов ко мне одно вышеупомянутое воинское одеяние, а другое при своем рапорте препроводил в Охотское начальство” (*РО* 1948: 360). К сожалению, эти доспехи не сохранились, но в собрании Кунсткамеры находится кираса, доставленная в Россию Лисянским, который получил ее в подарок от Баранова в сентябре 1804 г. Как и другие подобные образцы, этот панцирь состоит из двух половинок, скрепленных друг с другом кожаными ремешками. Нагрудная часть набрана из 10 планок и 16 палочек, а наспинная из 13 и 16 соответственно. Ширина планок составляет 4 см. Четыре центральные планки длиннее прочих и образуют внизу V-образный выступ для защиты гениталий. По боковым краям нагрудника находятся секции из четырех круглых палочек той же длины, что и планки. К верхнему краю нагрудника при помощи кожаной полосы крепится подвижный щиток из восьми планок, а к задней части панциря — такой же щиток из девяти планок. И дощечки, и палочки плотно оплетены жильными нитками, скрепляющими их между собой. В центре лицевой части панциря помещено изображение волка, а в середине спинной части — во́рона. Обе половинки кирасы соединены поперечно продетыми ремешками и наплечными ляжками, которые крепятся к верхнему краю щитков и застегиваются при помощи кляпа — круглой в сечении деревянной палочки (*Ратнер-Штернберг* 1930: 175; *Тлинкиты* 2007: 182).

Исследователи по-прежнему отмечают использование в этот период тлинкитами многослойных боевых плащей, подобных тому, что был изображен на рисунке Михаила Тихоновича Тиханова, участвовавшего в кругосветном плавании на шлюпе “Камчатка” в 1817–1819 гг. Боевой плащ изготовлен из согнутой пополам шкуры, сбоку в нем прорезано отверстие для левой руки, верхние края скреплены крупными продолговатыми деревянными пуговицами, а посередине оставлено отверстие для головы. Внешняя поверхность плаща расписана тотемными символами, кромка правой стороны украшена бахромой (*Зорин* 2016б: 32).

В современных музейных собраниях образцов такого рода нет. Все сохранившиеся до наших дней кожаные доспехи северо-западного побережья Северной Америки гораздо короче. Например, в собрании Кунсткамеры есть боевая однорукавная рубаша (№ 211-21) длиной 100 см и безрукавка (№ 2454-10) длиной 102 см (*Тлинкиты* 2007: 178–179). В других музейных коллекциях имеются и более короткие образцы — до 70 см (*Hough* 1893: 642). Это вызывало определенное недоверие к изображению

Тиханова в исследовательских кругах. Однако, судя по всему, художнику удалось зафиксировать ранний тип доспехов, вышедший затем из употребления. В пользу существования такого рода защиты свидетельствуют данные фольклора, а также сохранившиеся экземпляры, использовавшиеся другими индейскими племенами. Так, например, кожаные двуслойные доспехи длиной до лодыжек зафиксированы у калифорнийского племени хупа (при этом внутренний слой достигает только колен) (Stone 1999: 68). Боевое “платье, подобное женскому, но тяжелее и толще, особо обработанное”, ранее упоминалось де Суриа в его описании снаряжения тлинкитского воина (Suria 1936: 256). И, наконец, подобные, но более тяжелые доспехи фигурируют в исторических преданиях талтанов. В описании сражения между талтанами и чилкотинами рассказывается, что герой облачился в “песта — безрукавый, туникообразный панцирь из лосиной кожи, покрытый клееным слоем песка и гравия. Облаченный в такую броню, он вышел и начал яростно отстреливаться от врагов. Он стрелял, пока не иссяк запас стрел, пока не упал, пронзенный стрелой, прятаясь между ног отца, его маленький сын” (Шишелов 2019: 125–126).

Подобное боевое облачение описывал и Ванкувер в 1793 г.:

Их боевое облачение состоит из сложенных вдвое, втрое или даже более раз наиболее крепких шкур сухопутных животных, какие они только могут добыть. В центре имеется отверстие, позволяющее просунуть туда голову и левую руку; носится оно поверх правого плеча и под левой рукой. Левая сторона облачения сшита, но правая остается открытой; тело, однако, вполне сносно защищено и обеими руками можно действовать свободно. Ради большей безопасности на часть, прикрывающую грудь, они иногда крепят изнутри тонкие деревянные дощечки; все это в целом представляется хорошо продуманным и, несомненно, отвечает потребностям защиты от туземного оружия (Vancouver 1798: 339).

В 1792 г. Баранов был весьма впечатлен доспехами якутатских воинов, атаковавших его стоянку, “ибо одеты они были в три и четыре ряда деревянными и плетеными куяками и сверху еще прикрывались лосиными претолстыми плащами, а на головах [имели] со изображением лиц разных чудовищ претолстые шишаки, коих никакие ни пули, ни картечи наши не пробивали” (Тихменев 1863: 37). Вероятно, тут описывается комбинированный доспех, когда поверх деревянной кирасы набрасывался кожаный лосиный “плащ” (стоит, правда, отметить, что в бою все же погибло не менее дюжины воинов). Кроме того, под влиянием контактов с морскими торговцами кожаные доспехи в начале XIX в. подверглись усовершенствованию. Лисянский сообщает, что “военные их наряды состоят из толстых лосинных вдвое согнутых кож, которые застегиваются наперед шеи, или полукафтаныя (куяка) с железными полосами, пришитыми одна подле другой поперек груди, дабы пулею не можно было пробить. Сии последние привозятся ныне на судах Американских областей и меняются на бобров” (Лисянский 1812: 143). О шлемах Лисянский пишет, что “личины сии... представляют головы животных, птиц или каких-либо чудовищ. Все они так толсты, что пулею на большом расстоянии пробить их не можно” (Там же: 11).

Таким образом, в 1790–1810-х годах свое место в комплексе тлинкитского вооружения по-прежнему сохраняют кинжалы, копья, луки и стрелы, кожаные и деревянные доспехи (иногда надеваемые одновременно). Для укрепления кожаных доспехов начинает использоваться железо. Упоминания о щитах и топорах исчезают, зато все чаще появляются сообщения об огнестрельном оружии у индейцев, причем не только о ружьях, но даже о пушках.

Вторая четверть — середина XIX в. В этот период наметившиеся ранее в тлинкитском комплексе вооружения изменения получили дальнейшее развитие.

Наиболее часто, как и прежде, упоминаются боевые кинжалы. Даже в 1862 г. барон Фридрих Генрих фон Киттлиц, немецкий орнитолог, путешественник, художник, сообщает:

Это оружие вероятно одним свойственно колошам. Оно состоит из двух прямых широких обоюдоострых лезвий неодинаковой длины, из хорошо закаленной стали. Эти два клинка соединены между собой деревянной ручкою, оправленной медью <...> Такое оружие должно действовать страшно, потому что им можно ранить по всем направлениям (*Киттлиц* 1862: 35).

В 1870 г. на основе своих более ранних наблюдений Георг Адольф Эрман сообщает:

Они около полутора футов в длину и от четырех до пяти дюймов в ширину, сужаясь к острию. Некоторые имеют форму сабли с изогнутым лезвием, а иные прямые и обоюдоострые, как древнеримские мечи. Выше узкой рукояти имеется деревянное навершие, часто вырезанное в форме птичьей головы или чего-то подобного, или же второй, меньший клинок (цит. по: *Krause* 1956: 172).

Посещавший тлинкитов в 1881–1882 гг. немецкий этнограф Аурель Краузе отмечал, что их луки и стрелы являются уже не более чем детскими игрушками,

[а] кинжал есть единственное старинное оружие, сохранившееся в употреблении. Форма его не всегда одинакова. Иногда он имеет два острия, причем верхнее всего в четверть от длины нижнего. Оба лезвия помещаются в кожаные ножны, носимые вокруг шеи на кожаном ремне. Рукоятка также обматывается кожаным ремешком, длинный конец коего... в бою оборачивается вокруг руки (*Ibid.*).

Сведения о применении в бою копий сохранились в устных тлинкитских преданиях. Согласно им копья использовались, по крайней мере, вплоть до середины XIX в. Описывая события 1852 г., якутатское предание повествует, что герой Дахкуваден вынужден был обрезать древко, чтобы напасть на врагов внутри дома:

Его дедушка помогал ему. Он имел *тсагал* — копье — вот такой длины (рассказчик растянул обе руки). Древко было из чего-то наподобие красного дерева. Такого нет на Аляске. Его выбросило морем на берег. Какой-то удачливый человек отыскал его там. Из него делали лук и стрелы. Из него сделали и древко для копья. Он [Дахкуваден] постоянно тренировался <...> Но в помещении оно [копье] было слишком длинно. Он обрезал его, и оно стало вот такой длины [от пальцев одной вытянутой руки до локтя другой, около 4 футов]... Дедушка сказал ему: “Оно слишком коротко. Ты погибнешь прежде, чем отомстишь”. Но храбрец отвечал: “Нет, оно в самый раз” (*Laguna* 1972: 282).

Наиболее позднее упоминание о боевом применении копий относится к 1874 г. Оно содержится в газетной публикации, сообщающей о вооруженном столкновении между тлинкитами на Ситке. Очевидец, наблюдавший схватку с борта корабля, говорит, что “ситкинские индейцы уже три дня сражаются между собой <...> В бою они применяют преимущественно ножи и копья” (*Indian War in Sitka* 1874).

Однако основой боевой мощи индейцев-тлинкитов окончательно становится огнестрельное оружие. Теперь оно используется повсеместно и массированно. Американский исследователь Робин Фишер отмечает, что “обладание большим количеством огнестрельного оружия должно было показать врагам в равной степени богатство и могущество данной индейской группы. Этого можно было добиться демонстрацией и раздачей ружей или же, в случае конфликта, пальбой, даже если в результате никто и не пострадал” (*Fisher* 1976: 18). Подобную демонстрацию огневой мощи в 1852 г. регулярно проводили ситкинские тлинкиты, опасавшиеся

мщения своих врагов из стахинского клана нанъяайи. Главный правитель колоний в 1850—1853 гг. Николай Яковлевич Розенберг писал, что “после убийства стахинцев наши колоши находятся в непрерывном волнении, часто по ночам им чудится, что стахинцы подходят к ним, и тогда начинается у них пальба из ружей в тундру” (РАК 2010: 236).

В этот период обладание огнестрельным оружием становится для тлинкитов необходимым условием успешного ведения войны. Весной 1831 г. ситкинские и чилкатские тлинкиты встретились с главным правителем колоний Фердинандом Петровичем Врангелем и заявили,

что Стахинцы и в соседстве их живущие Колоши, получая за дешевую цену в большом количестве все военные снаряды с Американских судов, чванятся пред Ситхинскими Колошами и сделались столь сильными, что сии последние ныне им противустоять не могут: таковое унижение они вменяют в вину Русским, которые допуская прочим нациям продавать в проливах порох, свинец и ружья, не снабжают только тех Колош, которые почитают себя Союзными России (цит. по: *Гринёв* 1991: 268).

Таким образом, индейцы возложили вину за свою неудачу на русских, которые отказывались снабжать их боеприпасами (*Зорин* 2016б).

По наблюдениям морского офицера Павла Николаевича Головина, в 1860 г. тлинкиты на Ситке ходили “всегда вооруженные ножами, часто револьверами и ружьями, которыми их снабжают под рукой англичане и американцы” (*Головин* 1863: 181). Тогда же он был свидетелем ссоры между индейцами, которая едва не привела к настоящему сражению: “...в несколько минут колоши обеих партий успели намазать себе морды красною краскою, означающей намерение сражаться, надели замшевые и деревянные латы, вооружились винтовками и револьверами и окончательно готовились истреблять друг друга прямо под носом у русских” (Там же: 289). Во время другой ссоры, произошедшей между ситкинцами и якутатцами, в схватке использовали ружья, револьверы и ножи, а одному человеку “проткнули копьем брюхо, так что внутренности вышли вон” (Там же: 290). Наблюдения Головина наглядно демонстрируют, что, несмотря на повсеместное распространение ружей и даже револьверов, тлинкиты упорно сохраняют элементы традиционного вооружения. Описывая военные приготовления ситкинских тлинкитов, служащий Российско-Американской компании Кирилл Тимофеевич Хлебников отмечает:

Перед нападением одеваются в латы из дерева, переплетенные плотно китовой жидкой, которые закрывают грудь и спину. На лица надевают маски деревянные, на которых вырезаны личины зверей или других животных в виде, более устрашающем; поверх масок надевают на головы толстые деревянные шапки с подобными же изображениями, и все эти уборы привязывают один к другому ремнями, оставляя место для глаз и ушей (*Хлебников* 1985: 84).

В 1826 г. Ахиллес Павлович Шабельский, секретарь русской миссии в Филадельфии (в 1824—1826 гг.), упоминает, что воины “дабы внушить неприятелю больше ужаса... надевают на головы черепа или шлемы со знаком своего поколения” (*Schabelski* 1826: 71). В 1842 г. Джордж Симпсон, один из директоров Компании Гудзонова залива, ставший очевидцем столкновения между тлинкитами на Ситке, отмечал, что “воины были облачены в доспехи — кожаные безрукавки и деревянные кирасы, кои опускались до колен, защищали тело против копий, но не против пуль” (*Simpson* 1847: 205).

По-прежнему деревянные доспехи могли носиться в сочетании с кожаными. Кожаные рубахи-безрукавки из одного или нескольких слоев шкур морского льва, лося или карибу достигали бедра, а иногда спускались и ниже колен. Подобная безрукавка была, например, приобретена на Ситке в 1840 г. Ильей Гавриловичем Вознесенским,

известным исследователем Русской Америки: «...кожаный панцирь или боевая туника, сделанный из кожи сохатого (*Cervus Aloes*); называется по туземному “сан-кет”; спереди панцирь украшен символической росписью» (Тлинкиты 2007: 179). На лицевой стороне этой боевой рубахи длиной 102 см и шириной 70 см помещены изображения ворона и ястреба.

Технология изготовления деревянных доспехов не изменилась по крайней мере с конца XVIII в., о чем свидетельствует облик панцирей, полученных от тлинкитов как в 1804 г., в 1820-х годах, так и в 1840-х годах (*Ратнер-Штернберг* 1930: 173–174; Тлинкиты 2007: 183). Вместо деревянных планок при изготовлении кирасы могли использоваться деревянные палочки. Экземпляр, описанный морским офицером Альбертом Паркером Ниблаком, состоял из “74 палочек твердого дерева длиной около 2 футов, переплетенных между собой поочередно темной и белой бечевками. Нить эта иногда была одинарной, а иногда двойной, оплетая по две палочки сверху и снизу” (*Niblack* 1890: 269). Этот панцирь по своей конструкции напоминает доспехи эскимосов.

Интересно отметить, что консерватизм в отношении деревянных панцирей сочетался у тлинкитов с постоянным совершенствованием кожаных доспехов. Для изготовления защитного снаряжения начинают использоваться нетрадиционные материалы, которые стали доступны в результате тесных связей с европейцами. Например, в 1870 г. на Ситке были приобретены два своеобразных трехслойных кожаных “жилета”, обшитых вертикальными рядами медных матросских пуговиц и китайских монет. Кроме того, к ним были пришиты воротники из дубленой кожи (*Emmons* 1991: 344; *Keepers* 1993: 138). А в 1890 г. у тлинкитов селения Киллису (о. Адмиралтейства) миссионером Георгием Чудновским была приобретена “из толстой кожи тоёнская однорукавная одежда, которую употребляли еще не так давно в междоусобной войне” (Тлинкиты 2007: 178). Эта боевая рубаха была изготовлена из лосиной кожи, украшена бахромой, имела один рукав для левой руки и высокий кожаный воротник. Длина ее достигала 100 см, а ширина 65 см.

Таким образом, в 1820–1860-е годы в описаниях тлинкитского оружия неизменно присутствуют кинжалы, деревянные и кожаные доспехи (фиксируется распространение новых разновидностей кожаных панцирей). Наряду с этим растет использование огнестрельного оружия, повышается его важность — и все это на фоне практически полного отсутствия упоминаний о луках, стрелах, топорах и копьях.

* * *

Дополнить и скорректировать сведения рассмотренных письменных источников позволяет привлечение более поздних этнографических данных. Так, например, уже на рубеже XX в. архимандрит Анатолий (Каменский) упоминает, что среди старинного боевого снаряжения тлинкитов имелся не только панцирь, но и щит (что подтверждает более ранние наблюдения Риобо): “...боевое вооружение индейца было таково: одежда, сделанная из толстой кожи и туго обхватывающая все тело, и короткий панцирь, связанный искусно из древесных корней. Из этого же материала и рыбьих жил делался небольшой круглой формы щит” (*архимандрит Анатолий* 1906: 5). Косвенно существование щитов у тлинкитов подтверждается сведениями об использовании щитов эяками. Но при этом исследователи отмечают, что “описание эякского щита не вполне ясно, но, по всей видимости, он отличался от обычного круглого щита Равнин. Говоря в целом, щит не играл важной роли на северо-западе Североамериканского континента, где его место занимали в большинстве случаев наборные или кожаные доспехи” (*Birket-Smith, Laguna* 1938: 466). Вероятно, боевое использование кожаных щитов у тлинкитов прекратилось уже к началу XIX в., однако воспоминания о них дожили до века XX, когда их и зафиксировал о. Анатолий.

Этнографические данные свидетельствуют о том, что помимо деревянных шлемов тлинкиты использовали еще один вид военных головных уборов — так наз. медвежьи уши (*xuts gangúś*). Их носили воины, демонстрирующие свою отвагу перед лицом опасности. Именно “медвежьи уши” надел Дахкуваден, отправляясь мстить врагам своего клана и не рассчитывая вернуться домой живым. Первоначально такого рода головные уборы действительно изготавливались из медвежьей шкуры, но позднее для них стали применяться и другие материалы. Так, экземпляр, описанный Фредерикой де Лагуной, был изготовлен из выделанной кожи морского льва и украшен деревянными дисками в красную и зеленую полоску. Между “ушами” был укреплен пучок белых перьев и пуха, взятых с орлиной шеи. Сходный головной убор шаманов назывался “уши Солнца” (*Laguna* 1972: 591; *Emmons* 1991: 380).

Отличительным знаком знатных воинов могла быть повязка через правое плечо. Тлинкитская легенда, описывая нападение на Михайловскую крепость, сообщает: “Прежде, чем выступить, аристократы, сыны кагвантанов, чтобы выделиться, надели кушаки из красной фланели. Тлинкиты называют это *koogéinaa*. Все эти воины, знатные предводители, надели их” (*Dauenhauer et al.* 2008: 160–161). Подобные перевязи носились также и во время различных общественных и религиозных церемоний.

Этнографические материалы подтверждают также использование тлинкитами палиц (*xúś*), о которых молчат письменные источники. Этот вид оружия изготавливался из дерева, камня, кости и меди. Применялись палицы сравнительно редко. Уже в начале XIX в. они перешли в разряд родовых реликвий. Джон Торнтон Эммонс сообщает, что “два очень редких каменных образчика были найдены в старинном чилкатском селении Клакван... Навершия были вырезаны в форме ворона с остро-конечным выдающимся вперед клювом. Между ним и короткой рукоятью имелось широкое [ударное] лезвие. Такие палицы, как говорят, являлись собственностью вождей и скрытно носились ими под одеялами, применяясь не столько на войне, сколько при внезапных нападениях на их личных врагов” (*Emmons* 1991: 338). Распространен был и тип палиц в виде кирки, где длинное, узкое, хорошо отполированное и слегка изогнутое ударное каменное острие длиной около 40 см вставлялось в деревянную рукоять. Такие палицы (так наз. *slave-killer*, по-тлинкитски *két'u*), по мнению Эммонса, являлись церемониальным оружием вождей для ритуального убийства рабов (*Ibid.*: 338). Известны “боевые кирки” с ударным острием из рога, имеющие аналоги в культуре атапасков-набесна (верхние танана) (*Зорин* 2016б: 21). Согласно тлинкитским преданиям, шаманы применяли палицы для убийства выдр, от которых получали свою магическую силу, а также использовали их в сражениях со злыми духами (*Laguna* 1972: 588–589).

В коллекции, собранной де Лагуной в Якутате, оказался необычный образец ударного оружия — “размозжающий [голову] камень” (*qayá gwałá*). Это был действительно обычный камень с выемками для пальцев, о котором говорили: “...это такая штука, чтобы ударить кого-нибудь в лицо” (*Laguna* 1972: 589).

В тлинкитских этнографических коллекциях есть также каменные навершия с желобками посередине, заостренные с обоих концов и уплощенные с боков. Помимо них, по свидетельствам стариков, на войне могли использоваться и каменные молотки для работы по дереву, одна сторона которых вырезалась в форме головы животного.

Кроме металлических кинжалов, о которых регулярно упоминается в письменных источниках, у тлинкитов бытовали и более древние каменные ножи. Эммонс пишет:

Я приобрел два каменных ножа такого типа. Один из сланца, небольшой, с двумя лезвиями, был получен от старого чилкатского шамана в Клакване и высоко ценился

туземцами из-за своей древности. Более крупный экземпляр, более представительный по форме и пропорциям был выкопан на месте старого дома в Ангуне на о. Адмиралтейства. Медь, а потом железо заменили камень (*Emmons* 1991: 342).

Опираясь на собрания предметов Эммонса, описывает каменные кинжалы и Ниблак:

[Один] имеет лезвие из камня и рукоять из дерева, покрытую тотемными изображениями. Другой кинжал из жадеита или нефрита... представляет собой длинную призматическую квадратного сечения с остриями на обоих концах, со стороны примерно в три четверти дюйма и рукоятью примерно в трети расстояния от одного из концов (*Niblack* 1890: 284–285).

В этнографических коллекциях хранятся два вида кинжалов (они упоминаются и в письменных источниках): двуклиновые и одноклиновые. Последние, именуемые “гватла” (от *gwala* — “ударить”), имеют тотемное навершие, вырезанное из кости, рога или дерева. Такого рода оружие считалось ценным родовым имуществом и хранилось в особых деревянных ларцах. Иногда говорится, что такие кинжалы появились позднее двуклиновых, однако следует отметить, что одноклиновые кинжалы упоминаются уже в записках мореплавателей 1770—1780-х годов.

К своеобразному переходному типу принадлежит экземпляр, приобретенный Лисянским в 1804 г., где навершие одновременно является вторым клинком. Этот кинжал представляет собой

длинный клинок, выпуклый с 3 продольными суживающимися к концу бороздками на верхней поверхности и соответственно вогнутый на нижней поверхности. Основание переходит в перехват-ручку, обернутую кожей и поверх красной фланелью <...> Ручка переходит в короткий клинок, представляющий антропоморфное лицо <...> Лезвием этого короткого клинка служит округленный острый край лобной части лица (*Ратнер-Штернберг* 1930: 184–185).

Говоря о военном деле тлинкитов, нельзя обойти молчанием активное использование ими продуманных фортификационных сооружений. Как правило, индейские крепости представляли собой специальные убежища из нескольких жилых домов, обнесенных мощным частоколом. Их возводили в удобных для обороны местах (речные обрывы, скалы, утесы) и использовали лишь в случае военной опасности (*Зорин* 2016а: 55–69). При этом, следует отметить, что в строительстве укреплений тлинкитам был характерен стойкий консерватизм. Облик типичной крепости индейцев северо-западного побережья Северной Америки детально зафиксировал еще Егор Пуртов в июне 1793 г.:

20-го числа июня достигли [мы] до немалой реки величиною с Охоту... и пустились вверху по реке саван примерно верст 20-ть или 25-ть усмотрели настоящее тово народа жило в лучшем порядке каково еще в здешнем краю видеть не случилось устроенное селение в мысу — одной стороны той реки где она в широте примерно ста тридцати или ста петидесяти сажен и глубока а с прочих с одной стороны также речка а с последних ров иль глубокая лощина четыре юрты стоят на берегу в линию немалые длиною и шириною каждая от 5-ти и до 6-ти а высоты от 3-х и 4-х сажен крыты и установлены со всех сторон гладко тесаными листовинишными и еловыми досками длиною от ½ до 5-ти сажен широтою от 3-х и до 6-ти четвертей а толстотою от 1 до 1½ вершков внутри оныя множество теплых жупанов или камор отделаны досками и раскрашены разными красками с особливим редким между таковыми дикими народами искусством между всеми оными юртами сообщение как и в реку для воды на случай осады устроены подземным ходом все же оное их строение к наивысшему удивлению обнесено стоячим тыном высотой в опасных местах в 4-ре а в некоторых в 2 и в 3 сажени в расстоянии от построенных жилищ в 3-х и 4-х сажених и в одном толко

в сажень где узкие ворота для проходу состоят а снутри въкруг всего того укрепления поделаны лавы и помост от верха полисада аршина два но народу тут также не нашли (РГАДА: Л. Зоб.—4).

Данное описание немногим отличается от широко известного описания тлинкитской крепости на Ситке, сделанного Лисянским в 1804 г. (*Лисянский* 1812: 30). С подобными же укреплениями имели дело и моряки военно-морского флота США в 1869 г. (*Зорин* 2018: 113–118).

* * *

Согласно выводам Гринёва, на “материальную часть военного дела” тлинкитов существенно повлияли их контакты с европейцами. В короткие сроки “лук, палица-томагавк и копье, основные орудия дальнего и ближнего боя индейцев, были почти полностью вытеснены огнестрельным оружием... Деревянные латы, шлемы и забрала постепенно утрачивали свое значение <...> Все чаще их заменяли более легкие и удобные доспехи из дубленой лосиной кожи” (*Гринёв* 1991: 218–219, 219–220). Анализ сведений письменных источников, дополненных более поздними данными этнографических исследований, позволяет не только подтвердить данное мнение, но и проследить эволюцию тлинкитского комплекса вооружения.

Если в 1770-е годы в его состав входили двуклинковые и одноклинковые кинжалы, копья, боевые палицы, каменные топоры, лук и стрелы, а защитное вооружение было представлено щитами, кожаными и деревянными панцирями, шлемами, наручами и наголенниками, то примерно с первой половины 1790-х годов в связи с активизацией морской торговли с европейцами в комплексе вооружения происходят резкие изменения. В первую очередь это выражается в широком использовании огнестрельного оружия, в то время как щиты, топоры и палицы выходят из употребления, а значимость луков и стрел снижается.

Во второй четверти XIX в. наметившиеся тенденции получают дальнейшее развитие. В свидетельствах этого периода практически отсутствуют упоминания о луках, стрелах, палицах и топорах, редко сообщается об использовании копий, все чаще фиксируются различные кожаные доспехи, а решающее значение в ведении боевых действий приобретает огнестрельное оружие. Тем не менее тлинкиты вплоть до второй половины XIX в. продолжают использовать деревянные и кожаные доспехи, строят окруженные частоколами традиционные крепости с подземными убежищами.

Изменения в комплексе вооружения тлинкитов следовали в общем русле перемен в военном деле аборигенов Северной Америки и были связаны с нарастающим влиянием европейской колонизации. Эти же процессы несколько ранее были характерны для индейских племен как Северо-Восточного ареала (гуроны, ирокезы), так и Великих равнин (апачи, шошоны). На северо-западном побережье Северной Америки своеобразным катализатором эволюции вооружения стали активные контакты с европейскими и американскими торговцами, осваивавшими новые морские маршруты.

Источники и материалы

архимандрит Анатолий 1906 – архимандрит Анатолий (Каменский). Индиане Аляски: быт и религия их. Одесса: Типография Е.И. Фесенко, 1906.

Головин 1863 – [Головин П.Н.] Из путевых писем П.Н. Головина // Морской сборник. 1863. Т. 66. № 5. С. 102–182; № 6. С. 275–340.

К истории 1957 – К истории Российско-Американской компании / Отв. ред. П.Н. Павлов. Красноярск: б.и., 1957.

- Киттлиц 1862 — [Киттлиц Ф.Г.] Новоархангельск и колоши // Вокруг света. 1862. Т. 2. № 1. С. 30–36.
- Лисянский 1812 — Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на корабле “Неве”. Ч. 2. СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1812.
- РАК 2010 — Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867 / Сост. А.Ю. Петров, А.В. Гринёв. М.: Наука, 2010.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 352.
- РО 1948 — Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке / Под ред. А.И. Андреева. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948.
- Тихменев 1863 — Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 2. Прил. 2. СПб.: тип. Э. Веймара, 1863.
- Тлинкиты 2007 — Тлинкиты. Каталог коллекций Кунсткамеры / Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: Кунсткамера, 2007.
- Хлебников 1985 — Хлебников К.Т. Русская Америка в записках Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск / Отв. ред. В.А. Александров. М.: Наука, 1985.
- Шелихов 1792 — [Шелихов Г.И.] Григорья Шелехова продолжение странствования по восточному Океану к Американским Берегам в 1788 году. СПб.: Тип. Сытина, 1792.
- Dauenhauer et al. 2008 — Dauenhauer N., Dauenhauer R., Black L. (eds.) Anóoshi Lingít Aaní Ká / Russians in Tlingit America. The Battles of Sitka 1802 and 1804. Seattle: University of Washington Press, 2008.
- Dixon 1789 — Dixon G. A voyage round the world but more particularly to the north-west coast of America: performed in 1785, 1786, 1787, and 1788, in the King George and Queen Charlotte, Captains Portlock and Dixon. L.: John Stockdale and George Goulding, 1789.
- Indian War in Sitka 1874 — Indian War in Sitka // San Diego Union and Daily Bee. Vol. VII. No. 1144. 25 June 1874.
- Keepers 1993 — Keepers of the Totem. Alexandria (Virg.): Time-Life Books, 1993.
- La Pérouse 1799 — La Pérouse, Jean François de Galaup, comte de. A voyage round the world, performed in the years 1785, 1786, 1786, and 1788. Vol. II. L., 1799.
- Marchand 1798 — Marchand É. Voyage autour du monde, pendant les années 1790, 1791, et 1792. T. I. Paris, 1798 (An VI).
- Olson 2002 — Olson Wallace M. (ed.) Thorough Spanish Eyes. Spanish Voyages to Alaska, 1774–1792. Heritage Research, 2002.
- Portlock 1789 — Portlock N. A voyage round the world but more particularly to the north-west coast of America: performed in 1785, 1786, 1787, and 1788, in the King George and Queen Charlotte, Captains Portlock and Dixon. L.: John Stockdale and George Goulding, 1789.
- Schabelski 1826 — Schabelski A. Voyage aux colonies russes de l'Amérique, fait à bord du sloop de guerre l'Apollon, pendant les années 1821, 1822 et 1823. St. Petersburg: Gretsche, 1826.
- Simpson 1847 — Simpson G. Narrative of a journey round the world, during the years 1841 and 1842. Vol. 2. L.: H. Colburn, 1847.
- Sturgis 1978 — Sturgis W. The Journal of William Sturgis. Victoria: Sono Nis Press, 1978.
- Suria 1936 — de Suria T. Journal of Tomás de Suria of His Voyage with Malaspina to the Northwest Coast of America in 1791 // Pacific Historical Review. 1936. No. 5 (3). P. 234–276.
- Vancouver 1798 — Vancouver G. A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean and round the World. Vol. II. L., 1798.

Научная литература

- Гринёв А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. Новосибирск: Наука, 1991.
- Гринёв А.В. Об этнониме “колоши” // Советская этнография. 1986. № 1. С. 104–108.
- Зорин А.В. Фортификация индейцев тлинкитов // Американистика. Актуальные подходы и современные исследования. Вып. 8. Курск: Курский гос. ун-т, 2016а. С. 55–69.
- Зорин А.В. Битва за Ситку. 1802–1804 гг. М.: Русские витязи, 2016б.
- Зорин А.В. Индейская война в Русской Америке. Русско-тлинкитское противоборство (1741–1821). М.: Квадрига, 2017.
- Зорин А.В. Аляска в 1869 г.: Кековская война и обстрел Врангеля // Parabellum novum. Военно-исторический журнал. 2018. № 8 (41). С. 108–133.

- Ратнер-Штернберг С.А.* Музейные материалы по тлингитам. Очерк III, Предметы вооружения и военные обычаи и обряды // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. IX. Л.: б.и., 1930. С. 167–191.
- Шишелов Н.С.* Защитное вооружение северных атапасков // *Parabellum novum*. Военно-исторический журнал. 2019. № 11 (44). С. 117–127.
- Birket-Smith K., de Laguna F.* The Eyak Indians of the Copper River Delta, Alaska. Copenhagen: Levin and Munksgaard, 1938.
- Emmons G.* The Tlingit Indians. Seattle: University of Washington Press, 1991.
- Fisher R.* Arms and Men on the Northwest Coast, 1774–1825 // *British Columbia Studies*. 1976. No. 29, Spring. P. 3–18.
- Hough W.* Primitive American Armor // Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution, 1893. Washington: Government Printing Office, 1895. P. 625–651.
- Krause A.* The Tlingit Indians. Seattle: University of Washington Press, 1956.
- de Laguna F.* Under Mount Saint Elias: The History and Culture of the Yakutat Tlingit. Pt. 1–3. Washington: Smithsonian Institution Press, 1972.
- Niblack A.P.* The Coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia // Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution. Report of the U.S. National Museum, 1888. Washington: Government Printing Office, 1890. P. 225–343.
- Stone G.C.* A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in all Countries and in all Times. N.Y.: Dover, 1999.

Research Article

Zorin, A.V. Dynamics of Changes in the Weapon Complex of the Tlingit in the Second Half of the 18th – mid-19th Centuries [Динамика изменений в комплексе вооружения индейцев-тлингитов во второй половине XVIII – середине XIX в.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 3, pp. 66–82. <https://doi.org/10.31857/S086954150015496-5> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alexander Zorin | <https://orcid.org/0000-0002-0353-9461> | tlingit@mail.ru | Kursk State Regional Museum of Archaeology (6 Pionerov Str., Kursk, 305001, Russia)

Keywords

Northwest Coast of North America, Tlingit Indians, weapons, warfare

Abstract

Based on the analysis of written sources and ethnographic data, the article traces the dynamics of changes that took place in the weapon complex of the Tlingit Indians under the influence of contacts with Europeans in the second half of the 18th – mid-19th centuries. Initially, it includes daggers, spears, war clubs and stone axes, bow and arrows. Defensive weapons are represented by shields, leather and wood armor and helmets. Since about the mid-1790s, due to the intensification of maritime fur trade with the Europeans, sharp changes have taken place in the weapon complex. First of all, this found expression in the widespread use of firearms. Shields, axes and clubs are falling out of use, and the importance of bows and arrows is decreasing. In the second quarter of the 19th century such trends are even more developed, various types of leather armor are spreading more widely, and firearms are of decisive importance for the conduct of hostilities.

References

- Birket-Smith, K., and F. de Laguna. 1938. *The Eyak Indians of the Copper River Delta, Alaska*. Copenhagen: Levin and Munksgaard.
- de Laguna, F. 1972. *Under Mount Saint Elias: The History and Culture of the Yakutat Tlingit*. Pt. 1–3. Washington: Smithsonian Institution Press.

- Emmons, G. 1991. *The Tlingit Indians*. Seattle: University of Washington Press.
- Fisher, R. 1976. Arms and Men on the Northwest Coast, 1774–1825. *British Columbia Studies* 29: 3–18.
- Grinev, A.V. 1986. Ob etnonime “koloshi” [About the Ethnonym “Koloshi”]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 104–108.
- Grinev, A.V. 1991. *Indeitsy tlinkity v period Russkoi Ameriki* [Tlingit Indians During the Period of Russian America]. Novosibirsk: Nauka.
- Hough, W. 1895. Primitive American Armor. In *Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution, 1893*. Washington: Government Printing Office. P. 625–651.
- Krause, A. 1956. *The Tlingit Indians*. Seattle: University Washington Press.
- Niblack, A.P. 1890. The Coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia. In *Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution. Report of the U.S. National Museum 1888*, 225–343. Washington: Government Printing Office.
- Ratner-Shternberg, S.A. 1930. Muzeinye materialy po tlingitam. Ocherk III, Predmety vooruzheniia i voennye obychai i obriady [Museum materials on Tlingits: Sketch III, Weapons and Military Customs and Ceremonies]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* IX: 167–191.
- Shishelov, N.S. 2019. Zashchitnoe vooruzhenie severnykh atapaskov [Defensive Weapons of the Northern Athapaskans]. *Parabellum novum. Voенно-istoricheskii zhurnal* 11 (44): 117–127.
- Stone, G.C. 1999. *A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in all Countries and in all Times*. New York: Dover.
- Zorin, A.V. 2016. Fortifikatsiia indeitsev tlinkitov [Fortification of the Tlingit Indians]. *Amerikanistika. Aktual'nye podkhody i sovremennye issledovaniia* 8: 55–69.
- Zorin, A.V. 2016. *Bitva za Sitku. 1802–1804 gg.* [The Battle for Sitka, 1802–1804]. Moscow: Russkie vitiazi, 2016.
- Zorin, A.V. 2017. *Indeiskaia voina v Russkoi Amerike. Russko-tlinkitskoe protivoborstvo (1741–1821)* [Indian War in Russian America. Russian-Tlingit Confrontation (1741–1821)]. Moscow: Kvadriga.
- Zorin, A.V. 2018. Aliaska v 1869 g.: Kekovskaia voina i obstrel Vrangelia [Alaska in 1869: The Kake War and the Bombardment of Wrangell]. *Parabellum novum. Voенно-istoricheskii zhurnal* 8 (41): 108–133.

“ПЯТЬ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ ПЛЕМЕН” В ПРЕДЕЛАХ США ДО ДЕПОРТАЦИИ 1830 г.

Ключевые слова: индейская политика США, индейцы США, крики, семинолы, чикасо, чироки, чокто

Статья представляет собой описание и оценку попыток пяти индейских племен — чероков, чикасо, чокто, криков и семинолов — усвоить достижения цивилизации белых людей и создать самоуправление/государственность в ареалах своего расселения в США в 1776–1830 гг. Рассмотрено влияние на отношения этих племен с белыми таких событий, как Война за независимость США; принятие Конституции; “индейское возрождение”, связанное с деятельностью Текумсе; нахождение у власти отдельных штатов той или иной политической партии. Автор считает, что существовала возможность интеграции индейцев — чероков, чикасо и чокто, в меньшей степени криков и семинолов — в сообщества англосаксов. Однако тот объем прав, каким обладали отдельные штаты до Гражданской войны, позволял им — особенно Джорджии — захватывать индейские земли в нарушение обязательств и гарантий, которые давала племенам федеральная власть США. Эти “ножницы” провоцировали постоянные конфликты между коренным и белым населением и в конце концов создали почву для Акта о перемещении индейцев от 28 мая 1830 г.

К концу Войны за независимость (1775–1783) США осуществили свой “первый бросок на Запад”: установили контроль над территорией между Аппалачами и рекой Миссисипи. На юге новые владения США соприкасались с испанскими. Американцы обнаружили, что значительная часть пограничной местности населена не совсем обычными индейцами. Они сохраняли у себя родовой строй и большие семьи с системой родства типа кроу, не отказывались от традиционной промысловой охоты, но жили сравнительно оседло и при обработке земли использовали те же орудия, что и белые. Некоторые из них владели плантациями, на которых трудились негры-рабы. В индейских поселениях жили многочисленные метисы, нередко внешне трудно отличимые от белых. И среди индейцев и метисов было немало грамотных и христиан. Ранее с такими народами — чироками — сталкивались только колонисты Джорджии.

Впоследствии, с 1876 г., за пятью индейскими племенами этого ареала — чикасо, чокто, чироками, криками и семинолами — закрепилось общее название *Пять цивилизованных племен* (Five Civilized Tribes). В колониальный период были известны четыре из них; этноним “семинолы” стал использоваться только в связи с 1-й Семинольской войной 1816–1818 гг. Язык чироков, переселившихся в Южную Каролину и Теннесси с севера (предположительно с Великих озер), относится к числу ирокезских; прочие четыре племени говорили на родственных друг другу языках маскогской группы.

Сергей Александрович Исаев | <http://orcid.org/0000-0001-9491-3510> | isayevsviir@yandex.ru | к. и. н., старший научный сотрудник, и.о. заведующего Отделом всеобщей истории | Санкт-Петербургский институт истории РАН (ул. Петрозаводская 7, Санкт-Петербург, 197110, Россия)

Британские колониальные власти до 1776 г., а федеральная власть США и власти отдельных штатов — и позже придерживались по отношению к этим индейцам политики сегрегации в разных вариантах. Они либо организовывали резервации по месту обитания коренных народов, либо осуществляли их депортацию на новые территории. До 1871 г. существовала практика заключения с индейскими племенами договоров, по условиям которых от индейцев почти всегда требовали того, что обычно называется “отказом от земли”.

Уточним, что это было на самом деле. Бенджамин Горас Хиббард (Benjamin Horace Hibbard, 1870–1955), крупнейший специалист по истории земельного права США, для описания территориальных отношений предложил в качестве базового понятие “общественный домен” (public domain). Это все земли, когда-либо бывшие собственностью США как федерации, в т.ч. и те, что позже были переданы в собственность других юридических субъектов на основании американских законов (Hibbard 1924: 7). Провозглашение независимости США само по себе не означало формирования “общественного домена”: верховным собственником земли каждой колонии, в 1776 г. ставшей штатом, был штат. Девять из 13 штатов заявляли о своих правах на земли за Аллеганями. Представители Мэриленда — одного из четырех “безземельных” штатов — в Континентальном конгрессе 15 октября 1777 г. предложили передать эти территории в собственность США. “Общественный домен” возник 19 февраля 1780 г., когда штат Нью-Йорк первым отказался в пользу США от своих прав на земли западнее Аппалачей. Джорджия сделала это последней из старых штатов — в 1802 г.

Каждый штат в качестве верховного собственника регистрировал права всех обычных собственников на земли, находящиеся в пределах его территории, т.е. либо признавал их, либо отказывался признать. Права эти могли быть оформлены властями прежних колоний или государств, которым земли принадлежали ранее (напр., испанскими властями во Флориде, французскими в Луизиане). Для американцев было характерно уважительное отношение к подписанным документам. Достаточно отметить, что после присоединения в 1848 г. громадных территорий, захваченных у Мексики, новая администрация признала права на собственность, зарегистрированные мексиканскими властями по мексиканским законам. У индейских же племен, как правило, не было документов на землю, оформленных по законам штатов, федерации или признаваемых США государств. Таким образом, отказывались индейцы не от права собственности, а от “претензий” (claims) на описанные в договорах земли, т.е. от всяких попыток создать юридические основания для законного закрепления ее за собой.

Понятие “договор” американцы обозначали двумя словами: *treaty* и *compact*. *Compact* — это *нерасторгжимый* договор, т.е. такой, который, если он был заключен строго по закону, может быть расторгнут только с согласия всех его участников (напр., договор дарения). На основе *compacts* штаты оформляли передачу западных земель федерации. *Treaty* — это договор между суверенными субъектами, для расторжения которого достаточно решения хотя бы одного его участника; обычно так называются международные соглашения. Для подписания условий взаимодействия с индейскими племенами американцы всегда выбирали *treaties*. Тем самым США как бы оказывали коренным народам высокую честь, заключая с ними договоры как с иностранными суверенами и даже утверждая их голосами 2/3 сенаторов. Но статус *treaty* предоставлял США легальную возможность в удобный момент отказаться от своих обязательств, аннулируя соглашение своим решением.

По итогам Семилетней войны власть над Восточной Луизианой перешла от Франции к Великобритании. Указом короля Георга III от 7 октября 1763 г. на огромной территории между Великими озерами, р. Миссисипи, 31° с.ш. и Аппалачами учреждалась индейская резервация, где белым запрещалось поселяться и приобретать земли,

а торговать можно было только по лицензиям. Между резервацией и зоной, где жили колонисты, британские власти начали проводить разграничительную линию (Indian Boundary Line).

Чироки, чья обширная “страна” охватывала тогда восточную часть нынешнего Теннесси с прилегающими частями Кентукки, Западной Виргинии, обеих Каролин, Джорджии и Алабамы, в начале Французской и индейской войны¹ были лояльны англичанам. Однако в 1759 г. у них начались стычки с ополчением Южной Каролины, в которых британская власть оказала поддержку колонистам. В ответ в 1760–1761 гг. чироки сожгли британский форт Лоудон и попытались изгнать англичан.

Проводя теперь внутреннюю границу между зонами поселения индейцев и белых, английские власти 14 октября 1768 г. заключили с чироками договор в Хард-Лейборе (Hard Labor), в Южной Каролине (Prucha 1962: 19–20). Он вызвал сильное недовольство виргинцев, т.к. при таком делении индейцам отводились территории, где уже жили белые. Протесты привели к пересмотру этой линии, что зафиксировал Лочейберский (Lochaber) договор, подписанный 18 октября 1770 г. Чироки уступили свои права на земли в пределах нынешней Западной Виргинии.

Белые колонисты на индейские владения покушались постоянно. Неудивительно поэтому, что за время Войны за независимость США чироки трижды становились на тропу войны против американцев (1776, 1780, 1782): пытались вытеснить их из племенных охотничьих угодий в долинах рек Уотага (Watauga) и Нолличуки (Nollichucky). Несмотря на поддержку лоялистов (сторонников британской метрополии), индейцы были разбиты милицией Джорджии. 16 мая 1777 г. был заключен договор чироков с Южной Каролиной и Джорджией в Деветтс-Корнере (De Wett's Corner). 2 июля 1777 г. был подписан общий договор США с индейским союзом во главе с чироками (Treaty of Long Island of Holston). Племена вынуждены были отдать все спорные земли. Штаты Северная Каролина и Виргиния в 1777–1781 гг. держали в столичном поселке чироков Экота своих агентов. Континентальному конгрессу в эти годы, в самый разгар Войны за независимость, было не до этого племени.

Отражая второй поход чироков, 16 декабря 1780 г. милиция Виргинии и Каролины разбила их в битве при Бойдс-Крике (Boyd's Creek). Индейцам не удалось использовать в своих интересах британское наступление на юге. И, как обычно, за поражением последовали уступки земель. 1 ноября 1781 г. Континентальный конгресс постановил назначить уполномоченных для заключения новых договоров с индейцами чироки и чикасо. Однако это решение почти совпало с началом третьего нападения чироков на белые поселения. В ответ в январе 1782 г. генерал Эндрю Пикенс во главе отрядов милиции Южной Каролины и Джорджии вторгся на территорию индейцев и опустошил ее. И 17 октября 1782 г. чироки вынуждены были отказаться в пользу Джорджии от всяких претензий своего племенного союза на земли восточнее р. Чаттахучи (в верховьях этой реки). Договор, заключенный в этот день, был торжественно подтвержден в 1783 г. и надолго определил границу владений коренного народа. 22 сентября 1783 г. Континентальный конгресс своей прокламацией запретил поселение белых на индейских территориях вне юрисдикции какого-либо штата и покупку у чироков земель без своей санкции. Уже заключенные сделки такого рода орган аннулировал (Ibid.: 32).

Хотя в северной части индейской резервации локальные войны продолжались до 1794 г., с южными племенами процесс урегулирования уже начался. Уполномоченные Континентального конгресса заключили договоры от имени США с чироками (28 ноября 1785 г.), чокто (4 января 1786 г.) и чикасо (11 января 1786 г.). Документ с чироками был подписан в Хоупвелле (Hopewell), в Южной Каролине. Индейцы этого племени уступили земли в Северной Каролине западнее горного хребта Блю-Ридж (Blue Ridge), а в Теннесси и Кентукки — южнее р. Камберленд. Они признали за собой статус народа, находящегося “под покровительством” США. По этому договору и по

аналогичным с чокто и чикасо США получили согласие индейцев на свой суверенитет над территорией трех племен и право контроля их торговли и вообще внешних связей. Однако документ разрешал руководству каждого племени наказывать членов племени по своим законам. Чироки получили даже право посылать в Континентальный конгресс своего представителя с совещательным голосом, но не воспользовались им (Roland 1966: 5).

7 августа 1786 г. Континентальный конгресс издал ордонанс о регулировании дел, связанных с индейцами. Было еще раз подтверждено исключительное право данного органа покупать у них землю (Ford 1934: 490–493). С этого акта фактически начинается *формирование индейских резерваций* в США (Prucha 1962: 36). После принятия Конституции США, по закону о создании Военного департамента (7 августа 1789 г.), индейские дела оказались в ведении военных (до 1849 г.).

22 июля 1790 г. президент Дж. Вашингтон подписал Акт Конгресса США о торговле и взаимодействии с индейцами. Торговать с ними белые были вправе только по лицензиям. Договоры покупки земли у индейцев могли быть признаны действительными, но только если они не противоречили договорам США. Белые за убийства и другие преступления против индейцев, совершенные на индейской территории, подлежали наказанию — такому же, как индеец за преступление против белого, совершенное в прилегающем штате. Закон принимался на три года, но эти основные положения были продублированы при продлении его в 1793, 1796, 1799, 1802 гг. (Ibid.: 45–46, 144, 190). Партия федералистов, бывшая тогда у власти, стремилась развивать верфи и мануфактуры. Чтобы сократить отток населения из городов в сельскую местность, федералисты старались поддерживать индейскую угрозу. Поэтому они уважали индейские договоры и старались соблюдать их.

19 мая 1796 г. стал законом “Акт о взаимодействии” (Intercourse Act). Он содержал и статью о выдворении белых с земель, самовольно захваченных у чероков, которая была утверждена после долгих прений (Ibid.: 49–50). Но власти США сгоняли белых поселенцев лишь от случая к случаю, процесс же “просачивания” американцев в индейские пределы был непрерывным, и время от времени новые соглашения фиксировали новое и все более печальное для чероков расположение границ. Так, 2 июля 1791 г. Уильям Блаунт, губернатор Северо-Западной Территории, подписал с ними договор в Холстоне (Treaty of the Holston River), в Теннесси. Чероки уступили земли в западной части Северной Каролины и северо-восточном Теннесси. По смыслу это была ревизия Хоупвеллского договора в пользу белых. 2 октября 1798 г. чероки заключили с США договор в Теллико (Treaty of Tellico), по которому отдали еще три участка земли, главным образом в нынешнем восточном Теннесси (Kappler 1972: 51–52).

Документы подготавливали люди опытные, но все возможные случаи противостояния между индейцами и колонизаторами даже они предугадать не могли. 25 мая 1793 г. чероки Риджи, не зная, что в их отсутствие заключен мир с белыми, убили в 18 милях от Ноксвилла двух белых и украли около 20 лошадей, которых тут же продали (Wilkins 1970: 21). Правительственные агенты немедленно начали расследование. И 26 июня 1794 г. чероки подписали в Филадельфии с правительством США специальный договор о компенсациях за конокрадство. Они согласились, чтобы за каждую лошадь, украденную у белых и не возвращенную в течение трех месяцев, из предназначенной для них федеральной субсидии (annuity) вычиталось по \$50 (Prucha 1962: 206).

Западнее чироков — на юго-востоке нынешнего Теннесси и южнее Мемфиса, в пределах нынешнего штата Миссисипи — жили **чикасо**. В Войне за независимость они придерживались нейтралитета, но предоставляли убежище лоялистам и позволяли им жениться на индейских женщинах. В числе укрывшихся был и известный сторонник короля Джеймс Ганн. Он женился на индианке чикасо, владевшей большим

домом, организовал плантацию и завез негров-рабов. До конца жизни Ганн ни под каким видом не позволял праздновать в своем поместье 4 июля, но всегда устраивал торжество и общий выходной в день рождения Георга III.

В 1780-х годах миссионеры открыли в поселках чикасо школы. Тогда же в племени возникло разделение на “чистых” и метисов, которое позже только усугубилось. Вождями с тех пор все чаще становились метисы. Они нередко практиковали многоженство, что не мешало им кичиться цивилизованностью (*Gibson 1971: 139–144*). В конце XVIII в. у чикасо было всего 250 подготовленных бойцов, но они были неплохо вооружены и обучены (*Bassett 1906: 74*).

После нескольких неудачных попыток вступить вместе с чокто под покровительство Испании 11 января 1786 г. чикасо заключили договор с США, согласившись на суверенитет американской федерации и получив признание своих прав пользоваться землей.

В середине XVIII в. поселения **чокто** находились на стыке нынешних штатов Миссисипи (юго-восток) и Алабама (юго-запад), на отдалении от побережья Мексиканского залива. В период англо-французского противоборства большинство из них поддерживало французов, меньшинство — англичан, что в 1748–1750 гг. даже привело к внутриплеменной войне. С 1763 г. территории чокто были под властью Испании. Именно в качестве лояльных подданных последней они поддержали американцев в Войне за независимость. По окончании ее, однако, США заявили свои претензии на прямоугольную полосу земли, составляющую ныне южную половину штатов Миссисипи и Алабама. Американцы ухитрились использовать индейцев в качестве проводников своего геополитического влияния. 4 января 1786 г. США заключили с племенем соглашение, по которому чокто признали суверенитет США, а США — их право жить на занимаемой территории и пользоваться землей. В 1790 г. чокто могли выставить более 4 тыс. бойцов — больше, чем любое из прочих трех “цивилизованных племен”. В 1795 г. по договору Пинкни земли чокто перешли под юрисдикцию США. Вождем племени на многие годы стал Пушматаха (*Pushmataha*, ок. 1764 — 1824) — “индейский генерал”, состоявший на военной службе США. Гармонию в отношениях чокто с властями нарушал только переселенческий поток.

Крики жили по берегам рек, их деревни располагались тогда в территориальных пределах колонии/штата Джорджия, но группировались по двум ареалам, расстояние между которыми составляло примерно 60–70 км. Верхние крики (*Upper*) находились на реках Куза и Таллапуза, нижние (*Lower*) — на р. Чаттахучи. Вместе они могли выставить на войну до 3,5 тыс. воинов. Ввиду хронической конфронтации с поселенцами Джорджии эти индейцы во время Войны за независимость поддерживали англичан.

В 1783 г., после смерти проанглийски настроенного вождя Эмистиго (*Emistigo*), криков возглавил Александр Мак-Гилливрей (*Alexander McGillivray, 1750–1793*), сын шотландца и индианки, унаследовавший две плантации неподалеку от нынешнего г. Монтгомери в Алабаме. Этот не только богатый, но и хорошо образованный человек был недюжинным дипломатом, чья цель состояла в том, чтобы, вопреки властям Джорджии, закрепить права племени на занимаемые земли.

31 мая — 1 июня 1784 г. в Пенсаколе испанский губернатор Флориды Эстебан Миро (*Miró*) созвал “конгресс” с участием криков. 1 июня Мак-Гилливрей подписал с Миро договор о принятии испанского протектората над племенем. Испанцы обязались продавать им все необходимое, даже оружие, а крики — прогонять всех торговцев, кроме испанцев. Мак-Гилливрей стал уполномоченным Испании.

Однако 7 августа 1790 г. он и другие вожди криков заключили в Нью-Йорке с Генри Ноксом, военным министром в правительстве Дж. Вашингтона, два договора, один публичный, другой тайный. Пенсакольский договор был аннулирован. Испанский протекторат над криками сменился американским, а сам Мак-Гилливрей, согласно секретному пункту документа, стал бригадным генералом США с жалованием в \$1200 в год — это вдвое больше, чем ему платили испанцы.

Старейшины племени отвергли нью-йоркские договоры — возможно, под испанским влиянием. Тогда Мак-Гилливрей заключил с испанским губернатором Флориды Каронделе (Carondelet) новый союз, отменявший договоры с американцами, просил старейшин ратифицировать его, однако 17 февраля 1793 г. умер, так этого и не дождавшись (Edmunds 1980: 41–63). Его преемники 28 октября 1793 г. по инициативе Гайосо де Лемоса (Gayoso de Lemos), испанского коменданта Натчеца, в только что построенном форте Ногалес подписали еще одно соглашение. Оно отменяло нью-йоркские договоры 1790 г., восстанавливало союз и торговые отношения на условиях 1784 г. Вдобавок крики обязались защищать — от американцев, от кого же еще! — Луизиану и Флориду, за что им полагались ежегодные выплаты и подарки от испанцев. Этот документ утратил всякую силу после заключения между Испанией и США договора Пинкни (27 октября 1795 г.), который запрещал подстрекать индейцев к нападению.

Воинственности крикам поубавили и события на севере. 4 августа 1795 г. американский генерал Антони Уэйн после победы над алгонкинами и их союзниками при Фоллен-Тимберсе (20 августа 1794 г.) подписал в Гринвиле договор с шауни и другими северными племенами. США установили протекторат над огромной индейской территорией от Великих озер до Огайо. Крики и чероки более не могли рассчитывать на отвлекающие действия северных индейцев и были вынуждены поддерживать худой мир.

Параллельно переселенческому на западных федеральных территориях шел процесс формирования новых штатов. Субъектами американской федерации стали Кентукки (1792), Теннесси (1796), Огайо (1803), Луизиана (1812), Индиана (1816), Миссисипи (1817), Иллинойс (1818), Алабама (1819) и Миссури (1821). К 1800 г. белые переселенцы, наиболее продвинувшись на запад в районе Нэшвилла, разбили “индейскую страну” почти напополам. Северный круг “восьмерки” составляли будущие Висконсин, Мичиган, Иллинойс, Индиана, 1/3 Огайо. Тамошние племена — ваяндоты, шауни, майами, кикапу — могли выставить около 5 тыс. воинов. Южный круг — будущие Миссисипи, Алабама, запад Джорджии, Теннесси, Кентукки — как раз и был зоной обитания племен, впоследствии названных цивилизованными. Через область криков на территории Алабамы, Джорджии и Теннесси проходили маршруты федеральной почты, и это было опасное место: в 1805 г. несколько белых почтальонов получили там ранения (American State Papers 27: 225–226).

В 1806 г. Текумсе, вождь шауни, нанес визит крикам, черокам, чокто и чикасо и призвал их готовиться к борьбе с белыми. Он проповедовал учение своего брата — пророка Тенскватавы: надо вернуться к образу жизни предков, забыть раздоры, достижения бледнолицых в военном деле заимствовать, а когда борьба начнется, надеяться на помощь Великого Духа.

В 1809–1811 гг. крики активно поддержали движение Текумсе, направленное на формирование индейского государства. В англо-американской войне они воевали на стороне англичан, 30 августа 1813 г. убили около 500 белых в Форт-Миммсе, в Алабаме. Однако генерал Эндрю Джексон 28 марта 1814 г. нанес крикам решающее поражение при Хоршу-Бенде. По договору в Форт-Джексоне 9 августа 1814 г. крики отказались в пользу США от 2/3 своих земель. Ныне это юг и юго-запад Джорджии (примерно 1/5 территории штата) и средняя часть Алабамы (чуть менее половины штата). (Когда в 1802 г. Джорджия отдала свои западные земли федеральным властям, поселения нижних криков остались в ее пределах, а деревни верхних криков попали под прямую юрисдикцию США. В 1819 г. образовался штат Алабама, и верхние крики оказались под его властью.)

Прочие “цивилизованные племена” к движению Текумсе не примкнули. Чирокки примерно с 1800 г. стали переходить на оседлость и строить дома, как у белых. Численность их в это время не превышала 16 тыс. В 1801–1816 гг. у них появились

школы, которые основывали главным образом моравские братья, позднее — баптисты, методисты, конгрегационалисты и пресвитериане. Грамотность среди чироков распространилась, хотя своей интеллигенции им создать не удалось (*Starkey* 1946: 30). В 1808 г. в племени стали издаваться собственные законы и было введено наследование имущества по завещанию (*Perdue* 1979: 50–51). В 1813–1814 гг. чироки оказали США военную помощь в борьбе против англичан и криков. В 1817 г. у чироков была упразднена должность вождя, а его полномочия были переданы Национальному комитету, президентом которого был избран Джон Росс (*McKenney* 1855b: 165).

В начале XIX в. **чикасо** стали посылать молодежь в школы религиозных миссий или просто к белым. Процент грамотных стал расти. Правда, научившись читать и писать, дети из этого племени прекращали заниматься, а когда их пытались заставить — убегали из школ вообще (*Gibson* 1971: 136). Во время Семинольской войны, 19 октября 1818 г., США заключили с чикасо договор в Олдтауне (Treaty of Old Town), и те уступили земли между реками Теннесси и Миссисипи в пределах будущих штатов Теннесси и Кентукки. За это американские власти обязались выплачивать чикасо по \$20 тыс. в год в течение 15 лет и погасили некоторые их долги.

“Джефферсоновские республиканцы” почти не пытались обуздать агрессию переселенцев против индейцев. Однако их преемники — “национальные республиканцы” — вернулись к более справедливой политике федералистов. Спикер Палаты представителей Генри Клей в речи в Конгрессе 30–31 марта 1824 г. призвал к созданию “адекватного покровительства”, способствующего развитию промышленности и ремесел. Предложенный им пакет мер получил название “Американская система”. Поддержание цен на землю на высоком уровне рассматривалось как важный рычаг ее реализации. Соблюдение договоров с племенами стало на некоторое время одним из приоритетов политики правительства США, особенно в 1825–1829 гг., когда президентом был Джон Куинси Адамс. Эти обстоятельства предоставили “индейскому возрождению” шанс, который оказался последним.

Помимо президента и военного министра, политикой в отношении племен в это время ведал майор Томас Лорен Мак-Кенни (Thomas Loraine McKenney, 1785–1859), в 1824–1830 гг. суперинтендант по индейским делам. В течение многих лет не только ради профессионального долга, но и из интереса он собирал разнообразные сведения о коренных народах и, в частности, составил коллекцию портретов индейских вождей, выполненных профессиональными рисовальщиками. 17 ноября 1829 г. Мак-Кенни в письме военному министру Джону Итону самокритично высказался об Индейском бюро, которым руководил: это бюро, по его словам, “слишком безвластно, чтобы быть эффективным, и ему слишком строго приходится отвечать за свою слабость” (“too powerless to be effective, and too responsible for its feebleness”) (*Satz* 1975: 153).

В 1820-х годах колонисты Джорджии при активном попустительстве губернатора штата (в 1823–1827 гг.) Джорджа Траупа (George Troup, 1780–1856) начали полное вытеснение **криков** с их земель. Вождь нижних криков генерал Уильям Макинтош, воевавший под началом генерала Джексона во Флориде, склонен был к максимальным уступкам американцам. 12 февраля 1825 г. представители администрации президента Джеймса Монро и Макинтош заключили 2-й договор в Индиан-Спрингсе (Indian Springs Convention). Крики отдавали правительству США все земли, что у них еще оставались восточнее р. Флинт. Многие индейцы считали, что Макинтош превысил свои полномочия. Вождь Опотле-Йохоло уже во время подписания документа прямо угрожал ему смертью (*McKenney* 1855a: 284). Верхние крики во главе с Маленьким Принцем (Little Prince) договор не признавали изначально (*Stevenson* 1905: 226). Совет племени немедленно обратился к правительству США, дезавуировав Макинтоша.

Документ был доставлен в Вашингтон 2 марта 1825 г. Президент Монро отослал его в Сенат. 4 марта в должность вступил новый президент — Адамс. 7 марта Сенат ратифицировал договор. Однако сразу после этого делегаты криков явились в Вашингтон и заявили, что документ подписали лица, не имевшие на то полномочий. Представитель США у криков — полковник Джон Кроуэлл — подтвердил это их заявление! Его характеризовали как совестливого (*conscientious*) агента: он пытался защитить индейцев, когда видел их правоту. И Адамс после беседы с ними с согласия Сената приостановил действие договора. По поручению президента военный министр Джеймс Барбур написал губернатору Джорджии Траупу, чтобы он и его люди воздержались от захватов до заключения с криками нового соглашения, которого он обещал достичь до 1 сентября 1826 г.

Утром 30 апреля 1825 г. вооруженный отряд примерно из 400 криков, которым командовал Менава (*Menawa*), окружил большой дом вождя Макинтоша на берегу Чаттахучи. Менава заявил, что Макинтош будет убит за то, что нарушил закон, но никому другому он, Менава, не намерен причинять вреда. Он предложил белым, женщинам и детям покинуть дом. Смешавшись с ними, оттуда ускользнул сын вождя Чили, тоже подписавший договор. В доме остались только сам Макинтош и вождь Этоми Тастеннагги. Осаждавшие подожгли здание, и когда двое показались в дверях, грянули выстрелы. Макинтош был только ранен, и его добили ударом ножа в сердце (*McKenney* 1855a: 311–312).

В Вашингтоне 27 июля 1825 г. кабинет обсудил положение в Джорджии на границе с криками. Президент предложил направить губернатору Траупу запрет посылать на индейскую территорию землемеров, а командующему федеральными силами генералу Эдмунду Гейнсу — распоряжение задерживать их.

Крики решили послать в Вашингтон еще одну делегацию, чтобы заключить новое соглашение. В нее включили двух чероков: Джона Риджа (*Ridge*) и Джозефа Вэнна (*Vann*). Генерал Гейнс удивился: как черокские вожди могут представлять интересы криков? Крики объяснили, что неграмотны, а нужен же кто-то “из их расы” (“*of their own race*”), чтобы разобрать английские тексты договоров: пусть едут в качестве секретарей. В начале ноября 1825 г. делегация выдвинулась в Вашингтон. Через Милледжвилл они проследовали в полном парадном индейском облачении, но затем сменили его на обычную одежду белых.

Новые переговоры начались 30 ноября 1825 г. Со стороны США их вел военный министр Барбур. 3 декабря крики представили меморандум, где заявляли о готовности отказаться от всяких претензий на земли восточнее Чаттахучи, но категорически настаивали на правах на территории западнее этой реки. Они не понимали топографических линий на местности и требовали естественных границ. 17 января 1826 г. крики после визита в военное министерство решили, что переговоры провалились. Опотле-Йохоло от отчаяния даже предпринял в этот день попытку самоубийства (*Hecht* 1972: 433). Вечером Мак-Кенни написал небольшое личное письмо Риджу, где просил его убедить криков пойти на некоторые уступки. Ридж так и сделал (*Wilkins* 1970: 166–171). На другой день переговоры возобновились. 24 января 1826 г. в Вашингтоне был подписан новый договор США с криками. Его 1-я статья аннулировала договор в Индиан-Спрингсе, хотя родственники убитого Макинтоша получали компенсацию. Индейцы почти ничего не выигрывали. Аннулировались их заявки на все земли восточнее Чаттахучи и на некоторые территории к северу и западу от этой реки. Оставаться в Джорджии крикам было запрещено, за исключением одного крошечного клочка земли (*Adams* 1875b: 108).

31 января 1826 г. президент Адамс направил этот договор в Сенат. Однако сенатский комитет во главе с Томасом Бентоном из Миссури счел, что он слишком мягок по отношению к крикам! Договор не требовал, в частности, чтобы индейцы покинули Алабаму. Комитет предложил правительству вступить в новые переговоры,

пользуясь присутствием в Вашингтоне вождей криков. 31 марта 1826 г. после диалога с последними была принята дополнительная статья к проекту договора, по которой все индейские земли в Джорджии переходили этому штату, а крикам вне границ Джорджии “позволялось” поселиться за Миссисипи. В таком виде Сенат утвердил документ при соотношении голосов 30 к 7, причем семерку недовольных составляли южане, возмущенные тем, что новый договор “оправдывал” убийц Макинтоша (*Benton* 1854: 59).

2 сентября 1826 г. губернатор Трауп послал землемеров на индейскую территорию. По условиям договора от 24 января 1826 г. он до 1 января 1827 г. не имел права делать этого (*Murray* 1948: 6). Крики арестовали землемеров из Джорджии. Трауп послал конный отряд, чтобы отбить их. 27 января 1827 г. ситуация обострилась на заседании правительства. Достали акт Конгресса от 30 марта 1802 г. и обнаружили, что его 5-я статья запрещает землемерные работы (*surveying*) в зоне поселения индейцев, 16-я — предписывает вооруженным силам США препятствовать нарушениям границ, а 17-я — требует преследовать таких нарушителей, даже когда они возвращаются в пределы США. Клей высказался за защиту прав индейцев, даже силой. Но Адамс заметил: землемеры отправились на задание по распоряжению властей штата! Если отдать приказ об их аресте, то милиция Джорджии попытается отбить их силой; и каждая сторона будет в своем праве. Барбур предложил послать доверенное лицо к властям этого штата и строго предупредить; тем дело и ограничилось (*Adams* 1875b: 219–220). А 17 февраля 1827 г. Конгресс высказался в поддержку антииндейских действий губернатора Траупа (*Stevenson* 1905: 226–227).

Даже самые патриотичные крики убедились, что в конфликте по земельному вопросу власть штата Джорджия сильнее, чем федеральная, и что личная склонность президента Адамса признавать права индейцев на землю помогает мало. 15 ноября 1827 г. американский уполномоченный Мак-Кенни подписал с криками договор об их переселении на запад от Миссисипи (*Adams* 1875b: 362). По этому документу индейцы уступили Джорджии последний еще остававшийся у них клочок земли в пределах штата. Договор был ратифицирован Сенатом 4 марта 1828 г. Тем самым за счет криков был положен конец конфронтации США и Джорджии. Теперь они оставались только в Алабаме (*McKenney* 1855a: 313–314). Однако в том же 1829 г. этот штат разделил территорию криков на графства и объявил свою исключительную юрисдикцию над ними. В 1832 г. крики были депортированы в Оклахому.

Чироки в этот период выглядели лучше других защищенными от самовольства властей штатов. Ведь решения о выдворении белых с индейских территорий были в 1818–1819 гг. почти полностью реализованы только применительно к этому племени (*Prucha* 1962: 175).

В 1824 г. федеральные власти располагали следующими статистическими данными о “стране” чироков. Население — 15 560 чел., в т.ч. негров — 1277 (мужчин — 610, женщин — 667), белых, женатых на женщинах чироки, — 147, белых женщин замужем за чироками — 68. Школ — 18. Учащихся — 314. Мельниц — 36. Ткацких станков — 762. Прялок-самопрялок (*spinning wheels*) — 2486. Плугов — 2923. Лошадей — 7683. Крупного рогатого скота — 22 531 голова. Овец — 2566 голов. Кузниц — 62 (*Register of Debates in Congress* 1830: 1069). В 1835 г. 210 чироков владели рабами. У индейского плантатора Вэнна их было 110. Правда, кроме него лишь два плантатора имели более 50 рабов, а из 207 оставшихся 168 владели не более, чем 10 рабами (*Perdue* 1979: 58).

Военный министр Джон Кэлхун в разговоре с госсекретарем Адамсом 24 марта 1824 г. отметил “прогресс чироков в цивилизации”. Они обрабатывают землю, ввели у себя управление через представительство, юриспруденцию, ланкастерские школы, постоянную собственность. Они составляют документы, не отличающиеся от государственных и логичные не менее, чем у белых. У каждого из вождей (Кэлхун назвал четверых: Риджа, Хикса, Лоури и Росса) собственности на \$50–100 тыс. (*Adams* 1875a: 318). В 1822 г. у чироков был учрежден верховный суд племени (*Perdue* 1979: 54–56).

В 1821 г. вождь Секвойя (Gist George Sequoyah, ок. 1760/1770–1843) изобрел для языка чироки слоговую азбуку из 85 знаков, главным образом заимствованных из латинского и некоторых других алфавитов: в частности, знак Н читался как “ми”, А — как “го”, К — как “тсо”, Р — как “тлв”. Марион Старки, автор классической монографии о чироках, назвала Секвойю “скромнейшим из Прометеев”. Старки отметила, что инициатива создания азбуки исходила не от миссионеров и не от их учеников, а от тех, кто по-английски не умел ни говорить, ни читать. 5 ноября 1824 г. даже было учреждено “Моральное и литературное общество чирокской нации”.

Некоторые авторы говорят о “чирокском возрождении” середины 1820-х годов. Старки призывает быть сдержаннее. “Их наибольшим приближением к пышности флорентийцев или Перикла были домотканые одеяла, изредка лоскутные [шотландские] юбки, архитектура домов в Нью-Экоте, предназначенных для совета племени и суда, пиленные доски вместо бревенчатых хижин” (Starkey 1946: 77–78). В 1825 г. постоянной столицей стал городок Нью-Экота (штат Джорджия, графство Гордон, ныне исторический парк).

Новые посягательства Джорджии на земли чироков побудили руководство племени обратиться к президенту Монро за защитой. 5 января 1824 г. делегация индейцев прибыла в Вашингтон. В час пополудни 8 января 1824 г. военный министр Кэлхун представил майора Риджа, вождя чироков, президенту. Тот приветствовал Монро высокопарной речью с поминанием Великого Духа, как зафиксировал в дневнике госсекретарь Адамс. Делегаты просили президента и Конгресс о вмешательстве в их отношения со штатом Джорджия. Примечательно, сколь юридически точно описали они характер желаемого вмешательства! Федеральная власть могла бы аннулировать те свои обязательства перед Джорджией, что предполагали непризнание прав чироков на земли в этом штате (“so that provision may be made, by law, to authorize and adjustment between the U. S. and the State of Georgia, so that the former may be released from the existing compact, so far as it respects the extinguishment of the Cherokee title to lands within the chartered limits of Georgia”). В ответ Кэлхун обозначил американскую позицию не менее четко: “Было бы не совместимо с американской системой отношений, если бы индейцы оставались отдельной и особенной общностью, существующей на неопределенных условиях в пределах обозначенных хартией границ Джорджии. Они должны либо интегрироваться в социальную и политическую структуру Джорджии, либо мигрировать на более дикие земли за Миссисипи” (Wilkins 1970: 153–154). Начались трудные переговоры.

12 марта 1824 г. кабинет рассматривал жалобу чироков на нарушение властями Джорджии договора 1802 г. и встречные обвинения должностных лиц штата. Даже Кэлхун возмущился самоуправством последних и сообщил, между прочим, что в Джорджии индейские земли уже разыгрывают в лотерею между потенциальными покупателями (Adams 1875a: 255–256). Конгрессмены от штата ревниво следили за переговорами и негодовали на Кэлхуна за то, что он ведет с чироками дипломатические переговоры по всей форме, называет их джентльменами — а им надо дать понять, что они должны выселяться или их перебьют. 15 апреля 1824 г. вожди чироков выступили в Капитолии, взывая к великодушию американского народа в деле охраны их прав (Wilkins 1970: 155–156). 3 июня 1824 г. делегация индейцев во главе с майором Риджем нанесла прощальный визит президенту Монро. Единственный успех, которого они добились, — это данное Кэлхуном обязательство выплачивать племени по \$1 тыс. в год, как того требовал договор в Теллико 1804 г. Адамс отметил, что красноречие Риджа на этой встрече было более белым и менее индейским, чем в январе. Это было суждение знатока: в прошлом Адамс преподавал риторику в Гарварде.

26 июля 1827 г. совет племени, объявивший себя конвентом, принял документ под названием конституция. Вот его преамбула (опубликованная в газете “Cherokee Phoenix” от 21.02.1828 г.):

Мы, представители народа чирокской нации, собравшиеся на конвент с тем, чтобы водворить законность, обеспечить стабильность, укрепить наше общее благосостояние и гарантировать нам и нашему потомству благословения свободы; признавая, со смирением и благодарностью, праведность всемогущего Правителя вселенной, Который предоставил нам возможность столь благоприятную для всего этого, помог нам и направил нас, — вводим и учреждаем эту конституцию государства черокской нации (цит. по: *Starkey* 1946: 78–79).

Чироки официально признали себя “христианской” нацией. Кто не верит в Творца и в посмертное воздаяние, не может занимать должности, и его присяга не действительна. В конституции не было никаких признаков национальной финансовой политики: о деньгах не говорились ни слова (на практике использовались деньги США и соседних штатов). Доходы “чирокской нации” складывались из выплат правительством США за земли, уступленные по договорам, — это \$7500 в год (*Starkey* 1946: 103–104). Вскоре после принятия конституции состоялись выборы, в ходе которых главным вождем избран был Росс, одержавший победу над Уильямом Хиксом (Hicks).

21 февраля 1828 г. в Нью-Экте вышел в свет первый номер “Cherokee Phoenix” — чирокской газеты с текстом на черокском и английском языках. Прежде всего в ней была опубликована конституция. Газета издавалась до 31 мая 1834 г.

После победы на президентских выборах 1828 г. Джексона “цивилизованные племена” более не могли рассчитывать даже и на символическую защиту от посягательств центральной власти. Актом отчаяния стал так называемый “Кровавый закон” (Blood Law), предложенный майором Риджем и утвержденный палатами Национального совета чирокков 24 октября 1829 г. Он гласил: если какое-либо лицо или лица, не уполномоченные этим органом, заключат договор с США о продаже собственных земель чирокков, то такое лицо или лица подлежат смерти. Если они откажутся предстать перед судом, любой член племени вправе их безнаказанно убить (*Wilkins* 1970: 201–202).

19 декабря 1829 г. Джорджия приняла закон о присоединении территорий чирокков к пограничным графствам штата и об аннулировании с 1 июня 1830 г. всех соглашений с этими индейцами. Те сделали попытку обжаловать закон в Верховном суде, указывая, что он противоречит договорам США с племенами. Иск от имени чирокков возбудил Уильям Уирт, бывший генеральный атторней США в администрациях Монро и Адамса. Верховный суд принял дело к рассмотрению 5 марта 1831 г., и оно получило название “Чирокская нация против штата Джорджия”. 18 марта верховный судья Джон Маршалл огласил решение. Суд отказал чирокам в иске, оставив закон в силе, и не стал считать индейские племена иностранными государствами, договоры с которыми обладают приоритетом над внутренним законодательством США. Это решение определило существующий статус племен как “dependent domestic nations” — “зависимых отечественных народов”, не обладающих суверенитетом над занимаемой территорией; соглашения же с ними приравнивало к обычным законам, которые и отменены могут быть тем же порядком, что и обычные законы.

Боролись чироки долго. Договор о переселении на западный берег Миссисипи Джон Ридж (сын майора Риджа), а также Элиас Будино подписали только 29 декабря 1835 г. в Нью-Экте. Росс противился переселению. Он собрал подписи 15 665 членов племени за денонацию нью-эктских документов и даже смог заручиться поддержкой легислатур Массачусетса и квакерской общины Новой Англии. Тем не менее “великий исход по тропе слез” чероки начали 23 мая 1838 г. А 22 июня 1839 г. Джон Ридж был убит в Оклахоме противниками договора, и вождем надолго стал Росс.

О племени **чокто** Индейское бюро собрало сведения в 1828 г. Его численность равнялась 5627 чел., среди них — 22 белых в браках с чокто. У племени было 112 голов крупного рогатого скота, 11 661 голова мелкого скота, 3974 лошадей, 22 047 сви-

ней, 136 овец, 530 прялок-самопрялок, 124 ткацких станков, 360 плугов, 7 кузниц, 2 медеплавильни. Имелось 5 школ, в которых учились 150 детей (*Register of Debates in Congress 1830: 1070*). Такими хозяйственными людьми много лет патриархально управлял Пушматаха, пользовавшийся как авторитетом в своем племени, так и доверием американцев. Но и они испытали на себе всю сокрушающую мощь переселенческого потока на Запад: племени чокто раньше других предложили перемещение за Миссисипи, но не в Оклахому, а в гораздо более благоприятный для жизни Арканзас. 18 октября 1820 г. в форте Доукс-Стенд генералы Джексон и Томас Хиндс подписали с Пушматахой договор (*Treaty of Doak's Stand*) об “обмене землями”. Чокто уступали владения в западной и центральной частях штата Миссисипи (5500 тыс. акров), главным образом в графстве Мэдисон, и получали взамен территории в пределах нынешних Арканзаса и Оклахомы.

Однако арканзасские земли оказались уже заселены белыми. Узнав об этом, чокто отказались перемещаться. В ноябре 1824 г. Пушматаха прибыл в Вашингтон для переговоров о новом варианте переселения. Обсуждение размера компенсации затянулось. В конце декабря Пушматаха неожиданно заразился крупом и умер. Похоронили его в Вашингтоне на кладбище для конгрессменов с воинскими почестями (*McKenney 1855a: 185–193*). А 20 января 1825 г. Кэлхун подписал в Вашингтоне с делегацией чокто новый договор, согласно которому отведенная для поселения этих индейцев зона находилась в Оклахоме, примыкая к границе с Арканзасом (*Prucha 1962: 172–173*). Общий совет чокто отказался признать этот документ и принял в 1826 г. конституцию племени, составленную по образцу конституций штатов (*Register of Debates in Congress 1830: 1070*). С приходом Джексона к власти ситуация стала безнадежной. 27 сентября 1830 г. чокто по договору в Дансинг-Рэббит-Крике (*Dancing Rabbit Creek*) отдали США все свои земли восточнее Миссисипи и получили взамен территорию в юго-восточной части нынешней Оклахомы (*American State Papers 33: 560*). Чокто стали первым племенем, подвергнутым депортации. Это случилось в ноябре–декабре 1831 г. Лишь небольшая их часть осталась в штате Миссисипи. Эти чокто стали первой крупной неевропейской группой населения, получившей гражданство США в конце XIX в.

По данным Мак-Кенни, относящимся приблизительно к 1827 г., численность **чикасо** составляла около 4 тыс. В их поселениях он насчитал до 800 добротных домов, каждый ценою от \$150 до \$1–2 тыс. (*Register of Debates in Congress 1830: 1070*). Отчет агента Аллена военному министру Итону от 7 февраля 1830 г. дает представление об экономической основе такого благополучия. Аллен констатировал, что буйволов у чикасо нет, зато много хороших лошадей и мелкого скота. Шерсть, говядина, свинина производятся на экспорт. Сахар и кофе свои: рабы выращивают на месте. Агент отмечал, что в последние восемь лет у чикасо изменилось к лучшему отношение к женщинам: если раньше их заставляли работать в поле, то теперь они занимаются главным образом домашним хозяйством — делают сыр и масло и содержат дома и себя прилично и чисто, употребляя для этого те же средства и наряды, что и белые (*Gibson 1971: 138–139*).

Чикасо подлежали перемещению по закону от 28 мая 1830 г. В 1832 г. они еще занимали северную часть общего с чокто ареала южнее Мемфиса, восточнее Висксберга. По переписи 1834 г. численность чикасо составляла 4914 свободных и 1156 рабов (*Ibid.: 179*). Уступили свою землю они по договорам 1832 г. (*Treaty of Pontotoc*) и 1834 г., но только в 1837 г. переселились на запад. В довершение бед по дороге их ограбили неизвестные разбойники (*Boardman 1975: 69*).

Пятое из “цивилизированных племен” — **семинолы** — стало упоминаться под этим именем только примерно с 1819 г., хотя их обособление от соседних племен связано с событиями начала XVIII в. В 1702 г. полковник Джеймс Мур во главе ополчения Южной Каролины двинулся в земли нижних криков, часть которых ушла во Флориду —

под испанскую власть; эти-то индейцы и стали называться Simanoli, Semanole – “беглецы”, “отделившиеся”.

К 1750 г. предки семинолов ассимилировали ямасси и другие мелкие индейские племена Флориды. В 1775–1783 гг. к ним присоединились микосоки (Mikasuki), ушедшие из Джорджии. Наконец в 1813–1814 гг. в состав семинолов вошла часть верхних криков, спасшихся от войск генерала Джексона. И постоянно к ним присоединялись негры, бежавшие с плантаций Южной Каролины и Джорджии. Семинолы не признавали рабства и считали чернокожих полноправными членами племени; одним из вождей семинолов был негр Авраам (*Стартеван* 1978).

В 1816 г. отряды Джексона вылавливали негров, скрывавшихся в испанской Флориде. Семинолы же укрывали беглецов, и их противостояние с американцами переросло в 1-ю Семинольскую войну (1816–1818). США вели ее на территории, находившейся тогда под испанской юрисдикцией, которая вследствие начавшейся в Латинской Америке войны за независимость была под большим вопросом. В 1817 г. американцы в одной из стычек во Флориде убили пророка и вождя семинолов Хиллис-Хаджо (Hillis Hadjo).

26 марта 1818 г. Джексон на сей раз во главе ополчения Теннесси и Джорджии вторгся во Флориду в районе Таллахасси и занял ее, фактически ликвидировав испанскую власть. 7 апреля ему сдался форт Св. Марка, 24 мая – Пенсакола, 27 мая – Баранкас. Семинолы отступили в болотистые глубинные районы. Восточная Флорида по договору Адамса–Ониса от 22 февраля 1819 г. перешла под власть США.

18 сентября 1823 г. США в Моултри-Крике (Moultrie Creek) заключили первое соглашение с семинолами. По нему индейцы уступили, а американцы получили 5 млн акров. Шестой пункт договора, принятый по требованию семинолов, предусматривал, что правительство США ассигнует \$1000 ежегодно в течение 20 лет на школу для обучения индейских детей. Ценность образования семинолы понимали.

Флорида была в стороне от основных переселенческих потоков, поэтому серьезное давление на семинолов и их сопротивление по-настоящему начались только после принятия Акта о выселении 28 мая 1830 г. Индейцы отказались признать и договор в Пейнс-Лэндинге (Payne's Landing, 1832), и договор в Форт-Гибсоне (Fort Gibson, 1833). Их ожесточенное сопротивление обернулось 2-й Семинольской войной (1835–1842), которая продолжалась и после пленения и смерти знаменитого Оцеолы (Osceola, 1800–1838). Депортировать в Оклахому удалось лишь часть семинолов: другая часть скрывалась в болотах Флориды, пока в 1880-х годах власти не прекратили их преследование.

Был ли у “цивилизованных племен” шанс вписаться в американское общество по месту своего тогдашнего проживания, сохраняя все ценное из своей традиционной культуры? Это не удалось ни чирокам с семинолами, ценившим образование, ни крикам с чикасо, пренебрегавшим учебой. Это не смогли сделать ни чокто с их подчеркнутой лояльностью США, ни крики, искавшие всякого случая примкнуть к противникам американцев. Однако известно, что Гражданская война застала чироков в Оклахоме, где приверженность рабовладению побудила их поддержать конфедератов, и те без колебаний приняли этих индейцев на военную службу. Можно предположить, что для инкорпорации чироков, чокто и чикасо достаточно было минимальной межрасовой терпимости и стремления к взаимопониманию. Только не таков был дух “джексоновской демократии”! Захватчики племенных земель, видя, что власти попустительствуют им, не желали и думать ни о каких компромиссных решениях индейской проблемы.

Примечания

¹ Французская и индейская война (French and Indian War) — составная часть Семилетней войны, которая в Америке началась в 1754 г. — раньше, чем в Европе.

Источники и материалы

- Adams 1875a — [Adams J.Q.] Memoirs of John Quincy Adams. In 12 vols. Vol. VI. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1875.
 Adams 1875b — [Adams J.Q.] Memoirs of John Quincy Adams. In 12 vols. Vol. VII. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1875.
 American State Papers 27 — American State Papers. Documents Legislative and Executive of the Congress of the U.S. in Relating to Public Land, Finance, Military Affairs. In 38 vols. Vol. 27: Post Office Department. Washington, 1849–1861.
 American State Papers 33 — American State Papers. Documents Legislative and Executive of the Congress of the U.S. in Relating to Public Land, Finance, Military Affairs. 38 vols. Vol. 33: Public Lands. Washington, 1849–1861.
 Benton 1854 — Benton Th.H. Thirty Years' View. Vol. I. N.Y.: D. Appleton and Company, 1854.
 Kappler 1972 — Kappler C.J. (ed.) Indian Treaties, 1778–1883. N.Y.: Interland Publishing House, 1972.
 Ford 1934 — Ford W.C. (ed.) Journals of the Continental Congress. 1774–1789. In 34 vols. Vol. XXXI. Washington: United States Government Printing Office, 1934.
 Register of Debates in Congress 1830 — Register of Debates in Congress. 1824–1837. In 25 vols. Vol. VI. Pt. 2. Washington: Gales and Seaton, 1830.

Научная литература

- Стартеван У.К. Из криков в семинолы // Североамериканские индейцы / Ред. Ю.П. Аверкиева. М.: Прогресс, 1978. С. 66–108.
 Bassett J.S. The Federalist System 1789–1801. N.Y.: Harper & Brothers, 1906.
 Boardman F.W. Jr. America and the Jacksonian Era. 1825–1850. N.Y.: Walck, 1975.
 Edmunds R.D. (ed.) American Indian Leaders. Studies in Diversity. Lincoln: University of Nebraska Press, 1980.
 Gibson A.M. The Chickasaws. Norman: University of Oklahoma Press, 1971.
 Hecht M.B. John Quincy Adams: A Personal History of an Independent Man. N.Y.: Collier-Macmillan, 1972.
 Hibbard B.H. A History of the Public Land Policies. N.Y.: The Macmillan Company, 1924.
 McKenney Th.L. History of the Indian Tribes of North America. In 2 vols. Vol. I. Philadelphia: T.K. & P.G. Collins for D. Rice & A.N. Hart, 1855a.
 McKenney Th.L. History of the Indian Tribes of North America. In 2 vols. Vol. II. Philadelphia: T.K. & P.G. Collins for D. Rice & A.N. Hart, 1855b.
 Murray P. The Whig Party in Georgia. 1825–1853. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1948.
 Perdue Th. Slavery and the Evolution of Cherokee Society. 1540–1866. Knoxville: University of Tennessee Press, 1979.
 Prucha F.P. American Indian Policy in the Formative Years. The Indian Trade and Intercourse Acts. 1790–1834. Cambridge: Harvard University Press, 1962.
 Roland A. Great Indian Chiefs. N.Y.: Macmillan, 1966.
 Satz R.N. American Indian Policy in the Jacksonian Era. Lincoln: University of Nebraska Press, 1975.
 Starkey M.L. The Cherokee Nation. N.Y.: A.A. Knopf, 1946.
 Stevenson R.T. The Growth of the Nation 1809 to 1837. Philadelphia: Barrie & Sons, 1905.
 Wilkins Th. Cherokee Tragedy. The Story of the Ridge Family and the Decimation of a People. L.: Macmillan, 1970.

Research Article

Isaev, S.A. Five Civilized Tribes within the Limits of the U.S., till the Removal Act of 1830 ["Piat' tsivilizovannykh plemen" v predelakh SShA do deportatsii 1830 g.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021,

no. 3, pp. 83–97. <https://doi.org/10.31857/S086954150015497-6> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergei A. Isaev | <https://orcid.org/0000-0001-9491-3510> | isayevsviir@yandex.ru | St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (7 Petrozavodskaya str., St. Petersburg, 197110, Russia)

Keywords

Cherokees, Chickasaws, Choctaws, Creeks, Indians of the USA, Seminoles, U.S. Indian Policy

Abstract

The article is the description and tentative estimation of the attempts to assume the achievements of the whites, and to establish self-government/statehood, made by Five Civilized Tribes — Cherokee, Chickasaw, Choctaw, Creeks, and Seminoles — in the areas of their settlements within the States, from 1776 till 1830. The influence of certain events for relations between those tribes and the whites are examined: of the War for Independence; the adoption of the U.S. Constitution; of “the Indian Rebirth” due to activity of Tecumseh; the prevailing of certain political parties — Federalists, Democratic Republicans, and National Republicans — in federal and local politics. Certain outstanding chiefs, like Alexander McGillivray, John Ross, and others, tried to establish certain models of *modus vivendi* with Anglo-Saxons, and the difference between those models is also described. The author believes that the possibility to integrate the tribal communities — esp. of Cherokees, Chickasaw, Choctaw, less of Creeks and Seminoles — into political bodies of States actually existed. But the status of States before the Civil War was so high that certain States, esp. Georgia, caught Indian lands, encroaching guarantees given to Indians by the Federal power: for example, by President John Quincy Adams, and by Chief Justice John Marshall. This sort of “scissors” provoked regular conflicts between Indians and whites, and eventually prepared the Removal Act of May 28, 1830.

References

- Bassett, J.S. 1906. *The Federalist System 1789–1801*. New York: Harper & Brothers.
- Boardman, F.W. Jr. 1975. *America and the Jacksonian Era. 1825–1850*. New York: Walck.
- Edmunds, R.D., ed. 1980. *American Indian Leaders. Studies in Diversity*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Gibson, A.M. 1971. *The Chickasaws*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Hecht, M.B. 1972. *John Quincy Adams: A Personal History of an Independent Man*. New York: Collier-Macmillan.
- Hibbard, B.H. 1924. *A History of the Public Land Policies*. New York: The Macmillan Company.
- McKenney, Th.L. 1855. *History of the Indian Tribes of North America*. Vols. I–II. Philadelphia: T.K. & P.G. Collins for D. Rice & A.N. Hart. Vol. I.
- McKenney, Th.L. 1855. *History of the Indian Tribes of North America*. Vols. I–II. Philadelphia: T.K. & P.G. Collins for D. Rice & A.N. Hart. Vol. II.
- Murray, P. 1948. *The Whig Party in Georgia. 1825–1853*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Perdue, Th. 1979. *Slavery and the Evolution of Cherokee Society. 1540–1866*. Knoxville: University of Tennessee Press.
- Prucha, F.P. 1962. *American Indian Policy in the Formative Years. The Indian Trade and Intercourse Acts. 1790–1834*. Cambridge: Harvard University Press.
- Roland, A. 1966. *Great Indian Chiefs*. New York: Macmillan.
- Satz, R.N. 1975. *American Indian Policy in the Jacksonian Era*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Starkey, M.L. 1946. *The Cherokee Nation*. New York: A.A. Knopf.
- Startevan, V.K. 1978. Iz krikov v seminoly [From Creeks to Seminoles]. In *Severoamerikanskije indeitsy* [The North American Indians], edited by Yu.P. Averkieva, 66–108. Moscow: Progress.
- Stevenson, R.T. 1905. *The Growth of the Nation 1809 to 1837*. Philadelphia: Barrie & Sons.
- Wilkins, Th. 1970. *Cherokee Tragedy. The Story of the Ridge Family and the Decimation of a People*. London: Macmillan.

© Н.Л. Пушкарева

ТРУД И ОТДЫХ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ В ОЦЕНКАХ ИХ САМИХ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Ключевые слова: научное сообщество, гендер, отдых, досуг, био-
графика, женщины-ученые

В статье исследуется сложное соотношение труда и отдыха в жизни сотрудниц Российской академии наук с точки зрения эго-документального подхода, который позволяет рассмотреть досуг представительниц академического сообщества с позиций гендерной теории, оценить баланс времени, отданного работе, и времени, посвященного семье и жизни домашней. Предварительный анализ биографических текстов показал, что взаимоотношения работы и отдыха для интеллектуалок строятся по модели, типичной для советских повседневных практик, предполагающих высокую самоотверженность женщин и на работе, и дома. С традиционных мужских позиций невозможно объяснить, как женщины, сочетающие рабочую жизнь и жизнь домашнюю, вписываются в свой бюджет времени. Досуг и отдых женщин, работающих в научных институтах, сильно отличаются от таковых у мужчин, что придает значение феминистской критике исследований досуга и неравенства доступа к нему мужчин и женщин. Результаты исследования могут помочь разработать способы наиболее рационального использования времени с целью повышения научной эффективности. Статья сопровождается комментариями О.А. Вальковой, В.А. Верemenko, И. Гевиннер и О.И. Секеновой.

...наука требует ненормированного рабочего дня
(Механик 2019)

Отдых в нашей стране нагружен социальной ответственностью: он выражен как конституционное право гражданина и гражданки на “время для восстановления сил и повышения работоспособности” (Черняева 2006: 31). Соотношение труда и отдыха тех, кто занят в интеллектуальной сфере, — это довольно сложное распределение фонда рабочего, вне рабочего и свободного времени, а в исследовательском плане —

Наталья Львовна Пушкарева | <http://orcid.org/0000-0001-6295-3331> | pushkarev@mail.ru | д. и. н., главный научный сотрудник, заведующая центром гендерных исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Материал публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

один из аспектов антропологии повседневности. Веками считалось, что само занятие умственным трудом — уже и есть отдых, привилегия избранных, полученная за счет упорного и длительного труда многих (*Веблен* 1984). Неразъединенность сфер работы и досуга у лиц интеллектуального труда предстает в глазах тех, кто занят иными формами деятельности, бесконечным отдыхом. Поэтому аналитик, сам увлеченный и занятый наукой, способен в силу личного опыта найти более точные способы оценки бюджета времени ученого. Чтобы глубже проанализировать пути превращения труда в досугоподобные виды деятельности, перетекания досуга в работу и обратно, стоит применить методику анализа полуструктурированных биографических нарративов (*Wengraf* 2001), дополнив их изучением опубликованных воспоминаний, писем, интервью, а заодно попытаться обнаружить динамику перемен.

Можно принять за аксиому то, что у женщин вне зависимости от формы их профессиональной занятости и даже при отсутствии таковой отдых может оказаться в дефиците в связи с двойной нагрузкой (на работе и дома) и меньшим временем на досуг (*Moskoff* 1984: 156; *Goldman* 2000: 197). Особенно сложным предстает соотношение работа—отдых для женщин-ученых, что хорошо видно при анализе их биографических нарративов. Какой бы исторический период ни брался для исследования, очевидно, что именно на женщинах практически в любой стране помимо профессиональных обязанностей лежат обязательства по бытовому обеспечению детей, мужа, родственников. Вникая в содержание внерабочего и свободного времени женщин в разные исторические периоды, можно попытаться определить уровень и качество их жизни в тех категориях, которые сохранены женской социальной памятью (отдых, досуг, свободное время, передышка, отпуск, забава и т.д.), выяснить степень самореализации женской личности (*Щенеткова* 2015: 128). Антропологу повседневности важно в этом случае принимать во внимание историко-культурные условия, систему ценностей и менталитет лиц умственного труда в изучаемую эпоху, социальные нормы и установки и те стороны обыденного, которые именуются “укладом жизнедеятельности”, — привычные практики, неписанные правила, ритуалы и традиции (*Патрушев* 1999: 3).

Исходя из современного концепта научной работы, повседневное погружение в изучаемую проблему — главное условие успешности. Как удастся женщинам-ученым “не выходить из темы” даже при выполнении обыденных бытовых действий, которые у “слабой” половины человечества в советской и постсоветской семье занимают большую долю внерабочей части дня? Полвека назад гендерное неравенство в бюджетах внерабочего времени было особенно явным: в целом по стране женщины тратили на ведение домашнего хозяйства свыше 4 ч. в день, а в выходные — все 8,5 ч., и даже техническое оснащение быта, немного сгладив это расхождение (*Пруденский* 1961: 19; *Грушин* 1964: 5), не устранило гендерные различия. Затраты времени на обеспечение жизни семьи в 1960-е годы у мужчин были в 2–2,5 раза меньше, чем у женщин (*Гордон, Клопов* 1972; *Гордон, Римашевская* 1972). Спустя полвека социологи отметили улучшение, но все же и сегодня мужчины тратят на участие в домашних делах на 25% меньше времени, чем женщины (*Роцин* 2005; *Gershuny* 2000). Как выглядит картина удовлетворенности таким положением в академическом сообществе? Сопоставима ли она с существовавшей полвека назад? Какова динамика?

Прежде чем обратиться к женским эго-документам (воспоминаниям, интервью, письмам), стоит вспомнить, что в СССР рождение “женской литературы” — книг, написанных женщинами для женщин и отображающих женскую аксиосферу (*Women's writing n.d.*) — связано с публикацией в журнале “Новый мир” малозаметной повести “Неделя как неделя” Н.В. Баранской (*Баранская* 1969). Автор повести за 40 лет до публикации окончила историко-этнологический факультет МГУ (в 1930 г.) и всю жизнь была связана с наукой: работала в издательствах, музеях, водила экскурсии... Уйдя на пенсию, Н.В. Баранская с чисто профессиональной этнографической

холодностью описала домашний быт научной работницы, открыв тем самым шлюзы “женскому письму” как форме самовыражения в советской литературе (Воробьева 2013: 180; Кашкарова 1996: 57–69). Картина страшной даже по тогдашним меркам загруженности замужней научной работницы, вынужденной метаться между уборками-готовками-стирками, недовольным мужем, вечно болеющими детьми и исследованиями в области химии, отвлекаться на сверхурочные часы идиотских политзанятий, запоминалась стилем изложения, какой-то обреченной отстраненностью. Читатели 1970-х годов не без оснований ассоциировали повесть с названием ставшего тогда модным фильма С. Поллака “Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?”. Многие женщины отмечали, что именно “Неделя...” перевернула их жизненную позицию. Экранизация повести была оперативно запрещена, набор отдельного издания рассыпан — власти чувствовали, что в этой сглаженной до безликости, заурядной картине женского повседневья работницы советского НИИ заложена бомба замедленного действия.

Повесть в форме женского дневника содержала массу бытовых деталей и оставляла впечатление прерывистого дыхания бегуни на бесконечную дистанцию — цитируя одну из выдающихся советских ученых, академика М.В. Нечкину: “...и мучилась и работала невероятно” (Курапова 2013: 189). Современной представительнице академического мира могут показаться смешными научные изыскания героини повести, но изменилось ли содержание внерабочего времени полвека спустя? Обращение к недавнему рассказу Н. Давыдовой “Вся жизнь плюс два дня” позволяет ответить на этот вопрос отрицательно. Главная героиня, заведующая лабораторией, признается, что отдыха у нее нет: “...ни на минуту не прекращаю я думать о [исследовательских] темах, даже если мне кажется, что я думаю о другом, силую, смеюсь и пью вино. Все мы так...” (Давыдова 1980). А доктор физико-математических наук из Петербурга 75-летняя Т.М. Бириштейн в своем интервью сказала: “...наука обладает особой притягательностью, это очень радостное занятие, но решение заняться исследованиями связано со многими трудностями”, и одна из них — работа без выходных, просто «как в песне о следователях из советского фильма, “часто слышим мы упреки от родных, что работаем почти без выходных”» (Демина 2008). Женщинам-ученым, привыкшим, что есть “работа с утра до вечера, а с вечера до утра” считавшим нормальным “забвение развлечений вплоть до кино... и непрерывный аврал”, когда “бесконечно хочется сделать если не все, то главное, на что ты способен”, к этому и добавить нечего (Заславская 1964а). Пользуясь словами академика Т.И. Заславской из семейной переписки с сестрой, выдающимся лингвистом-синологом М.И. Черемисиной, отношение к профессии можно выразить словами: “...о, вечное наше пристанище — работа! Она одна укрывает и от мужа, и от любовника!” (Заславская 1964б).

Преобразование внутреннего мира личности, прослеживающееся в автобиографических нарративах, исходящих от женщин-ученых разных поколений, самым тесным образом коррелирует с темой скудости времени на развлечения. Молодые годы, когда основные ступени научного роста еще не пройдены, — это период, когда ученому любого пола надо выполнять все рутинные действия (сбор эмпирического материала, его обработка) самому. Для женщин-ученых профессиональная занятость такого рода в структуре дневного времени, по воспоминаниям, все время дополнялась жизнью семейной, которая в домах научных работников, “небогатых, несколько церемонных”, была жизнью, где было “много книг и мало еды” (Максимова 2004: 116). Поколение “нехваток и очередей” (Б. Слуцкий) воспиталось привычным к бытовым сложностям, среди коих на первом месте было “доставание” продуктов, сопровождавшееся бесконечным стоянием в очередях, а далее — трата массы времени на чистку и готовку.

О том, что варилось и жарилось в домах советских ученых, какова была структура их питания, редко кто упоминает в мемуарах, написанных во второй половине

XX в. В аналогичных воспоминаниях женщин-ученых довоенного и дореволюционного времени очень часто фигурируют пироги с капустой и мясом (ОР ГИМ 1: Л. 31) — советские люди такое “меню” могли позволить себе лишь по праздникам. Обычно же на столах научных работников была нехитрая пища, но, конечно, “старались приготовить что-то повкуснее <...> В основном это были рожки с дешевой колбасой, бутерброды с плавленым сыром... отварная картошка, соленые огурцы” (Сахарова 2004: 240). С такого рациона начинало не одно поколение советских женщин-ученых.

В 2014 г. первая из россиянок, получившая *tenure* (полный профессор) по математике в Кембридже, Н.Г. Берлова (1968 г.р.) призналась: “Женщинам-ученым в принципе довольно тяжело совмещать семью и науку. Потому что наука требует ненормированного рабочего дня. Отключить мозги в пять часов и пойти домой заниматься домашними делами очень тяжело”. И добавила: “Быть ученым — занятие очень странное и очень противоестественное: когда тебе приятнее сидеть с листком и что-то чертить, чем общаться с людьми или заниматься чем-то более социально активным” (Механик 2014).

Именно такой структурой повседневности ученых объясняется активное использование жестко институционализированного временного режима старшего поколения научных работников в домах отдыха — учреждениях “туризма и отдыха, предлагавших услуги проживания и питания по путевкам, сроком от 7 дней до мес.” (Гольдфайль 1972: 418). Такой вид отдыха ученых был типичен в годы советской власти (ныне дома отдыха, если не заброшены, то работают как отели; полвека назад значительную часть стоимости путевки компенсировал профсоюз). Это в нынешних биографических нарративах женщин-ученых о домах отдыха никто не упоминает, а в рассказах старшего поколения, письмах, дневниках до- и послевоенного времени они фигурируют очень часто. Поначалу путевку в такие места было сложно получить — путевкой (обычно в пансионаты для партрудников) премировали, причем только кого-то одного из семьи ученых. Позже построили дома отдыха специально для работников Академии наук СССР, но и в них практика “семейного отдыха” возникла позднее, став в пиковые периоды (зимой после Нового года и в летние месяцы) формой поощрения вначале сотрудников НИИ высокого ранга (в первую очередь докторов наук, членов-корреспондентов, академиков) и лишь затем “простых смертных” (АРАН 1: Л. 6). Переписка ученых свидетельствует, что чаще выезжал кто-то один из членов семьи (историк М.В. Нечкина поддразнивала мужа из пансионата: “А рогов я тебе еще не наставляла и пока не собираюсь” [АРАН 2: Л. 75], тем самым подтверждая стереотипное представление о таком виде отдыха [Кузнецова 2011: 81–85]).

Домам отдыха, пансионатам и санаториям женщины-ученые, проводившие там время, порой посвящали рассказы и стихи. Особенно повезло самым желанным и знаменитым из них — пансионату “Звенигородский”, находящемуся рядом дачному поселку “Мозжинка” (Гаген-Торн 2009: 40–43) и санаторию “Узкое” (“Санузии”): “Невидимая нить возникла между нами, ко мне, сегодняшней — от тех, что здесь жила, прими и мой ушедшему поклон” (Сванидзе 2003: 521). Пансионаты, санатории, дома отдыха были нужны не только для рекреации, там всегда была возможность, отдыхая... работать. Вполне возможно, что и академический туризм, который стал очень медленно проникать в научную среду с начала 1960-х годов (ЦГАМ: Л. 29), воспринимался как интеллектуальная работа на фоне отдыха; как ни редки были поездки за рубеж на конференции, они случались, но не о них как об отдыхе говорили в воспоминаниях женщины-ученые. Научному анклаву новосибирского Академгородка с такими поездками иногда везло больше, чем столичному ученому сообществу (Ибрагимова 2000: 344; Черемисина 1967). Со второй половины 1970-х годов отдых как работа (или работа, перетекающая в отдых) для женщин-ученых

разных поколений стал больше связываться не с пансионатами или домами отдыха, а с личными дачами, которыми все чаще стали обзаводиться рядовые сотрудники академических институтов (поначалу получали возможность построить загородные домики лишь действительные члены и члены-корреспонденты АН СССР, а женщин среди них было менее 4% [Пушкарёва 2016: 69–83]).

Крайне редки в нарративах женщин-ученых сожаления об отсутствии нормального, “как у всех”, отдыха. Условием быстрого успеха в науке для большинства опрошенных был отказ от радостей юности и молодости: от “турпоходов на байдарках” (старшее поколение научных работников) (Рубинчик: 2006: 100), участия в домашних вечеринках (“сейшенах”), посещения запрещенных выставок и кинопремьер (поколение 1960-х годов). «Я жалею теперь, что радости молодости лишь мелькнули мимо, говоря словами Юрия Олеши, “как ветка, полная цветов и листьев”. Утешаю себя, как в той советской песне: “Зато мы делаем ракеты” — зато написаны все книги...» (ПМА 2014).

Общая отличительная черта нарративов, исходящих от успешных в науке женщин, — это их увлеченность ею и умение преобразовать работу как профессию и способ заработать в работу как досуг или досугообразные формы деятельности, в развлечение и удовольствие, когда отсутствие выходных и праздничных дней — стиль жизни. “Наука как деятельность мне всегда была привлекательна тем, что в ней есть страсть и азарт” (Демина 2006); «Наука — “безразмерное” занятие, здесь нельзя сказать: “Я это сделал и теперь свободен”. Это бывает, если ты стоишь у станка и тебе надо выполнить норму, а у ученого нет нормы» (Фрумкина 2003: 480). Весьма точным является замечание: “...спад [числа публикаций по теме] приходится на тот период, когда вы очень заняты... ставите эксперименты, записываете их, иногда это приходится делать ночью, и реальный результат такой деятельности важнее его публикации” (Коул, Цукерман 1987: 67).

На внерабочее время, которое по существу является все тем же рабочим, у нескольких поколений советских женщин-ученых пришлось поддержание традиции участия в делах учеников и учениц в неформальной домашней обстановке, создание таким путем своей научной школы. В 1945–1985 гг., когда были востребованы (но не имели выхода) критический потенциал, неконформизм, несервильность, важной формой научной повседневности (гендерно неспецифичной) было именно домашнее неформальное обсуждение, споры — отчасти на кухне за чашкой чая, а отчасти в письмах. Для старого (особенно довоенного и до середины 1960-х годов) поколения гуманитариев в СССР такие встречи и обсуждения дома у научного руководителя были типичны, как и обширная переписка, ведение дневников (ОР РНБ 1: Л. 85об.; Ростовцев 2006: 286). Коллега-историк признавался в письме от 19 февраля 1953 г. архивисту Е.Н. Кушевой: “Эта форма общения мне гораздо симпатичнее, чем телефон. Говорить труднее...” (Панеях 2000: 8). Отчасти это похоже на современные “комменты” в сети (“говорить труднее”), но переписка и переговоры за домашним чаем были значительно менее публичны и более интимны. В начале–середине XX в. научные кружки возникали именно дома, а кафедры и институты превращались в совокупности научных школ, своего рода кланов (Александров 1994: 7, 14). За последние 50 лет развития советской и постсоветской науки домашние “посиделки” отошли в прошлое или, видоизменившись, переместились в интернет.

Еще одной общей чертой биографических нарративов женщин в части оценки соотношения труда и отдыха является демонстративное пренебрежение бытовыми неудобствами и подчеркиваемое умение приспособиться к любым жизненным обстоятельствам. “Мы были детьми войны, привыкли к трудностям. Большинство росло в коммуналках с их примитивным бытом. Благополучие и комфорт были немыслимы” (Рубинчик 2006: 100). Не потому ли так типичны “карьеры” жен известных ученых, которые пожертвовали своим профессиональным ростом? Достаточно назвать

В.Е. Лаврентьеву, биолога, владеющего тремя европейскими языками, жену академика М.А. Лаврентьева, без организационного участия которой невозможно представить создание новосибирского Академгородка. Это она “подушками закрывала от метели окна” в лесной избушке, куда переехала из столичной обустроенности вместе с мужем, и это о ней другие научные работницы вспоминали: «...нарочитая комфортность тяготила “первую леди”, начисто лишенную нуворишеской тяги к роскоши, к вызывающей демонстрации благополучия» (Ибрагимова 2000: 344). В.Е. Лаврентьева не стала заметной ученой, отдав все силы и таланты мужу и реализации его идей, она пожертвовала своими бытовыми удобствами и профессиональным ростом.

Большинство женщин-ученых, в особенности имевших семьи и детей, оказались “жаворонками”, видевшими в жестком структурировании дневного времени (рабочее, внерабочее, досуговое) и планировании рабочего дня залог успеха:

Я — “жаворонок”: встаю утром, пью кофе, сажусь за компьютер и пока оттуда не вываливаюсь, сижу за ним. В интервалах — готовлю, стираю, мою посуду — как все. Вечером отвечаю на письма или пишу свои. Не хожу ни в клубы, ни в кафе, ни в театр. У меня есть большая виниловая фонотека, с ней я и помру. Я не обновляю дорогостоящие предметы повседневной жизни типа холодильника. По разным (внеэкономическим) причинам не путешествую (Демина 2006).

О том, что женщинами, занимающимися наукой, работа зачастую воспринимается как досуг или действительно перетекает в него, свидетельствует и такое открытие: “Одно из самых счастливых состояний — это проснуться весной в 6 утра, потихоньку вытащить машинку на нашу 6-метровую кухню и сесть писать... Или в июне на даче устроиться, как только рассветет, за старым садовым столом под жасминами и работать до отупения” (Фрумкина 2003: 117). “Не могу немножко пожить для себя... в напряженной работе и прошла вся моя жизнь...”, — признавалась историк А.М. Панкратова, представительница самого старшего поколения женщин-ученых и одна из первых женщин-академиков в СССР (Панкратова 1936: 305), называвшая в юности быт, домашнюю жизнь с ее традиционными ценностями “серой обывательщиной и мещанством” (Панкратова 1922: 264). Такое отношение полностью коррелирует со строем мыслей женщин-ученых, героинь не только автобиографических нарративов, но и художественной прозы: “Устройте меня на работу! Хоть в районную библиотеку, хоть книжки выдавать... Я должна работать” (Давыдова 1980: 17).

При таком отношении к стиранию грани между работой и отдыхом, отмеченном у старшего поколения респонденток (Демина 2006), среднее поколение (“дети оттепели” 1950–1960-х годов рождения) лишь отчасти повторило стиль и образ жизни своих учителей. В их глазах “наука как образ жизни” (Locke 1968: 157–189) перестала быть таковой, поскольку не культивируется строй обыденности, отобразившийся “выражениями лиц, исполненных светлых надежд” и энтузиазма (Фрумкина 1997: 118). У этого поколения женщин-ученых при анализе их биографических интервью прослеживается тенденция к психологическому эскапизму (Филатова 2006: 54), бегству от сложностей профессиональной среды и забот на работе в покой и тишину жизни домашней с ее обыденными заботами — приготовить, постирать, погладить... (Демина 2006):

Поскольку работа в науке не предполагает ограниченного рабочего дня, у женщины-ученого нагрузка всегда двойная — особенно, если вы хотите иметь дом. Я любила печь пироги, любила гостей... [и] завидовала одной своей подруге, которую интересовала только наука, ее сосредоточенности на научных занятиях, без желания, чтобы на даче были цветы, в доме — красивая посуда (Синие чулки 2006).

В другом нарративе (рассказ профессора филфака МГУ) — воспоминание о том, что «мама говорила (иронически): “Учись гладить рубашки — в жизни пригодится!” А сейчас у меня две дочери, так это они уже мне читают морали, что я их воспитывала недостаточно женственными», мало учила как раз быть домохозяйками (ПМА 2005).

Разнообразие умений, востребованных во внепрофессиональной домашней работе, — общая черта женщин-ученых, рожденных после войны:

...обшивали мужа и детей, вязали теплые носки и свитера, [могли] готовить любые блюда, в том числе — борщ, рассольник, солянку, винегрет, оливье, селедку под шубой, холодец, заливное, желе, торты, кексы, варенье, повидло, джем, маринованные огурцы, помидоры, солить чеснок, квасить капусту и еще сто тысяч пятисот вкусных и полезных блюд. Делать ремонт без таджиков, клеить обои, класть плитку, красить стены. Выращивать цветы, овощи, кусты, деревья. Делать вино. Рожать детей, проверять уроки и разбираться без врачей в детских соплюностях, водить машину и (видимо) справились бы и с танком (pan Zagloba 2010).

В отличие от таких научных работниц их мужья и братья, образованные и “остепененные”, при женах/сестрах-ученых соглашались разве что готовить (41% из них), выбирая из громадного перечня работ по дому. Помимо готовки, иногда в этот ряд попадала починка электроприборов, но лишь в части семей, обычно это делегировалось соответствующим службам. При жене — научной работнице муж занимает себя в нерабочее время лишь на 33% домашними делами, определяя это как “помощь семье”, тогда как женщине-ученой никакой помощи не положено: работающий муж взваливает на ученую супругу 61% работы по дому (это подсчеты европейских социологов, но отражают они картину, типичную и для РФ [Schiebinger, Gilmartin 2010]).

Постоянные домашние нагрузки плюс непрерывность научной деятельности — обычный стиль жизни женщины-ученой, чьи успехи, по словам респонденток, были достигнуты без помощи близких родственников. Последние выступали в лучшем случае “понимающими” и “разделяющими устремления”, но практически никогда не упоминались как реальные помощники (и наоборот, жены во всем подставляют плечо мужьям-ученым, становясь женами-помощницами, — сквозь все воспоминания замужних научных работниц эта мысль проходит буквально красной нитью). “Традиционно ответственность и отзывчивость — часть женского способа бытия в мире”, — подчеркнула М.К. Бейсон, вспоминая свою научную жизнь и жизнь своей матери-антрополога, знаменитой М. Мид (Бейсон 2013: 13). Этой “отзывчивостью” подобное самопожертвование и объясняется. Для женщин-ученых в их частной жизни и повседневности оказывается важной хотя бы психологическая поддержка членов семьи (Демина 2006; Синие чулки 2006), особенно когда об отдыхе приходится забыть в лиминальный период защиты диссертаций. Но никто не упомянул, что в этот сложный момент их освободили от домашних дел и забот.

На следующий день после защиты я осознала, что мой огромный труд, бессонные ночи, наконец-то, закончились. Как в киноплёнке, перед моими глазами прошли дни, когда я рано утром ни свет, ни заря уходила в библиотеку, когда по пути я встречала женщин-домохозяек и невольно задавала себе вопрос: “Может, эти женщины счастливее меня?” Но когда я завершила свою научно-исследовательскую работу, после защиты диссертации я почувствовала себя счастливой! (Апанова 2005)

Научная повседневность, будучи постоянным источником занятости, предполагает (особенно в гуманитарной области) возможность трудиться не только на рабочем месте, в библиотеке, архиве, но и дома, в окружении близких; “время адаптации здесь минимально, коммуникативность максимально облегчена” (Берто 1992: 115). Эта особенность научной повседневности очень ценится женщинами-учеными, которые

готовы мириться с малой зарплатой, чтобы не менять место работы и такой образ жизни. Но в этой особенности вновь проявляется размытость труда и отдыха, досуговая форма профессиональной занятости: “В каком-то смысле я хотела бы сравнить научную карьеру с карьерой в искусстве или литературе. Я работаю — в том числе и дома, — что является обычным для многих ученых. Вы не можете закрыть дверь своего офиса и забыть о своих исследованиях” (Александрова 2009: 6). И кто-то (уже не гуманитарий!) готов даже здоровьем рисковать, но совмещать и науку, и семью: “Женщине в науке трудней, чем мужчине. Надо ребенка рожать — а будущая мама в это время занимается токсичной ртутной органикой! Это реальная ситуация из моей жизни” (Белецкая 2004).

На повседневный быт среднего и молодого поколения женщин-ученых очень повлияла компьютерная грамотность. «Одно время я из библиотеки не вылезала, а теперь я туда не “залезаю”. Стараюсь максимально взять то, что можно, из Интернета... Конечно, можно и покупать книги, но не на профессорскую зарплату — здесь всякий раз приходится хорошо подумать» (Демина 2006). Понятно, что зачастую готовность женщин соглашаться на рутинный, неквалифицированный, нудный труд, на который не идут лица мужского пола, легко эксплуатируют не только в академических НИИ (Демина 2008), заставляя научных сотрудниц как раз отказываться от работы дома и приходить на рабочее место, чтобы создать основу БД или “дотошно заниматься” компьютерной “картотекой” (Вон он какой... 2006). Обслуживающие функции женщин-работниц в современных академических институтах настолько же привычны, насколько кажутся неизбывными.

* * *

Подводя итоги размышлений над текстами женщин-ученых, рассказавших о своей научной повседневности, можно попытаться обобщить разрозненные воспоминания и вывести группу общественных традиций, которые характеризовали бы именно женский стиль существования в сфере науки, его границы и формы, “мир обычаев и привычек”, к “которому они приспосабливали свою жизнь” (Hamilton 1932: 84). Можно сразу сказать, оглядывая полувековой период, что культуру научной работы в советской и постсоветской России отличала скорее стабильность и относительная автономия — удаленность от бурных событий политической истории (оттепель, стагнация, перестройка и т.д.), а вовсе не изменчивость, характерная, кстати, для всей городской культуры России (Bushnell 1988). Изучая воспоминания научных работниц самых разных специальностей, по отдельным черточкам профессионального пути и случайным обмолвкам можно видеть, насколько отдых был вплетен в труд, интегрирован с ним. Очевидно, что интеллектуалки находили в профессиональной деятельности развлекательные, творческие моменты, работа все время проникала в их досуговое время.

Досуговая жизнь женщин интеллектуальной сферы была детерминирована трудом без выходных и праздников, именно этим объясняется скудость времени на развлечения у научных работниц всех поколений. Излюбленными местами досуга старшего поколения были дача и — особенно — пансионат (Дом отдыха), позволявшие, пусть и в измененной форме, продолжать российские городские традиции дружеского гостевания, встреч на улицах, прогулок, застолий (особенно дачных). Для среднего и молодого поколений женщин-ученых эти виды отдыха потеряли былую привлекательность не только в связи с изменением качества жизни, ростом доходов, более широкими возможностями путешествий (в т.ч. зарубежных), но и в связи с изменением содержания и форм их труда, иным перераспределением бюджета домашнего времени, включая время на воспитание детей и взаимодействие в семье (Коул, Цукерман 1987: 67; Xie, Shauman 2003).

Большую значимость для старшего поколения женщин-исследователей имели домашние (у научных руководителей) кружки, посещение которых занимало значительную часть вне рабочего времени. Такие формы взаимодействия женщин-ученых и их учениц и продолжательниц в настоящее время мало распространены. Менее типичным стало и пренебрежение бытовыми неудобствами: за полвека в стране выросло поколение женщин-ученых, для которых “бытовое” важнее “научного” — перед ними не стоит вопрос выбора между семьей и наукой. В особенности облегчили дело интернет и порожденная им возможность работать, не выходя из дома.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке программы НИР ИЭА РАН и программы РАН “Этнокультурное разнообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности” (проект “Российские ценности и символы”).

КОММЕНТАРИИ

© О.А. Валькова

И ЧТО ЗА ЧУДО ТАКОЕ – ОТДЫХ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ?..

*Чувствую себя прекрасно, как всегда,
когда столько дела, что дохнуть некогда...
(из письма чл.-корр. Императорской Академии наук О.А. Федченко
Б.А. Федченко, 1902 г.)*

Подняв вопрос об отдыхе женщин-ученых, Наталья Львовна Пушкарева затронула очень интересную тему — интересную и в историческом аспекте, и в современном. Восприятие отдыха как такового и соотношение времени, которое женщина-ученый или, в более позднее время, женщина — научный сотрудник могла (может) или хотела (считала нужным) уделять отдыху, зависят, несомненно, от различных факторов, в том числе от системы организации научной работы в государстве в тот или иной период, от места, занимаемого женщиной (и/или ее семьей) в научной иерархии, от ее семейного и материального положения, состояния здоровья и пр. Но, по нашему мнению, наиболее важным критерием в данном случае является отношение женщины к научной работе как таковой. Поэтому прежде всего необходимо ответить на вопросы: как именно женщины воспринимают свою научную деятельность? чем она является для них? считают ли они это занятие “работой”, и каково их отношение вообще к “работе”? каким образом это отношение менялось с течением времени, принятием законов о женском равноправии, увеличением количества женщин в профессии, изменением социально-бытовых условий жизни?

Хорошо известно, что и в XVIII, и — особенно — в XIX в. в России были женщины, занимавшиеся научными исследованиями на достаточно серьезном уровне. Тем не менее, поскольку никто из них не состоял на службе (по закону и не мог состоять), их научную деятельность относили к хобби и, следовательно, затраченное на

нее время считалось отдыхом — отдыхом от семейных, светских, хозяйственных обязанностей. Родные и близкие могли “потакать” своей родственнице или строго ее судить за подобное “легкомыслие”. Даже в начале XX в., когда у женщин — жительниц нашей страны появилась возможность получить высшее образование и первые выпускницы высших курсов стали приходить на работу в научные учреждения в качестве вспомогательного персонала, как правило, серьезные женщины-ученые, работавшие независимо и достигавшие значительных результатов, считались исключительно любительницами. А любитель — это человек, отдающий своему увлечению то время, которое мог и должен был тратить на выполнение обязанностей. Но справедливо ли было подобное отношение общества, в том числе и научного сообщества, к этим женщинам? Считали ли сами женщины занятия наукой серьезной, напряженной работой, от которой иногда требуется отдохнуть, чтобы восстановить силы, хобби, помогающим уклониться от повседневных обязанностей, или Служением в самом высоком смысле этого слова?

Возьмем конкретный пример. Всемирно известный ботаник О.А. Федченко (1845—1921), первая женщина член-корреспондент Императорской Академии наук по естественно-историческому отделению (избрана в 1906 г.), занимаясь научными исследованиями всю жизнь, никогда не получала за эту деятельность денежное вознаграждение. Наоборот, сама вкладывала средства в организацию экспедиций, покупку необходимого оборудования, книг и т.д. Своего состояния у О.А. Федченко не было, большую часть жизни она существовала на пенсию, выплачиваемую ей за погибшего на службе супруга. Пока пенсия не была назначена (процесс занял несколько лет), она зарабатывала на жизнь себе и сыну, трудясь в земском статистическом комитете. Но все это время женщина продолжала заниматься обработкой и организацией издания материалов их совместной с мужем Туркестанской экспедиции (1868—1872). Позднее она вернулась к собственным ботаническим исследованиям (подробнее об О.А. Федченко см.: *Валькова* 2006). Повторимся: за эту деятельность никакого вознаграждения она не получала и работой ее не считала. Были ли для нее занятия наукой хобби, т.е. своеобразным отдыхом от трудов ради заработка? Публикация почти двух десятков научных книг, требовавшая огромных организационных усилий, поскольку в подготовке изданий были задействованы десятки, если не сотни человек, живших в разных странах, разбор и пересылка громадных естественнонаучных коллекций, обработка объемных материалов, пришедших по почте, скрупулезная вычитка многочисленных корректур, щедро усыпанных латынью, проведение с бесконечным терпением переговоров с издателями, авторами, переводчиками и пр., и пр. — все это вряд ли можно назвать отдыхом. Какое расслабляющее хобби, не правда ли! В 1900 г. в возрасте 55 лет О.А. Федченко так писала о том, как она проводит досуг летом в своем имении Ольгино Можайского уезда Московской губернии: “Вчера был чудный день: тепло и тихо. Все занимались садоводством: окапывали яблони, возили навоз на огород; я посадила с огорода пионы к дому” (СПбФ АРАН 1: Л. 30). Поскольку Ольгинский акклиматизационный ботанический сад, созданный О.А. Федченко, был хорошо известным (в ботаническом мире) научным учреждением, рассматривать проводившуюся в нем работу как отдых было бы довольно странно. При этом ботанический сад не был, выражаясь современным языком, бизнес-проектом, никакой материальной прибыли он не приносил (только фрукты для членов семьи и друзей). А вот результаты, полученные в ходе проводившихся в саду экспериментов, оказались очень серьезными и вылились в целый ряд научных монографий, одна из которых “*Eremurus*. Критический обзор рода”, изданная в 1909 г. по решению и на средства Императорской Академии наук, давно признана классической¹.

Если посмотреть переписку начала XX в. О.А. Федченко с сыном, то можно составить некоторое представление о рабочем графике человека, который с распространенной сегодня точки зрения не работал никогда:

Сижу за корректурой; Липский хочет набрать до отъезда вчерне все, а ехать завтра. Сабашников требует рукопись Маевского телеграммой... (Там же: Л. 37);

Опять сижу за грудой корректур... Затребую сверстанное для составления алф[авитного] указателя (Там же: Л. 38);

Чувствую себя прекрасно, как всегда, когда столько дела, чтодохнуть некогда. Вчера, в безкорректурный день, переписала кусочек Памира² и почитала Мир Божий. А уж киснуть не согласна (Там же: Л. 38об.);

Не пишу много, пот[ому] что ужасно устала: сегодня меня подняли в 6 ч[асов], ради поденщиц, кот[орые] выпололи у меня прорву, и я сама целый день полола (Там же: Л. 82).

А вот что она пишет о своем досуге: “Опять купаюсь и собираю семена” (август 1906 г.) (Там же: Л. 126); “Была в ближайших грибных местах, но даже поганок мало...” (Там же: Л. 142об.). Когда речь идет о летнем отдыхе, регулярно упоминаются купания и изредка походы в ближайший лес за грибами. Основное время уходит на дела по имению (не особо много, поскольку есть управляющий), на ботанический сад, научную работу и корректуры. При этом О.А. Федченко оказывается некоторая помощь как в саду (нанимаются девушки-поденщицы для прополки), так и по хозяйству: несмотря на заявления об отсутствии прислуги, есть Маша, которая готовит, и, наверное, кто-то занимается уборкой и стиркой. В этот период значительная часть вычитываемых корректур — это оттиски статей “Ботанического журнала”, который выпускает ее сын, также ботаник Б.А. Федченко (1872–1947). Но поскольку лето — время полевых экспедиций, у сына, в общем-то, нет времени на журнал, и основную часть работы выполняет О.А. Федченко, включая подписание материалов в печать, — она для этого более чем квалифицирована.

О.А. Федченко занималась научной деятельностью профессионально: по многу часов в день и, как принято говорить, “без выходных и праздников”. При этом она тратила время на ведение хозяйства и на самые разные бытовые мелочи. Считала ли она, что ее кто-то эксплуатирует? Или что она эксплуатирует сама себя? Она не зарабатывала деньги, не строила карьеру, она просто хотела изучать растительный мир и получила такую возможность благодаря стечению целого ряда уникальных обстоятельств. Ей выпала удача, и она не собиралась упускать ее. О.А. Федченко была признана полноправным членом научного сообщества, что для женщины ее поколения совершенно уникально. Научная работа составляла основу ее жизни, все остальное только мешало и отвлекало от главного Дела. Если бы ей предложили отдых, понимая под ним прогулку по магазинам или поездку в теплые края, чтобы полежать на пляже, она, скорее всего, отказалась бы, поскольку не хотела тратить впустую время, отрывая его от научных исследований. И в этом, если говорить о женщинах-ученых ее поколения, О.А. Федченко была совсем не одинока.

Отношение к *возможности* научной работы и к самой научной работе как к величайшему, в тяжелой борьбе завоеванному *дару* переняли и женщины следующего поколения, те, кто жил и работал в первой половине XX в. уже при советской власти, но успел получить образование и начать профессиональную карьеру до принятия законов о женском равноправии³. Эти женщины-ученые настолько ценили саму *возможность* научной работы, относились к своему занятию с такой серьезной добросовестностью, что часто просто не понимали, о каком отдыхе в принципе может идти речь. Летний отпуск, когда был перерыв в чтении лекций, использовался для участия в выездных

экспедициях, а путевка в санаторий рассматривалась как долгожданная возможность приступить к написанию книги, работа над которой давно откладывалась из-за нехватки времени. А времени всегда не хватало.

Сохранился “Дневник работы и занятий за 1930–1931 академический год” первой в СССР женщины — доктора геолого-минералогических наук, профессора, заведующей кафедрой В.А. Варсанофьевой (1889–1976). В “Дневнике...” она фиксировала по часам изо дня в день, из недели в неделю все свои дела. В зимний период (свободный от полевых исследований) она была занята лекциями и прочей академической деятельностью. Приводим ниже хронометраж типичного дня В.А. Варсанофьевой (5 декабря 1930 г.):

Встаю от 8–9¼ (¼ завтрака)
от 9¼–11 разговор с Д., переход в Мерзляковский и подбор диапозитивов
от 11–1 ч. 15 м. лекции
от 1 ч. 15–4 посещение экономико-географического кабинета для расписания занятий и получение ассигнований на кабинет — 1 час.
от 4–5½ обед, крупный разговор с В., переход в Мерзляковский
от 5½ до 7 ч. 15 м. Разговор с Д. о нагрузках, распределении часов между преподавателями, методич[еской] работе и занятиях
от 7 ч. 15 м. до 8 ч. Разговор с другом о его работах и о 60-ти верстной карте
от 8 ч. до 8 ч. 30 м. Разбор бумаг
от 8 ч. 30 мин. до 10 ч. 30 чтение о...
от 10 ч. 30 мин. до 11 ч. сборы...

Деловые разговоры 3 ч. 30 мин.
Лекции и подготовка к ней — 2½ мин.
Канцелярские дела — 2 часа 25 мин.
Научная работа 2 ч.
Переезды 1 час 30 мин.
Вставание — 1 ч.
Разбор бумаг — 30 мин.
Питание — 45 мин.

2 свободных часа (РГАЭ 1: Л. 305об.—306).

В одни дни было больше лекций и меньше деловых разговоров. В другие — больше времени уходило на подготовку к лекциям, подбор для них иллюстративных материалов. Конечно, два свободных часа в день — редкая роскошь. Время, которое хоть с натяжкой можно отнести к регулярному отдыху, это: ванна раз в неделю; иногда ужин и разговоры за ужином с членами семьи; почти ежедневные разговоры с кошкой; очень редкий поход в театр.

Лето В.А. Варсанофьева проводила в геологических экспедициях, преимущественно на Северном Урале, в Печоро-Илычском заповеднике, территорию которого она изучала даже еще до того, как заповедник был создан⁴. Иногда полевые выезды откладывались из-за необходимости срочно закончить очередную книгу. Слово “отпуск” в ее записях встречается только в сочетании со словом “творческий”. Так, в письме к В.А. Обручеву она рассказывала:

В октябре, ноябре и декабре 1939 года я взяла творческий отпуск, уехала в Ленинград и там написала 4 главы (около 14–12 печ[атных] листов). Затем летом 1940 года никуда не поехала, чтобы закончить эту работу и поселилась на даче под Москвою у своих друзей, живущих в красивой местности по Савеловской дороге. Смогла я приняться за дело в половине июля, а с половины сентября уже была оторвана от него. Написала еще 3 главы (АРАН 3: Л. 18об.).

Если приходилось отказываться от экспедиционных поездок, В.А. Варсанофьева всегда искренне переживала: “...невыносимо тяжело мне проводить второе лето в городе, быть опять оторванной от природы, всегда бывшей для меня основным источником жизненной силы, бодрости и вдохновения”, жаловалась она (АРАН 3: Л. 17). Полевые экспедиции в непроходимые леса, тяжелые многодневные переходы В.А. Варсанофьева воспринимала как необходимую, критически важную для себя часть жизни, как своеобразный отдых от академической рутины.

Возможно, такой рабочий график, не оставлявший времени для отпуска в привычном понимании этого слова, — особенность, характеризующая именно полевого исследователя. В сохранившихся “погодных записях” всемирно известного физика, доктора физико-математических наук, профессора, заведовавшей в 1920—1930-е годы одновременно несколькими кафедрами А.А. Глаголевой-Аркадьевой (1884—1945) можно найти регулярные упоминания о летнем отдыхе на природе: “1914/1915 — <...> Отдых на даче — летом”; «1915/1916 — <...> отдых на даче — берег Черного моря “Дача Сине Море”». Исключения составили несколько революционных и послереволюционных лет: “1918/1919 — <...> Летом — работала на курсах”; “1919/1920 — <...> Лето — отдых в Москве, в своей квартире” (АРАН 4: Л. 19). Но уже в 1920—1921 гг. жизнь начала входить в привычную колею: летом 1921 г. А.А. Глаголева-Аркадьева с мужем⁵ съездила на свою родину в д. Товарково, летом 1922 г. месяц супруги отдыхали в Болшеве; в 1923 г. — в Кисловодске. 1923—1924 гг. выдались тяжелыми, перегруженными работой, хотя совсем уж без отдыха не обошлось: “1923/24 1) Осень — заканчиваю работу с излучателем; лекции по рентгену. 2) Зима — печатала статьи. <...> 3) Весна — во II МГУ. <...> Напечатала 4 статьи. 4) Лето — продолжила работу в ГЭЭИ. [Будни в Пушкине <...>]”⁶. Но уже в 1925 г. А.А. Глаголева-Аркадьева, по-видимому осенью или зимой, отдыхала десять дней в санатории “Узкое”, летом провела месяц в Пушкине и съездила к семье в Товарково (АРАН 4: Л. 19об.). В последующие годы в летние месяцы с мужем отдыхала на Клязьме (несколько лет подряд), в Гурзуфе, в Товарково (Там же).

Из этих записей, в отличие от записей В.А. Варсанофьевой, невозможно понять, как в напряженные зимние месяцы распределялось время между работой и отдыхом. Неизвестно, собирались ли в доме Аркадьевых друзья и коллеги, посещали ли супруги театры, художественные выставки и пр. Если судить по известному нам расписанию В.А. Варсанофьевой, ее подобная активность была сведена к минимуму. Возможно, это связано с тем, что она была не замужем. А.А. Глаголева-Аркадьева же, будучи замужем за известным физиком, членом-корреспондентом АН СССР, наверное, не могла не взять на себя дополнительные социальные обязательства.

Именно такой была ситуация в семье выдающегося историка-медиевиста, члена-корреспондента АН СССР О.А. Добиаш-Рожественской (1874—1939) и ее мужа, физика, основателя и первого директора Государственного оптического института, академика Д.С. Рожественского (1876—1940). Об этом в своих воспоминаниях писала ученица О.А. Добиаш-Рожественской Е.Н. Чехова: “Ритм жизни у них был тот же, что и много лет назад. Только вечера у О.А. были свободней. Меньше было заседаний и обязательных визитов. И у нее бывало меньше народа. Профессорский круг в Ленинграде очень сузился. В этот приезд я видела у нее кое-кого из ее учеников-сотрудников, молодых начинающих ученых” (ОР РНБ 2: Л. 83об.). Здесь речь идет о 1924 г. Про образ жизни юной О.А. Добиаш “много лет назад” Е.Н. Чехова также написала несколько слов:

Жили они весело. Они были общительные, живые, у них бывало много молодежи. Концерты, спектакли, пикники разнообразили их жизнь. Главным их обществом были семьи преподавателей, воспитанники Института и подруги по гимназии. <...>

О.А. в тот период своей жизни любила общество, всякие увеселения, даже любила одеться немного экстравагантно, судя по карточкам той поры (ОР РНБ 2: Л. 11, 11об.).

Таким образом, можно предположить, что высокое положение в социальной иерархии требовало некоторого участия в светской жизни: дружеские/рабочие визиты к коллегам, приемы у себя. Куда отнести эти встречи — к работе или отдыху, — трудно решить. Воспринимались ли они как шанс провести время с друзьями и расслабиться в приятной компании? Или это была обременительная обязанность? А, может быть, в них видели возможность решения некоторых деловых проблем в неформальной обстановке и, следовательно, воспринимали как продолжение рабочего времени? Вероятно, все вместе.

Но если в научном сообществе подъем по иерархической лестнице женщины (или ее мужа) сопровождался определенными светскими обязанностями, которые отнимали время и от отдыха, и от исследовательской работы, то этот же социальный подъем освобождал женщину от многих повседневных хозяйственных обязанностей по обеспечению быта семьи. В ежедневном расписании В.А. Варсанофьевой нет регулярных хождений в магазин за продуктами (встречаются редкие походы за покупками, но что это за покупки не поясняется, и их явно недостаточно даже для обеспечения полноценного питания), нет сообщений о стирке и других домашних делах (максимум упоминается починка перчаток), попадаются записи об уборке — но там, где они расшифрованы, речь идет о приведении в порядок рабочего стола, нет времени, отведенного на приготовление еды. Все эти функции выполняла помощница по хозяйству. В некоторые периоды таких помощниц в семье было две.

В целом женщины-ученые, достигшие в 1920–1930-е годы достаточно высокого положения в академической иерархии (и/или бывшие замужем за мужчинами, занимавшими большие должности), в значительной степени освобождались от работы по ведению домашнего хозяйства. Е.Н. Чехова в воспоминаниях о О.А. Добиаш-Рожественской не раз упоминает об этом. Так, о 1921 г. она пишет:

Меня поразила чистота и аккуратность, культурность быта, которую я встретила в доме О.А. Стол всегда был изящно накрыт, салфетки безукоризненно чисты, все блестело. А ведь это было время тотчас после разрухи, когда люди еще спали без простыней и ели без тарелок. Хозяйство вела Мария Антоновна. Она была настоящим гением домашнего очага, тем “Сверчком на печи”, который дает дому мир и уют. В это трудное время она снимала с О.А. бремя домашних забот (ОР РНБ 2: Л. 79, 80).

Хотя с переменой обстоятельств традиционные “женские” обязанности настигали и дам-профессоров. Ситуация в семье О.А. Добиаш-Рожественской изменилась в 1932 г. в связи с болезнью нескольких ее членов. Е.Н. Чехова пишет об этом следующим образом: “Теперь, когда заболела М.А.⁷, стал прихварывать и Д.С.⁸, — все заботы — и хозяйство, и уход за больными, и многое другое — легли на О.А. Организованно, самоотверженно и терпеливо несла она эту непривычную и тяжелую для нее в те годы нагрузку, как несла она все трудности жизни” (ОР РНБ 2: Л. 91). Автор воспоминаний специально подчеркнула, что муж старался всячески помогать супруге, но этого было все равно недостаточно:

Д.С., в свою очередь, окружал О.А. огромным вниманием, какой-то рыцарской заботой. Он многое снимал с нее, но бесчисленных мелких, чисто женских забот снять не мог. В день стирки Настя уходила в прачечную, помогать прачке. Обед стряпала О.А., также и в свободные Настины дни. Правда, обед бывал в эти дни несложный; правда Настя заботливо готовила, что могла, накануне. Но, все же (ОР РНБ 2: Л. 91).

И несмотря на то что семья пользовалась услугами прачки, болезнь одной из двух(!) помощниц по хозяйству поставила О.А. Добиаш-Рождественскую в достаточно тяжелое положение, что сказалось на ее работе и в итоге на самооценке:

В этот период О.А. не преподавала в университете, так как исторический факультет еще не был открыт. А в Публичной библиотеке работала лишь на полставки. Благодаря переходу на полставки, она получала очень мало. — “Ну, что ж, — сказала она мне, — мой муж получает много и сможет меня прокормить”. — “Теперь я на содержании у мужа”, повторяла она не раз. — “Мое жалованье, все равно, недостаточно на жизнь. Я употребляю его на фотоснимки с рукописей, которые мне нужны для моего альбома Корбийского письма. Каждый снимок стоит рублей 25. А содержать меня может муж”. Она часто повторяла это, и затаенная грусть звучала в ее голосе. Я поняла, как трудно ей, привыкшей всю жизнь быть материально независимой и самостоятельной, лишиться этой самостоятельности. Она воспринимала это, как свою ущербность, неполноценность (Там же: Л. 91об., 92).

О.А. говорила, что не может уже работать с прежней интенсивностью. “Силы уходят, а нагрузка двойная — хозяйство, уход за больной и тысячи домашних забот. Теперь я делаю в течение недели столько, сколько раньше делала в день. Ну, что ж. Приходится мириться с этим и работать замедленными темпами” (Там же).

А далее Е.Н. Чехова описывала распорядок дня своей старшей подруги в этот период:

О.А. ежедневно с утра ездила в Публичную библиотеку, выполнив, предварительно, всевозможные домашние дела и отдав хозяйственные распоряжения. И возвращалась лишь к обеду. Она ездила на автомобиле Д.С., но видно, что возвращалась утомленной. После обеда — полчаса мы беседовали с ней. О.А., после этого получаса, шла работать. <...> Часов в 9 был вечерний чай. Хозяйственные распоряжения. Часто, вместо прежней вечерней прогулки, все собирались вместе и Д.С. читал вслух что-нибудь легкое. О.А. часто слишком уставала к вечеру, чтоб гулять. <...> Потом все расходились к себе, рано, часов в 10—11 (Там же: Л. 92об.).

Высвобожденное от повседневных бытовых хлопот время тем не менее тратилось высокопоставленными женщинами-учеными не на отдых, а на научную работу. Все исследовательницы, чьи биографии мы изучали, были перегружены ею. Иногда по собственному выбору, иногда — нет. Например, в “погодных записях” А.А. Глаголевой-Аркадьевой начиная с 1925/1926 академического года нередко появляется следующая фраза: “...весна — огромная нагрузка — мешала работать, работала над распределителем энергии излучателя”; и в 1926/1927 академическом году снова: “... весна — огромная нагрузка мешала научной работе” (АРАН 4: Л. 20).

Е.Н. Чехова приводит в тексте своих воспоминаний несколько писем О.А. Добиаш-Рождественской. В одном из них (от 31 июня 1937 г.) рассказывается о повседневных делах:

Так трудно было закончить самое главное, чтоб иметь возможность уехать в деревню. Это “самое главное” были, во-первых, курс мой студентам, во-вторых, диссертации двух аспирантов и половина... диссертации третьего (и т.к. их три, то, собственно, это — во-вторых, в-третьих, в-четвертых). В-пятых, предисловие к Кремоне, в-шестых, перевод на русский язык хотя бы половины текста издаваемого нами каталога древнейших латинских рукописей, который был написан по-французски, и который решено издавать на двух языках. В-седьмых, надо было пройти через четыре “просеивания” рентгенограммы, электрокардиограммы и “роя”. Все эти вещи отнимают так много времени и сил. В-восьмых — собрать в деревню себя, сестру и хозяйство... У меня голова шла кругом... (ОР РНБ 2: Л. 104—104об.).

Точно так же всегда была перегружена работой В.А. Варсанюфьева. Настолько, что тяжелая, требующая долгого восстановления болезнь, полученная, добавим, во время профессиональной деятельности, рассматривалась как долгожданный перерыв от академической рутины, поскольку позволяла наверстать научную работу и другие отложенные рабочие дела. Вот что В.А. Варсанюфьева писала об этом:

...болезнь свою в Москве я хорошо использовала. Сначала, в июне, вела дела кафедр, принимала дома зачеты, и даже читала в постели лекции, которые стенографировались и потому не должны были быть прерваны. Закончив все эти дела, я написала около 20-ти печатных листов о значительной части своего уральского района, входящего в территорию Печеро-Ильчского заповедника. <...> Кисловодск <...> встретил неприветливо дождем и холодом, так что может быть <...> не придется <...> гулять, но зато можно будет поработать, — 10 октября 1938 г. (АРАН 3: Л. 3об.—4).

Научная работа составляла смысл жизни В.А. Варсанюфьевой, и все, что этой работе мешало, вызывало ее раздражение. В одном из писем В.А. Обручеву она очень ясно и отчетливо описала, каким образом организовала свою жизнь и по каким причинам поступила именно так:

Я с самых юных лет совершенно сознательно строила свою жизнь так, чтобы быть свободным и независимым человеком, не имеющим личной семьи и наоборот имеющим полную возможность отдаться научной работе и путешествиям, о которых я мечтала с детства. Но судьба в некоторых отношениях была ко мне жестока. Хотя я и не имела своей личной семьи, т.е. мужа и детей, мне очень много сил и времени пришлось отдать семье вообще, болезням и горестям близких людей. И время на это приходилось отнимать от научной работы, от свободной, творческой работы, которая была всегда главным счастьем моей жизни, так же как и общение с природой. От обязательной служебной работы я отказаться не могла, т.к. она нужна была для заработка, и заработок мой нужен был не для меня одной. Иногда годами мне не приходилось вести серьезной научной работы... (АРАН 3: Л. 15об.—16).

Даже самые высокопоставленные женщины-ученые, почти полностью освобожденные от бытовых проблем, не могли быть освобождены от заботы о своей семье. Несмотря на то что это отнимало такое драгоценное время (и так уже ограниченное “повседневными” обязанностями академической жизни) и от научной работы, и, несомненно, от отдыха, нам ни разу не попало упоминание о том, что кто-то из этих женщин считал заботу о родных, близких и друзьях обузой. Но женщины, о которых мы упоминали выше, бесспорно, принадлежали к элитарной части научного сообщества и не только в материальном отношении — все они были ведущими учеными своего поколения. Несмотря на чудовищную занятость, проблемы со здоровьем, семейные сложности, не миновавшие ни одну из них, они не были поглощены беспросветной бытовой рутинной, не утратили страстного стремления заниматься наукой. Этого, к сожалению, нельзя сказать обо всех их современницах, особенно о младших современницах, находившихся на нижних ступенях иерархической лестницы, перегруженных и научной, и домашней работой.

В 1935—1936 гг. Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНТСО) разослала анкету по научным институтам различных ведомств с намерением собрать информацию о положении женщин-ученых, достигших как минимум уровня научного сотрудника. Небольшая часть анкет сохранилась. Можно предположить, что женщины не спешили писать о трудностях, с которыми они сталкивались на работе, хотя их и просили об этом, — на дворе стоял 1936 г. Тем не менее некоторые проблемы все-таки были упомянуты:

Несмотря на свою десятилетнюю работу в ИПФХ <...> до сих пор не получаю полагающейся мне 15% добавки, не говоря уже о десяти процентной, которая тоже нам не выплачивается. Это обстоятельство заставляет искать дополнительных заработков путем совместительства, не позволяющих уделять максимального времени основной работе и повышению своей квалификации в должной степени (РГАЭ 2: Л. 3).

Большим недостатком, который, к сожалению, в ближайшее время не удастся устранить — неудовлетворительные жилищные условия. Одну комнату при семье в 4 человека: муж, сын, работница. Заниматься, как правило, нет возможности (Там же: Л. 6об.).

Моей научной работе в настоящий момент мешает следующее: 1. Квартира моя находится за городом, так что мне в день 3—3½ часа приходится [тратить] на поездку в Ин[ститу]т и домой. 2. Перегрузка по общественной линии: секретарь ЦК. 3. Я имею ребенка в 4 года, который также отнимает время (Там же: Л. 10).

Были высказаны и иные претензии: молодая научная сотрудница, растящая ребенка, стоит в очереди на получение путевки в санаторий после занимающего более высокую должность ученого-мужчины, чья жена не работает и сидит с детьми; встречались жалобы на плохое медицинское обслуживание. Ко всему этому добавлялись постоянная перегруженность на работе и часто плохие условия труда. Хотя об этом женщины в анкетах и не упоминали. Но вот, например, выдержка из письма от 9 февраля 1940 г. физика С.С. Зильберштейн:

С работой моей дело обстоит очень плохо. После приезда из Москвы я сейчас же взялась за монтаж установки, к январю она была почти готова, а потом мне дали такую нагрузку на 2-й семестр непредвиденную и большое число часов и новый курс, мне пришлось все бросить и начать спешно готовиться к занятиям. Я рассчитывала весной и летом наверстать потерянное время, но как только кончила академические занятия (а я была занята по 10 часов в день), нашу лабораторию перевели в другое помещение. Всю мою установку разрушили. Капитальный ремонт нового и старого помещений длился вплоть до середины сентября, после чего все силы были брошены на восстановление лабораторий, и мою установку удалось наладить только к декабрю. Тут начались морозы. Во всем институте у нас низкая температура. А в помещении, где установлен мой гальванометр, температура колеблется от 0 до -3°, при чем очень влажное помещение (влажным оно стало в январе). Проработавши 4 часа, я простудилась и теперь просто боюсь там работать. Чахотки нажить не хочу (АРАН 5: Л. 7—7об.).

Серьезную проблему представляло получение научных степеней и более ответственных должностей, поскольку получить место в научном учреждении было вообще не просто. Та же С.С. Зильберштейн в письме от 9 ноября 1936 г. рассказывала: “Я не имею ни ученой степени, ни ученого звания и пребываю в скромном чине ассистента, хотя заведу вакуумной лабораторией учебной и производственной. Есть у меня изобретение, на которое получила патент, есть несколько разработок, пущенных в промышленность. Печатных научных трудов нет, хотя ненапечатанные есть” (АРАН 5: Л. 3).

При высокой производственной нагрузке, отсутствии сколько-нибудь удобного жилья, низких зарплатах, необходимости как-то организовывать быт семьи (хотя упоминания о помощниках по хозяйству встречались не раз в документах; мне самой довелось разговаривать с женщиной, в юности работавшей домашней помощницей одновременно у четырех семей научных сотрудников, деливших одну коммунальную квартиру) о каком отдыхе могла идти речь? Если на то пошло, то о каком подлинном интересе к науке могла идти речь? А замужество с занимающим большой

пост ученым имело столько преимуществ. Это касалось и повседневной жизни, и комфорта во время деловых поездок, и возможностей отдыха.

Выше мы приводили слова Е.Н. Чеховой о том, что О.А. Добиаш-Рождественская добиралась до библиотеки (сегодня это Российская национальная библиотека) на “автомобиле Д.С.”. А вот как примерно в то же самое время (1930–1932 гг.) в ту же самую библиотеку ездила известная (но незамужняя) астроном Н.М. Субботина (1877–1861):

На всякий случай вот мой отчет. 1 месяц я ездила в Палату мер изучать новую литературу, а когда наступили морозы и стало трудно ездить на 2 трамваях, я перекочевала в Иностр[анный] отдел Публ[ичной] библ[иотеки]. Сделала много выписок и прочитала много космогоний... (ОР РНБ 4: Л. 5–5об.).

Я очень устала за эти три месяца ежедневных поездок в библиотеку и однажды едва не поплатилась серьезно (почти столкнули с трамвая на ходу) и с тех пор стала я осторожнее. Ведь влезаю всегда с передней площадки, а там вдруг так притиснули всякие ж[елезно]-д[орожные] служащие, что не дали влезть на площадку, и прижали к 1-ой ступеньке. Дикий парад... (АРАН 7: Л. 9об.).

Н.М. Субботина была инвалидом. После перенесенной в детстве болезни ничего не слышала, не могла говорить, ходила только на костылях. В описываемый период она жила на крошечную пенсию в 50 руб. и бралась за разовые работы по договорам с различными научными учреждениями (подробнее о Н.М. Субботиной см.: *Валькова* 2021). О личном автомобиле она не могла даже мечтать, да и не мечтала. В астрономическом международном сообществе Н.М. Субботина, несмотря на отсутствие должностей и званий, известна ничуть не меньше, чем О.А. Добиаш-Рождественская (также занимавшая в этот период очень скромные позиции в научной иерархии) в сообществе медиевистов. Разница в положении этих двух женщин — в наличии/отсутствии высокопоставленного мужа-ученого.

И эта громадная разница в условиях повседневной жизни разных слоев академического сообщества, конечно, не могла оставаться тайной. И постепенно молодые, только что пришедшие в науку девушки начали мечтать не о совершении великих открытий, а о том, чтобы найти мужа, который окажется достаточно талантливым, чтобы сделать успешную карьеру. Поэтому, когда они находили такого человека, то забота о нем и о семье начинала занимать в их сознании гораздо более важное место, чем научные исследования. Отдавая время, которое можно было бы употребить для личного отдыха, ведению домашнего хозяйства и организации жизни родных, считали ли они, что семья их эксплуатирует? Что эта вторая, неоплачиваемая работа — бремя, которое можно было бы разделить на двоих? Или они верили, что это усилия, которые они вкладывают в свое благополучное будущее, и поэтому не тяготились ими?

Не без горечи писала в 1947 г. первая в СССР женщина-академик и одна из первых в мире женщин — директоров научного института Л.С. Штерн (1875–1968), принадлежавшая к поколению, которое можно назвать “поколением энтузиастов”: “... мы, к сожалению, должны констатировать, что роль женщины в науке не выросла в такой же степени, в какой выросло ее значение в других областях...”. Л.С. Штерн, однако, не винила в этом дискриминацию по гендерному признаку в науке, она была уверена, что большая часть вины лежит... на самих женщинах:

...к сожалению, женщина довольствуется тем, чтобы предоставить свои силы на службу своему избраннику; отстраняет себя для того, чтобы дать ему дорогу. Еще и теперь встречаем явления, когда женщина устраняет себя для того, чтобы создать соответствующие возможности рядом стоящему с ней мужчине, и это сидит очень глубоко в сознании, даже становится уже бессознательным стремление двигать его вперед.

Она легко ставит мужчину выше себя и другой женщины, стоящей рядом и способной, когда дело касается мужчины (АРАН 6: Л. 3–5).

Не вызывает удивления то, что статья, содержащая подобные утверждения, не была опубликована. Сегодня мы бы сказали, что автор была не права и что не следует винить жертву. С другой стороны, женщины, о которых писала Л.С. Штерн, часто сами выбирали путь наименьшего сопротивления, суливший им в перспективе благополучную жизнь с достаточным количеством времени для отдыха, развлечений, посещения интересных мест и мероприятий — жизнь, в которой они могли бы блистать, идя под руку с супругом, а не читая лекцию с университетской кафедры. Им казалось, что добиться университетской кафедры несравнимо труднее, да и сама кафедра не обещала жизни, о которой мечталось. Каким-то незаметным образом Служение науке, которому посвятили себя и О.А. Федченко, и В.А. Варсанюфьева, и А.А. Глаголева-Аркадьева, и О.А. Добиаш-Рождественская, и Н.М. Субботина, превратилось в службу, вполне ординарную, не особо интересную, но необходимую для жизни.

Мне за мои уже 25 с лишним лет работы в академическом институте не раз приходилось слышать одну и ту же фразу из уст женщин самых разных возрастов (от почтенных дам, проводивших по 60 лет в научных институтах, и женщин средних лет до вчерашних аспиранток): на вопрос аттестационной комиссии “так где же Ваша диссертация?”, они отвечали: “Ходит в 1, 3, 10... (выбрать нужное) класс...”. Причем в некоторых случаях речь шла уже о внуках. И члены комиссии сочувственно кивали головами: “Да, конечно, понимаем...”. Были ли сами эти женщины виноваты в том, что сделали такой выбор? Заставили ли их обстоятельства? (Мне пришлось работать с замечательной коллегой, как-то рассказавшей, как вежливо свекровь попросила ее перейти из института, в котором она занимала достаточно высокую должность в лаборатории, на какую-нибудь другую работу, потому что эксперименты шли круглосуточно, а это было “неудобно” для мужа и ребенка. И коллега согласилась, выбрав “удобство” семьи.) Или эти женщины просто следовали наиболее распространенному и одобряемому обществом поведенческому паттерну? Потому что жизнь женщин, выбравших иной путь, была не особенно легкой, причем с самого начала. Когда я состояла членом экзаменационной комиссии по приему в аспирантуру, мне не раз приходилось быть свидетелем и примерно таких разговоров: “А не беременна ли эта девушка? Вам не кажется? А если вдруг да, то стоит ли ее брать?”, и слышать заявления, сделанные по поводу коллег: “У нее нет семьи, так пусть хоть будет степень”. И замечу, разговоры эти инициировались всегда женщинами. Я также помню, как именно убеждала меня сотрудница аспирантуры остаться работать в институте после окончания курса: “Платят, конечно, немного, но здесь такой удобный график. Можно без проблем вырастить ребенка (и подобрать подходящего мужа — читалось между строк)”.

О.А. Федченко не смогла бы понять привлекательность продолжительного ленивого отдыха на далеком теплом берегу с бокалом вина в руках, о котором, наверно, мечтают многие девушки — научные сотрудники нашего времени. Правда, однако, в том, что О.А. Федченко, если бы захотела, могла бы провести на морском побережье всю жизнь, попивая вино или лечебные воды и ведя разговоры о модах. Она сделала все возможное и невозможное и в прямом смысле рисковала жизнью, чтобы избежать подобной судьбы. Но, как известно, все меняется — иногда в довольно неожиданную сторону. И сегодня вместо того, чтобы бороться за право работать в науке, девушки борются за право, работая в науке, иметь достаточно времени на отдых и личную жизнь... И действительно: почему они не могут иметь и то, и другое, и третье? Это несправедливо. И, может быть, даже неправильно. Из того, что предыдущие поколения верили, как Л.С. Штерн, что “наука ...очень ревнива и требует всего человека”, что

“нельзя одновременно служить и богу, и мамону” и что “женщина, пытаясь делать и то, и другое, не использует в полной мере свое равноправие” (АРАН 6: Л. 5), не следует, что и молодежь будет считать также. Сегодня меняются и организация научной деятельности, и динамика семейных отношений, и бытовые условия жизни, поэтому хочется верить, что у будущих поколений женщин-ученых будет больше возможностей одновременно удовлетворять свою страсть к познанию мира, иметь полноценную личную жизнь и время от времени наслаждаться прекрасным отдыхом. К тому же в каждом новом поколении ученых обязательно появляются молодые мужчины и женщины, которые выбирают для себя не научную службу, а Служение науке — как это делали их предшественники и 100, и 1000 лет назад.

Примечания

¹ Эта книга, вышедшая на немецком языке в Санкт-Петербурге (*Fedtschenko* 1909), была переиздана в 1968 г. в знаменитой американской серии “Plant Monograph Reprint” (*Fedtschenko* 1968 [1909]).

² Речь идет о серии монографий О.А. Федченко, посвященных флоре Памира.

³ Первый закон (“Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений”), разрешавший женщинам сдавать экзамены за курс университетов, получать докторские степени и занимать соответствующие этим степеням должности, вступил в силу 30 декабря 1911 г. (ПСЗРИ 1914: 1297–1300), тем не менее он содержал целый ряд дискриминационных ограничений. Формальное юридическое равноправие женщин в профессиональной научной деятельности было установлено целым рядом указов правительства большевиков в 1918 г. (подробнее об этом см.: *Валькова* 2019: 558–620).

⁴ В.А. Варсанофьева впервые занялась геологическими исследованиями на территории Северного Урала летом 1911 г.; работала там в 1912–1914, 1916–1917, 1921, 1923, 1924 гг. В 1925–1928 гг. она производила геологическую съемку 124-го листа общей геологической карты СССР — территории, которая впоследствии захватила большую часть Печоро-Илычского заповедника (*Калашников и др.* 1990: 17–18).

⁵ Аркадьев В.К. (1884–1953) — член-корреспондент АН СССР.

⁶ Конец фразы в квадратных скобках стерт.

⁷ Мария Антоновна — помощница по хозяйству.

⁸ Д.С. — Д.С. Рождественский (1876–1940), академик АН СССР, муж О.А. Добиаш-Рождественской.

© В.А. Веремenco

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОГО О РАБОТЕ И ОТДЫХЕ

...моя мама — домработница

В ноябре 2007 г. состоялась защита моей докторской диссертации. В преддверии этого события в университете пошли мне навстречу: перераспределили нагрузку так, что весной и летом лекций у меня было совсем немного. А за два месяца до защиты моя дочь Настя пошла в первый класс. На одном из первых родительских собраний

ко мне подошла учительница и со смехом рассказала, как ребенок на вопрос о том, чем занимаются родители, не задумываясь, сообщил: “Моя мама — домработница”, а на просьбу пояснить, добавил: “Ну, работает дома”...

Моя научно-домашняя биография большей частью укладывается в ту самую “досугоподобную форму занятости”, о которой так интересно пишет в своей статье Наталья Львовна Пушкарёва. Точность ее анализа связана с тем, что он основан не только на широкой источниковой базе в привычном для исследователя понимании, но строится прежде всего на повседневной практике общения с сотнями женщин-ученых, многие из которых делятся со своей старшей подругой не только научными, но и семейными заботами и радостями. Наконец, Наталья Львовна — сама мать, бабушка, хозяйка и более чем кто-либо другой понимает всю сложность совмещения успешной научной карьеры и поддержания домашнего очага.

* * *

Прежде чем я перейду к предложенной редколлегией журнала “научной рефлексии” и размышлениям о проблеме сочетания работы и отдыха в жизни женщин-ученых, необходимо сделать важное уточнение. Я не являюсь академическим научным сотрудником, а уже 25 лет тружусь в вузе, приступив к преподаванию сразу после окончания аспирантуры, даже обучение в которой я совмещала с работой в школе.

Итак, моя научная работа — это отдых! Именно так оценивали и оценивают мою научную деятельность члены моей семьи, этой же мысли долгие годы (пока не выросла дочь) придерживалась и я сама. А что же тогда работа? Работа — это преподавание и административная деятельность в университете, это обслуживание семьи (готовка, уборка, стирка, глажка и т.д.), это занятия с ребенком, требовавшие значительного временного ресурса независимо от их формы, которая менялась по мере взросления дочери. Даже дача и домашние питомцы — собака и кошки, которые всегда были в моем доме, — это тоже работа...

Почему же именно так? Мне кажется (и, я думаю, со мной согласится большинство женщин-ученых, причем не только зрелых, но и молодых), разделение на работу и отдых строится в нашей голове, а не в реальной жизни по линии “надо и могу” — для других и для себя... То есть я обязана пойти на лекции, должна отвести ребенка на секцию, должна обеспечить домашних обедом, должна погулять с собакой и т.д. И только когда ВСЕ(!) мои обязанности будут исполнены и у меня появится СВОБОДНОЕ(!) время, только тогда я МОГУ заняться собой: пойти в библиотеку, архив, сесть за компьютер писать статью. Потому что все это только для МЕНЯ! А значит, это отдых, развлечение, своего рода хобби, подобно вышиванию крестиком или занятиям танцами...

И сегодня мои ученицы, которым нет еще и 30 лет, так же, как и я когда-то, садятся писать научные статьи, даже грантовые, которые вроде бы должны считаться заработком и уж точно оцениваться как “работа”, только после того как выполнят “настоящие” дела: уложат спать детей и приготовят для мужа все необходимое на завтра.

Поколениями воспитанные в апологии долга советские, а затем российские женщины привыкли отодвигать “свои” интересы в угоду коллективным, не важно — семейным или общественным, задачам. И та отмеченная Н.Л. Пушкарёвой “готовность женщин соглашаться на рутинный, неквалифицированный, нудный труд, на который не идут лица мужского пола”, которая активно используется научным сообществом, когда сотрудницы собирают материал/готовят эксперимент/формируют базу данных для КОЛЛЕКТИВА, вместо того чтобы писать статью для СЕБЯ, — из этой поколенческой привычки/традиции.

Именно поэтому героини обсуждаемой статьи вспоминают дома отдыха как место самой продуктивной научной деятельности. Ведь только здесь у них была возможность полноценного досуга (под которым понимается собственная научная работа), так как появлялись свободное время и возможность ненадолго прервать поток бесконечных обязанностей перед домашними и общественными коллективами и заняться СОБОЙ.

Вместе с тем это торжество долга, особенно семейного, очень часто становится для женщин привычным оправданием, аргументом для отказа от личного (мыслимого как отдых саморазвития) в пользу коллективного (мыслимого как работа). Так, моя одноклассница, химик, мать двоих детей, научный сотрудник университета и совладелица небольшой фирмы по производству лекарств так и не смогла закончить свою диссертацию, хотя работала над ней почти два десятилетия. В частных разговорах она любила повторять, что, если кто-то спрашивал ее, когда же, наконец, будет защита, ей достаточно было напомнить, что у нее двое детей, чтобы к этой теме больше не возвращались. Показательно, что, в отличие от семейных проблем, она не считала возможным использовать в качестве аргумента об отсутствии времени на собственные научные изыскания ни загруженность работой в университетской лаборатории, ни сложность руководства фирмой. Ее муж, напротив, акцентировал внимание на своих детях только в контексте необходимости больше работать для обеспечения семьи всем необходимым.

Н.Л. Пушкарева подчеркивает, что “культуру научной работы в советской и постсоветской России отличала скорее стабильность... а вовсе не изменчивость”. Действительно, теперь компьютер и интернет, облегчая научный труд, дают больше возможности работать без привязки к кабинету или библиотеке, но это только усиливает соединение разных направлений деятельности в повседневности женщины-ученого. Наши предшественницы, готовя еду или убирая дом, продолжали решать свои научные задачи, периодически останавливаясь, чтобы написать несколько слов или формул на листке бумаге, а мы отличаемся от них лишь тем, что располагаем большими техническими возможностями. Я сама 10-15 лет назад постоянно брала компьютер, провожая дочь на кружки и секции. Пока она занималась, я успевала что-то сделать ДЛЯ СЕБЯ (просмотреть нужные тексты, продумать статью, поработать над диссертацией). В последние же годы двери кабинетов дополнительного детского образования легко узнать по шеренге сидящих вдоль стен с ноутбуками и смартфонами в руках мам, часть из которых, очевидно, работает, а не смотрит фильмы или отвечает на сообщения в соцсетях. Но, если задать этим труженицам вопрос: “Чем Вы сейчас занимаетесь?”, большинство однозначно выделит главное дело: “Жду ребенка с занятия”, — так как все остальное — “всего лишь способ занять себя в свободное время”.

Если Н.Л. Пушкарева обращает внимание на то, что за последние 50-60 лет мало что изменилось в распределении труда и отдыха женщин-ученых, то я пойду еще дальше. По моему мнению, шкала приоритетов как самой женщины, занимавшейся (и занимающейся) научным трудом, так и тем более ее окружения мало изменилась за последние 150 лет...

Посветив свою научную деятельность истории женского высшего образования в России, исследованию дворянской семьи и судеб первых женщин-ученых, я не могла не выявить то обстоятельство, что общество в целом достаточно быстро примирилось с профессиональной интеллектуальной занятостью незамужних женщин, крайне болезненно воспринимая подобную деятельность матерей семейства, в отношении которых действует принцип “ни одно право женщины, противоречащее благу и основным целям семьи, не может быть почитаемо правом” (Мураневич 1902: 11–12).

Прошли годы, и сейчас, если мы узнаем, что та или иная женщина-ученый, достигшая серьезного успеха в науке, имеет двоих, а тем более троих детей, обязательно

следует вопрос: “Как она это смогла?”. В то же время по отношению к многодетным мужчинам-ученым подобное замечание кажется совершенно неуместным.

Действительно, только в том случае, если женщина, хотя бы в семье, никому ничего не должна, если она одинока или, по крайней мере, не имеет детей или они уже выросли, то она обладает свободным временем, которое может тратить, КАК ХОЧЕТ(!) — хоть писать диссертацию, хоть выжигать по дереву, — любое занятие досуга приветствуется (как откровенно говорили 100 лет назад, надо же ей “заполнить чем-либо свое пустое существование” [Лозинский 1904: 38]). Но если она замужем, да еще и с детьми, то по общему мнению обязана работать на работе, а дома все внимание уделять семье. И в этом за последние полтора столетия произошло только одно изменение: если раньше вообще ВСЕ ее силы должны были быть отданы домашнему очагу (“мать должна быть только матерью и ничем больше” [Кожевникова 1902: 23]), то теперь современное общество признало за замужней женщиной право на внедомашний труд, правда, при условии полного выполнения внутрисемейных обязанностей. Но Н.Л. Пушкарева недаром выносит в эпиграф своей статьи утверждение, что “наука требует ненормированного рабочего дня”. Выкинуть из головы научные проблемы, закрыв дверь кабинета/лаборатории/научного зала, невозможно. Ты продолжаешь постоянно их обдумывать, параллельно выполняя привычные домашние дела, и только говоришь себе: “Вот будет у меня минутка для СЕБЯ (когда все уснут/пока все еще не проснулись/пока ребенок занимается и т.д.), вот тогда...”. И ждешь, и предвкушаешь этот момент, а получив долгожданную минутку, наслаждаешься ею, как самым лучшим отдыхом...

Из сказанного выше, казалось бы, должен следовать вывод, что действительного успеха в науке могут добиться только одинокие женщины, высокие же результаты матерей семейства являются редчайшим исключением. Но мой личный опыт свидетельствует об обратном. К сожалению, я не обладаю необходимым объемом статистических данных (в качестве пожелания Н.Л. Пушкаревой отмечу, что было бы неплохо заняться сбором такой статистики) и могу говорить только о нескольких сотнях женщин-ученых, тех, с кем я состою в научной переписке по вопросам редактируемого мной журнала “История повседневности”, и тех, кто участвует в проводящейся в ЛГУ им. А.С. Пушкина ежегодной конференции по проблемам повседневности. Подавляющее большинство моих корреспонденток, написавших или пишущих докторские диссертации, руководящих научными коллективами разного уровня, имеют семьи, вырастили (выращивают) детей, тщательно следят за своим домом, любят похвастаться заготовками с собственной дачи и продуманным гардеробом. “Великие же ученые” — одинокие, в замызанной одежде, питающиеся чем попало, погруженные в науку, но при этом редко доходящие даже до защиты кандидатской диссертации, значительно чаще встречаются среди мужчин, чем среди женщин.

В итоге мы приходим к парадоксальному выводу: женщины-ученые с семьей и детьми, при всей их гигантской загруженности, более успешны, более счастливы и живут значительно более насыщенно, чем их одинокие товарки. Ведь, относясь к своей научной работе как к отдыху и получая от каждой минуты занятия ею УДОВОЛЬСТВИЕ, они не превращают ее в рутину и достигают значительно больших результатов, чем те, кто может позволить себе годами сидеть в тиши кабинета, требуя от домашних не мешать. Те же современные молодые женщины, которые, строя академическую карьеру, сознательно отказываются в пользу науки от семьи и детей, не только обделяют себя, но, вполне возможно, делают эту карьеру в конце концов менее успешной...

Возвращаясь к обсуждаемой статье, хотелось бы остановиться на одном аспекте, который, мне кажется, все-таки преувеличен. Н.Л. Пушкарева обращает внимание на слова респонденток о том, что их успехи были достигнуты без помощи близких.

На мой взгляд, в большинстве случаев такая помощь была. Может быть, не в том объеме, как этого бы хотелось женщинам-ученым, но все же...

Конечно, само выражение “помощь мужа” в отношении общесемейных дел выглядит несколько странно: тут вообще-то никто никому не помогает — все делают общее дело... Но в нашем “патриархатном” мире участие отца в занятиях с детьми, приготовлении пищи, уборке — уже значительное подспорье... Если же оба супруга занимаются наукой, то нередко они осуществляют совместный сбор материала, взаиморедактирование, проводят общие эксперименты. Правда, здесь перед нами не бескорыстная помощь одного другому (что очень часто практикуют жены в отношении мужей), а взаимопомощь! Однако сам факт совместной деятельности близких людей, возможность обсудить свои идеи, получить компетентное мнение специалиста, не выходя из дома, — серьезная помощь для ученого.

Вместе с тем речь в первую очередь идет не о мужьях. Наталья Львовна, как и ее респондентки, ничего не говорят о женщинах старшего возраста (прежде всего матерях, но нередко и свекровях), тех, без кого очень многие ученые (и того, и другого пола) не смогли бы полностью реализоваться. “Бабушки” как социальный институт — один из важнейших столпов советского общества. Без них социальный контракт “работающая мать” (даже при наличии детских учреждений, фабрик-кухонь и т.д.) вряд ли мог быть осуществлен (*Мищенко, Шевцова* 2012). Во многом не утратили они свое значение и в современной России. Варианты их помощи могли быть в той или иной “научной семье” самыми разными: от полного ведения домашнего хозяйства до возможности “сдать” ребенка на лето; от материальной помощи в начале карьеры до отправки “гостинцев” из деревни. В любом случае трудно представить себе советскую/российскую семью, которая не прибегала бы в той или иной форме к поддержке ее старших членов. Конкретно в моем доме на стене висело расписание занятий дочери, а рядом было обозначено, кто ответствен за ее доставку на них — я, муж или одна из бабушек... Подобное распределение обязанностей давало мне дополнительное “свободное время”, которое я и могла потратить на свой досуг — научную работу.

Говорят, что отдых — это перемена деятельности. Женщины-ученые, особенно семейные, реализуют этот принцип на 100%. И то, что я на протяжении всех 30 лет своей научной карьеры с неизменным удовольствием сажусь перед листом бумаги (последние 20 лет — компьютером), готовясь писать новую статью, связано с тем, что те несколько часов (а иногда минут) в день, которые я могу выделить на занятия наукой, приносят мне истинное удовольствие, становятся глотком свежего воздуха в череде бесконечных забот...

© И. Гевиннер

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ БАЛАНСИРОВАНИЯ РАБОТЫ И ОТДЫХА В НЕМЕЦКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Научные исследования 2010–2020 годов демонстрировали неугасающий интерес ученых и практиков к вопросу соотношения и баланса работы и отдыха. Особая острота проблемы заключается в том, что под отдыхом часто понимается вне рабочее время, призванное отвлечь работника от участия в рыночных отношениях производства. Однако на деле одна часть субъектов занятости вовлечена в процессы рекреации и отдыха, в то время как другая занята бытом и неоплачиваемой работой, т.е. обязанностями по уходу за детьми и/или ведению домашнего хозяйства. Как правило, первая группа представлена мужчинами, вторая — женщинами, причем подобное разделение, несмотря на вариации в зависимости от страны, достаточно устойчиво (*Isgro, Castañeda* 2015; *Gewinner* 2016; *Guarino, Borden* 2017). Гибкость в согласовании и справедливое разделение оплачиваемой и неоплачиваемой работы являются ключом к пониманию гендерного равенства, диверсификации и равных возможностей на рынке труда. Вопросы совместимости сфер производства и воспроизводства, или рекреации (*Goody J., Goody J.R.* 1976; *Bradley* 2013), и, таким образом, гендерного равенства заявлены одной из 17 целей Организации Объединенных Наций (UN Sustainability Goals n.d.) в рамках Повестки устойчивого развития 2030.

Несмотря на некоторые улучшения в последние годы, совмещение работы и быта продолжает быть преимущественно “женской темой”, поскольку именно женщины все еще (вольно или невольно) берут на себя основную часть бытовых обязанностей. Особенно остро вопрос баланса стоит для тех из них, кто занят в профессиональных сферах, характеризующихся сложной умственной активностью, большой (само)отдачей и значительными затратами времени и энергии. Такой сферой является, например, наука. Академическая карьера считается индивидуализированной и рискованной, особенно для женщин (ЕС 2013). Академическая деятельность схожа с самопредпринимательством (*Beaufaÿs* 2012; *Gewinner* 2020), а университеты все чаще рассматриваются как предприятия (*Etzkowitz et al.* 2008; *Huopalaainen, Satama* 2018), поскольку ученые сталкиваются с необходимостью не только проводить высококачественные исследования, но и презентовать в привлекательной манере полученные результаты, чтобы внедрять их в практику и таким образом продвигаться вверх по карьерной лестнице. Риски особенно актуальны для тех областей исследований, где наблюдается высокая концентрация женщин, в первую очередь в социальных и гуманитарных науках (языковедение, религиоведение, философия и т.д.). Для работающих в этих сферах применение приобретенных навыков и компетенций в других, главным образом коммерческих, сегментах рынка труда не является ни очевидным, ни гладким, что делает карьеру в академических кругах менее предсказуемой и высококонкурентной для женщин. Для них именно

в науке проблема баланса труда и работы стоит особенно остро и требует гибких комплексных решений.

Специфика совмещения труда и отдыха женщинами-учеными неоднократно обсуждалась в научных публикациях и политических диспутах, однако большинство работ по этой теме представляет собой отчеты о ситуации в отдельных странах. Монокультурные исследования могут показать глубину смыслов и ценностей, лежащих в основе социальных процессов в отдельной популяции, однако не способны выявить культурную специфику, предопределяющую поведение индивидов. Сравнительный подход позволяет раскрыть сходства и различия в практиках труда и отдыха ученых на фоне устоявшихся организационных структур и дисциплинарных систем, а также усвоенных индивидуальных культурных смыслов и жизненных ценностей. При этом необязательно проводить сравнение ситуации в разных странах, достаточно обратиться к практике женщин-ученых, находящихся в одном национальном контексте, но социализированных в разных культурных средах. Подобная процедура позволяет пролить свет на разнообразие практик балансирования работы и быта в, казалось бы, гомогенном сообществе ученых.

Для демонстрации значимости культурного контекста и связанной с ним социализированной системы ценностей индивидов в статье проводится сравнительный анализ опыта и практик балансирования работы и отдыха женщин-ученых в немецкой академической среде. Материалы исследования включают 38 биографических телефонных интервью с женщинами-учеными, работающими в области социальных и гуманитарных наук: 25 — с немецкоговорящими и 13 — с русскоговорящими (родившимися в бывшем СССР и мигрировавшими в Германию для получения дальнейшего образования и/или занятия должности в системе немецкой науки). Серия интервью с немецкоговорящими научными сотрудницами состоялась в 2016 г., с выходцами из бывшего СССР — в 2019 г. Каждое интервью длилось около 45–60 минут, и все участницы были отобраны случайным образом и приглашены к беседе на основе интернет-скрининга всех немецких университетов. Темы, затронутые в интервью, были проанализированы через призму культурного подхода и передают синергию смыслов и переживаний респонденток и автора внутри культуры, а также восприятия себя на фоне других. Для обеспечения анонимности все имена были изменены, а отдельные пассажи интервью перефразированы с полным сохранением смысла (ЕС 2018).

Средний возраст немецкоговорящих женщин на момент интервью был 36,5 года, что типично для стадии карьеры, в которой они находились (аспирантура/докторантура). Средний возраст русскоговорящих женщин — 37,5 года. Среди вошедших в первую группу респонденток лишь единицы состояли в браке, незамужних и находящихся в стабильных отношениях было почти поровну. Только у небольшой части имелись дети — большинство, таким образом, были бездетными. В отличие от немецкоговорящих коллег, десять русскоговорящих ученых-мигранток были либо замужем, либо в стабильных отношениях (трое), трое не состояли в браке или были разведены. Восемь женщин были бездетными, у троих было по одному ребенку, у двоих — по двое.

Академический и культурный контекст

В последние годы в науке возникает понимание, что соотношение между работой и отдыхом имеет культурную специфику и далеко не всегда переносится из одного общественного контекста в другой (*Lewis, Beauregard 2018, Gewinner 2019, 2020*). Более того, культурно обусловленные опции индивидуального выбора накладываются на социально-политические особенности академической системы той или

иной страны, в связи с чем всегда необходима контекстуализация обстоятельств балансирования работы и отдыха. Так, в 2007 г. Германия ввела так наз. закон о научных контрактах с фиксированным сроком действия (*Wissenschaftszeitvertragsgesetz*), который дает университетам и научно-исследовательским институтам определенные свободы в отношении срочных трудовых договоров. Нацеленный на сокращение максимум до 12 лет продолжительности квалификационной фазы, т.е. фазы индивидуального становления в науке, этот закон повлек исторические последствия в плане непредсказуемости и невозможности долгосрочного планирования трудовой деятельности и повышенной конкуренции между учеными. Сегодня немецкая академическая система характеризуется большой долей научных сотрудников, занимающих должности, ограниченные временными рамками: 87% персонала ниже профессорского уровня работает по срочным контрактам. Постоянные трудовые отношения оформляются только с профессорами (*Ambrasat, Heger* 2020). Ограниченные по времени контракты могут заключаться на период от полугода до трех лет в зависимости от государственного или проектного финансирования рабочего места — в этом отношении Германия в сравнении с другими странами гораздо менее привлекательна (*Kreckel* 2016). Продуктивность ученых здесь измеряется исключительно количественными показателями, например числом публикаций и суммами, полученными на финансирование проектов.

Помимо этого, сложившиеся организационные академические структуры имеют дополнительную специфику. Так, в отличие от англо-саксонской, немецкая система науки представлена кафедрами. Каждая кафедра возглавляется профессором и имеет свой штат, число научных сотрудников в котором зависит не только от результатов переговоров с ректоратом, но и от личной активности руководителя в привлечении внешних средств финансирования проектов. Таким образом, немецкая система науки напоминает собой пирамиду, в которой только 25% молодых ученых впоследствии достигнет профессорского статуса. Более того, успешность в научной карьере нередко зависит от внутридисциплинарной культуры, т.е. определенной системы неписаных правил, определяющей и количество публикаций, и стили аргументации, и оценку деятельности, и т.п. — всего того, что формирует культурный габитус и способствует включенности ученого в научное сообщество отдельно взятой научной дисциплины.

Подобные социально-политические условия и институциональные структуры ставят женщин в немецкой науке в невыгодное положение по нескольким причинам. Во-первых, согласно предыдущим исследованиям, в этой сфере как мужчины, так и женщины имеют меньше шансов стать родителями, если они заняты только на основе временных контрактов. Например, в 2011 г. исследование К. Мёллер показало, что только около 25% молодых ученых (аспиранты и докторанты; возраст 27–40 лет), участвовавших в интервьюировании, имели на тот момент детей (*Möller* 2011). Более того, немецкие ученые склонны откладывать создание семьи или даже отказываться от нее в условиях нестабильных трудовых отношений, хотя они хотели бы стать родителями (*Metz-Göckel et al.* 2011; *Gewinner* 2019). Во-вторых, академическая среда исторически коннотируется как мужская, где идеальный образ ученого — это мужчина, который всю свою жизнь посвятил исключительно науке (*Gassmann* 2018). Подобный стереотип до сих пор формирует консервативную дисциплинарную культуру, что особенно четко проявляется в естественных науках, требующих контролируемых лабораторных экспериментов и присутствия на рабочем месте. В-третьих, гендерные нормы немецкого общества в целом можно также охарактеризовать как все еще консервативные, где от женщин чаще, чем от мужчин, ожидается принятие роли субъекта общественного воспроизводства, т.е. ответственности за быт и уход за детьми. Особенно четко это проявляется после рождения первого ребенка, когда мужчина продолжает прежнюю активную деятельность, а женщина уменьшает объем оплачиваемой

работы ради семьи (*Schürmann, Sembritzki* 2017; *Gassmann* 2018). Поэтому доля матерей в немецкой науке низка, а рождение ребенка, несмотря на сложные условия труда, часто связано с простым социальным происхождением женщин-ученых (*Gewinner* 2019).

Баланс работы и быта/отдыха с интерсекциональной перспективы

Что означает описанный выше контекст для балансирования работы и отдыха женщинами в немецкой науке? Для того чтобы ответить на этот вопрос, важно рассматривать академические заведения как разделяющие по половой принадлежности организации (*gendered organisations*) (*Acker* 2012) с консервативной культурой и критериями продвижения по службе, которые неизбежно отдают предпочтение мужчинам. Поскольку исторически мужчины являлись создателями этих организаций, господствующие в них неписанные правила работы и ее оценки фаворизируют именно их. Отклонение от этой нормы превращает инаковость в препятствие для продвижения по карьерной лестнице. В академических кругах это особенно касается меньшинств, таких как женщины или мигранты. Еще более сложной задачей (в сравнении с доминантной группой) является получение профессорской должности или постоянной позиции в случаях, когда срабатывает фактор двойного (и более) “недостатка” (*Crenshaw* 1989), например, для женщин-мигранток. Несмотря на упорный труд, в этом случае сложно однозначно определить, по какой причине их карьеры развиваются медленнее, чем у других, — потому ли, что они женщины, или потому, что они мигрантки. Такого рода помехи на профессиональном пути могут быть множественными, так как зависят от социальных характеристик индивидов.

Подобные сценарии обнаруживаются и во взятых нами интервью. Как немецко-, так и русскоговорящие женщины-ученые испытывают неопределенность в отношении развития карьеры, однако воспринимается эта неопределенность особенно остро работающими в сфере социальных и гуманитарных наук в связи с проблемой трансфера навыков и значительной конкуренции. Гарантия занятости имеет решающее значение для долгосрочного планирования жизни. Временные контракты, скудные возможности для заключения бессрочного трудового соглашения и, как следствие, высокая конкуренция за академические должности рассматриваются как одна из основных причин неопределенности и отсутствия перспектив планирования академической деятельности в Германии (*Lind* 2008; *Kunadt* 2015; *Gassmann* 2018). Это, в свою очередь, приводит к сосредоточению внимания на профессиональных достижениях до процесса создания семьи, что находит свое отражение в отсрочке или даже отказе от этого шага, особенно среди женщин.

Честно, зачем мне приносить ребенка в этот мир, если я не знаю, где буду жить в следующем году? Я должна сначала организовать свою собственную жизнь, прежде чем думать о том, чтобы создать семью (Матильда; постдокторские исследования).

Вся система заточена под профессию, нет других альтернатив долгосрочной деятельности... конкуренция за позиции вынуждает концентрироваться только на работе, на результате (Дженни; постдокторские исследования).

Для русскоговорящих женщин в немецкой науке проблема фиксированных контрактов тоже релевантна, однако не настолько остра. В бывшем СССР академическая деятельность в значительной степени утратила свою ранее высокую репутацию в связи с недостаточным государственным финансированием и низкими окладами. Поэтому по завершении эпизода миграции, с получением позиции в системе немецкой науки русскоязычные женщины-ученые не только не потеряли свой социальный статус, а даже повысили его, что не является само собой разумеющимся для

основной массы мигранток в Германии. Часто контракты с неполной занятостью воспринимаются русскоговорящими женщинами-учеными как возможность держать некий баланс между работой и личной жизнью. Этому способствует и не строго нормированный рабочий день с плавающим графиком — хотя наблюдаются и различия в зависимости от научной дисциплины:

Научная работа в университете — лучшая возможность для создания семьи, при неполной ставке. Получается, на работе отдыхаешь от дома, а дома — от работы. Дети требуют времени и внимания, при 50%-ной занятости семью и работу можно совмещать. Другое дело, контракты обычно фиксированы по времени и надо постоянно волноваться о продлении, новом проекте... (Олеся, науч. сотрудник).

Однако наука не является для мигранток “резервуаром” свободного времени или же обычным местом работы, удобным для выполнения домашних обязанностей, как это было в предыдущие десятилетия в СССР даже в условиях низкой оплаты труда (Павлов и др. 2016). Полноценное вовлечение в научную работу в немецкой академической системе означает профессиональную реализацию, полнейшую самоотдачу и выдерживание значительной конкуренции. В противном случае увеличивается риск непродления контракта и потери социального статуса с перспективой утраты доступа к академической сфере из-за высокой конкуренции.

Я в свое время была вынуждена защищаться (кандидатская. — И.Г.) из-за заканчивающегося контракта, чтобы получить новый (Инна, профессор).

Перспективы на профессию? Туманны. Слишком большая конкуренция. Другие коллеги в тот же период времени опубликовали больше статей, выиграли больше грантов, у меня и того и другого меньше (Оксана, науч. сотрудник).

Подобные обстоятельства обуславливают практики баланса работы и быта женщин-ученых в Германии. Не только особенности когнитивного труда, но и менее выгодное по сравнению с мужчинами положение вынуждают женщин работать больше, чем указано в их контракте. Предыдущие исследования продемонстрировали, что женщинам необходимо быть в 1,5 раза более производительными, чтобы за свою работу они были оценены так же, как мужчины (O'Connor, O'Hagan 2016). Это особенно важно для продвижения по карьерной лестнице и занятия профессорской должности. Мужчины часто цитируют друг друга, поддерживают контакты в своих профессиональных сетях, что способствует коллективному написанию научных статей и оформлению заявок на гранты (Cainelli et al. 2015; Sarna-Wojcicki et al. 2017), а в результате и повышению собственной “видимости” в научном сообществе. Женщины в силу меньшей включенности в подобные процессы чаще пишут без соавторов и более нацелены на качество научных работ, чем на их количество (Schimanski, Alperin 2018).

Мужские разговоры в туалете — до сих пор очень частая практика, особенно когда речь идет о работе комиссий по назначению новых профессоров (Инна, профессор).

Мой научный руководитель обычно писал статьи с другими аспирантами-мужчинами, со мной нет (Ванесса, науч. сотрудник).

Условия академической работы таковы, что все сводится к написанию научных статей... Женщины часто сомневаются в значимости своих научных результатов, в то время как мужчины гораздо более уверены в себе. В итоге женщины менее заметны, поэтому выпадают из науки. Ложная скромность тут не помощник (Катарина, аспирантка).

Более того, сама природа научного труда подразумевает когнитивную деятельность, которую невозможно приостановить, покинув лабораторию/аудиторию/институт. Размывающиеся границы между работой и не-работой приводят к тому, что женщин-ученых часто не покидают мысли о проектах/исследованиях/экспериментах даже в контексте досуга, что порой приводит к ощущению отсутствия отдыха и переработке, — об этом нередко упоминалось в интервью. Однако в ходе анализа материалов прослеживается несколько разное понимание баланса работы и не-работы немецко- и русскоговорящими женщинами-учеными. Если первые заняты преимущественно работой, то вторые включены и в другие сферы общественной и частной жизни, например, они выделяют время на себя (для прохождения релаксационных процедур или туристических поездок) и на семью.

Мы во всех смыслах нестандартная семья — оба работаем в разных городах, постоянно согласовываем планы по заботе о сыне и считаем это нормальным. Стараемся побольше времени проводить вместе, тогда это для нас островок отдыха (Оксана, науч. сотрудник).

Я все свободное время посвящаю спорту, точнее, я делаю так, чтобы это время у меня было. Мое хобби — инструктор по фитнесу, так что все мое недовольство уходит в спорт, где я нахожу свой внутренний баланс (Настя, науч. сотрудник).

Семья — это ключевой фактор, позволяющий увидеть различие в понимании практик балансирования работы и отдыха/быта разных групп женщин-ученых в Германии. Глубинный анализ моделей трактовки этого соотношения и индивидуального поведения вскрывает мощное влияние культурных нормативных контекстов, в которых были социализированы респондентки: усвоенные нормы отражаются на всех сферах жизни, в том числе и на развитии карьеры в науке. С одной стороны, можно назвать карьерную зрелость, или профессиональную самостоятельность, и наработанную репутацию. Личная состоятельность приравнивается немецкоговорящими женщинами-учеными к получению постоянного рабочего контракта и, таким образом, к достижению стабильности. Это подразумевает не только признание в сообществе коллег и победу в конкурентной гонке за постоянное рабочее место, но и персональный успех, который рассматривается как награда за годы отказа от личного времени. Прежде чем создать семью, научные сотрудники (и мужчины, и женщины), родившиеся в Германии, пытаются достичь устойчивости в карьере (*Gewinner* 2019). Интересно, что стремление к постоянному контракту также связано со стабильностью в жизни, что напоминает традиционные трудовые отношения (большая часть жизни в одной организации, занятость полный рабочий день и т.п.). Только достижение профессиональной самостоятельности позволяет немецкоговорящим женщинам-ученым продолжать планирование своей жизни и семьи. Такая культурная особенность — сначала карьера, затем семья — предполагает последовательность жизненных событий, которую трудно совместить с немецкой академической системой. “В науке у меня нет стабильного дохода на долгие годы, а потому нет смысла рожать ребенка” (Эмилия, науч. сотрудник).

Позиция Эмилии особенно показательна, поскольку проливает свет на негативные эффекты двойного “недостатка” с точки зрения карьерного успеха. Ее родители были простыми рабочими, а поскольку социальное происхождение в Германии часто предопределяет образовательную историю индивидов, то получение женщиной степени кандидата наук — уже огромное достижение само по себе. Поэтому не удивляет, что Эмилия в первую очередь хочет стабильности для себя и откладывает принятие решения о создании семьи.

Тема семьи выявила в ходе интервью вторую культурную норму — идеализацию родительской роли (*Ashton-James et al.* 2013; *Gewinner* 2017). Высокие, порой нереальные

ожидания, связываемые с ролью матери, проявляются в желании проводить как можно больше времени с будущим ребенком, уметь мастерски справляться с работой и повседневной семейной жизнью, в стремлении обеспечить наилучшие экономические и социальные стартовые условия для ребенка.

Родить ребенка означает проводить большую часть времени с ним, быть внимательной мамой, обеспечить ребенка самым лучшим. Как я могу претворить это в жизнь, если у меня огромное количество работы? У меня нет времени даже на себя, не то что на ребенка (Сара, науч. сотрудник).

В то время как подобный сценарий (чрезмерная загруженность работой, а потому невозможность стать идеальной матерью) отпугивал большинство немецкоговорящих научных сотрудниц от создания семьи, часть женщин, имеющих детей, придерживалась в жизни альтернативных гендерных ролевых моделей (*Gewinner* 2019). Эти представительницы научного сообщества следуют наметившейся в последние десятилетия тенденции, когда женщина делает короткий перерыв на декрет, делегирует работу по уходу за ребенком партнеру по роли и берет на себя роль основного кормильца семьи.

После рождения ребенка я 3 месяца была в декрете, после них снова вышла на работу (Лена, науч. сотрудник).

Для меня работа в приоритете, а потому о нашем сыне в основном заботится мой муж. У него больше свободного времени, и он может работать из дома. Мы обговариваем с ним это и делаем план на неделю (Анке; постдокторские исследования).

Заботу о детях со мной разделяет, конечно же, муж. Но с тремя детьми это не всегда идеально, потому на подхвате у нас бэбиситтер, а также бабушка и в экстренных случаях еще другие родители из нашей местной группы самопомощи родителей (Сабине, науч. сотрудник).

Однако об этих моделях (в силу того, что они характерны для тех, кто имеет статус меньшинства) не часто можно услышать и, как правило, они редко афишируются, поскольку подавляющее большинство занятых в науке использует традиционное разделение труда в уходе за другими. Это также отражается в статистических демографических показателях научных сотрудников (KBWN 2017; Statistisches Bundesamt 2018).

Глубокая укорененность выявленных культурных норм в повседневной жизни немецкоговорящих женщин-ученых проявляется и в том, что бездетные не торопятся создавать семью. Их представления о балансе работы и дома вряд ли совместимы с реальными практиками воспитания детей и моделями работы в науке. Отличие между бездетными и имеющими детей женщинами-учеными показало, что ожидания в отношении материнской роли преувеличены и что альтернативные гендерные ролевые модели родительского поведения вряд ли закрепились среди представительниц немецкой науки. Впрочем, это мало удивляет при отсутствии в настоящее время диверсифицированных гендерных ролевых моделей в немецкой академической системе.

Русскоговорящие женщины-ученые отчасти придерживаются норм гендерного контракта “работающая мать”, несмотря на смену культурного контекста путем миграции. Для них по-прежнему играют важную роль и материнство, и работа, что свидетельствует об их параллельном существовании в двух “сценариях”. Оба эти аспекта продолжают формировать жизненный выбор женщин и баланс между работой и семьей. Брак очень значим для русскоговорящих научных сотрудниц, но (по сравнению с детьми) не воспринимается как высшая жизненная ценность. “Для женщины важно

родить и воспитать ребенка, это тоже своего рода самореализация” (Инга, профессор-ассистент).

Однако национальный и организационный контексты работы недружелюбны по отношению к семье и часто представляют ее помехой на пути профессиональной самореализации в условиях конкуренции за рабочие места. Это заставляет женщин чувствовать себя неуютно при мысли о появлении ребенка, о чем свидетельствует тот факт, что у большинства респонденток не было детей на момент интервью. Растущие требования в отношении обеих ролей — матери и ученого — создают значительную напряженность между профессиональной и семейной сферами, которая может привести к оттягиванию принятия на себя роли матери или же полному отказу от одной из этих ролей. Частым сценарием становится сначала получение (после длительного ожидания) бессрочного контракта и лишь после этого — решение о рождении детей.

Недавние исследования показали, кто должен быть партнером женщины, чтобы она могла найти баланс между оплачиваемым трудом и семейными обязанностями (*Antoshchuk, Gewinner* 2020). Под “партнерами” понимаются люди и организации в рамках социальной сети, которые разделяют с женщинами их “обязанности, связанные с ролью”, и, таким образом, вносят свой вклад в поддержание ими баланса работы и отдыха/быта (*Grzywacz, Carlson* 2007). Наличие эгалитарного партнера (спутника жизни) — одно из абсолютно центральных требований для совмещения научной деятельности и семьи. Отсутствие паритета в отношениях обычно приводит женщину к выбору такой стратегии, которая ассоциируется с сильной самодисциплиной, переработкой и двойной нагрузкой, когда к оплачиваемой работе в научном учреждении добавляется бесплатная работа по дому и уходу за детьми. Государственная забота о детях (ясли, детский сад, продленный школьный день), даже если это не всегда оптимальное решение, является необходимым и неотъемлемым элементом совмещения работы и личной жизни и важной частью существующего между ними баланса.

У всех проинтервьюированных русскоговорящих женщин-ученых, имеющих детей, был эгалитарный партнер, чаще всего супруг, который разделял с женой/матерью обязанности по дому и заботу о детях.

Наш рабочий день разделен на две смены: с утра о детях заботится муж, делает им завтрак, отвозит на учебу. В это время я уже на работе и прихожу домой к вечеру. Готовит всегда он, и после ужина наступает моя смена: я забочусь о детях, мы вместе играем, я укладываю их спать, читаю вслух (Людмила, науч. сотрудник).

С мужем мы никогда не впадали в дискуссии о домашних обязанностях, мы всегда разделяем работу по дому и делаем ее одновременно (Инна, профессор).

При отсутствии этих двух важных факторов (спутник жизни и государственные/частные организации, заботящиеся о детях), даже если у женщин-ученых есть возможность работать удаленно — не выходя из дома, балансирование работы и быта вряд ли возможно. По сути, сформулированные до настоящего времени практические рекомендации в отношении этого баланса — это предложения и решения, ориентированные на семью и предполагающие, что она занимает центральную роль в жизни женщин. Такие рекомендации вряд ли отвечают интересам самих женщин, потому что при удаленном режиме пространственные границы между работой и домом стерты и двойная нагрузка сохраняется. Это наглядно продемонстрировала пандемия 2020–2021 гг., показав гендерное неравенство в родительской заботе. Работа на дому не решает проблему разграничения профессионального и личного, поскольку такого разграничения между чисто продуктивным и чисто социально-репродуктивным трудом не существует, по крайней мере в науке. Это

говорит о том, что необходимо переосмыслить, что понимать под “работой” и “не-работой”. До тех пор пока общество приписывает женщинам основную роль в заботе о детях (т.е. социально-репродуктивную роль), матери всегда будут отодвинуты на второстепенные роли в профессиональной деятельности. В связи с этим необходимо изменение тесно связанного с нормами и общественными ценностями представления о балансе работы и отдыха/быта. Изменения нужны также и на организационном уровне, чтобы обеспечить социальную справедливость для всех представителей академического сообщества.

* * *

Сравнительное исследование немецко- и русскоговорящих женщин-ученых в немецкой науке свидетельствует о существовании культурных различий в представлении о соотношении работа—дом и исходящих из этого сценариев баланса семьи и отдыха/быта. Осознание межкультурной чувствительности является важным аспектом социальной политики, потому что оно учитывает существование национальных и организационных контекстов, которые влияют на принятие мер помощи на основе своевременного экспертного вмешательства. Так, немецкоговорящие женщины-ученые часто ориентируются на классическую семейную модель, причем это одинаково справедливо как для тех, у кого нет детей, так и для тех, у кого они есть. Это означает, что ответственными за воспитание детей женщины видят в первую очередь себя, а следовательно, те из них, кто придерживается эгалитарного разделения домашней работы, являются, скорее, исключением из правил. Таким образом, была обнаружена консервативная модель мужского и женского поведения, что в значительной степени согласуется с выводом о том, что в Германии, как правило, преобладает традиционная идеология гендерных ролей (*Grunow et al.* 2018). Можно предположить, что объяснение такого культурно обусловленного разделения можно найти в социализации, а также в доминирующих в академических кругах гендерных ролевых моделях. Русскоговорящие женщины-ученые сохраняют систему ценностей, предполагающую одновременно и создание семьи, и ведение научной работы, но вынуждены корректировать свои жизненные планы в соответствии с немецким академическим контекстом.

Данное исследование выявило культурные различия, связанные с научной деятельностью, семейной жизнью и пониманием баланса между ними, у немецко- и русскоговорящих женщин-ученых в Германии — это различия как в оценке своих ролей, так и в восприятии собственной иерархии этих ролей, что в результате отражается в индивидуальном поведении. Важно отметить, что научная деятельность — это лишь один из видов напряженного умственного труда, но описанные модели совмещения работы и отдыха/быта могут быть применены и в других сферах, для того чтобы обеспечить равенство возможностей всем занимающимся интеллектуальным трудом.

© О.И. Секенова

ЧЕМ ОТЛИЧАЛИСЬ ТРУД И ОТДЫХ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ*...справляться оказалось очень трудно, почти невозможно...**Н.Д. Флиттнер (АГЭ: Д. 4. Л. 224)*

Статья Н.Л. Пушкаревой заставляет нас задуматься о том, как типичные практики повседневности советских и постсоветских женщин-ученых влияют на современное положение женщины в науке и в быту. Повседневная область привычного — рутинное совмещение интеллектуальной работы и домашних дел — в оптике Н.Л. Пушкаревой превращается в острую социальную проблему, становится “полем битвы” женщин в академической среде за равные с мужчинами условия для осуществления качественной научной работы. На мой взгляд, антропологическая рефлексия и осознание собственных психологических установок, касающихся научной деятельности невозможны без понимания того, как на те же вызовы, что встают сегодня перед нами, реагировали женщины-ученые прошлых эпох. Главная задача этого комментария — попытаться увидеть истоки описанных Н.Л. Пушкаревой традиций профессионального и частного времяпрепровождения в практиках повседневности первых поколений русских женщин-ученых, получивших образование и начавших исследовательскую деятельность еще в дореволюционной России (фактически первых в нашей стране профессиональных научных работников). Прежде всего хочется поговорить об опыте исследовательниц в области гуманитарных наук (истории, этнографии, словесности): как они распределяли бюджет времени между работой и домашними делами? что мешало им быть максимально успешными в науке? как профессия влияла на традиционные формы женского досуга “ученых дам” из среды интеллигенции?

Основной проблемой в жизни женщин-ученых второй половины XX — начала XXI в., как отметила Н.Л. Пушкарева, является так наз. вторая смена: необходимость после работы выполнять многочисленные обязанности по дому. Вставала ли перед женщинами дореволюционной эпохи, серьезно занимавшимися исследованиями, такая же проблема? Главным образом это зависело от их семейного и финансового положения. Так, первые русские женщины-ученые (родившиеся в 1830—1870-е годы), работавшие в области гуманитарных наук, почти все вышли из обеспеченных семей и имели возможность переложить основные хозяйственные заботы и воспитание детей на прислугу или родственниц. Тем не менее многие задачи по сохранению и приумножению имущества лежали на их плечах. Известно, что крупные земельные владения, требовавшие постоянной заботы и значительных временных затрат, были у исследовательницы русской истории и секретаря историка Н.И. Костомарова Н.А. Белозерской (*Белозерская* 1886), историка и археолога П.С. Уваровой,

Ольга Игоревна Секенова | <http://orcid.org/0000-0001-9246-2728> | jkzkray@mail.ru | аспирант центра гендерных исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [19-09-2728]

супруги графа А.С. Уварова (Уварова 2005: 160), этнографа П.Я. Литвиновой-Бартош (ЕИУ 2009: 177), историка и активной деятельницы женского движения Е.О. Лихачевой (Овсянников 1994). Примечательно, что среди русских женщин — ученых-гуманитариев второго поколения (родившихся в 1870—1895-е годы) было уже гораздо меньше “помещиц” в традиционном смысле слова: получив возможность зарабатывать преподаванием или исследованиями, они постепенно отдалялись от хозяйственных проблем, иногда используя унаследованное поместье как источник пассивного дохода. Главной целью их работы не был заработок, они стремились к самореализации, пробуя себя в элитарной, прежде исключительно мужской научной деятельности. Исследования для этих женщин оставались, скорее, хобби, которое к тому же требовало серьезных материальных затрат. П.С. Уварова и П.Я. Литвинова-Бартош на свои средства организовывали археологические раскопки, а поездки за границу для работы в архивах лишь иногда оплачивались из стипендий. Кроме того, “ученые дамы” продолжали благотворительную и общественную деятельность, так или иначе связанную с наукой и образованием: Е.О. Лихачева участвовала в создании Высших женских курсов, С.К. Брюллова (дочь знаменитого историка и правоведа К.Д. Кавелина), занимавшаяся историческими исследованиями, бесплатно преподавала историю в одной из женских гимназий Санкт-Петербурга, отказавшись от жалованья в пользу бедных учениц (ЭСБЕ 1891: 782), П.С. Уварова организовывала крестьянские школы и помогала формировать собрание Музею изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина) (Плеханова 2016), Е.Н. Щепкина участвовала в организации курсов для рабочих (РГАЛИ. Д. 1. Л. 61). Научно-исследовательская деятельность и преподавание были для этих дам в первую очередь увлечениями, к которым они, впрочем, относились чрезвычайно серьезно.

Ситуация меняется на рубеже веков, когда благодаря распространившейся в Российской империи системе Высших женских курсов появилась целая плеяда успешных женщин-ученых: историков, филологов, этнографов, философов. Образование стало социальным лифтом, с помощью которого женщины получали возможность либо сразу устроиться на высокооплачиваемую работу (Иванова 2009: 170), либо продолжить занятия наукой при поддержке профессоров, не только руководивших занятиями, но и помогавших добыть стипендию (Пушкарева, Секенова 2020: 309). Многие женщины-ученые, не создавшие семьи, сами обеспечивали себя, живя на заработки от преподавания, и были полностью удовлетворены своими доходами, позволявшими им заниматься научными исследованиями. Одним из способов достижения материальной независимости было открытие частных пансионатов или иных учебных заведений. В качестве наиболее успешного такого примера можно привести частную женскую гимназию в Санкт-Петербурге, созданную историком западноевропейской литературы О.М. Петерсон (ЦГИА СПб 2), в свободное время продолжавшей научную работу. Ее близкая подруга и соавтор Е.В. Балобанова также пыталась устроить небольшой пансион на дому, но успеха в этом деле не достигла (Востриков 2015: 231—232), зато преуспела в исследовательской и библиотечной деятельности.

Совсем иной была ситуация, если та или иная “ученая дама” должна была содержать семью, а постоянных источников пассивного дохода (усадеб, доходного дома или унаследованного капитала) не было. Так, этнограф А.Я. Ефименко была вынуждена поднимать пятерых детей и организовывать быт и лечение больного мужа на заработок от преподавания на Высших женских курсах (знакомые семьи писали, что жили они чрезвычайно небогато — это, впрочем, никак не сказывалось на гостеприимной атмосфере дома [Хоткевич 1930: 38]). Высшее образование сама А.Я. Ефименко получить так и не смогла, несмотря на это, в 1910 г. Харьковский университет присвоил ей степень почетного доктора русской истории (*honoris causa*)

(ЦГИА СПб 1. Л. 58), в этом же году она была избрана профессором Бестужевских курсов.

Замечательный египтолог Н.Д. Флиттнер, работавшая сразу в двух женских коммерческих училищах и одновременно занимавшаяся египтологией в кружке Б.А. Тураева, вспоминала о своих тяжелых рабочих буднях:

...справляться оказалось очень трудно, почти невозможно (АГЭ: Д. 4. Л. 224)... днем я занята целый день: три раза в неделю уроки у Хворовой, три раза я в Лесном. Два или три раза бываю у Мертенс: моя ученица весной должна сдавать выпускные экзамены, и мы с ней заняты усиленно подготовкой курса истории и истории литературы. Нелегка эта нагрузка, особенно с дальними переездами с урока на урок. Трудно мне поспевать всюду и одновременно выкраивать время для занятий у Бориса Александровича (Там же: Д. 6. Л. 6).

Столь тяжелая работа преследовала высокую цель: Н.Д. Флиттнер хотела скопить денег на изучение египтологии в Германии и добиться там диплома доктора наук, чтобы, вернувшись, преподавать на Высших женских курсах (где была меньше нагрузка и выше зарплата, чем в средних учебных заведениях) и иметь достаточно времени для любимой исследовательской работы (Там же: Л. 213–214). Хозяйством и финансами в ее большой семье заведовала мать, поэтому Н.Д. Флиттнер была фактически освобождена от любых домашних забот, зато немалая часть денег из ее зарплаты (с ее согласия) откладывалась на приданое младшим сестрам. Тем не менее иногда в ее воспоминаниях встречаются жалобы на скудость досуга, в том числе и из-за дороговизны развлечений: “...раз в месяц, а то и реже позволяю я себе роскошь сходить на дешевенькое место в театр или на лекцию, съесть пару пирожных или каких-нибудь греческих сладостей у Тилакиса... Бегаю пешком, чтобы сэкономить на книгу, на грошовое удовольствие” (Там же: Л. 173). Столь тяжелая ситуация в целом нехарактерна для женщин-ученых этой эпохи: в подобных обстоятельствах, стремясь иметь свободное время, чаще они отказывались от научной деятельности и сосредоточивались на достаточно хорошо оплачиваемой работе в средних учебных заведениях с нормированным рабочим днем.

Еще одной причиной отказа от самореализации в науке могло стать замужество. Многие успешные курсистки, выйдя замуж за ученых, оставляли попытки самостоятельных исследований и главной своей целью видели поддержку и создание комфортных условий для мужа, занимались организацией традиционных домашних встреч с его учениками (*Сидорякина* 2011) (о постепенном угасании этой традиции во второй половине XX в. пишет и Н.Л. Пушкарева). Жены профессоров С.М. Платонова, А.А. Кизеветтера, К.Н. Бестужева-Рюмина, В.И. Герье, М.И. Ростовцева создавали в своих домах уютную обстановку интеллектуального салона, что, безусловно, требовало серьезных усилий с их стороны (из них только С.М. Ростовцева опубликовала несколько биографических статей для энциклопедического словаря [НЭС 1914: 50–51, 143–145]). Даже мужья, поддерживавшие стремление своих жен заниматься наукой, учившие и вдохновлявшие их, требовали помощи в собственных занятиях. Историк И.И. Любименко писала в автобиографии, что, “несмотря на различие специальностей, немало помогала ему [мужу] в его работе: переводы его статей на иностранные языки, ведение его обширной иностранной научной корреспонденции, чтение иностранных корректур и т.п.” (СПбФ АРАН 2: Л. 24). П.С. Уварова брала на себя большую часть обязанностей своего супруга графа А.С. Уварова по подготовке съездов Московского археологического общества (*Уварова* 2005: 174–179). Этнограф Д.Л. Иохельсон-Бродская принимала участие в экспедициях мужа на Дальний Восток (хотя экспедиционный быт давался ей очень тяжело [*Хаховская* 2017: 201–204]), в ее обязанности входило проведение антропометрических измерений. Историк искусства С.М. Ростовцева (Кульчицкая) помогала мужу вести переписку

(Бонгард-Левина 1997: 446–448). Хотя жены и выполняли такую дополнительную работу добровольно, это шло в ущерб их собственным научным занятиям.

Несмотря на такую серьезную загруженность, можно ли, однако, говорить, что первые русские женщины-ученые работали практически без отдыха, как их коллеги второй половины XX в.? Проанализировав структуру рабочего времени и досуга по это-документам, можно в целом согласиться с Н.Л. Пушкаревой, что профессиональная деятельность исследовательниц сильнейшим образом влияла на всю их жизнь, но при этом она не отменяла обычного для их круга времяпрепровождения. Так, немалую часть свободного времени женщин-ученых занимало рукоделие, зачастую также становившееся объектом изучения. Например, украинский этнограф П.Я. Литвинова-Бартош, с детства увлекавшаяся вышиванием, прядением и окрашиванием пряжи (*Спаська* 1928: 172), в зрелом возрасте опубликовала замечательное комплексное исследование о южнорусском народном орнаменте (*Литвинова* 1877). Некоторые женщины, в совершенстве овладевшие шитьем, вышиванием и вязанием еще в дореволюционных учебных заведениях, после революции участвовали в создании Центральных государственных реставрационных мастерских, а Е.Н. Видонова, Е.М. Карягина и Н.П. Ламанова организовали в Государственном историческом музее отдел памятников одежды, тканей и личных украшений (ОР ГИМ 2: Л. 1–10). Эти женщины, профессионально реставрировавшие предметы музейных коллекций, в свободное время занимались изучением истории русского костюма в различные эпохи.

Интерес к декоративно-прикладным искусствам был характерен и для тех “ученых дам”, чья научная специализация была далека от этого. Так, египтолог Н.Д. Флиттнер вспоминала, что однокурсницы часто делали комплименты ее одежде, которую она при помощи матери и поденной швеи шила или переделывала из простых нарядов, подгоняя по фигуре. Своеобразие костюму Н.Д. Флиттнер придавал особый “средневековый покрой”: черный бархатный лиф платья, зашнуровывающийся спереди, поверх огненно-красной рубашки с красными буфами на локтях и плечах (некоторые курсистки над таким нарядом посмеивались, называя Н.Д. Флиттнер “не то Гретхен, не то Мефистофель” [АГЭ: Д. 4. Л. 187–188]). Можно сказать, что исследовательницы второй половины XIX – начала XX в., опровергая стереотипы об “ученых дамах” как о не интересовавшихся чисто женскими занятиями, благодаря семейному воспитанию владели различными техниками шитья и вышивания. Эти навыки выручали их в трудные революционные годы, а для кого-то даже определили специализацию в науке. Освоение исторических и современных им культурных практик в свободное время характерно именно для женщин дореволюционной эпохи – в этом ключевое отличие досуга мужчин и женщин из академической среды. В остальном виды их отдыха были схожи: вслед за мужьями и коллегами женщины-ученые увлеклись коллекционированием. Н.Д. Флиттнер собирала открытки на исторические темы (АГЭ: Д. 6. Л. 279), а также антикварные предметы, связанные с ее научными интересами (Б.Б. Пиотровский, ученик Н.Д. Флиттнер, рассказывал об одном из подарков исследовательницы – сиракузской серебряной декадрахме IV в. до н.э., которую когда-то ей преподнес знакомый коллекционер [Пиотровский 2009: 190]). Страсть к коллекционированию Н.Д. Флиттнер и ее коллеге по изучению египтологии Т.Н. Бороздиной-Козьминой привил их учитель, знаменитый Б.А. Тураев. Вместе со своими ученицами он заглядывал в антикварные магазины, выписывал по каталогам различные древности из Египта (*Данилова* 1987: 308). П.С. Уваровой богатейшие музейные собрания достались в наследство от мужа, она занималась их подробной каталогизацией и регулярным экспонированием. Большая этнографическая коллекция была у П.Я. Литвиновой-Бартош (вышиванки, платки, предметы ювелирного искусства кустарных мастеров Черниговской губернии [*Спаська* 1928: 190–191]). Исторические артефакты, размещенные в традиционном

домашнем пространстве, преображали его, создавая атмосферу, стимулирующую научный труд.

Академический туризм, о котором Н.Л. Пушкарева упоминает как о достаточно редком виде отдыха женщин-ученых позднесоветского периода, был чрезвычайно распространен в дореволюционное время. При наличии средств исследовательницы регулярно выезжали за границу, где работали в архивах, посещали учебные заведения, знакомились с коллегами, выступали на конференциях, читали лекции (ОР РНБ 3; ЦГИА СПб 1: Л. 23, 42, 44об., 94). Научные дела дополнялись отдыхом и новыми впечатлениями: посещением музеев, памятников архитектуры и археологии, знакомством с культурным наследием Европы. Историк-медиевист И.М. Гревс, преподававший на Бестужевских курсах, ежегодно организовывал для своих учениц многодневные экскурсионные поездки в Италию и по городам России (*Вахромеева* 2007). Постепенно в обычную практику летнего отдыха женщин-ученых входит посещение курортов Крыма (СПбФ АРАН 2: Л. 4) и Кавказа (*Востриков* 2015: 231–232; РГАЛИ: Д. 4. Л. 2).

Таким образом, парадоксальным восприятием умственной работы интеллектуалок как бесконечного досуга, столь хорошо описанным в статье Н.Л. Пушкаревой, мы во многом обязаны первым русским женщинам-ученым, которые искренне полагали, что сам факт допуска их в исключительно мужскую сферу деятельности и возможность трудиться плечом к плечу с исследователями-мужчинами — лучшая награда из всех возможных. Отношение к науке как к служению требовало работы без выходных и праздников, определяло все сферы жизни “ученых дам”, в том числе их досуг. Благодаря постоянному использованию наемного труда и стабильному экономическому положению русские женщины-ученые могли спокойно заниматься наукой, не заботясь о поиске средств для обеспечения семьи; бытовые проблемы не поглощали все их свободное время и не отнимали все силы. Расширение социальных рамок научного сообщества после Великой российской революции 1917 г. и Гражданской войны и постепенная институционализация положения женщин в науке привели к тому, что исследования для них окончательно перешли из области хобби в сферу профессионального развития со все более регламентированными должностными обязанностями.

© Н.Л. Пушкарева

ОТВЕТ АВТОРА: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ КОММЕМОРАТОВ

Коммеморативные практики — важная составляющая отечественной науки — в последнее время все чаще становятся предметом историко-антропологических исследований (*Комарова* 1990: 73; *Ростовцев и др.* 2012: 47–62). Однако значимость гендерной составляющей в них признается больше на словах, чем на деле. Такое признание сводится к тому, чтобы либо просто “дать женщинам высказаться”, формально услышать хотя бы несколько женских голосов из академической среды (а при случае даже попрекнуть за то, что собранные коммемораты работают на поле истории повседневности, не отграниченном от антропологии повседневности, и потому якобы эмпирически обслуживают, скорее, другое направление в исторических науках), либо к самому простому численному равенству интервьюируемых разного пола.

Гендерная антропология (или гендерные исследования в антропологии), в отличие этносоциологии науки или, допустим, антропологии повседневности, как направление остро критична в отношении как описываемых в записях социальных практик, так и их интерпретаций в исследованиях, поскольку нацелена на выработку научных знаний с учетом феминистской теории. Каждая из участниц дискуссии, организованной редакцией журнала, высказала свою позицию как представительница академического сообщества и в то же время как исследовательница, которой не чужд критицизм гендерной теории. Феминистский подход к историческим источникам, устным и письменным свидетельствам — не эзотерика, недоступная непосвященным, это комплекс приемов и методов анализа фактов и событий, основанный на прямо и внятно заявленном желании искать и находить причины гендерных асимметрий, в том числе в самом обыденном, кажущемся неизбывным в силу традиции или просто физиологической данности.

В представленных текстах доказательством интердисциплинарности гендерной истории научной повседневности явлен синтез методов, характерных для *memory studies* и антропологии науки, сфокусированных на том, что женская повседневность имеет в своей структуре некоторые черты, которые отличают ее от повседневности мужской, даже если речь идет не просто об одном поколении, но и об одной сфере интеллектуального труда, а подчас и об одном научном учреждении. Работая в каком-либо НИИ, женщины чаще всего не задумываются о дискриминациях и не ощущают их ровно потому, что власть традиционности (в том смысле, в котором власть понимал Фуко) “исходит отовсюду” и присуща всем взаимодействиям, составляющим институциональную жизнь. Работницы сферы науки воспринимают как данность тот факт, что им реже предлагаются руководящие должности (на которых выше оклады), что от них ожидается меньшая упористость в вопросе о направлении в командировки за счет бюджета и даже меньшая эмоциональность в научной дискуссии, что им не дают ссылаться на личный опыт в научной карьере и пережить ранее несправедливость — “это ваше личное, к науке не относится”(!).

Статистика научной жизни показывает наличие “стеклянного потолка” женской академической карьеры, который тем прочнее, чем сложнее научным сотрудницам налаживать неформальное общение с властями предрежащими в дирекциях и на академическом Олимпе (в отделениях своих наук в Президиуме РАН). Цифры, свидетельствующие об очевидной несправедливости, однако, убеждают не всегда, тем более что в гуманитарных науках такой статистический разрыв меньше (больше женщин — докторов наук, профессоров, женщины вполне себе заметны на управленческих должностях, есть среди них и те, что — говоря строкой И. Бродского — “общаются с богами”, сами став членами-корреспондентами и даже действительными членами РАН).

Вот почему историко-антропологический аспект изучения научного сообщества имеет самостоятельную ценность: он основан на дискурсивном анализе, на биографических полуструктурированных интервью или на том особом методе работы, который был предложен историками частной жизни, изучающими Средневековье, когда источникам “задают вопросы”, т.е. когда источники анализируются аналитиком, как если это были бы транскрипты современных интервью. Гендерный аспект антропологии академической жизни оказывается в этом случае обеспеченным, по сути, *автогинографиями* — особыми записями, ремарками, пояснениями (соотнесенными подчас с собственной жизнью) женщин-исследователей, их самоэтнографией, которую они вплетают, как бусины, в сложный узор собственных исследований (В.А. Верemenko, О.А. Валькова).

Тема досуга и отдыха женщин-ученых, когда речь заходит о гендерной антропологии, — это не только и не столько этнографическая или историко-антропологическая тема, сколько тема баланса работы и праздности, дихотомии “оплачиваемый—

неоплачиваемый” труд. Корни отношения к научному труду как к интеллектуальному отдыху обнаруживаются в концепции “наука как служение”, в биографиях первых русских женщин-ученых, которые искренне полагали, что сам факт допуска в закрытое сообщество исследователей-мужчин и возможность трудиться на одном уровне с ними и есть уже “лучшая награда из всех возможных” (О.И. Секенова).

Сегодня свободное время женщин-ученых наполнено разнообразной домашней работой, которой женщины занимаются походя, подчас даже не замечая. Кто-то выполняет ее с радостью: наводит чистоту в доме, закупает продукты и готовит еду, стирает и гладит, ухаживает за детьми и престарелыми родителями, психологически поддерживает супруга в его внесемейных делах и начинаниях и т.д. Но едва только эти “домашние работы” перестают радовать или в силу обстоятельств замещаются оплачиваемым профессиональным трудом приглашенной уборщицы, домработницы, няни, сиделки, психотерапевта — они превращаются в заметную расходную статью домашнего бюджета. И лишь тогда осознается огромность женского вклада в домашнюю экономику. Перетекание же отдыха в работу, размывание понятий “рабочее время” и “свободное время” в семьях женщин-ученых гуманитарного профиля делает их вклад в бюджет семьи еще менее очевидным и ощутимым. Не случайно одна из респонденток как-то обмолвилась, что “получила в ЗАГСе не свидетельство о браке, а еще одну трудовую книжку”.

Изучающие антропологию академического сообщества часто упоминают “эффект Матфея”, введенный в науковедение Р. Мёртоном (это попытка объяснения неравномерности распределения преимуществ в науке: кто и так уже заработал себе имя — тому постоянно прибавляется славы, денег, признания, а кто слабее выбившихся в лидеры — тому и дальше терпеть дискриминации и депривации; ср.: в Евангелии от Матфея сказано: “...ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет”) (Merton 1968: 56). Эффект применим к женской части академического сообщества — и не только к области профессиональной самореализации, но и к свободному времени женщин. Если женщины-ученые не одиноки, то максимум, что они могут себе позволить, чтобы успеть построить и научную карьеру, — это двое, крайне редко трое детей (в Германии, как следует из исследования И. Гевиннер, чаще всего женщины, работающие в науке, склоняются к отложенному родительству, отдавая приоритет построению карьеры). И это ограничение проистекает из отсутствия свободного времени, возможности “пожить для себя”, стремления к эскапизму посредством научной работы, бегству от эмоциональных перенагрузок, вызванных отношениями с коллегами и с мужем, внесемейными привязанностями и увлечениями, от напряженности и многоплановости домашней работы.

И все-таки, несмотря на все жертвы, на труд урывками, на более короткий и тревожный, чем у мужчин-ученых, ночной сон, научные работницы все равно оказываются в арьергарде, на второстепенных рубежах научного признания. Они не могут восполнять упущенное, развивая типичную для успешных мужчин-ученых “культуру сверхурочной работы” (когда не только рабочее, но и все свободное время отдается науке), прежде всего потому, что у них нет рядом “служанок по призванию”, т.е. жен, готовых обеспечить условия для такой профессиональной самоотдачи. Зато все эти женщины, представительницы разных поколений российской науки, владеют чудесами совмещения разных типов активностей, мастерством убеждения себя, что в отдыхе как таковом и не нуждаются, они мотивируют себя и хвалят себя сами за умение всегда и везде успевать. Чем более успешны женщины-ученые и чем очевиднее их достижения, тем большую “агиографичность” приобретают их рассказы о себе, тем очевиднее их *terrible perfection* (Б. Хелдт) в силу невозможности повторить их геройство большинством обычных женщин, достигших в науке меньших высот.

Размышления гендеролога по итогам этой дискуссии об остроте проблем, касающихся женщин-ученых, важны не только для лучшего понимания прошлого нашего академического сообщества (поскольку большинство респонденток — уже состоявшиеся в своей области знания профессионалы). Знание “профессиональной кухни” ученого — существенный фактор формирования корпоративной культуры, без которой не может быть решительных научных прорывов (хотя в нашей профессии пока что публикационная активность ценится выше любой корпоративности и умения сплотить проектную группу). Сегрегация коммемораций по гендерному признаку важна и для лучшего понимания женского вклада в историю российской науки, и для установления контактов с зарубежными университетами, активно продвигающими принципы реального гендерного равенства, равенства возможностей, и в конечном счете для сохранения культурного и интеллектуального наследия и прояснения контекста, в котором делались и делаются свершения и открытия.

Источники и материалы

- АГЭ 1 — Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4, 6.
 Александрова 2009 — Александрова Е. Лауреаты-2009. Интервью с д. хим. н. Е. Кумачовой // Троицкий вариант. 2009. № 5 (24). С. 6–7.
 АРАН 1 — Архив Российской академии наук. Ф. 2. Оп. 1. Д. 60.
 АРАН 2 — Архив Российской академии наук. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452.
 АРАН 3 — Архив Российской академии наук. Ф. 642. Оп. 4. Д. 316.
 АРАН 4 — Архив Российской академии наук. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122а.
 АРАН 5 — Архив Российской академии наук. Ф. 641. Оп. 6. Д. 215.
 АРАН 6 — Архив Российской академии наук. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 367.
 АРАН 7 — Архив Российской академии наук. Ф. 543. Оп. 6. Д. 470.
 Арапова 2005 — Арапова Э. Заглядывая в тайны женских сердец (Из интервью проф. Ж. Акназаровой) // Эхо Оша. Март 2005. <http://echoosha.narod.ru/March05/hist.htm> (дата обращения: 20.04.2010).
 Баранская 1969 — Баранская Н. Неделя как неделя // Новый мир. 1969. № 11. С. 23–55.
 Белецкая 2004 — Белецкая И.П. Химия красоты. Интервью // “Поиск”. Газета научного сообщества. 15.02.2004. С. 3.
 Белозерская 1886 — Белозерская Н.А. Николай Иванович Костомаров в 1857–1875 гг. // Русская старина. Т. XLIX–L. 1886. Вып. 1–4. С. 610–636.
 Бонгард-Левина 1997 — Бонгард-Левина Г.М. (отв. ред.) Скифский роман. М.: Росспэн, 1997.
 Вон он какой... 2006 — Вон он какой, мужской шовинизм! // Аспирантура СПб. Портал аспирантов. Свободное общение. 25.05.2006. <http://www.aspirantura.spb.ru/forum/archive/index.php/t-1903.html>
 Востриков 2015 — Востриков А.В. Е.В. Балобанова. Записки слушательницы С.-Петербургских высших женских курсов I выпуска (1882 г.) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4 (8). С. 227–248.
 Гольдфайль 1972 — Гольдфайль Л.Г. Дом отдыха // Большая советская энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 418.
 Давыдова 1980 — Давыдова Н. Вся жизнь плюс еще два часа. М.: Советский писатель, 1980.
 Данилова 1987 — Данилова И.Е. (ред.) Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1908–1912). М.: Советский художник, 1987.
 Демина 2006 — Демина Н. Интервью с Ревекой Фрумкиной 24 июля 2006 г. // Полит.ру. 24 июля 2006 г. <http://www.polit.ru/science/2006/07/24/frumkina.html>
 Демина 2008 — Демина Н. Коня на скаку остановит, в науку работать пойдет // Полит.ру. 28 ноября 2008 г. <http://www.polit.ru/science/2008/11/28/loreal.html>
 ЕІУ 2009 — Енциклопедія історії України: В 10 т. / Ред. В.А. Смолій. Київ: Наукова думка, 2009. Т. 6.
 Заславская 1964а — Заславская Т.И. Письмо М.И. Черемисиной от 05.01.1964 // Открытый архив СО РАН. Переписка 1964 года. Фонд Т.И. Заславской — М.И. Черемисиной. <http://>

odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_svet_636903247746314545_6128&eid=Z1_0009_0741

- Заславская* 1964б — *Заславская Т.И.* Письмо Черемисиной М.И. от 22.10.1964 // Открытый архив СО РАН. Фонд воспоминаний и устной истории. Фонд Т.И. Заславской — М.И. Черемисиной. http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_svet_636903247746314545_6177
- Ибрагимова* 2000 — *Ибрагимова З.М.* Низкий поклон, Вера Евгеньевна // Век Лаврентьева / Сост. Н.А. Притвиц и др. Новосибирск: СО РАН, 2000. С. 344.
- Калашиников и др.* 1990 — *Калашиников Н.В., Юшкин Н.П., Боринцева Н.А.* (ред.-сост.) Вера Александровна Варсанюфьева. Сыктывкар: Коми научный центр УРО АН СССР, 1990.
- Кожеевникова* 1902 — *Кожеевникова М.* Материнство и умственная работа. М.: Университетская типография, 1902.
- Курапова* 2013 — *Курапова Е.Р.* (сост.) “...И мучилась и работала невероятно”: дневники М.В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013.
- Литвинова* 1877 — *Литвинова П.Я.* Русские народные узоры / Собр. П.Як. Литвиновой. Киев: Редакция Киевского народного календаря, 1877.
- Лозинский* 1904 — *Лозинский Е.* О настоящем и будущем женского движения (в связи с проблемами целомудрия и задачами материнства) // К свету. СПб., 1904. С. 38–64.
- Максимова* 2004 — *Максимова И.* Моя подруга Наташа // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1953–1958 годах: воспоминания выпускников / Под ред. С.С. Ангелиной, Т.М. Костыговой и др. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 116–126.
- Механик* 2014 — *Механик А.* Она пошла дальше Ландау // Эксперт. 2014. № 22 (901). <http://expert.ru/expert/2014/22/ona-poshla-dalshe-landau>
- Мураневич* 1902 — *Мураневич А.И.* Семья и женщина. Одесса: “Экон.” лит., ценз., 1902.
- НЭС 1914 — Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. К.К. Арсеньева. СПб.: Брокгауз—Ефрон, 1914. Т. 24.
- ОР ГИМ 1 — Отдел рукописей Государственного исторического музея. Ф. 92. Д. 95 (Рабинович А.Я. и др. Воспоминания о коллективных уроках общества воспитательниц и учительниц).
- ОР ГИМ 2 — Отдел рукописей Государственного исторического музея. Ф. 500. Оп. 1. Д. 1.
- ОР РНБ 1 — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585 (Е.Н. Щепкина). Оп. 1. Д. 5691–5702.
- ОР РНБ 2 — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 245. Д. 479.
- ОР РНБ 3 — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 254. Оп. 1. Д. 18.
- ОР РНБ 4 — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 503. Д. 757.
- Панкратова* 1922 — *Панкратова А.М.* Письмо Домбровскому В.А. 12 февраля 1922 г. // Историк и время: 20–50-е годы XX века: А.М. Панкратова / Отв. ред. Ю.С. Кукушкин и др. М.: Изд-во РУДН, 2000. С. 264–265.
- Панкратова* 1936 — *Панкратова А.М.* Письмо Бахрушину С.В. 26 июля 1936 г. // Историк и время: 20–50-е годы XX века: А.М. Панкратова / Отв. ред. Ю.С. Кукушкин и др. М.: Изд-во РУДН, 2000. С. 305–306.
- Пиотровский* 2009 — *Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни. М.: Руда и Металлы, 2009.
- ПМА 2005 — Полевые материалы Н.Л. Пушкаревой. Москва. Инф.: АА., филолог, 51 год (запись 05.02.2005).
- ПМА 2014 — Полевые материалы Н.Л. Пушкаревой. Москва. Инф.: Наталья, 1959 г.р. (запись 22.09.2014).
- ПСЗРИ 1914 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е: В 33 т. Т. 31. Ч. 1. СПб., 1914. Ст. 36226.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1, 4.
- РГАЭ 1 — Российский государственный архив экономики. Ф. 3. Оп. 1. Д. 464.
- РГАЭ 2 — Российский государственный архив экономики. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 152.
- Ростовцев* 2006 — *Ростовцев Е.А.* Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы / Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева. СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 270–318.
- Рубинчик* 2006 — *Рубинчик (Локианова) Л.* Увлечение германистикой // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1950–1955 гг.: воспоминания выпускников / Сост. Е.А. Брызгунова, Г.Г. Копылова. М.: МАКС Пресс, 2006. С. 201–223.

- Сахарова 2004 — Сахарова Г. МГУ — как много в этом слове... // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1953—1958 годах: воспоминания выпускников / Под ред. С.С. Ангелиной, Т.М. Костыговой и др. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 211—241.
- Сванидзе 2003 — Сванидзе А.А. Дом отдыха Узкое // Вторая муза историка. М.: Наука, 2003. С. 521—522.
- Синие чулки 2006 — Синие чулки // LIFEJOURNAL. Нежные вещи: mother's mornings. 8 декабря 2006 г. <http://sneznayaneznost.livejournal.com/34326.html>
- Спаська 1928 — Спаська Й. Пелагея Яковівна Литвинова: Нарис її життя та праці за її рукописами та родинними документами // Етнографічний вісник. 1928. Кн. 7. С. 168—199.
- СПбФ АРАН 1 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 30—142об.
- СПбФ АРАН 2 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 202.
- Уварова 2005 — Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005.
- Филатова 2006 — Филатова А. Любят с этих фотографий океаны биографий // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1950—1955 гг.: воспоминания выпускников / Сост. Е.А. Брызгунова, Г.Г. Копылова. М.: МАКС Пресс, 2006. С. 39—55.
- Фрумкина 1997 — Фрумкина Р.М. О нас наискосок. М.: Русские словари, 1997.
- Хоткевич 1930 — Хоткевич Г. Ефименкова // Збірник науково-дослідчої кафедри історії української культури. Т. 10, Присвяч. пам'яті О.Я. Єфименкової. Харків: Держвидав України, 1930. С. 37—43.
- ЦГАМ — Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. Л-125. Оп. 1. Д. 28 (Ошанина Е.Н.).
- ЦГИА СПб 1 — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 52. Оп. 7. Д. 14.
- ЦГИА СПб 2 — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Д. 19365.
- Черемисина 1967 — Черемисина М.И. Письмо Заславской Т.И. от 10.11.1967 // Открытый архив СО РАН. Фонд воспоминаний и устной истории. Фонд Т.И. Заславской — М.И. Черемисиной. http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu2_svet_636941296797651400_1707
- Черняева 2006 — Черняева Д.В. Право на отдых. Международные стандарты и российское трудовое право // Справочник кадровика. 2006. № 9. С. 31—35.
- ЭСБЕ 1981 — Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. IVa. СПб., 1891.
- Ambrasat, Heger 2020 — Ambrasat J., Heger C. Barometer für die Wissenschaft. Ergebnisse der Wissenschaftsbefragung 2019/20. DZHW Monitoringbericht. Berlin: DZHW, 2020. https://www.wb.dzhw.eu/downloads/wibef_barometer2020.pdf
- EC 2013 — European Commission. She Figures: Gender in Research and Innovation: Statistics and Indicators. Luxembourg: Publication office of the European Union, 2013.
- EC 2018 — European Commission. Ethics in Social Science and Humanities. Ethics in Social Science and Humanities. October 2018. https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/6_h2020_ethics-social-science-humanities_en.pdf
- Fedtschenko 1909 — Fedtschenko O. Eremurus. Kritische Übersicht Über Die Gattung // Записки Академии наук по Физико-математическому отделению. Серия VIII. 1909. Т. XXIII. № 8. С. 1—210.
- Fedtschenko 1968 [1909] — Fedtschenko O. Eremurus. Kritische Übersicht Über Die der Gattung (Plant Monograph Reprint) / Eds. J. Cramer, H.K. Swann. 1968. Vol. 3. (Reprint. SPb., 1909).
- Gewinner 2017 — Gewinner I. Conceptualising Fertility and Migration: The Case of Academia // Vortrag beim internationalen Workshop "Fertility of Migrants and Minorities", 06—08.02.2017, Hannover (архив автора).
- KBWN 2017 — Konsortium Bundesbericht Wissenschaftlicher Nachwuchs. Statistische Daten und Forschungsbefunde zu Promovierenden und Promovierten in Deutschland. Konsortium Bundesbericht Wissenschaftlicher Nachwuchs. Bielefeld: Bertelsmann Verlag, 2017.
- pan Zagloba 2010 — pan Zagloba. Женщины: дети победителей vs поколение Jaguar // Ньюслэнд. 21.01.2010. <https://newsland.com/user/2487273565/content/zhenshchiny-deti-pobeditelei-vs-pokolenie-jaguar/608701>
- Statistisches Bundesamt 2018 — Personal an Hochschulen — Fachserie 11 Reihe 4.4 — 2018. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt.

UN Sustainability Goals n.d. — United Nations Sustainability Goals // United Nations. Department of Economic and Social Affairs Sustainable Development. <https://sdgs.un.org/goals>
Women's writing n.d. — Women's writing (literary category) // Wikipedia. [https://en.wikipedia.org/wiki/Women%27s_writing_\(literary_category\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Women%27s_writing_(literary_category)) (дата обращения: 17.01.2021).

Научная литература

- Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3—15.
- Бейсон М.К. Возраст активной мудрости. Будущее, которое мы сочиняем. М.: Карьера-Пресс, 2013.
- Берто Д. Наследство и род // Вопросы социологии. 1992. № 2. С. 106—123.
- Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845—1921. М.: Наука, 2006.
- Валькова О.А. Штурмья цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М.: НЛО, 2019.
- Валькова О.А. Жизнь и удивительные приключения астронома Субботиной. М.: НЛО, 2021.
- Вахромеева О.Б. Приглашение к путешествию: методика исторических поездок И.М. Гревса. СПб.: Знаменитые универсанты, 2007.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Воробьева С.Ю. Проблема “женского письма” в контексте теории дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 1 (17). С. 180—187.
- Гаген-Торн Н.И. Мемогия: воспоминания, рассказы. М.: Возвращение, 2009.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы: социальные проблемы быта и внерабочего времени. М.: Наука, 1972.
- Гордон Л.А., Римашевская Н.М. Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. М.: Мысль, 1972.
- Грушин. Б.А. Свободное время: актуальные проблемы. М.: Мысль, 1964.
- Иванова Т.Н. У истоков высшего женского образования в России: организационная деятельность В.И. Герье в свидетельствах современников // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). Серия: История. Вып. 36. С. 169—176.
- Кашкарова Е. Женская тема в прозе 60-х годов: Наталья Баранская как зеркало русского феминизма // Все люди — сестры. Бюллетень ПЦГИ. 1996. № 5. С. 57—69.
- [Жомарова Г.А.] Нет “женских” проблем без “мужских” // Советская этнография. 1990. № 6. С. 73—75.
- Коул Д.Р., Цукерман Г. Женщины в науке // В мире науки. 1987. № 4. С. 64—71.
- Кузнецова Л.А. Гендерные аспекты курортного отдыха в СССР // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. Вып. 3 (17). С. 81—85.
- Мищенко Т.А., Шевцова Ю.А. “К бабушке или в детский сад”: стратегия воспитания как социально-исторический маркер трансформации семьи // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4 (48). С. 268—273.
- Овсянников С.Н. Пошехонское имение Лихачевых Сосновец: материалы по истории усадьбы в XIX веке // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 1 (17) / Ред. Л.В. Иванова. М.; Рыбинск: Рыбинское подворье; Михайлов посад, 1994. С. 127—133.
- Павлов Б.С., Колотыгина М.А., Павлов Д.Б. Родительская семья как субъект воспроизводства интеллектуального потенциала регионального социума (на примере семей научных работников УрО РАН) // Синергия. 2016. № 6. С. 37—45.
- Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Патрушев В.Д. Предисловие // Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения / Отв. ред. В.Д. Патрушев. М.: ИС РАН, 1999. С. 3—11.
- Плеханова А.С. Благотворительная деятельность графини П.С. Уваровой // Обсерватория культуры. 2016. № 1. С. 88—92.
- Пруденский Г.А. Вне рабочее время трудящихся. Новосибирск: СО АН СССР, 1961.
- Пушкарева Н.Л. Когда зарплаты были большими // Российская история. 2016. № 6. С. 69—83.

- Пушкарева Н.Л., Секенова О.И. Преподавательницы Бестужевских женских курсов как феномен российской эмансипации второй половины XIX — начала XX в. // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 302–316.
- Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В. Академическая корпорация столичного университета (1884–1917) в фокусе историографии // Клио. 2012. № 7 (67). С. 47–62.
- Роцин С. Равны ли женщины мужчинам? // Демоскоп-weekly. 2005. № 221–222. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/index.php>
- Сидорякина Т.А. Жена профессора как актор субкультуры научного сообщества начала XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 215–223.
- Фрумкина Р.М. Жаль, что вас не было с нами... // Новое литературное обозрение. 2003. № 1 (59). С. 37.
- Хаховская Л.Н. Этнокультурные различия сквозь призму опыта полевого исследователя (на материале дневника Д.Л. Иохельсон-Бродской) // Россия и АТР. 2017. № 2 (96). С. 201–204.
- Шепеткова И.О. Досуг как научная категория // Журнал научных публикаций “Дискуссия”. 2015. № 2 (58). С. 121–128.
- Acker J. Gendered Organizations and Intersectionality: Problems and Possibilities // Equality, Diversity and Inclusion: An International Journal. 2012. Vol. 31 (3). P. 214–224.
- Antoshchuk I., Gewinner I. Still a Superwoman? How Female Academics from the Former Soviet Union Negotiate Work-Life Balance Abroad // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring). 2020. No. 1. P. 408–435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.17>
- Ashton-James C.E., Kushlev K., Dunn E.W. Parents Reap What They Sow: Child-Centrism and Parental Well-Being // Social Psychological and Personality Science. 2013. Vol. 4 (6). P. 635–642. <https://doi.org/10.1177/1948550613479804>
- Beaufays S. Führungspositionen in der Wissenschaft. Zur Ausbildung männlicher Soziabilitätsregime am Beispiel von Exzellenzeinrichtungen // Einfach Spitze? Neue Geschlechterperspektiven auf Karrieren in der Wissenschaft / Eds. S. Beaufays, A. Engels, H. Kahlert. Frankfurt: Campus, 2012. P. 87–117.
- Bradley H. Gender. Cambridge: Polity, 2013.
- Bushnell J. Urban Leisure Culture in Post-Stalin Russia: Stability as a Social Problem // Soviet Society and Culture / Eds. T.L. Thompson, R. Sheldon. N.Y.: Routledge, 1988. P. 58–86. <https://doi.org/10.4324/9780429307157-5>
- Cainelli G., Maggioni M.A., Uberti T.E., De Felice A. The Strength of Strong Ties: How Co-Authorship Affect Productivity of Academic Economists? // Scientometrics. 2015. Vol. 102 (1). P. 673–699.
- Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics // University of Chicago Legal Forum. 1989. No. 1. P. 139–167.
- Etzkowitz H. et al. Pathways to the Entrepreneurial University: Towards a Global Convergence // Science and Public Policy. 2008. Vol. 35 (9). P. 681–695.
- Gassmann F. Wissenschaft als Leidenschaft? Über die Arbeits- und Beschäftigungsbedingungen wissenschaftlicher Mitarbeiter. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2018.
- Gershuny J. Changing Times: Work and Leisure in Postindustrial Society. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Gewinner I. Gender Inequality in Russian Academia: Dynamics, Insights, and Explanations // La Revista Investigaciones Feministas. 2016. Vol. 7 (2). P. 115–137.
- Gewinner I. Gendered and Diversified? Leadership in Global Hospitality and Tourism Academia // International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2020. Vol. 32. No. 6. P. 2257–2282. <https://doi.org/10.1108/IJCHM-07-2019-0621>
- Gewinner I. Work-Life Balance for Native and Migrant Scholars in German Academia: Meanings and Practices // Equality, Diversity and Inclusion: An International Journal. 2019. Vol. 39 (5). P. 497–512. <https://doi.org/10.1108/EDI-02-2019-0060>
- Goldman W. Les femmes dans la société soviétique // Le Siècle des communismes / Eds. M. Dreyfus et al. Paris: Éditions de l'Atelier, 2000. P. 187–197.
- Goody J., Goody J.R. Production and Reproduction: A Comparative Study of the Domestic Domain. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

- Grunow D., Begall K., Buchler S. Gender Ideologies in Europe: A Multidimensional Framework // Journal of Marriage and Family. 2018. Vol. 80. P. 42–60.
- Grzywacz J.G., Carlson D.S. Conceptualizing Work-Family Balance: Implications for Practice and Research // Advances in Developing Human Resources. 2007. Vol. 9. No. 4. P. 455–471. <https://doi.org/10.1177/1523422307305487>
- Guarino C.M., Borden V.M. Faculty Service Loads and Gender: Are Women Taking Care of the Academic Family? // Research in Higher Education. 2017. Vol. 58 (6). P. 672–694.
- Hamilton W. Institution // Encyclopaedia of the Social Sciences. Vol. VIII, Industrial Revolution – Labor Turnover / Eds. E.A.R. Seligman, A. Johnson. L.: Macmillan and Company Limited, 1932. P. 83–84.
- Huopalaainen A.S., Satama S.T. Mothers and Researchers in the Making: Negotiating “New” Motherhood within the “New” Academia // Human Relations. 2018. Vol. 72 (14). P. 1–24. <https://doi.org/10.1177/0018726718764571>
- Isgro K., Castañeda M. Mothers in US Academia: Insights from Lived Experiences // Women’s Studies International Forum. 2015. Vol. 53. P. 174–181.
- Kreckel R. Zur Lage des wissenschaftlichen Nachwuchses an Universitäten: Deutschland im Vergleich mit Frankreich, England, den USA und Österreich // Beiträge zur Hochschulforschung. 2016. Bd. 38 (1–2). S. 12–40.
- Kunadt S. Kinderbetreuungsangebote für eine bessere Vereinbarkeit von Wissenschaft und Familie: Ergebnisse einer Evaluationsstudie aus den Jahren 2010/2011 (GESIS Papers, 2015/07). Köln: GESIS – Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften. <https://doi.org/10.21241/ssar.43225>
- Lewis S., Beauregard T.A. The Meanings of Work-Life Balance: A Cultural Perspective // The Cambridge Handbook of the Global Work-Family Interface / Eds. K.M. Shockley, W. Shen, R.C. Johnson. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 720–732. <https://doi.org/10.1017/9781108235556.039>
- Lind I. Balancing Career and Family in Higher Education – New Trends and Results // Gender Equality Programmes in Higher Education / Eds. S. Grenz, B. Kortendiek, M. Kriszio, A. Löther. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. P. 193–208.
- Locke E.A. Toward a Theory of Task Motivation and Incentives // Organizational Behavior and Human Performance. 1968. Vol. 3 (2). P. 157–189.
- Merton R.K. The Matthew Effect in Science // Science. 1968. Vol. 5 (1). No. 159 (3610). P. 56–63.
- Metz-Göckel S. et al. Generative Entscheidungen und prekäre Beschäftigungsbedingungen des wissenschaftlichen Personals an Hochschulen // Femina Politica, Zeitschrift für feministische Politikwissenschaft. 2011. Bd. 1 (20). P. 166–172.
- Möller Ch. Wissenschaftlicher Mittelbau – privilegiert und prekär? // Journal Netzwerk Frauen- und Geschlechterforschung NRW. 2011. Bd. 28. S. 41–49.
- Moskoff W. Women and the Service Sector // Moskoff W. Labour and Leisure in the Soviet Union. L.: MacMillan, 1984. P. 134–156.
- O’Connor P., O’Hagan C. Excellence’ in University Academic Staff Evaluation: A Problematic Reality? // Studies in Higher Education. 2016. Vol. 41 (11). P. 1943–1957.
- Sarna-Wojcicki D., Perret M., Eitzel M.V., Fortmann L. Where are the Missing Coauthors? Authorship Practices in Participatory Research // Rural Sociology. 2017. Vol. 82 (4). P. 713–746.
- Schiebinger L., Gilman Sh.K. Housework Is an Academic Issue // Academe. 2010. Vol. 96. No. 1 (January–February). P. 39–44.
- Schimanski L.A., Alperin J.P. The Evaluation of Scholarship in Academic Promotion and Tenure Processes: Past, Present, and Future // F1000Research. 2018. No. 7. P. 1605. <https://doi.org/10.12688/f1000research.16493.1>
- Schürmann R., Sembritzki T. Wissenschaft und Familie. Analysen zur Vereinbarkeit beruflicher und familialer Anforderungen und Wünsche des wissenschaftlichen Nachwuchses. Hannover: DZHW, 2017.
- Wengraf T. Qualitative Research Interviewing: Biographic Narrative and Semi-Structured Methods. Thousand Oaks: Sage, 2001.
- Xie Y., Shauman K.A. Women in Science: Career Processes and Outcomes. Harvard: Harvard University Press, 2003.

Research Article (with Comments)

Pushkareva, N.L. Work and Leisure of Women Scholars in Soviet and Post-Soviet Russia as Assessed by Themselves [Trud i otdykh zhenshchin-uchenyykh v otsenkakh ikh samikh v sovetskoj i postsovetskoj Rossii]

Comments:

Valkova, O.A. What Kind of Miracle Is It, the Leisure of Women Scholars? [I chto za chudo takoe – otdykh zhenshchin-uchenyykh?..]

Veremenko, V.A. Reflections of a Woman Scholar about Work and Leisure [Razmyshleniia zhenshchiny-uchenoj o rabote i otdyke]

Gewinner, I. Cross-Cultural Practices of Balancing Work and Leisure in the German Academic Context [Kross-kul'turnye praktiki balansirovaniia raboty i otdykh v nemetskom akademicheskom kontekste]

Sekenova, O.I. In What Ways Did Work and Leisure of Women Scholars in the Pre-Revolutionary Era Differ? [Chem otlichalis' trud i otdykh zhenshchin-uchenyykh dorevoliutsionnoj epokhi]

Pushkareva, N.L. Response to Commenters: Thoughts at Commemorators' Margins [Otvot opponen-tam: razmyshleniia na poliakh kommemorativ]

Etnograficheskoe obozrenie, 2021, no. 3, pp. 106–148. <https://doi.org/10.31857/S086954150015498-7>
ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Author:

Natalya Pushkareva | <http://orcid.org/0000-0001-6295-3331> | pushkarev@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Commenters:

Olga Valkova | <http://orcid.org/0000-0002-4158-110X> | o-val2@yandex.ru | S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (14 Baltiyskaya Str., Moscow, 125315, Russia)

Valentina Veremenko | <http://orcid.org/0000-0002-5217-5609> | v.a.veremenko@yandex.ru | Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg sh. 10, St. Petersburg, Pushkin, 196605, Russia)

Irina Gewinner | <http://orcid.org/0000-0001-5881-0485> | i.gewinner@ish.uni-hannover.de | University of Luxembourg (11 Porte des Sciences, L-4366 Esch-sur-Alzette, Luxembourg)

Olga Sekenova | <http://orcid.org/0000-0001-9246-2728> | jkkzray@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

academic community, women scholars, autoethnography, gender, workload, leisure

Abstract

The article focuses on the issue of work and leisure among women scholars, taking the institutional case of the Russian Academy of Sciences as an example, and attempts to document the analysis with personal stories and autoethnographic narratives. Drawing on the gender theory, the author examines the workload and leisure of women in academia and assesses the ratio of time allocated to work vs. that devoted to family and home duties. She argues that, for the Russian/Soviet intellectual, the relationship between work and leisure is still largely the one typical of the Soviet everyday where women demonstrated selfless devotion both to their workplace and to their home obligations. From the male point of view, it is indeed difficult to explain just how Russian/Soviet women employed in academia managed their time, since leisure of men and leisure of women working in scholarly institutions differ substantially. The article is followed by critical comments by Olga Valkova, Valentina Veremenko, Irina Gewinner, and Olga Sekenova.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [19-09-00191]

References

- Acker, J. 2012. Gendered Organizations and Intersectionality: Problems and Possibilities. *Equality, Diversity and Inclusion: An International Journal* 31 (3): 214–224.
- Aleksandrov, D.A. 1994. Istoricheskaya antropologiya nauki v Rossii [Historical Anthropology of Science in Russia]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki* 4: 3–15.
- Antoshchuk, I., and I. Gewinner. 2020. Still a Superwoman? How Female Academics from the Former Soviet Union Negotiate Work-Life Balance Abroad. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)* 1: 408–435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.17>
- Ashton-James, C.E., K. Kushlev, and E.W. Dunn. 2013. Parents Reap What They Sow: Child-Centrism and Parental Well-Being. *Social Psychological and Personality Science* 4 (6): 635–642. <https://doi.org/10.1177/1948550613479804>
- Beaufaÿs, S. 2012. Führungspositionen in der Wissenschaft. Zur Ausbildung männlicher Sozabilitätsregime am Beispiel von Exzellenzeinrichtungen [Leadership Positions in Academia. On the Formation of Male Sociability Regimes Using the Example of Institutions of Excellence]. In *Einfach Spitze? Neue Geschlechterperspektiven auf Karrieren in der Wissenschaft* [Simply Top? New Gender Perspectives on Careers in Academia], edited by S. Beaufaÿs, A. Engels, and H. Kahlert, 87–117. Frankfurt: Campus.
- Beison, M.K. 2013. *Vozrast aktivnoi mudrosti. Budushchee, kotoroe my sochiniaem* [Age is the Activity of Wisdom: The Future We Are Composing]. Moscow: Kariera-Press.
- Berto, D. 1992. Nasledstvo i rod [Inheritance and Gender]. *Voprosy sotsiologii* 2: 106–123.
- Bradley, H. 2013. *Gender*. Cambridge: Polity.
- Bushnell, J. 1988. Urban Leisure Culture in Post-Stalin Russia: Stability as a Social Problem. In *Soviet Society and Culture*, edited by T.L. Thompson and R. Sheldon, 58–86. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429307157-5>
- Cainelli, G., M.A. Maggioni, T.E. Uberti, and A. De Felice. 2015. The Strength of Strong Ties: How Co-Authorship Affect Productivity of Academic Economists? *Scientometrics* 102 (1): 673–699.
- Cole, J.R., and H.A. Zuckerman. 1987. Zhenshchiny v nauke [Women in Science]. *V mire nauki* 4: 64–71.
- Crenshaw, K. 1989. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics. *University of Chicago Legal Forum* 1: 139–167.
- Etzkowitz, H., et al. 2008. Pathways to the Entrepreneurial University: Towards a Global Convergence. *Science and Public Policy* 35 (9): 681–695.
- Frumkina, R.M. 2003. Zhal', chto vas ne bylo s nami... [It is a Pity that You Were not with Us...]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 1 (59): 37.
- Gagen-Torn, N.I. *Memoria: vospominaniia, rasskazy* [Memoria: Memories, Stories]. Moscow: Vozvrashchenie, 2009.
- Gassmann, F. 2018. *Wissenschaft als Leidenschaft? Über die Arbeits- und Beschäftigungsbedingungen wissenschaftlicher Mitarbeiter*. Frankfurt am Main: Campus Verlag.

- Gershuny, J. 2000. *Changing Times: Work and Leisure in Postindustrial Society*. Oxford: Oxford University Press.
- Gewinner, I. 2016. Gender Inequality in Russian Academia: Dynamics, Insights, and Explanations. *La Revista Investigaciones Feministas* 7 (2): 115–137.
- Gewinner, I. 2019. Work-Life Balance for Native and Migrant Scholars in German Academia: Meanings and Practices. *Equality, Diversity and Inclusion: An International Journal* 39 (5): 497–512. <https://doi.org/10.1108/EDI-02-2019-0060>
- Gewinner, I. 2020. Gendered and Diversified? Leadership in Global Hospitality and Tourism Academia. *International Journal of Contemporary Hospitality Management* 32 (6): 2257–2282. <https://doi.org/10.1108/IJCHM-07-2019-0621>
- Goldman, W. 2000. Les femmes dans la société soviétique [Women in Soviet Society]. In *Le Siècle des communismes* [The Century of Communism], edited by M. Dreyfus, et al., 187–197. Paris: Éditions de l'Atelier.
- Goody, J., and J.R. Goody. 1976. *Production and Reproduction: A Comparative Study of the Domestic Domain*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gordon, L.A., and E.V. Klopov. 1972. *Chelovek posle raboty: sotsialnye problemy byta i vnerabocheho vremeni* [Man after Work: Social Problems of Life and after Work Hours]. Moscow: Nauka.
- Gordon, L.A., and N.M. Rimashevskaya. 1972. *Piatidnevnaia rabochaia nedelia i svobodnoe vremia trudiashchikhsia* [Five-Day Work Week and Workers' Free Time]. Moscow: Mysl'.
- Grunow, D., K. Begall, and S. Buchler. 2018. Gender Ideologies in Europe: A Multidimensional Framework. *Journal of Marriage and Family* 80: 42–60.
- Grushin, B.A. 1964. *Svobodnoe vremia: aktual'nye problemy* [Free Time: Actual Problems]. Moscow: Mysl'.
- Grzywacz, J.G., and D.S. Carlson. 2007. Conceptualizing Work-Family Balance: Implications for Practice and Research. *Advances in Developing Human Resources* 9 (4): 455–471. <https://doi.org/10.1177/1523422307305487>
- Guarino, C.M., and V.M. Borden. 2017. Faculty Service Loads and Gender: Are Women Taking Care of the Academic Family? *Research in Higher Education* 58 (6): 672–694.
- Hamilton, W. 1932. Institution. In *Encyclopaedia of the Social Sciences*. Vol. VIII, *Industrial Revolution – Labor Turnover*, edited by E.A.R. Seligman and A. Johnson, 83–84. London: Macmillan and Company Limited.
- Huopainen, A.S., and S.T. Satama. 2018. Mothers and Researchers in the Making: Negotiating “New” Motherhood Within the “New” Academia. *Human Relations* 72 (14): 1–24. <https://doi.org/10.1177/0018726718764571>
- Isgró, K., and M. Castañeda. 2015. Mothers in US Academia: Insights from Lived Experiences. *Women's Studies International Forum* 53: 174–181.
- Ivanova, T.N. 2009. U istokov vysshego zhenskogo obrazovaniia v Rossii: organizatsionnaia deiatel'nost' V.I. Guerrier v svidel'stvakh sovremennikov [Beginning Women's High Education in Russia: Activity of V.I. Guerrier in the Evidences of Contemporaries]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 37 (175): 169–176.
- Kashkarova, E. 1996. Zhenskaia tema v proze 60-kh godov: Natal'ia Baranskaia kak zerkalo russkogo feminizma [Women's Theme in the Prose of the 60s: Natalya Baranskaya as a Mirror of Russian Feminism]. *Vse liudi – sestry. Biulleten' Peterburgskogo Centra gendernykh issledovaniy* 5: 57–69.
- Khakhovskaya, L.N. 2017. Etnokul'turnye razlichia skvoz' prizmu opyta polevogo issledovatel'ia (na materiale dnevnika D.L. Iokhel'son-Brodskoi) [Ethnocultural Differences through the Lenses of a Field Researcher's Experience (Based on the Diary of D.L. Iokhel'son-Brodskaya)]. *Rossiia i ATR* 2 (96): 201–204.
- Komarova, G.A. 1990. Net “zhenskikh” problem bez “muzhskikh” [No “Women's” Problems without “Men's”]. *Sovetskaya etnografiia* 6: 73–75.
- Kreckel, R. 2016. Zur Lage des wissenschaftlichen Nachwuchses an Universitäten: Deutschland im Vergleich mit Frankreich, England, den USA und Österreich [On the Situation of Young Academics at Universities: Germany Compared with France, England, the USA and Austria]. *Beiträge zur Hochschulforschung* 38 (1–2): 12–40.
- Kunadt, S. 2015. Kinderbetreuungsangebote für eine bessere Vereinbarkeit von Wissenschaft und Familie: Ergebnisse einer Evaluationsstudie aus den Jahren 2010/2011 (GESIS Papers, 2015/07) [Childcare Services for a Better Compatibility of Science and Family: Results of an Evaluation Study from 2010/2011 (GESIS Papers, 2015/07)]. Köln: GESIS – Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften. <https://doi.org/10.21241/ssor.43225>

- Kuznetsova, L.A. 2011. Gendernye aspekty kurortnogo otdykha v SSSR [Gender Aspects of Spa Holidays in the USSR]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorii* 3 (17): 81–85.
- Lewis, S., and T.A. Beauregard. 2018. The Meanings of Work-Life Balance: A Cultural Perspective. In *The Cambridge Handbook of the Global Work-Family Interface*, edited by K.M. Shockley, W. Shen, and R.C. Johnson, 720–732. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108235556.039>
- Lind, I. 2008. Balancing Career and Family in Higher Education – New Trends and Results. In *Gender Equality Programmes in Higher Education*, edited by S. Grenz, B. Kortendiek, M. Kriszio, and A. Löther, 193–208. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Locke, E.A. 1968. Toward a Theory of Task Motivation and Incentives. *Organizational Behavior and Human Performance* 3 (2): 157–189.
- Merton, R.K. 1968. The Matthew Effect in Science. *Science* 5 (159). P. 56–63.
- Metz-Göckel, S., et al. 2011. Generative Entscheidungen und prekäre Beschäftigungsbedingungen des wissenschaftlichen Personals an Hochschulen [Generative Decisions and Precarious Employment Conditions of Academic Staff at Universities]. *Femina Politica, Zeitschrift für feministische Politikwissenschaft* 1 (20): 166–172.
- Mishchenko, T.A., and Yu.A. Shevcova. 2012. “K babushke ili v detskii sad”: strategii vospitaniia kak social’no-istoricheskii marker transformatsii sem’i [“To the Grandmother or in a Kindergarten”: Strategy of Education as a Sociohistorical Market of Transformation of Family]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Gumanitarnye i social’nye nauki* 4 (48): 268–273.
- Möller, Ch. 2011. Wissenschaftlicher Mittelbau – privilegiert und prekär? [Academic Mid-Level Staff – Privileged and Precarious?]. *Journal Netzwerk Frauen- und Geschlechterforschung NRW* 28: 41–49.
- Moskoff, W. 1984. Women and the Service Sector. In *Labour and Leisure in the Soviet Union*, by W. Moskoff, 134–156. London: MacMillan.
- O’Connor, P., and C. O’Hagan. 2016. Excellence in University Academic Staff Evaluation: A Problematic Reality? *Studies in Higher Education* 41 (11): 1943–1957.
- Ovsianikov, S.N. 1994. Poshekhonskoe imenie Likhachevykh Sosnovets: materialy po istorii usad’by v XIX veke [Poshekhonsky Manour of the Likhachevs’ Sosnovets: Information about the History of the Manour in the 19th Century]. In *Russkaia usad’ba. Sbornik OIRU* [Russian Estate], edited by L.V. Ivanova, 1 (17): 127–133. Moscow; Rybinsk: Rybinskoe podvor’e; Mikhailov posad, 1994.
- Paneiakh, V.M. 2000. *Tvorchestvo i sud’ba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov* [Creative and Life Way of Historian: Boris Romanov]. St. Peterburg: Dmitrii Bulanin.
- Patrushev, V.D. 1999. Predislovie [Preface]. In *Povsednevnaia zhiznedeiatel’nost’ i trudovoe povedenie rabotaiushchego naseleniia* [Everyday Life and Work Behavior of the Working Population], edited by V.D. Patrushev, 3–11. Moscow: IS RAN.
- Pavlov, B.S., M.A. Kolotygina, and D.B. Pavlov. 2016. Roditel’skaia sem’ia kak sub’ekt vosproizvodstva intellektual’nogo potentsiala regional’nogo sotsiuma (na primere semei nauchnykh rabotnikov UrO RAN) [Parent Family as a Subject of Reproduction of Intellectual Potential in Regional Society (On the Example of Scientists’ Families of Ural Branch of Russian Academy of Sciences)]. *Sinergia* 6: 37–45.
- Plekhanova, A.S. 2016. Blagotvoritel’naia deiatel’nost’ grafini P.S. Uvarovoi [Charitable Activity of Countess P.S. Uvarova]. *Observatoriia kul’tury* 1: 88–92.
- Prudenskii, G.A. 1961. *Vnerabochee vremia trudiashchikhsia* [Working Hours of Workers]. Novosibirsk: SO AN SSSR.
- Pushkareva, N.L. 2016. Kogda zarplaty byli bol’shimi [When Salaries Were Big]. *Rossiiskaia istoriia* 6: 69–83.
- Pushkareva, N.L., and O.I. Skenova. 2020. Prepodavatel’nitsy Bestuzhevskikh zhenskikh kursov kak fenomen rossiiskoi emansipatsii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Female Lecturers at the Faculty of History and Philology of the Bestuzhev Women’s Higher Education Courses as a Manifestation of Russian Emancipation of the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. *Voprosy obrazovaniia* 1: 302–316.
- Roshchin, S. 2005. Ravny li zhenshchiny muzhchinam? [Are Women Equal to Men?]. *Demoskop-weekly* 221–222. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/index.php>
- Rostovtsev, E.A., D.A. Barinov, A.F. Krivonozhenko, and I.V. Sidorchuk. 2012. Akademicheskaiia korporatsiia stolichnogo universiteta (1884–1917) v fokuse istoriografii [Academic Corporation of Metropolitan University (1884–1917) in the Focus of the Historiography]. *Klio* 7 (67): 47–62.
- Sarna-Wojcicki, D., M. Perret, M.V. Eitzel, and L. Fortmann. 2017. Where are the Missing Coauthors? Authorship Practices in Participatory Research. *Rural Sociology* 82 (4): 713–746.

- Schiebinger, L., and Sh.K. Gilmartin. 2010. Housework Is an Academic Issue. *Academe* 96 (1): 39–44.
- Schimanski, L.A., and J.P. Alperin. 2018. The Evaluation of Scholarship in Academic Promotion and Tenure Processes: Past, Present, and Future. *F1000Research* 7: 1605. <https://doi.org/10.12688/f1000research.16493.1>
- Schürmann, R., and T. Sembritzki. 2017. *Wissenschaft und Familie. Analysen zur Vereinbarkeit beruflicher und familialer Anforderungen und Wünsche des wissenschaftlichen Nachwuchses* [Science and Family: Analyses on the Compatibility of Professional and Family Requirements and Wishes of Young Academics]. Hannover: DZHW.
- Shchepetkova, I.O. 2015. Dosug kak nauchnaia kategoriia [Leisure as a Scientific Category]. *Zhurnal nauchnykh publikatsii "Diskussiia"* 2 (58): 121–128.
- Sidoriakina, T.A. 2011. Zhena professora kak aktor subkul'tury nauchnogo soobshchestva nachala XX veka [The Professor's Wife as the Actor of the Academic Society Subculture in the Early 20th Century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seria: Gumanitarnye nauki* 3: 215–223.
- Valkova, O.A. 2006. *Ol'ga Aleksandrovna Fedchenko, 1845–1921* [Olga Aleksandrovna Fedchenko]. Moscow: Nauka.
- Valkova, O.A. 2019. *Shturmuia tsitadel' nauki: zhenshchiny-uchenye Rossiiskoi imperii* [Storming the Citadel of Science: Women Scientists in the Russian Empire]. Moscow: NLO.
- Valkova, O.A. 2021. *Zhizn' i udivitel'nye prikliucheniia astronoma Subbotinoi* [The Life and Amazing Adventures of the Astronomer Subbotina]. Moscow: NLO.
- Vakhromeeva, O.B. 2007. *Priglasenie k puteshestviu: metodika istoricheskikh poezdok I.M. Grevs*. [The Invitation to the Travelling: The Methodology of I.M. Grevs' Historical Trips]. St. Petersburg: Znamenitye universanty.
- Veblen, T. 1984. *Teoriia prazdnogo klassa* [Idle Class Theory]. Moscow: Progress.
- Vorobieva, S.Yu. 2013. Problema "zhenskogo pis'ma" v kontekste teorii diskursa [The Problem of "Female Writing" in the Context of Discourse Theory]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya 2: Yazykoznanie* 1 (17): 180–187.
- Wengraf, T. 2001. *Qualitative Research Interviewing: Biographic Narrative and Semi-Structured Methods*. Thousand Oaks: Sage.
- Xie, Y., and K.A. Shauman. 2003. *Women in Science: Career Processes and Outcomes*. Harvard: Harvard University Press.

© Д.А. Опарин

ДОЛГ И ЛОЯЛЬНОСТЬ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ МУЛЛ В МИГРАЦИИ

Ключевые слова: среднеазиатская миграция, ислам, религиозный авторитет, муллы, экзорцизм, лояльность, религиозный долг

Статья посвящена социальной рельефности и конфигурации мусульманского пространства российского города. В фокусе исследования — позиция, религиозные практики и представления среднеазиатских мулл — выходцев из Средней Азии, которые принимают активное участие в религиозной жизни локальной общины, проводят те или иные ритуалы, консультируют своих единоверцев, сами называют себя муллами (также их именует и их окружение), обладают определенным социальным капиталом. Они не занимают каких-либо официальных позиций в муфтияте и городской мечети, однако играют большую роль в конструировании религиозной повседневности своих единоверцев, чаще всего земляков, в формировании локального мусульманского пространства. Меня интересует, как и какие отношения муллы выстраивают с имамом, своими земляками и мусульманским окружением в целом. В статье особое внимание я уделяю религиозным и миграционным аспектам биографий моих информантов, их рефлексии, их стремлениям к самосовершенствованию и тому, как они понимают свой долг перед Богом и единоверцами.

Мусульманское пространство крупных городов России очень разнообразно. Значительную часть прихожан мечетей в большей части городов Европейской России (за исключением Кавказа) и Сибири составляют выходцы из Средней Азии. Особенную роль в жизни современных мусульман в российских городах играют муллы, преподаватели Корана и *хафизы* из Таджикистана. Заметное место занимают северокавказские общины, в первую очередь суфийские. Чаще всего имамами (в данной статье имамами я называю официальных лиц, которые возглавляют мечети, муллами же я называю религиозных экспертов, не имеющих официальной позиции в мечети) являются либо местные татары, либо татары, приехавшие из других регионов России. Однако разнообразие мусульманского пространства российских городов не только этническое. Активную роль в религиозной жизни играют как

Дмитрий Анатольевич Опарин | <http://orcid.org/0000-0002-1895-5564> | dimaoparin@hotmail.com | к. и. н., научный сотрудник Института социальной политики | Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (Славянская площадь 4, стр. 2, Москва, 109074, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 18-18-00293]

обеспеченные предприниматели, так и трудовые мигранты. Городские мусульманские общины гетерогенны и в религиозном плане: в них могут состоять сунниты, шииты (среди которых — в первую очередь азербайджанцы), северокавказские суфии, представители разных мазхабов.

Данное исследование посвящено среднеазиатским муллам и их роли в конструировании мусульманского пространства Иркутска. Муллами в данном случае я называю мусульман, выходцев из Средней Азии, которые принимают активное участие в религиозной жизни локальной общины, проводят те или иные ритуалы, консультируют своих единоверцев, сами называют себя муллами (так же их именует и их окружение), обладают определенным социальным капиталом — репутацией религиозных экспертов и локальной известностью. Они не занимают каких-либо официальных позиций в Байкальском муфтияте и городской мечети, однако играют большую роль в конструировании религиозной повседневности своих единоверцев, чаще всего земляков (в зависимости от ситуации это могут быть выходцы из одной страны или региона либо те, с кем муллы говорят на одном языке), формировании локального мусульманского пространства, а иногда и транснационального/транслокального пространств.

Исследование практик и представлений среднеазиатских мулл этого сибирского города показывает рельефность и сложность устройства локального мусульманского пространства, дает представление о природе религиозного авторитета. Меня интересует, какую позицию занимают эти муллы в локальном и — шире — транслокальном мусульманских пространствах, как и какие отношения они выстраивают с официальным имамом, своими земляками и мусульманским окружением в целом. В своем исследовании особенное внимание я уделял религиозным и миграционным аспектам биографий моих информантов, их рефлексии, их стремлениям к самосовершенствованию и тому, как они понимают свою миссию, долг, обязательство перед Богом и другими мусульманами.

Я рассматриваю фигуры пяти среднеазиатских мулл, с которыми наиболее близко общался в ходе полевой работы в Иркутске. Двое из них кыргызы, трое — таджики. Каждый имеет сложную и многовекторную миграционную биографию, свои взаимоотношения с имамом и остальным мусульманским окружением, а также индивидуальный религиозный путь. Я рассматриваю иркутское локальное мусульманское пространство и те отношения, которые в нем формируются и распадаются, через позиции, биографии, представления этих пяти людей, которые являются как акторами этого пространства, одними из многих, так и его конструкторами. Эти муллы — главные герои исследования — не единственные среднеазиатские религиозные эксперты в иркутском поле и тем более не единственные мусульманские авторитеты. Однако они оказываются наиболее заметными и вовлеченными в религиозную повседневность агломерации хотя бы потому, что они сами — выходцы из Средней Азии и основная часть прихожан городской мечети и окраинного молельного зала — также среднеазиатские мигранты. Биографии этих мулл, их практики и представления, их позиции в мусульманской среде в каких-то моментах схожи, в каких-то — различны. Эти отличия наилучшим образом иллюстрируют разнообразие уже сложившихся и продолжающих складываться форм мусульманского авторитета в миграционной среде.

Многие ученые, работающие в русле антропологии ислама, фокусируются на частных переживаниях, практиках, представлениях и биографиях своих ключевых информантов. Таковыми в данном исследовании оказываются пять мулл, проживающие в Иркутске. Самули Шильке, например, разбирает биографии и представления шести жителей Каира, и через призму их жизненных путей и динамики их суждений показывает, что такое неверие в современном мусульманском контексте (Schielke 2012). Жули Било посредством трех частных ситуаций поднимает проблемы

идентичности, этики и самопознания в среде мусульман-мигрантов в Великобритании (*Billaud* 2016).

Одним из ключевых вопросов исследования является характер взаимоотношений “неофициальных” среднеазиатских мулл с “официальным” имамом мечети и региональным муфтием — Фаритом. В данной работе я попытался переосмыслить схематичное разграничение и продемонстрировать зыбкость границы между *официальным* и *неофициальным* на примере конфигурации в мусульманской среде Иркутска. Вторым аспектом, на котором я фокусируюсь, является своеобразие чувства долга среднеазиатских мулл — что их мотивирует к оказанию религиозной помощи и наставлению других мусульман, как они понимают свои обязательства перед единоверцами и Богом и как они определяют, что такое “быть хорошим мусульманином”, принимая в расчет свои собственные знания, умения и репутацию.

Исследований, посвященных практикам и представлениям “ритуальных экспертов”, “неофициальных мулл”, “народных мулл”, “локальных мусульманских авторитетов” в миграционном контексте совсем немного — несмотря на то, что антропологические и социологические работы, авторы которых изучают “ислам в миграции” или “ислам на Западе”, выходят последние лет двадцать в большом объеме. Одна из немногих таких работ посвящена религиозным экспертам, задействованным в похоронных практиках в небольшом голландском городе (*Venhorst et al.* 2013). Авторы статьи изучают мотивацию и характер авторитета мигрантов-мусульман, которые проводят *джаназу-намаз* (похоронная молитва) и омывают тело усопших, на трех уровнях — персональном, межперсональном и трансперсональном. Иными словами, их интересует целый спектр вопросов: социальность, религиозный и миграционный бэкграунд, конструирование авторитета и его формы, а также понимание долга перед Богом и награды, которую можно получить от него.

Институт религиозного авторитета среди современных мусульман чрезвычайно разнообразен и динамичен и, как пишет исследователь ислама на Западе Т. Суньер, нестабилен как никогда ранее (*Sunier* 2018: 117). Это действительно динамичное и многоакторное поле, лишенное строгой иерархии, которое сложно классифицировать и которое, по мнению авторов статьи о голландском кейсе, находится в состоянии формирования (*Venhorst et al.* 2013: 247). На мой взгляд, роли и практики мусульманских “неофициальных” ритуальных экспертов в контексте миграции не могут стать стабильными. Во-первых, потому что стабильность и строгая иерархичность не могут быть свойственны среде, конструируемой “неинституционализированными” лидерами. Во-вторых, потому что миграционная среда мобильна по существу. Речь идет не только о географической мобильности, но и о мобильности статусов, религиозных, этнических, государственных и социальных идентичностей индивидов.

Исследователи пишут о растущей популярности различных проповедников и кризисе авторитета “официальных” имамов (*Sunier* 2018: 118; *Peter* 2006: 111). Потеря многими имамами религиозного авторитета, их близость к местной власти, отсутствие у них схожего с большей частью прихожан миграционного опыта — все это факторы, влияющие на диверсификацию религиозного пространства и появление новых авторитетов.

В последнее время появились исследования, посвященные практикам и представлениям среднеазиатских мулл, находящихся в миграции в России (*Cieslewska, Blajet* 2020; *Turaeva* 2019, 2020; *Oparin* 2017; *Oparin* 2020). Антропологи пытаются понять, кто эти мусульманские авторитеты, увидеть их практики и представления в широких контекстах — миграционном, властном, религиозном и социальном. В фокусе этих исследований оказываются формы адаптации религиозных практик неофициальных мусульманских лидеров к новой среде. Однако, как показывает моя полевая работа в Москве, Томске, Иркутске и на Ямале, большая часть среднеазиатских мулл стали муллами уже в миграции, их авторитет сам по себе является продуктом миграции

(*Oparin* 2020: 749) — он чаще всего реализован и признан в том или ином российском городе, а не в локации исхода.

Миграционный контекст

Полевая работа проходила летом 2019 г. в Иркутске и его пригородах. Мусульманская композиция Иркутска (население города — 623 тыс., население Иркутской агломерации — немногим более миллиона человек) характерна для многих других крупных городов Сибири и Европейской России. Здесь есть старая татарская община; мечеть, построенная в 1897 г., не закрывалась практически на протяжении всего советского периода. Большая часть прихожан — выходцы из Средней Азии, в основном кыргызы и таджики. Есть консолидированные ингушская и чеченская общины, шиитская община, представленная азербайджанцами, и община, члены которой — выходцы из Дагестана. Все это этническое и религиозное разнообразие локализуется в соборной мечети города.

Согласно данным переписи 2010 г., в Иркутской области проживали 4507 кыргызов, 4169 таджиков и 4367 узбеков. Однако данные за 2010 г. устарели и не являются актуальными. Данные же, которыми оперируют официальные представители диаспор, не вызывают доверия, однако других цифр нет. Таджиков, по оценке одного из моих информантов, занимающегося помощью мигрантам в оформлении документов, в области насчитывается около 40 тыс. человек, а в Иркутской агломерации — 17 тыс. Кыргызов, по оценке местного кыргызского строителя, который уже 20 лет живет в Иркутске, в области больше 30 тыс. Эти цифры неточны (точных данных нет ни у кого), но они дают хоть какое-то представление о современной этнической картине региона.

Как и во многих других городах, среди выходцев из Средней Азии особенное место занимают старожилы. Еще в советское время в Иркутск и область приезжали таджики и узбеки, которые работали в леспромпхозах и после распада СССР остались в Иркутской области. Некоторые из них были задействованы в транспортировке леса из иркутского региона в Среднюю Азию, обратно они везли в основном фрукты и овощи. Кто-то служил в 1980-е годы в регионе и остался здесь после армии. Массовая миграция из Средней Азии, республик Северного Кавказа и из Азербайджана началась в 1990-е годы и интенсифицировалась в 2000-е. Значительная часть трудовых мигрантов из Средней Азии, в том числе и уже граждан России, задействована в регионе в четырех сферах: в строительстве, лесной промышленности, торговле и сервисе, который в первую очередь включает общепит и перевозки. Среди мигрантов из Средней Азии в Иркутске есть довольно обеспеченные люди. Например, выходцу из Таджикистана (он владеет овощной базой, находящейся на окраине города), построившему с разрешения муфтията большой молельный зал, также принадлежат база отдыха и кафе. Помимо владельцев различных бизнесов, известны в Иркутске, например, памирские спортсмены, удачно выступающие на местных и международных соревнованиях за Россию, и их памирские тренеры.

Мигранты, задействованные на отдаленных пилорамах в таежных районах региона, практически не участвуют в повседневной жизни Иркутска. Зачастую они бывают только в аэропорту, откуда на машинах их увозят в зону лесозаготовки. Документы обычно им оформляет в одной контор города представитель предприятия. На таких пилорамах, расположенных в сотнях километров от Иркутска (многие из них принадлежат китайским бизнесменам), работа бывает распределена между разными группами следующим образом: российские вахтовики валят лес и занимают должности технических специалистов (бывают, например, электриками), таджики в основном обрабатывают лес, т.е. трудятся непосредственно на пилораме, китайцы заведуют бухгалтерией, занимают административные должности.

В Иркутске есть несколько крупных оптовых и розничных рынков, где работают как местное население, так и мигранты, в том числе и из Средней Азии. Есть в сфере рыночной торговли и своя специализация по регионам исхода. Например, выходцы из Вахдатского района Таджикистана торгуют в основном обувью. Торговые ряды часто формируются по этническому, региональному и товарному принципам (*Григоричев и др.* 2019). Например, на Центральном рынке есть так наз. бишкекский ряд.

В Иркутске очень развита миграционная инфраструктура. Многочисленные крупные рынки и огромная овощная база в Ленинском округе Иркутска оказываются центрами, вокруг которых и в рамках которых работают всевозможные сервисы и учреждения, открытые мигрантами и предназначенные как только для мигрантов, так и для всех остальных. По всему городу, но в особенности вокруг Центрального рынка открыто множество центров помощи мигрантам в оформлении документов. Магазины одежды, в том числе и мусульманской, многочисленные чай-хоны, таджикские и узбекские парикмахерские, авиационные кассы, дешевые стоматологии, даже частные детские сады — все эти сервисы составляют богатую, относительно дисперсную мигрантскую инфраструктуру агломерации. Важно сразу отметить, что мигранты, работающие на рынках или пользующиеся всей богатой инфраструктурой, сконцентрированной вокруг рынков, совсем необязательно там же проживают. Многие снимают квартиры в пригородах и на окраине города, живут в частных домах в сельской местности.

Многие выходцы из Средней Азии заняты в строительстве. Значительная часть мигрантов предпочитают частные заказы — ремонт квартир, постройка загородных домов. Рабочие, задействованные на городских крупных объектах (таких как, например, многоквартирные дома), часто проживают прямо на строительной площадке. Некоторые занимают общежития на окраине города. Я несколько раз посещал общежитие, еще в советское время предназначавшееся для гостевых рабочих и сейчас более чем наполовину занятое выходцами из Средней Азии. Каждое утро автобус забирает их из общежития и везет на объект. Там проживают также водители маршруток (места перед зданием общежития для парковки нескольких микроавтобусов достаточно).

Среди моих среднеазиатских информантов многие живут в пригородах. Кто-то купил землю и строит дом для своей семьи, кто-то снимает жилье. Некоторые из них выращивают на приусадебных участках овощи и фрукты для продажи на городских и пригородных рынках. О субурбанизации миграционных потоков в Иркутской агломерации подробно написано в статье К.В. Григоричева (*Григоричев* 2012).

Миграционная биография

В локальном мусульманском сообществе формируется гибкое ранжирование по специализациям среди религиозных авторитетов. Репутация имеет огромное значение, и зачастую именно окружение наделяет того или иного эксперта определенными навыками. За тем или иным муллой закрепляется набор религиозных характеристик, основанных как на его умении и знании, так и на славе о его религиозных практиках.

— Никах (обряд бракосочетания. — *Д.О.*) — это не каждый может. Я не обучен этому, полномочий не имею. Если незнающий человек это сделает, то это грех. Либо Н. (местный кыргызский мулла. — *Д.О.*), либо Фарит-хазрат. А больше никто не имеет права.

— А есть еще кыргызские муллы здесь, есть такие, которые джиннов изгоняют?

— Нет, у киргизов нету. Это у таджиков. Или к хазрату (уважительное обращение к человеку с высоким религиозным статусом. — *Д.О.*) обращаться. Это сложное дело, нешуточное. Мы невидимое не видим, но после прочтения этого плохо себя

чувствуем, чуть ли не до смерти устают. Раньше даже были случаи, я слышал, что человек умирает от этого. Тот выздоровеет, а самого — его смерть принимает. Такие муллы редки. Говорят, обучение надо пройти, и человек либо сойдет с ума, либо выдержит. Так что это нешуточный мулла. Вот никах почитать, дуа (мольба, обращение к Аллаху. — Д.О.) почитать или молитву почитать Н. может. Это большая ответственность, потому что если ты неправильно сделал, на том свете будешь отвечать.

— А вот парень молодой, на зухре (обеденный намаз. — Д.О.) впереди был?

— Знающий. Он суры знает и Коран знает, умеет читать правильно, а вот проповеди и все эти дела — это нет.

— Проповеди — это имам?

— Имам. А имам обучен по всем направлениям: и с Кораном, и как похоронить, и как почитать, и как никах делать, в каких случаях правильно-неправильно. Ну как в учебниках предметы: русский язык, химия, биология — у каждого своя специальность есть же. Который впереди нас стоял, он только Коран читает, а другие вещи не делает (ПМА 2019: кыргыз, родился в 1970-е годы, строитель, в Иркутске живет 20 лет).

Среди местных религиозных авторитетов из числа среднеазиатских мигрантов есть *кори* (хафизы, знающие Коран наизусть), экзорцисты, специализирующиеся на изгнании джиннов, преподаватели-волонтеры, по преимуществу обучающие детей чтению Корана и основам ислама, специалисты по *рукья* (излечение человека через чтение Корана), просто уважаемые набожные люди, у которых можно попросить религиозного совета, муллы, проводящие намазы в отсутствие имама Фарита; в Иркутске есть даже среднеазиатские муэдзины. Ранжирование по специализациям очень гибкое (один человек может совмещать разные умения и знания), оно отражает индивидуальный сакральный капитал каждого религиозного авторитета, конвертированный в социальный капитал — его репутацию среди земляков и мусульман Иркутска в целом.

Мулла 1¹. Этот таджикский мулла специализируется именно на изгнании джиннов. Это не единственная его религиозная общественная практика, однако он известен среди других мусульман именно как экзорцист. Сейчас ему 41 год, в возрасте 22 лет он приехал в Иркутск и сейчас уже является гражданином России. В Таджикистане у него был *устаз* (учитель, духовный наставник), также этот мулла успел закончить в Душанбе медресе. В Иркутске мулла начал продавать обувь, сейчас он бригадир, иногда и сам выполняет работы. Он часто дает работу своим родственникам и землякам. Это одна из ключевых характеристик миграционных процессов из Средней Азии в Россию — давно живущие и уже освоившиеся на месте мигранты начинают помогать новым приезжим или тем, кто не сумел пока приобрести профессиональную репутацию и богатый социальный капитал. Мулла живет со своей семьей в съемной квартире, однако недавно он купил участок за городом, где начал строить дом.

Мулла 2. Приходится родным братом мулле 1 и также живет в Иркутске. Он проводит пятничные намазы в молельном зале, открытом Байкальским муфтием в 2009 г. на овощной базе в Ленинском округе Иркутска в районе Жилкино. Молельный зал бывает открыт только днем в пятницу, по мусульманским праздникам и во время Рамадана вечерами. По пятницам на намаз собирается около 300 человек. Этот мулла приехал в Иркутск в 2003 г., сначала торговал на рынке одежды и обувью. В 2008 г. получил российское гражданство. В 2013 г. он купил участок на окраине города, где выращивает картофель и поставляет его на местные рынки (тогда же мулла смог перевезти в Россию свою семью). Также имам молельного зала в Жилкино работает в такси. Кроме того, он получает часть *садаки* (в данном случае имеется в виду милостыня, собираемая до и после *джума-намаза*). Имам этого молельного зала говорит, что просто “хорошо читает Коран и знает все про намаз”, но по всем

остальным вопросам перенаправляет верующих либо к имаму центральной мечети, либо к своему брату, который специализируется на *рукия* и экзорцизме.

Мулла 3. Если первые два муллы, братья, имеют сложности с изъяснением на русском языке, то третий герой исследования говорит на нем без каких-либо проблем. Сейчас он муэдзин в городской мечети, иногда проводит обряды, читает единоверцам Коран. Его миграционная история характерна для многих таджиков. В 1988 г. он проходил срочную службу в Иркутске, в ходе которой не только научился строительному делу, но и установил важные контакты. После армии он вернулся в Душанбе. В 1991 г. после распада Союза опять приехал в Иркутск — уже торговать.

С начала 1990-х годов и до нынешнего времени мулла работает в строительной сфере. Вполне предсказуемо, что он, обладая 30-летним опытом жизни в Иркутске, российским гражданством, полученным в 2007 г., и связями в регионе, обеспечивает своих родственников и земляков работой. Мулла предпочитает не принимать заказы от строительных фирм и работает в основном на частных. Это связано в первую очередь с тем, что многие строительные фирмы “кидают” мигрантов.

Мулла 4. Этот мулла — помощник по религиозным делам председателя Иркутской кыргызской диаспоры, член мусульманского совета при мечети, местный кыргызский имам. Он родился в 1971 г., с 2000 г. живет в Иркутске. Еще в советское время мулла недолго жил в Саратове, где хотел поступать в вуз, однако был призван в армию и служил в Подмосковье. Потом он женился в Кыргызстане, и в 1999 г. молодая семья уехала жить и работать в Новосибирск. В Новосибирске у них не получилось наладить бизнес, и они переехали в Иркутск к родственникам. Сейчас мулла с женой торгуют одеждой на Центральном рынке города.

Мулла 5. Это самый молодой из всех мулл, с которыми я общался в Иркутске. Он родился в пригороде Бишкека в 1988 г. В 2013 г. впервые оказался в миграции. Сначала отправился в Москву, однако там у него не получилось закрепиться, и он вернулся в Кыргызстан. В 2018 г. уже с женой мулла переехал в Иркутск, где работает то на стройке, то в такси. Иногда он проводит намаз в центральной мечети в отсутствие имама, его часто просят почитать Коран с целью исцеления, научить *таджвиду* (правилам чтения Корана).

Четыре из пяти мулл достаточно давно живут в Иркутске. Они встроены в общественный, профессиональный, миграционный и религиозный контексты региона, обладают значительным социальным капиталом, известны не только среди прихожан, регулярно посещающих мечеть, но и среди мигрантов из Средней Азии и даже шире — в мусульманской среде Иркутска. Их религиозный авторитет переплетен с их миграционным и профессиональным. Они не просто уважаемые хафизы или экзорцисты, они являются ключевыми фигурами мигрантского пространства агломерации. В той или иной степени каждый из мулл не только определяет религиозную повседневность своих земляков, увещевает и наставляет их, помогает пройти через кризисные ситуации, но и определяет локальные миграционные процессы. Уважение в мусульманской общине, религиозная экспертиза дополняются профессиональным весом и значительным социальным капиталом. Недавно прибывшие в регион мигранты часто надеются на этих мулл, спрашивают у них о вакантных местах, возможностях заработка. Важно отметить, что каждый из моих информантов, которых я кратко охарактеризовал выше, связывает свою судьбу с Иркутском. Все перевезли туда свои семьи, кто-то даже купил недвижимость в этом городе.

Ни у одного из моих информантов нет нормированного рабочего дня. Каждый из них уже работает на себя и достаточно много времени проводит в мечети. Есть определенная связь между темпоральностью и религиозностью: чтобы активно вести общественную религиозную жизнь, нужно иметь возможность свободно и независимо распоряжаться своим временем. Муллы не просто приходят на намаз. Некоторые из

них по просьбе иногда отсутствующего имама его и проводят. Имам же может попросить провести любой намаз, не предупредив заранее. Часто они приходят раньше и уходят позже. После намаза к ним обращаются единоверцы с просьбой, иногда просто завязывается разговор во дворе мечети.

В заключение этого раздела я хотел бы коснуться важной темы — связи религиозной и профессиональной этик, или скорее того, как религиозные представления формируют профессиональные практики, как мусульманский дискурс встраивается в рассуждения о трудовой честности.

Мы очень четко, честно делаем, как себе. Потому что как по шариату? Если ты заказчик и мы договариваемся, что я строю так-то дом и стоит он, к примеру, миллион. Или сто тысяч. Мы по рукам, и я начинаю работать. Если я строю его не так, то эти деньги мне нельзя будет использовать, потому что эти деньги — харам. Например, в Москве мой друг работал. Ему две штуки арматуры не хватало, чтобы бетон залить. Рядом строили армяне: а почему вы бетон не заливаете? Ответает: две штуки арматуры не хватает, хозяин что-то трубку не берет. Придет — принесет. Они: а ты возьми, палку засунь. Вот они так строят. Это не по шариату. Нам нельзя обмануть, хоть он кто. Верный он, неверный — нам нельзя делать то, что ненормально (ПМА 2019: мулла 3).

Мулла обременен как профессиональной ответственностью перед самим собой и заказчиком, так и религиозной ответственностью перед Богом. “Строить по шариату” — значит выполнять свою работу честно и добросовестно. Брать деньги за нечестный труд — значит не только подводить заказчика и ставить под сомнение свою профессиональную репутацию, но и совершать небогоугодный поступок, входить в зону *харам* — запретного.

Религиозная биография

Каждый мулла имеет устаза или даже нескольких устазов. Чаще всего знакомство с устазом состоялось не в миграции, а в Средней Азии. Некоторые мุลлы продолжают поддерживать отношения с устазами, звонят им в случае сомнения, советуются по религиозным вопросам. Многие муллы получили в Средней Азии религиозное образование. Например, мулла 5 еще школьником ходил на занятия к сельскому имаму, отучился в бишкекском медресе, а затем закончил местный исламский университет хафизом. Мулла 3 говорит, что он “не полный *кори*”, т.е. не знает весь Коран наизусть. Однако в последние годы советской власти и уже после распада Союза он посещал занятия в душанбинском медресе.

Для каждого муллы особенное значение имеют семейная история и преемственность религиозных практик и знания. Мулла 1, специализирующийся на экзорцизме, считает, что его сила и бесстрашие перед джиннами обусловлены династической преемственностью практики изгнания:

А мы читаем, и нам Аллах поможет лечить и джинны пугаются нас. Не могут они нам вредить. Еще дедушки, прадедушки были любимцами Аллаха, они аулия (благонравные мусульмане, праведники. — Д.О.), приближенные к Аллаху. Они даже с самыми старшими джиннами разговаривали. У нас дедушка с одним джинном разговаривал и сказал ему: не будешь семь моих поколений трогать, и всем своим родственникам скажи: не трогай семь моих поколений (Там же: мулла 1).

Мулла 4 нигде не учился, и свои знания возводит к семейному наследию:

Я нигде не учился. У нас это от рода идет. У меня были прадедушки-муллы, потом дедушка, потом отец, потом я. Отец в нашей деревне в СССР 60 лет имамом был. И мы все его воспитание приняли (Там же: мулла 4).

Муллы, заставшие 1980-е годы уже взрослыми людьми, соблюдали предписания ислама и в советское время. Тот же мулла 4, например, вспоминает, как стал “гарнизонным имамом” в период службы в Подмоскowie в последний год существования СССР.

Ключевое отличие религиозных биографий мулл от религиозных биографий остальных мусульман, с которыми я общался, заключается не столько в семейственной преемственности или образовании, полученном в медресе, сколько в рано сформированной нацеленности на благонравие и постижение религиозного знания. Они выросли в религиозных семьях и изначально, несмотря даже на годы государственного атеизма, соблюдали предписания, были дисциплинированы и в любой ситуации, будь то армия или миграция, не отходили от нормативного мусульманского образа жизни. В их биографиях нет таких поворотных моментов обращения к исламу, как во многих жизненных историях других мусульман. Орывки из интервью с иркутскими мусульманами, не считающимися муллами, я привожу ниже:

Я пришел к исламу во взрослом возрасте. Активно занимаюсь последние два-три года. Я в свое время пил, гулял, в сауне-бассейне валялся, свою молодость так провел. А сейчас готовлюсь свои грехи смыть. Чтобы мне уйти на тот свет хотя бы 50 на 50 (Там же: таджик, 1970 г.р., бизнесмен, активный член иркутской мусульманской общины, в Иркутске с 1999 г.).

Сейчас мне гораздо легче, гораздо приятнее, совесть чиста. Раньше я мог выпить, глаза могли разбежаться в другую сторону, подраться, отомстить. Дурные мысли от водки, так как мы, киргизы, не умеем пить. В генах нет. И себя хуже последнего чувствуешь, если не умеешь всего этого. И в семье ругань. А самое главное — на глупые вещи можно идти, юбку не пропустить <...> Сейчас совесть заедает. Оказывается, это такая хорошая вещь в жизни. Сейчас просто времени не хватает на дурные вещи. Работа, семью кормить надо. В мечети молишься — с потолка же не упадет, — надо зарабатывать. Работа, молитва, семья — просто нету времени на дурные вещи. Это хорошо. Сейчас я здраво об этом мыслю, и гораздо приятнее, а раньше — пускай Всевышний простит (Там же: киргиз, родился в 1970-е годы, строитель, активный член иркутской мусульманской общины, в Иркутске живет 20 лет).

Лояльность среднеазиатских мулл по отношению к имаму

При иркутской мечети создан городской мусульманских совет, в который входят представители всех крупных исламских этнических общин города. Совет состоит из 10 человек. Там есть представители киргизов, таджиков, узбеков, чеченцев, ингушей, азербайджанцев и дагестанцев. Совет собирается примерно один раз в два-три месяца.

История мусульманской общины Иркутска мало чем отличается от историй многих других городских общин России. Примечательно только то, что мечеть не закрывалась в советское время. По воспоминаниям имама Фарита, в 1990-е годы в мечеть ходили в основном татары, многие из них были уже пожилыми, и женщин среди прихожан было больше, чем мужчин. Сейчас татары практически не ходят в мечеть, и большую часть прихожан составляют выходцы из Средней Азии.

Каждой крупной мусульманской этнической общине города принадлежит определенное место в ритуальной жизни мечети. Небольшой кирпичный одноэтажный дом на территории мечети занимают вайнахские *зикристы*. С 2004 г. чеченцы и ингуши регулярно проводят там *зикр кадирийского тариката*². В подвале мечети время от времени собираются шииты, представленные азербайджанцами. У азербайджанцев нет своего имама, и на Ашуру 2019 г. они пригласили шиитского имама из Центральной России. При мечети нет регулярных занятий ни для детей, ни для взрослых.

Правила чтения Корана преподают знающие таджики-хафизы в основном зале мечети.

Отдельных курсов с отдельным классом и определенными уроками у нас на данный момент нет. У нас есть ребята, которые просто в мечети сидят, и в основном эти ребята — таджики. Они сидят в мечети, приходят на вечерний намаз. И те, которые желают обучиться Корану, подходят к ним, и они их обучают. И ребята знают, что они являются хафизами, которые Коран знают. И вот они к ним отправляют своих детей, чтобы они их обучили (ПМА 2019: имам, присланный в Иркутск муфтием Дагестана).

Вышеупомянутый дагестанский имам проводит короткие лекции по Корану и хадисам для взрослых прихожан мечети до *азана* (призыв к молитве) на джума-намаз. Иногда он собирает интересующихся религией молодых дагестанцев в подсобном здании на территории мечети. Такие встречи также не носят регулярного характера.

Часто намаз, в том числе и джума-намаз, проводят так наз. помощники имама Фарита. В основном это таджикские муллы, многие из которых отличаются красивым голосом и правильным таджидом. Обычно имам Фарит проводит проповедь на арабском, татарском и русском языках — так же проходит джума-намаз и в московских мечетях. Если имам отсутствует, проповедь на арабском может произнести один из таджикских или кыргызских мулл, а на русском — один из татарских помощников имама. Тогда по-татарски никто не читает. По рассказам постоянных прихожан мечети, Фарит начал читать по-арабски пять лет назад, а до этого он просил сделать это кого-нибудь из таджикских хафизов. В молельном зале в Жилкино, открытом в 2009 г., первый год мулла 2 проводил проповедь на двух языках — арабском и таджикском. Он тогда еще плохо знал русский. Большую часть прихожан также составляли таджики. Однако сейчас он уже произносит проповедь на арабском и русском языках. Как он вспоминает, его попросили читать по-русски, а не по-таджикски прихожане.

Как рассказывают иркутские таджики, их муллы помогали первое время имаму Фариту, учили его правильно совершать намаз, читать Коран. Один из мулл даже называет себя устазом имама. Одна из причин, по которой имам часто просит таджикских хафизов провести вместо него намаз, заключается в особенностях голоса Фарита:

Он (имам — Д.О.) очень правильно читает Коран. Просто у него голос, понимаете. Некоторое время очень трудно — сзади стоишь и мучаешься, когда хазрат читает. У него что-то с горлом. Если сзади будет кто-то хорошо читающий, кори, он им отдает, чтобы красиво почитали (Там же: мулла 4).

В конце 2008 г. в иркутской мечети произошел достаточно громкий скандал, о котором даже написала местная газета “Восточно-Сибирская правда”. Недовольство религиозной подготовкой имама Фарита публично во время намаза выразил постоянный прихожанин мечети, ингуш по происхождению. Несмотря на то что имама хотела сместить часть прихожан, он остался на своей позиции и учредил на следующий год совет мечети, состоящий из лояльных ему представителей мусульманских этнических общин. Я не обсуждал этот инцидент с имамом, однако некоторые прихожане, с которыми я говорил, вспоминали о произошедшем в 2008 г. Воспоминания о событиях 2008 г. актуализировались после скандала в мечети, случившемся недавно — в 2019 г., когда дагестанец, как говорят очевидцы, одержимый джином, во время джума-намаза выгнал имама из мечети на улицу. Интересно, что в конце концов джинна из дагестанца успешно изгнал местный таджикский мулла-экзорцист. Несмотря на протест части прихожан, большая часть активистов мусульманской общины Иркутска поддержала Фарита

в 2008 г. Его поддержали в т.ч. и выходцы из Средней Азии, имевшие вес в мусульманской общине города.

Мне пришлось вступать за его сторону рядом с Фаритом, поскольку я видел, чувствовал, что человек по полной программе прав. Когда чеченец задавал ему вопрос, он не успевал отвечать, и ингуш давил на него вторым, третьим, четвертым вопросом. И он опять поворачивается что-то сказать, и оттуда еще вопрос. То есть его ввели в заблуждение, с наездом, с реакциями, страхом. Я встал и сказал: подождите, стоять, так не пойдет, давайте по-другому: он будет имамом, а кого не устраивает, пусть не приходит в эту мечеть. Пусть читает дома. Я говорю: сейчас такой фигней занимаетесь. Зайдут менты, ФСБ — пострадает кто? Средняя Азия. А вы — граждане России — с вами ничего не будет. И так и получилось. За два-три дня, когда конфликт шел в мечети, 350 граждан Средней Азии депортированы. Нормально? (Там же: таджик, 1970 г.р., бизнесмен, активный член иркутской мусульманской общины, в Иркутске с 1999 г.)

Безусловно, имам окружил себя лояльными, в некоторой степени зависящими от него представителями различных этнических общин города, в том числе и лояльными среднеазиатскими муллами, среди которых — и герои данного исследования. Фарит назначил муллу 2 имамом в молебельный зал в Жилкино, он дает возможность мулле 1 проводить изгнания джиннов в подвале мечети или подсобном помещении, разрешил вайнахским *зикристам* собираться в отдельно стоящем домике на территории мечети. В месяц Рамадан *хатм* (прочтение Корана целиком) регулярно проводят таджикские и кыргызские хафизы. На Рамадан 2019 г. *хатм* читали два хафиза — один таджикский, другой кыргызский (мулла 5):

- А зачем вы разделили с таджиком? Ты мог бы и сам все прочесть.
- Нет, я так не думаю.
- Это сложно — полтора часа читать³, получается?
- Несложно, но есть многонациональные, и от них тоже надо читать, и от нас тоже читать надо, чтобы разногласий не было (Там же: мулла 5).

Фарит не вмешивается в практики кыргызских и таджикских мулл. Эти муллы, в свою очередь, являются посредниками между администрацией мечети и своими земляками, составляющими две крупнейшие мусульманские общины города. Имам сумел установить довольно стабильные отношения с муллами, основанные на взаимной лояльности. Такие отношения контрастируют с тем, что я наблюдал, например, в московских мечетях, где в большинстве своем татарские имамы и татарская администрация мечети с недоверием относятся к среднеазиатским “неофициальным” муллам.

Авторитет, ответственность перед единоверцами и долг перед Богом

Авторитет среднеазиатских мулл в глазах их непосредственного мусульманского окружения основывается на личном опыте взаимодействия с этими муллами. Постоянные прихожане мечети зачастую не одно десятилетие знакомы с этими религиозными экспертами, они стоят за кем-то из них на намазе, обращаются к ним с различными просьбами и вопросами. Муллы проводят *никах*, читают Коран местным мусульманам в случае болезни или другой кризисной ситуации, навещают пациентов в больницах. Авторитет мулл не ограничен их этнической группой. Так, некоторые исследователи (напр., *Laruelle, Hohmann* 2020) отмечали особенную позицию, которую сейчас занимают таджикские религиозные авторитеты в мусульманской среде российских городов. Не раз я слышал от прихожан, что у “таджиков через одного мулла”. Один из чеченских старейшин Иркутска объяснял мне, что у “таджиков тонкие губы и тонкий язык”, поэтому им удастся правильно и красиво читать Коран. Действительно, в Иркутске большую часть прихожан городской мечети

и молельного зала в Жилкино составляют таджики, среди таджиков также больше хафизов, чем среди других этнических общин города. Муллы часто помогают в организации транспортировки тел умерших мусульман в Среднюю Азию, устраивают сбор денег через *WhatsApp*, лично просят прихожан сдавать деньги после намаза.

Муллу 4 так объясняет, на чем основывается его авторитет среди местных мусульман:

Почему меня имамом поставили? Имам должен уметь читать Коран — это в первую очередь. Второе — у него таджвид должен быть. И он должен показывать свое хорошее рождение, воспитание другим людям. Есть люди, которые себя считают алимом (высокообразованный, знающий мусульманин. — *Д.О.*), все его знают, но у него семья или воспитание не такие. И вот люди его не уважают. А я в 2005 г. на улицу выхожу — я любому человеку могу что-нибудь сказать, приказать или попросить. Сказать, что что-то плохо делаете. Подхожу, объясню. Они понимают и потом извинения просят либо алкоголь не пьет, а некоторые — между ними сразу начинается драка. Я такого не позволю. И своя семья: мы должны быть зеркалом другим людям. Имам должен быть зеркалом другим людям. В зеркало смотрят. Поэтому, может быть, кроме меня есть люди, умеющие хадис, Коран, арабский, грамматика, есть такие люди, но они не хотят идти в имамы. Это тяжелая работа. Надо жертвовать свое время, свое здоровье, свою жизнь. Например, в три часа ночи мне звонят: у меня ребенок заболел — почитай. И я пойду туда, я не могу остаться спать и сказать: я отдыхаю, и отключить. У меня такой характер, и, наверное, поэтому меня люди поддерживают. Например, у меня деньги в кармане есть — 500, 1000 рублей, и если бывают некоторые плохие ситуации, я могу отдать эти деньги. У меня ничего не останется, но я отдам. Характер у меня такой. Поэтому, наверное, меня много людей поддерживает и не хотят заменить (ПМА 2019: мулла 4).

Основная идея этого муллы заключается в том, что недостаточно хорошего таджвида, знания Корана и арабского языка для того, чтобы быть муллой и завоевать авторитет мусульманского окружения. Авторитет формируется при наличии у муллы определенных личностных черт: равнодушие как к чужой беде, так и к чужой ошибке, *чувство ответственности за мусульман*, находящихся в непосредственном окружении, религиозный и семейный бэкграунд, честность и щедрость.

Если мулла может помочь или разъяснить религиозные нюансы, он обязан это сделать. Мулла является наставником, он транслирует догмы ислама и помогает мусульманам выстроить религиозную повседневность:

— Человек меня домой призывает, смотришь — уже семь часов, надо молиться. Говоришь — буду молиться, омовение делать, и в ванну уходишь. У некоторых нет коврика для намаза. Начинаешь переживать и скажешь: вы же мусульмане, 100 рублей же стоит коврик.

— Дело же не в деньгах. А они что говорят?

— Они начинают: “Нет-нет, конечно, мы купим”. Потом начинаю “Нет Бога, кроме Аллаха”. Я говорю — давай делай. Например, пять столпов ислама — шахада, намаз, пост, закят, хадж. Вы выполняете один столп. Если так телефон держу (держит пятью пальцами, как пиалу. — *Д.О.*), то он держится. А если так буду держать, он упадет (убирает два пальца. — *Д.О.*) и сломается. Ислам сломали уже. Если небогатые, три столпа — шахада, намаз, пост, если богатые — пять. Вот так объясняю им — люди понимают (Там же).

Каждый мулла описывает свои религиозные социальные практики как вынужденные, как определенное бремя, долг перед Богом и людьми. Никто из них не оценивает финансовую составляющую своей религиозной деятельности как существенную. Одна из главных трудностей, сопровождающих авторитетность и локальную известность муллы, заключается в том, что многие из них тяготятся ответственностью перед спрашивающими у них совета. Они боятся совершить

ошибку, неправильно посоветовать. Муллы не расценивают просьбу имама Фарита провести намаз или прочитать проповедь как привилегию (в первую очередь по причине страха совершить ошибку и дискомфорта от довлеющей ответственности):

- Если ты совершаешь ошибки, то в Судный день ты будешь отвечать за ошибки, которые совершил. Бог говорит — ты почему был не уверен, когда читал, или тахарат (омовение. — *Д.О.*) у тебя был не полностью, в суре ошибку совершил. Почему ты со мной с ошибкой разговаривал. И меня уважают, мне доверяют. Может быть, я не замечаю, делаю ошибку. Если сзади есть сильный кори, то он приходит потом говорит, что здесь надо исправить.
- Вы не делаете ошибок?
- Стараюсь не делать. Поэтому нам многие люди доверяют. И уважают. И хазрат знает, кого надо поставить почитать (ПМА 2019: мулла 1).

Мулла 5, молодой кыргызский мулла, который недавно приехал в Иркутск (следует сразу отметить, он является одним из самых образованных местных мулл), старается как раз избегать чтения другим людям Корана, проведения обрядов и преподавания. С одной стороны, он хочет соблюсти субординацию по отношению к другим муллам. И, если его просят изгнать джинна, он дает телефон известного в городе таджикского экзорциста, если его просят научить тадживуду, он отсылает к местному таджикскому хафизу, преподающему основы ислама и правила чтения Корана:

- Ты думал преподавать Коран здесь?
- Меня постоянно об этом просят люди: давай мы у тебя поучимся тадживуду.
- Кто просит?
- Те люди, которые на намаз приходят. Я всем отказал, потому что здесь есть А. Он уроки дает. Ему дозволено.
- Фарит разрешил?
- Да. Он дает. Нельзя же от кого попало учиться, да? Те, кому Фарит-хазрат дал разрешение — от тех надо читать. Фарит-хазрат ему, наверное, разрешил, и он читает. Люди его почитают, и если я скажу “да” и они ко мне приходят, то это нехорошо. Как будто я отобрал их учеников. Я уважаю его. Люди чтобы не сказали, что я отобрал его ученика. Чтобы не было разногласий, я сразу скажу “нет”. Лучше читать от этого человека (Там же: мулла 5).

Молодого муллу часто просят провести намаз. Он же, в свою очередь, иногда даже старается прийти на намаз позже и встать за всеми, чтобы его не трогали и соответственно не возлагали на него такую ответственность. Отказ муллы связан в первую очередь с желанием соблюсти субординацию. После приезда в Иркутск мулла 5 познакомился со всеми ключевыми акторами местного мусульманского пространства, в том числе и с кыргызским имамом, который старше его, намного дольше живет в Иркутске и пользуется благосклонностью имама Фарита и уважением земляков.

- Я сам эти вещи не люблю (читать кому-нибудь Коран с целью его/ее исцеления или успокоения. — *Д.О.*), но некоторые слишком близкие знакомые — им отказать — это слишком. Не хочу вмешиваться. Мне еще не дозволено, потому что здесь свой имам. Я читаю — это дойдет до него. Нехорошо становится.
- Конкуренция?
- Конкуренция, да. Не хочу.
- А когда тебе будет дозволено? Ты говоришь “пока не дозволено”.
- Если сам имам позволит. Скажет: у меня времени нет — почитай (Там же).

Наиболее энергетически затратной, сложной и опасной практикой является экзорцизм (*Oparin* 2020). Изгнанием джинов среди мулл занимаются единицы. Один информант, постоянный прихожанин мечети, говорил мне, что раньше

мулла-экзорцист был крепким и энергичным человеком, однако “его много просят читать, и сейчас он такой дохлый ходит”. Мусульмане, с которыми я общался, уверены в пагубной силе джиннов. Считается, что бороться с одержимостью может только сильный, уверенный в себе, не боящийся джиннов, благонравный мусульманин, получивший *иджазу* (разрешение) от своего устаза:

— Вас просят джиннов изгнать?

— О таком меня попросили. Когда я уже женился, но я отцу сказал, что надо читать, чтобы хороший мулла был, чтобы джинна прогнать. Отец сказал: “Сынок, это тебе не надо. Ты другой, очень хороший, но другой”. Он очень хороший был. У нас староста заболел джинном. Очень сильно заболел. Сказал отец: “Когда ты сильный, джинн не действует, когда слабый — действует. Поэтому, сынок, если ты мое слово будешь слушать, не надо джиннов читать. Ты читай свои молитвы, делай добрые дела”. И я отказал этому. А мне ведь тоже интересно. Есть же такие, которые читают, и нормально. Но когда-нибудь можно заболеть. Или сам не болеешь — сын, дочь могут заболеть. Поэтому я не хочу. Приходят люди, умоляют: почитайте, пожалуйста. Были такие случаи, когда не могли ходить, пришли — я почитал, потом сам немножко заболел, а они стали нормально. Просто мне очень трудно было. Бессонница (ПМА 2019: мулла 4).

Джинны отличаются мстительностью. И главный объект их ненависти и мести — сильный и бесстрашный мулла, не дающий им завладеть человеком. Мулла-экзорцист, с которым я говорил в Иркутске, вполне осознает коварство джиннов, однако не может не читать:

— Вы думаете, что прекратите в какой-то момент читать?

— Если чувствуешь — молодой, есть сила. Если чувствуешь — стареешь, сила уходит, голос хорошо не идет, ноги болят. Чем раньше остановишься, тем тебе лучше будет. Все равно джинны потихонечку вредят тебе. Сильные джинны нападают на тебя. Поэтому когда начинаешь много читать, когда много людей знают об этом, джинны потихонечку будут узнавать, и постепенно это дойдет до старших джиннов, и они скажут: это кто такой начал джиннов изгонять? Говорят: собирайтесь! Допустим, в государстве есть ФСБ, КГБ. У джиннов тоже есть ФСБ и КГБ, и с ними поговорят, что от этого человека надо как-нибудь избавиться. Их главный шайтан — это первый враг человечества. Это Иблис, хоть он и мусульманин верующий, для всех он враг. И эти джинны говорят своим помощникам: надо собраться против этого человека, который изгоняет джиннов, он все знает, надо его остановить. Потом они будут год, два года, десять лет, двадцать лет будут искать тебя, потом найдут и будут вредить или сразу задушат <...> Мы это должны делать не ради денег и похвалы, а ради Всевышнего Аллаха. Помочь людям [вылечиться] от джиннов.

— Вы хафиз, ваш брат тоже хафиз, но он не изгоняет джиннов. В чем разница между вами, почему Вы это делаете, а он не делает?

— Он тоже читает. Он в себе не уверен. Он чуть-чуть боится, он говорит: они будут вредить мне! Поэтому он не хочет сильно изгонять джиннов.

— А Вы не боитесь?

— Мы боимся Аллаха. Иногда думаешь, что сильные джинны навредят — надо постараться не сильно [из-за этого переживать] (Там же: мулла 1).

В течение двух лет я исследовал одержимость и экзорцизм в мусульманской среде в Москве. Тогда я близко познакомился с одним таджикским муллою. Однажды я спросил его, в чем причина его востребованности в сфере мусульманского целительства. Он ответил, что обладает талантом. Тогда я заметил, что Коран могут читать многие. Мулла же пояснил, что его талант заключается не в красивом и правильном чтении коранических текстов, а в смелости при контакте с джиннами. Отсутствие страха и уверенность в себе оказываются необходимыми условиями успеха экзорцистских практик мулл. Экзорцизм всегда является испытанием для муллы. Целительские

практики требуют от религиозного эксперта ритуальной дисциплинированности и набожности, которая проявляется в т.ч. в дополнительных ночных намазах, частом держании поста (не только в Рамадан), исполнении тихого *зикра*. Ошибка, слабость, проступок, позволение себе недозволенного могут привести к пагубным последствиям — к успешному отмщению со стороны джиннов. Однако если мулла получил *иджазу* от устаза, достиг совершенства в экзорцистских практиках, он не может взять и перестать помогать людям:

— Если Вы этого не будете делать?

— Если я не буду это делать? Аллах дал мне возможность лечить. Если к тебе кто-то пришел, плачет, говорит: не могу уже, умираю, мне плохо. Спасти человека ради Аллаха надо? Надо. Почитать ему, а то он умрет. Джинны задушат, убьют его, поэтому ради Аллаха надо читать, вылечить его (Там же).

* * *

Для того чтобы провести границу между ключевыми религиозными акторами локального мусульманского пространства, информанты и исследователи (*Yarlykapov* 2020; *Абашин* 2011: 264) иногда используют такие характеристики, как *официальный* и *неофициальный*. Эта дихотомия не отсылает к советскому разделению на “настоящий” ислам (*официальный*) и “народный”, “гибридный” (*неофициальный*) (*DeWeese* 2002). Скорее синонимами *официального/неофициального* в данном случае служат понятия *институционализированный/неинституционализированный*. К *официальным* (*институционализированным*) акторам относят назначенных или выбранных советом имамов мечетей, тогда как к *неофициальным* (*неинституционализированным*) — мулл, проводящих обряды, консультирующих верующих, однако не обладающих какой-либо официально закрепленной позицией в местной религиозной иерархии.

С одной стороны, разделение на *официальных* и *неофициальных* мулл удобно при описании картины мусульманского пространства того или иного города, с другой стороны, оно оказывается слишком формализованным и не учитывает сложность религиозной конфигурации в том или ином городе или селе. Например, таджикский мулла, проводящий намазы в молельном зале на овощной базе, именуется всеми имамом и инкорпорирован в “официальную” систему. Однако его независимость ограничена (он назначен имамом Фаритом), и он не получает какого-либо фиксированного жалования. Кыргызского муллу также называют имамом, потому что он числится помощником по религиозным делам председателя Иркутской кыргызской диаспоры и входит в совет при мечети.

В данном исследовании я попытался переосмыслить это схематичное разграничение и продемонстрировать зыбкость границы между *официальным* и *неофициальным* на примере конфигурации в мусульманской среде Иркутска. Отношения между известными среднеазиатскими муллами Иркутска и имамом Фаритом основаны на взаимном уважении. Некоторые из них входят в мусульманский совет при мечети, решают вместе с имамом насущные вопросы. Имам позволяет им совершать обряды в мечети (изгнание джиннов, *никах*, *рукья*), преподавать детям таджвид, часто просит их провести намаз. Одного из таджикских хафизов имам Фарит назначил имамом отдаленного от центра молельного зала на овощной базе. Муллы, в свою очередь, проявляют лояльность по отношению к имаму, уважительно отзываясь о нем и в случае очередного конфликта будут готовы его поддержать.

Однако взаимные лояльность и уважение являются основой определенной независимости среднеазиатских мулл. Формальная поддержка со стороны имама мечети дает им свободу действия и в глазах общины легитимизирует их практики. Муллы — религиозные авторитеты для своих земляков, именно к ним обращаются

многие иркутские таджики и кыргызы в случае сомнения или кризиса. Они самостоятельно выстраивают свои отношения с единоверцами, отчасти формируют их религиозную повседневность и оказывают влияние на их религиозное становление. В то же время в локальной мусульманской среде сохраняется субординация, создается своя гибкая и нестрогая, но ситуативно актуализируемая и поддерживаемая разными акторами мусульманского пространства иерархия, основанная на взаимном уважении.

Закон же есть. Пророк сказал: если среди вас амир (здесь — предводитель. — *Д.О.*), знаешь? Глава. Если назначить главой черного раба, слушайте его. И если у вас главарь будет черный раб, его надо слушать. Кто его слушает, Пророка слушает. Пророка слушает — Аллаха слушает. В Иркутске мы поставили хазрата. Назначили. И все должны слушать его (ПМА 2019: мулла 4).

В этой скорее интуитивной, чем оформленной иерархической системе фигурируют имам, приближенные к имаму муллы, невстроенные в систему муллы, просто знающие мусульмане, религиозные авторитеты со своей специализацией. Все они занимают свои ниши в локальном мусульманском пространстве. Например, молодой кыргызский мулла учитывает особенное положение в иерархии местной мусульманской среды не только имама Фарита, но и более старшего, дольше здесь живущего, обладающего более внушительным социальным капиталом кыргызского имама, таджикского хафиза, преподающего таджид детям, а также таджикского муллы-экзорциста, отличающегося от других религиозных экспертов и авторитетов своими знаниями, умением и уникальными личностными качествами.

Крупнейшим городом агломерации (после административного центра) является Ангарск, располагающийся в 40 километрах от Иркутска. Сейчас там только строится мечеть. Иمامом назначен племянник иркутского имама Фарита Ринат. Однако ключевую роль как в ритуальной повседневности (в т.ч. и в ходе джума-намазов), так и в целом в жизни местной городской мусульманской общины играют таджикские муллы. Как сказал один ангарский мусульманин, “Ринат по документам, а читает другой наш человек — таджик”. Подобные суждения могут себе позволить “обычные” мусульмане, муллы же демонстрируют акцентированное уважение к имамам мечетей. Фарит и Ринат в определенной степени являются гарантами стабильности религиозного авторитета среднеазиатских мулл, они обеспечивают устойчивость гетерогенной, сформировавшейся в ходе масштабной миграции системы, отличительными характеристиками которой являются взаимная лояльность, поддерживаемая субординация и определенная взаимозависимость.

Последняя часть статьи посвящена рефлексии среднеазиатских мулл, их сложному отношению к своей позиции в общине. В разговорах с каждым из них прослеживается следующее: они не воспринимают свой авторитет как привилегию, скорее они расценивают свои умения и знания как своего рода бремя, чрезмерную ответственность. Следует еще раз повторить, что их религиозные общественные практики не становятся для них каким-то существенным источником благосостояния — все они зарабатывают как строители, таксисты, торговцы, прорабы. Муллы вынуждены оказывать посильную помощь местным мусульманам. Они воспринимают свою активность в религиозной сфере скорее как долг перед единоверцами и обязанность перед Богом, как обещание награды в ином мире. Те предпочтения, которые они получают за свою деятельность, носят не материальный, а социальный и эмоциональный характер. Авторитет, которым муллы пользуются у местных мусульман, определяет их социальную и даже профессиональную повседневность. Известное всем благонравие этих мулл и осуществляемые ими религиозные общественные практики обеспечивают им выгодную позицию в численно ограниченной мигрантской мусульманской среде города. Таким образом, религиозная активность

и полученный благодаря ей социальный капитал становятся одной из стратегий интеграции мигрантов-мусульман в российский городе.

Благодарности

Статья подготовлена по результатам проекта “Кросскультурные взаимодействия: мусульмане в России” при поддержке фонда “Гуманитарные исследования” ФГН НИУ “Высшая школа экономики” в 2021 г.

Примечания

¹ В целях сохранения анонимности своих информантов я не указываю их имена, также я не считаю нужным в данном случае использовать в статье псевдонимы.

² *Зикр* — это ритуальное поминание Аллаха. Слово *тарикат*, образованное от арабского слова “путь”, поначалу означало метод совершенствования суфия-ученика под руководством его наставника, а затем — сами братства или их отделения, основанные на личных связях учеников и учителей (*Мацузато, Ибрагимов* 2006: 10). *Кадириййа* — один из самых распространенных на Северном Кавказе *тарикатов*.

³ Каждый вечер в течение Рамадана муллы по полтора часа читали Коран.

Источники и материалы

ПМА 2019 — Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Иркутск, 2019 г.

Научная литература

- Абашии С.Н.* Практическая логика ислама // Антропология социальных перемен / Отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 256–281.
- Григоричев К.В.* “Таджики”, “нерусские”, “гастарбайтеры” и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 14–31.
- Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е.* Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019.
- Мацузато К., Ибрагимов М.Р.* Тарикат, этничность и политика в Дагестане // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 10–23.
- Опарин Д.А.* Современное мусульманское пространство Москвы: северокавказский зикр и среднеазиатские религиозные практики // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 115–130.
- Billaud J.* Snapshots of British Islam: Exploring Self, Identity, and the Good Ethical Life in the Global Megalopolis // Journal of Contemporary Ethnography. 2016. Vol. 45 (5). P. 503–528. <https://doi.org/10.1177/0891241615578904>
- Cieslewska A., Blajet Z.* The Spiritual Industry of Central Asian Migrants in Moscow // Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2020. 12 (1). P. 106–126. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-106-126>
- DeWeese D.* Islam and the Legacy of Sovietology: A Review Essay on Yaacov Ro’i’s Islam in the Soviet Union // Journal of Islamic Studies. 2002. Vol. 13 (3). P. 298–330.
- Laruelle M., Hohmann S.* Polar Islam: Muslim Communities in Russia’s Arctic Cities // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67 (4–5). P. 327–337. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565>
- Oparin D.* Possession and Exorcism in the Muslim Migrant Context // Ethnicities. 2020. Vol. 20 (4). P. 731–751. <https://doi.org/10.1177/1468796820904202>
- Peter F.* Individualization and Religious Authority in Western European Islam // Islam and Christian-Muslim Relations. 2006. Vol. 17 (1). P. 105–118. <https://doi.org/10.1080/09596410500400165>
- Schielke S.* Being a Nonbeliever in a Time of Islamic Revival: Trajectories of Doubt and Certainty in Contemporary Egypt // International Journal of Middle East Studies. 2012. Vol. 44 (2). P. 301–302. <https://doi.org/10.1017/S0020743812000062>

- Sunier T.* Moral Failure, Everyday Religion, and Islamic Authorization // *Straying from the Straight Paths: How Senses of Failure Invigorate Lived Religion* / Eds. D. Beekers, D. Kloos. N.Y.: Berghahn, 2018. P. 107–123.
- Turaeva R.* Imagined Mosque Communities in Russia: Central Asian Migrants in Moscow // *Asian Ethnicity*. 2019. Vol. 20 (2). P. 131–147. <https://doi.org/10.1080/14631369.2018.1525529>
- Turaeva R.* Muslim Orders in Russia: Trade Networks and Hijama Healing // *Nationalities Papers*. 2020. Vol. 48 (4). P. 661–674. <https://doi.org/10.1017/nps.2019.90>
- Venhorst C., Quartier Th., Nissen P., Venbrux E.* Islamic Ritual Experts in a Migration Context: Motivation and Authority in the Ritual Cleansing of the Deceased // *Morality*. 2013. Vol. 18 (3). P. 235–250. <https://doi.org/10.1080/13576275.2013.819321>
- Yarlykapov A.* Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67 (4–5). <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1631181>

Research Article

Oparin, D.A. Duty and Loyalty of the Central Asian Mullahs in Migration [Dolg i loial'nost' sred-neaziatskikh mull v migratsii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 3, pp. 149–167. <https://doi.org/10.31857/S086954150015500-0> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitriy Oparin | <http://orcid.org/0000-0002-1895-5564> | dimaoparin@hotmail.com | HSE University (4–2 Slavianskaia sq., Moscow, 109074, Russia)

Keywords

Central Asia, migration, Islam, religious authority, mullah, exorcism, loyalty, religious duty

Abstract

The article examines the social topography and configuration of the Muslim space of a Russian city. It focuses on the position, religious practices, and worldviews of Central Asian mullahs who participate actively in the religious life of local communities, conduct various rituals, and provide counsel or guidance to fellow believers. These figures are individuals that migrated from Central Asia, call themselves mullahs, possess significant social capital, and in fact play a considerable part in shaping the everyday religious experience of their fellow believers, often their countrymen, as well as in establishing and maintaining the local Muslim space, even though they are not legally appointed muftis, nor do they hold official positions at a city mosque. I attempt to explore what kinds of relationships and rapports these mullahs build with or vis-à-vis local imams, their countrymen, and the Muslim milieu in general. I pay particular attention both to the religious experience and the experience of migration in biographical stories of my informants, trying to understand their reflexivity, striving for self-improvement, and the way they comprehend their duty toward the God and other believers.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 18-18-00293]

References

- Abashin, S.N. 2011. Prakticheskaia logika islama [Practical Logic of Islam]. In *Antropologiya sotsial'nykh peremen* [Anthropology of Social Change], edited by E. Guchinova and G. Komarova, 256–281. Moscow: ROSSPEN.
- Billaud, J. 2016. Snapshots of British Islam: Exploring Self, Identity, and the Good Ethical Life in the Global Megalopolis. *Journal of Contemporary Ethnography* 45 (5): 503–528. <https://doi.org/10.1177/0891241615578904>

- Cieslewska, A., and Z. Blajet. 2020. The Spiritual Industry of Central Asian Migrants in Moscow. *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 12 (1): 106–126. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-106-126>
- DeWeese, D. 2002. Islam and the Legacy of Sovietology: A Review Essay on Yaacov Ro'i's Islam in the Soviet Union. *Journal of Islamic Studies* 13 (3): 298–330.
- Grigoriev, K.V. 2012. “Tadzhiki”, “nerusskie”, “gastarbaitery” i drugie: inostrannye trudovye migranty v prigorodakh Irkutsk [“Tajiks”, “Non-Russians”, “Gastarbeitern” and Others: Foreign Labour Migrants of the Irkutsk Suburbs]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 14–31.
- Grigoriev, K.V., V.I. Diatlov, D.O. Timoshkin, and D.E. Briazgina. 2019. *Bazar i gorod: liudi, prostranstva, obrazy* [Bazar and the City: People, Spaces, Images]. Irkutsk: Ottisk.
- Laruelle, M., and S. Hohmann. 2020. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities. *Problems of Post-Communism* 67 (4–5): 327–337. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565>
- Matsuzato, K., and M.R. Ibragimov. 2006. Tarikat, etnichnost' i politika v Dagestane [Tariqa, Ethnicity and Politics in Dagestan]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 10–23.
- Oparin, D. 2020. Possession and Exorcism in the Muslim Migrant Context. *Ethnicities* 20 (4): 731–751. <https://doi.org/10.1177/1468796820904202>
- Oparin, D.A. 2017. Sovremennoe musul'manskoe prostranstvo Moskvy: severokavkazskii zikr i sredneaziatskie religioznye praktiki [Contemporary Muslim Space in Moscow: North-Caucasian Dhikr and Central Asian Religious Practices]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 115–130.
- Peter, F. 2006. Individualization and Religious Authority in Western European Islam. *Islam and Christian-Muslim Relations* 17 (1): 105–118. <https://doi.org/10.1080/09596410500400165>
- Schielle, S. 2012. Being a Nonbeliever in a Time of Islamic Revival: Trajectories of Doubt and Certainty in Contemporary Egypt. *International Journal of Middle East Studies* 44 (2): 301–302. <https://doi.org/10.1017/S0020743812000062>
- Sunier, T. 2018. Moral Failure, Everyday Religion, and Islamic Authorization. In *Straying from the Straight Paths: How Senses of Failure Invigorate Lived Religion*, edited by D. Beekers and D. Kloos, 107–123. New York: Berghahn.
- Turaeva, R. 2019. Imagined Mosque Communities in Russia: Central Asian Migrants in Moscow. *Asian Ethnicity* 20 (2): 131–147. <https://doi.org/10.1080/14631369.2018.1525529>
- Turaeva, R. 2020. Muslim Orders in Russia: Trade Networks and Hijama Healing. *Nationalities Papers* 48 (4): 661–674. <https://doi.org/10.1017/nps.2019.90>
- Venhorst, C., Th. Quartier, P. Nissen, and E. Venbrux. 2013. Islamic Ritual Experts in a Migration Context: Motivation and Authority in the Ritual Cleansing of the Deceased. *Morality* 18 (3): 235–250. <https://doi.org/10.1080/13576275.2013.819321>
- Yarlykapov, A. 2020. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community. *Problems of Post-Communism* 67 (4–5). <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1631181>

ФУТБОЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ТРИУМФ МЯГКОЙ СИЛЫ

Ключевые слова: футбол, игра, состязания, любительский, профессиональный, культура, история, эволюция, мультикультурализм, толерантность

В предлагаемой статье футбол рассматривается в процессе исторического развития как движение культурного обновления, маркер цивилизованности и прогресса. Он выступает не только авангардом спортивного мейнстрима, но и генератором формирования транснациональной культуры. Особое внимание автор уделяет эволюции игрового поведения, влиянию футбола на массовое сознание, роли и значению этничности, мультикультурализма, толерантности на уровнях любительского и профессионального спорта. Несмотря на то что футбольные состязания не устраняют культурных различий, а клубные турниры и движение фанатов зачастую сопряжены с определенными негативными моментами, эта игра способствует культурной эволюции общества, универсализации и гуманизации отношений. Футбол объединяет в одно игровое пространство весь цивилизованный мир: большие и малые социальные группы, народы и культуры.

Значение современного футбола, одного из самых массовых и зрелищных видов спорта, трудно переоценить. Влияя на нормы человеческих отношений, психологию поведения больших и малых групп людей, отдельных индивидов, футбол создает мифы, предрассудки, обостряет и сглаживает конфликты. В условиях актуализации политики идентичности эта самая востребованная и зрелищная игра выступает и ярким маркером проявления культурного взаимодействия в меняющемся мире, и одной из наиболее ранних форм глобализации (*Armstrong, Giulianotti* 1999: 4; *Goldblatt* 2008: 4–8; *Collins* 2018: 11–12; др.)¹. Пересекая географические и культурные границы, футбол не только становится масштабным явлением, вписанным в глобальные и локальные контексты, не только укрепляет связи между различными сообществами и культурами, но и порождает парадоксы и противоречия, способствующие неоднозначной оценке данного феномена.

Смена культурных парадигм

Точная дата возникновения футбола не известна, но можно с уверенностью сказать, что его история насчитывает многие столетия. Повсеместные находки археологов говорят о давнем его происхождении и свидетельствуют о том, что архаичные варианты этой игры были популярны в различных сообществах на всех континентах (*Armstrong, Giulianotti* 1999: 3) — отсюда и относительно быстрое завоевание современным футболом человеческих культур в различных уголках планеты.

Султан Абдуллович Абдулкаримов | <http://orcid.org/0000-0002-7689-9783> | abdsult@bk.ru | к. и. н., независимый исследователь | (Москва, Россия)

Появление организованной игры в 1863 г. в результате преобразования английской народной забавы явилось мощным толчком к трансформации культуры состязаний и началу футбольного движения во всем мире. Представители английской элиты — родоначальники и законодатели новой игры — стали на долгие годы образцом для подражания. Стандартизация английского футбола во многом была обусловлена их желанием преодолеть агрессивность и брутальный дух “развлечения толпы”, облагородить и гуманизировать игру, сделать ее мерилом морали (Валь 2003: 65). Кодекс чести, дух соперничества, беспристрастность, уважение к противникам и арбитрам должны были восприниматься как естественные добродетели состязающихся. Распространение в обществе игры по новым правилам заняло довольно продолжительное время. Уличный народный футбол с драками и потасовками оставался популярным в рабочей среде Туманного Альбиона вплоть до Первой мировой войны. Лишь вследствие трансформации социальной жизни и игрового поведения под влиянием процессов модернизации общества и не в последнюю очередь благодаря насильственным мерам “примитивные формы игры” народных масс постепенно уступили место организованному футболу культурных элит (Трентер 2006: 43–44).

С проникновением в континентальную Европу и европейские колонии английский футбол стал не просто развлечением и критерием культуры игры, а состязанием в силе, ловкости и мастерстве между народами. Этнический фактор стал одним из наиболее значимых в футбольном движении. Любая победа над соперником теперь рассматривалась с позиции национального престижа (Айзенберг 2006: 95–96). Организованный футбол выступил проводником политики идентичности, солидарности локальных и региональных групп, отдельных народов. Полиэтническая среда как ничто другое способствовала распространению новой игры и в самой Британии, и за ее пределами. “Естественные различия” этнических групп, формировавших команды, привнесли в футбол остроту и азарт болельщиков. Символическое соперничество, динамика событий на поле способствовали быстрой безболезненной его интеграции в различные культуры. Футбольные матчи между англичанами и шотландцами, итальянцами и греками, французами и алжирцами, британцами и бенгальцами, как и между другими народами, превратились в события, демонстрирующие проявление культурного и межэтнического взаимодействия.

Удивительным образом совпав по времени с ростом национальных движений в Европе и европейских колониях, футбол выступил наиболее активным транслятором культурного и политического национализма (Айзенберг 2006: 95). Любые спортивные победы подвластных народов рассматривались сквозь призму конкуренции, самоутверждения национальных сил и порой значили для сообщества не меньше, чем победы на полях сражений (Dimeo 2001: 68). Отдельные футбольные команды стали ассоциироваться с определенными этническими группами, как, например, “Хакоах” — с еврейской общиной в Австрии, немецкий “Шальке” — с мигрантами из Польши, “Йолдыз” — с финскими татарами, “Депортиво Арменио” — с армянской общиной Аргентины и т.д.

Несмотря на то что в некоторых обществах организованный футбол первоначально проявлял себя нестандартно (Sarro 1999: 141–152; Nogawa, Maeda 1999: 223–233), порой принимая весьма причудливые формы (дресс-код у мусульман, игры босиком у индусов, состязания с ритуальной окраской у зулусов [History of the India n.d.; Scotch 1961: 70]), в целом он шел по пути универсализации игрового поведения, подавления аффективных состояний, снижения уровня насилия (Elias 1986) и в конечном счете способствовал формированию единой транснациональной культуры.

В мире любительской игры

Будучи изначально любительским по духу, футбол за довольно короткое время приобрел широкую популярность в различных сообществах. Для одних народов (англичан, итальянцев, бразильцев, аргентинцев и др.) он стал продолжением доиндустриальной традиции игры в мяч ногами. Других покорила своей доступностью, динамикой, азартом, захватывающим игровым соперничеством. Удачно сочетающая в себе возможности личностного самовыражения, равноправия и самоорганизации футбольная игра стала олицетворением массового спорта.

На протяжении индустриальной эпохи неоднократно менялись правила и установки игры, но дух любительского футбола остался неизменным. Инициатива и живое общение продолжают сопровождать игру до сегодняшнего дня, создавая позитивную атмосферу на полях и стадионах, меняя негативные стереотипы и предубеждения. Игра помогает адаптироваться к окружению. Неписанные нормы поведения позволяют игрокам строить отношения, позитивно воспринимать друг друга, разделять общие групповые ценности, быть доброжелательными в общении. Логика любительского футбола легко вписывается в политику толерантности городских мультикультурных образований, выступает надежным инструментом сублимации агрессии, поддержания социальной стабильности в подростково-молодежной среде, безболезненной интеграции представителей инокультурных групп в доминирующее окружение. Футбол, если и не нивелирует национальные различия, то, во всяком случае, нейтрализует предрассудки, трения, создает адекватные взаимоотношения. Обладая мощной коммуникативной силой невербальный язык игры понятен и доступен каждому, кто в нее включен прямо или опосредованно (как игрок, зритель, болельщик), независимо от социального и национального происхождения.

Футбол — это не просто спортивное развлечение или физическая разрядка. Совместные состязательные практики оказывают позитивный эффект на сознание людей. Я помню, как в 1970-е годы в г. Омске мальчишки-подростки разных национальностей играли все вместе в дворовый и школьный футбол. Это помогало самоутверждению в коллективе, а приятельские отношения и толерантность к Другим, сформировавшиеся в те времена, сохранялись и во взрослой жизни.

В качестве одного из наиболее ярких примеров влияния футбола на межкультурное взаимодействие сегодня выступает Москва. В условиях сложной динамики социально-психологических отношений различных этнических групп столицы (в особенности в плоскости “местные—приезжие”) игра популярна и востребована как среди местной молодежи и подростков разных национальностей, так и среди молодых гастарбайтеров из Азии. Недавно построенные многочисленные спортивные площадки в спальных районах столицы активно ими осваиваются. Дворовые игры узбеков, киргизов, таджиков — сегодня вполне обыденное явление. Футбольная этнография захватывает своей зрелищностью, разноликим колоритом и темпераментом игроков. Нередко московские подростки, молодежь и отдельные взрослые стихийно принимают участие в играх с приезжими. Мне не раз приходилось наблюдать, а иногда и участвовать в подобных развлечениях. В футбольных баталиях московские подростки и юноши, как и молодые мигранты, приобретают положительный опыт совместного общения, а если и возникают трения между отдельными игроками, они довольно легко разрешаются.

В столице временами появляются различные этнические команды (из представителей московских общин армян, азербайджанцев, татар, осетин, лезгин, калмыков, ногайцев и других культурных групп), создание которых иницируется национально-культурными объединениями в рамках различных спортивных проектов города. Футбольные поля в этом случае выступают местом демонстрации культурной идентичности, а соперничество между командами не выходит за их пределы и, как

правило, сопровождается лозунгами дружбы и солидарности национальных общин столицы. Разноликий колорит московскому футболу придают как футбольные турниры кыргызских гастарбайтеров (напр., “КГ Лига” — любительская лига мигрантов из Кыргызстана, в которую входит более 20 команд) и горных таджиков (Кубок Ага-хана), так и дворовые игры китайцев и вьетнамцев. Подобные спортивные мероприятия, как правило, проходят исключительно внутри самих общин, они демонстрируют внутригрупповую солидарность и ориентированы на историческую родину.

Если мигранты, обосновавшиеся в Европе, активно задействованы во всех футбольных лигах, то в России, в частности в Москве, этого пока не происходит, в первую очередь потому, что вопрос укоренения трудовых мигрантов в российском обществе вообще не ставится. Московские любительские клубы и команды приезжих на уровне организованных турниров и чемпионатов не пересекаются. Хотя формально это снижает уровень коммуникации между ними, на деле границы футбола, а вместе с ними и перспективы развития футбольного движения расширяются. В качестве болельщиков большого футбола временами приезжие объединяются с россиянами. Так было во время чемпионата мира 2018 г., когда российские футболисты в плей-офф переиграли испанцев. Успех национальной сборной стал незабываемым событием не только для россиян, но и для многих молодых гастарбайтеров Москвы из числа любителей дворовых баталий, болевших за российскую сборную как за свою².

Долгие годы любительский футбол оставался главным поставщиком талантов для местных профессиональных клубов и национальных сборных. Однако с годами, особенно в последние десятилетия, в Европе в результате централизации он постепенно поглощается системой федераций, что становится вызовом традиционным представлениям любительской игры. Оптимизация футбола и установка на успех максимально усилили рационализацию игры, придали ей коллективный неперсонифицированный характер. Искушенным европейским болельщикам остается только с ностальгией вспоминать времена, когда “уличные” самородки вроде Ференца Пушкаша в Венгрии, Франца Беккенбауэра в Германии, Марко Ван Бастена в Нидерландах или Мишеля Платини во Франции делали игру запоминающейся на долгие годы. Тотальная структуризация футбольных федераций, организация многочисленных лиг, охватывающих все команды и клубы, в том числе детские и ветеранские, с одной стороны, укрепляют футбол, способствуя поддержанию целостности всей его системы, с другой — выхолащивают и нивелируют ценности свободной игры, поскольку теперь это игра на результат, а не для удовольствия. Тем не менее демократичность и прозрачность подобной системы позволяют выявлять наиболее талантливых и сильнейших футболистов, играющих в клубах самого разного уровня. Так, на чемпионате Италии 1985 г. в лидерах оказалась малоизвестная провинциальная команда “Эллас Верона”, а в 2000 г. в финале Кубка Франции второе место заняла любительская команда “Кале”. В Федеративной Республике Германия процессы централизации футбола сегодня идут наиболее активно (*van Bentem* 2004: 11). Именно благодаря этому, деревенскому любительскому клубу “Хоффенхайм” при поддержке меценатов удалось выйти на уровень Бундеслиги и стать чемпионом страны 2008 г. Подобный факт заметно укрепил систему, расширил интерес футбольных агентов и зрительской аудитории к этому клубу и к немецкому футбольному менеджменту в целом как в самой Германии, так и за ее пределами.

Под влиянием глобальных процессов и в России любительский футбол медленно, но верно отдалается от дворовой игры, трансформируясь в систему. На примере Москвы и других российских городов можно наблюдать организацию любительских лиг воочью. Если в прежние годы досуговый футбол главным образом замыкался на дворовой игре преимущественно между подростками, для которых с окончанием школы футбольные ристалища оставались в прошлом, то с появлением любительских лиг в городах России взрослая молодежь продолжает играть, участвуя в различных

местных турнирах и чемпионатах. В Москве очень часто в такие команды объединяются прежде незнакомые, живущие в разных районах молодые люди, которые находят друг друга в сети. Это, с одной стороны, отдаляет футбол от “своей” улицы, “своего” двора, а с другой — организационно и идейно приближает любительский статус команд к профессиональному, придает заметный драйв участникам, дополнительный стимул к самоутверждению и совершенствованию игровых навыков. Проходя через многочисленные соревнования, команды попадают в рейтинги, получают кубки, медали, а наиболее успешные и денежные призы. По сути, соревнования Любительской футбольной лиги, *Urban Cup*, *Amateur League* и др. — это профессиональные состязания любителей, нередко с участием известных мастеров. Кроме Москвы в них участвуют и другие регионы России — от Северного Кавказа до Дальнего Востока. Как правило, уровень игры здесь выше, чем в дворовых турнирах. Футбольная пирамида любительских лиг, с одной стороны, дает возможность выявить сильнейших, с другой — оставляет многих за бортом состязаний. Естественный отбор усиливает конкуренцию: чем выше уровень команд, тем жестче отбор и острее соперничество — быть лучшими уготовано немногим. Хотя для отдельных игроков стимулом становятся престиж и меркантильные интересы, в целом по духу игра остается любительской, поскольку в большинстве своем в нее играют энтузиасты ради удовольствия. Несмотря на то что российский футбол любительских лиг отчасти напоминает любительские игры Германии, Франции и других стран Старого Света, по уровню организации и функционирования он только приближается к европейским стандартам. Тенденция централизации любительской игры в Москве и в целом в России только начинает набирать обороты, и движение это необратимо.

В составе московских любительских лиг немало представителей разных национальностей, как правило, москвичей. Командная игра не только укрепляет доверие участников друг к другу, но и часто создает им положительный имидж, который порой переносится на национальные общности, которые они представляют. В состязаниях все ориентировано на игру, каждый оценивается по своим футбольным качествам и вкладу в общий успех, командная солидарность оказывается выше всяких этнических предрассудков и “национализмов”.

Находясь в тени большого спорта, любительский футбол сегодня по-прежнему остается уникальной отдушиной и развлечением; это наиболее востребованная игра среди подростков и молодежи, которая в многонациональной среде имеет самые многообещающие перспективы развития. Ломая культурные границы и стереотипы, футбол расширяет интегративные связи и пространство коммуникации между представителями различных культур. Невзирая на то что в высших дивизионах любительских лиг, ближе всего стоящих к большому спорту, этические нормы часто нарушаются в угоду меркантильным интересам, бесспорно, что никакие инновации не в состоянии полностью и окончательно уничтожить дух свободного футбола, лишить его “чистоты” и тех моральных ценностей, которые возводят эту игру на уровень общечеловеческой культуры. Футбол продолжает пользоваться популярностью и на окраинах европейских городов, и на спортивных площадках и полях России, только теперь наряду с местными энтузиастами его представляют и трудовые мигранты из самых разных стран. Мир меняется и сближается.

Коммерциализация игры

Логика эволюции футбола в условиях рыночной экономики закономерным образом превратила игру в профессию, в неотъемлемую часть индустрии развлечений. Уже в эпоху промышленной революции в самой Англии футбол воспринимался не столько как отдых или развлечение, сколько в категориях товарно-денежных отношений. Мир капитализма, ценности потребительского общества существенно

повлияли на количественные и качественные показатели игры, способствовали появлению многочисленных профессиональных клубов, букмекерских контор, стадионов, трансформации первоначальных установок. Аристократические добродетели любительства уступили место “плебейскому стремлению к победе любой ценой” (Бурдые 2009: 102).

Нечестная игра, симуляция, договорные матчи, корректировка некоторых правил в угоду зрелищности стали вполне обыденными явлениями в наши дни. Под влиянием свободного рынка и изменения структуры финансирования “большой футбол” превратился в высокодоходный бизнес, профессиональные команды стали местом рекламных инвестиций, продажи спортивных зрелищ, трансферных сделок и т.п. Некоторые европейские клубы заключают контракты с футболистами из Китая и Индии исключительно в коммерческих интересах, чтобы расширить свою зрительскую аудиторию (Maderer et al. 2014: 217). Укрепление связей футбола экстра-класса с транснациональными компаниями и “сильными мира сего” сделали его частью большой политики (Eisenberg 2004: 54–56). Уровень команд все больше определяется финансовыми возможностями владельцев клубов, их способностью приобретать нужных легионеров (Буганов 2016: 41). Сверхсостоятельные люди из самых разных стран сегодня выступают основным локомотивом профессионального футбола. Американские и китайские предприниматели, арабские шейхи, скупая и финансируя известные клубы, заметно их продвигают. Выступления инвестируемых ими команд приковывают к экранам телевизоров и мониторам компьютеров миллионы зрителей во всем мире³.

Выступая в единстве с любительским, профессиональный футбол стимулирует развитие массового спорта. И если первый — это основа, то второй — вершина айсберга общей системы, инструмент ее оптимизации. Как командная игра, профессиональный футбол олицетворяет гармонию индивидуализма и сотрудничества, как коммерческий спорт — способствует развитию предприимчивости, прагматизма. Риск, азарт, зрелищность и непредсказуемость игры, помноженные на денежные интересы, обусловили его широкую востребованность и популярность в мировом масштабе. Далеко не последнюю роль в этом играет способность профессионального футбола воплощать в себе идеалы “меритократического общества” (Ehrenberg 1991; цит. по: Бромбергже 2018: 19). В условиях растущей миграции мир этой игры становится “единым гомогенным пространством деятельности отдельных индивидов” (Maguire, Falcous 2011: 19). Футбольные истории знаменитых суперзвезд, вышедших из низов, — яркое тому подтверждение. Подобные примеры для миллионов молодых людей, в особенности из стран третьего мира, служат стимулом и представляются олицетворением их заветной мечты. Глобальный футбол становится неотъемлемой частью их менталитета. Наиболее талантливые и удачливые игроки в большинстве своем — самодостаточные личности. Они оказываются не только материально обеспеченными людьми, но и культурными героями своего времени. Лавируя между рациональным прагматизмом и страстным романтизмом, они культивируют игру в массовом сознании, расширяют зрительскую аудиторию. Как и в любительском футболе, звездные игроки продвигают имидж своих культур, меняют стереотипы в обществе, с той лишь разницей, что по масштабам своего влияния они далеко превосходят лидеров дворовой игры.

Чемпионат мира 2018 г. лишний раз подтвердил, что европейская система организации национального футбола, как и европейский стиль игры, построенный на итальянской защите, немецком трудолюбии, голландской технике пасов, на сегодняшний день является наиболее оптимальной. Благодаря тренерам из Европы сборные некоторых азиатских стран, таких как Япония, Южная Корея, Турция, в последние годы смогли заявить о себе на крупных соревнованиях. Однако, как это ни парадоксально, одними из главных трансляторов этих установок все чаще выступают

неевропейцы. Включение Азии, Африки и Латинской Америки в орбиту глобальных процессов в новейшее время не только придало мощный импульс профессионализации футбола, но и привнесло культурное многообразие и колорит в международные состязания. Западноевропейские страны стали центрами притяжения талантливых игроков со всего света. Отдающие себя на откуп профессиональному спорту в погоне за карьерой и заработком выходцы с других континентов существенно расширили интернациональный состав ведущих клубов Старого Света, что повлекло за собой изменение географии идентичности европейского футбола. Многие национальные сборные в Европе, в составе которых преобладают натурализованные игроки, приехавшие из стран третьего мира, дают повод бесконечным дебатам среди европейцев в отношении перспектив их национального спорта.

Профессиональный футбол притягивает и богатых, и обездоленных своими финансовыми возможностями, завоевывает зрелищностью и азартом, позволяет пережить радость побед и горечь поражений, создает свои мифы, легенды и стереотипы. Будучи авангардом футбольного мейнстрима, он служит одним из определяющих факторов универсализации и оптимизации игры, глокализации культуры. На пути коммерческого развития клубный футбол выходит за национальные рамки, что способствует интернационализации игры, социальной мобильности ее участников, росту числа энтузиастов кожаного мяча на любительских полях и, наконец, расширению зрительской аудитории.

Эволюция культуры поддержки

Говоря о профессиональном футболе, нельзя не упомянуть его поклонников. В отличие от своих “прародителей” футбол с момента возникновения актуализировал культуру поддержки. Разделив людей на участников и наблюдателей, он породил одно из наиболее ярких явлений современности — движение футбольных болельщиков, расцвет которого приходится на период утверждения профессиональных клубов. Без фанатов любой матч в большом футболе грозит превратиться в обыкновенную тренировку. По меткому замечанию британского философа С. Кричли, зритель принимает участие в игровом процессе не только своим присутствием, он выступает третейским судьей, суперарбитром (Кричли 2018: 107). Продолжая эту мысль, можно сказать, что зритель вдохновляет футболистов, он — душа любого матча, опосредованно участвующий в нем суперигрок, мысленно ставящий себя на место реально действующих на поле спортсменов.

Пандемия резко нарушила привычные ритмы и традиции среды футбольных трибунных болельщиков. Весь мир содрогнулся, человечество испытало психологический шок не только от огромного числа заболевших, но и от необходимости соблюдения самоизоляции. COVID-19 разделил страны, города, небольшие населенные пункты, семьи, дистанцировал людей друг от друга. Пандемия привела к нарушению социальных, экономических устоев общества, изменению режима повседневных занятий и развлечений. Футбол также оказался заложником обстоятельств; 2020 г. стал определенным рубежом в футбольной истории новейшего времени. Матчи в Европе и России проходили в отсутствие болельщиков на стадионах, без их живой поддержки и непередаваемой энергетики. Поскольку зрелищность и популярность футбола во многом поддерживались не только происходящим на поле, но и живой реакцией людей на зрительских местах, футбольный мир столкнулся с новыми реалиями восприятия игры, а буйного фаната на трибунах сменил виртуальный болельщик.

Зарождение британского клубного футбола, совпавшее по времени с периодом промышленной революции и массовой миграции сельских жителей в города, положило начало формированию новой коллективной идентичности клубных фанатов;

средний болельщик конца XIX в. был выходцем из пролетарской среды (Льюис 2006: 305). Многим активным зрителям участие в футбольных сообществах компенсировало утраченные в процессе модернизации социальные связи. Особенно это справедливо для “саппортеров” из числа сельских мигрантов, которым в условиях оторванности от своих корней и нарушения традиционных отношений футбол облегчил интеграцию в городскую среду, придал чувства общности и единства (Купер, Шимански 2011: 244). Далеко не последнюю роль в формировании футбольных сообществ сыграли культурные различия между жителями Британских островов: английские, шотландские, ирландские и валлийские любители игры были в числе первых организованных зрителей, а их команды — первыми участниками международных соревнований по футболу (Койл 2006: 175—176). Возникшее в Великобритании социальное движение болельщиков постепенно охватило все слои общества континентальной Европы, а затем и всего мира (Young, Smith 1988).

С годами, в условиях коммерциализации спортивной сферы и культивирования открытой конкуренции в обществе, сформировался специфический вариант девиантного поведения, своего рода “новый тип идентичности”, который наиболее ярко стали представлять футбольные фанаты (Пильц 2009: 122—123). Фаны, в отличие от игроков, теряющих на поле с потом и усталостью от физических нагрузок злость и агрессию, нерастраченный заряд энергии направляют в русло насилия (Соммер 2014: 72—73). По мнению американского психоаналитика П. Марша, “игровая” форма агрессии выступает одним из основных факторов культурной солидарности (Marsch 1975). Согласно небесспорной позиции некоторых исследователей, внешне деструктивные действия отдельных наиболее воинственных “саппортеров” имплицитно несут в себе созидательные функции. Агрессивный инстинкт и дух воинственности “инициируют энергию сохранения социума”, сплачивают культурные группы, препятствуя их распаду (Секацкий 2005: 215—220). Выступая с ксенофобскими лозунгами ура-патриотизма, некоторые из таких фанатов создают конфликтные ситуации с далеко идущими последствиями, которые могут “лицензировать самые вопиющие акты трайбализма” на уровне как клубов, так и национальных сборных (Кричли 2018: 176).

Культура болельщиков, непосредственно посещающих матчи, как показывает практика, гораздо консервативней, чем сама игровая среда, — эта культура потенциально сохраняет границы между “патриотичными уроженцами и ненадежными чужеземцами” (Там же: 176—177). Несмотря на значительный приток мигрантов из Азии и Африки, на трибунах стадионов Британии и континентальной Европы до пандемии преобладали, как и много десятилетий назад, лица европейских болельщиков (Hunter 2015). Вряд ли ситуация будет меняться в ближайшем будущем. Интернационализация команд в большом футболе не меняет традиционный контингент зрительских трибун, хотя заметно смягчает крайние ксенофобские настроения. В отдельных случаях футбол выступает одним из способов проявления культурной солидарности, во многом благодаря этому немало шотландцев, североирландцев, каталонцев, басков, порой далеких от футбола, посещают матчи с участием своих национальных команд. Если для внешних мигрантов футбол остается стимулом к получению высокого дохода (для профессиональных игроков) или развлечением (для других молодых людей), то для большинства коренных европейцев это больше чем игра или тотализатор. Болеть за свою любимую команду для них — способ самовыражения, неотъемлемая часть личности, своего рода дань патриотизму.

Вместе с тем в последние годы с расширением межкультурных интеграционных связей и интернационализацией игры в мировом футболе наметилось некоторое ослабление этнонационального тренда в культуре поддержки (Kuper 2012: 143; Tamir 2014: 743). Многие фанаты переросли уровень локальных клубов: если прежде игроки были близки болельщикам, поскольку ассоциировались с конкретной местностью, населенным

пунктом, то с годами дистанция между футболистами и зрителями заметно увеличилась. Коммерциализация игры, появление букмекерских контор повлекли за собой заметную девальвацию прежних смыслов футбола, определенную спонтанность в выборе и смене футбольных команд (*Айзенберг* 2006: 102–103); смена привязанностей зачастую зависит от успешности и популярности последних. Боление за любимый клуб теперь не является препятствием к тому, чтобы одновременно поклоняться другим клубам и игрокам (*Markowiits, Rensmann* 2010: 2), тем не менее многие фанаты сохраняют верность “своей” команде. Активных зрителей во всем мире футбол привлекает не только накалом состязания, но и эстетикой игры: красотой и зрелищностью дриблинга, искусством защиты и нападения⁴. Да и сами клубы все больше приобретают сильных игроков независимо от их культурного или регионального происхождения. По словам бывшего аргентинского тренера Марсело Бьелса, футбол стал все меньше “напоминать фанатика” и все больше “предпринимателя” (*Кричли* 2018: 175).

Количество виртуальных зрителей благодаря телевидению и интернету непрерывно растет. Китайские болельщики, представляющие собой самую крупную футбольную аудиторию в мире (около 680 млн человек), интересуются играми с участием европейских команд не меньше, чем с участием своих (*Kawase et al.* 2015). Суперкубки Италии или Испании, неоднократно разыгрывавшиеся в Поднебесной, – конкретное тому подтверждение. Заядлые поклонники футбола готовы болеть за чужие, самые заурядные команды, как это было во время чемпионата Белоруссии 2020 г., ставшего в период пандемии на некоторое время центром виртуального притяжения болельщиков со всего мира. Погружение футбола в онлайн-пространство ведет к изменению культуры поддержки и сопровождается такими побочными эффектами, как, с одной стороны, снижение зрелищности и накала игры, а с другой – уменьшение агрессивности и уровня насилия фанатов.

Между этничностью и мультикультурализмом

Футбол, как никакая другая игра, отражает особенности социальной среды, он актуализирует проблемы этничности и мультикультурализма, на его примере можно проследить перспективы развития гражданского общества. Институционализация профессиональных клубов, деятельность ФИФА в Новейшее время существенно расширили географию футбола, а миграции футболистов и тренеров по странам и континентам привели к заметному повышению качества игры и уровня команд. Рост спортивного туризма – еще одно немаловажное следствие развития этой игры.

С одной стороны, футбол способен обострять национальные чувства, демонстрировать чудеса национального духа, символически воскрешать исторические образы прошлого. Наиболее ярко мы можем наблюдать это во время крупных международных турниров, когда игроки и зрители выступают единой командой. Как это было, например, на чемпионате мира 2018 г. с потомками викингов исландцами, вничью сыгравшими с самими аргентинцами, или с потомками сарацин марокканцами, едва не одолевшими своих “исторических” соперников испанцев. Сенсационная победа сборной Южной Кореи над командой Германии продемонстрировала всему миру силу конфуцианской этики, выразившейся в трудолюбии, дисциплине, выдержке и терпении азиатских игроков. В современном западном индивидуализированном обществе с философией “каждый за себя” футбол является одним из действенных рычагов национального единения (*Foot* 2016: 343), он реконструирует и укрепляет “размытую урбанизированную идентичность” (*Караваева* 2018: 36). Один из наиболее выразительных примеров такого рода показывает Германия. После поражения во Второй мировой войне у немцев заметно снизилось стремление “отстаивать достоинства своей культуры” (*Бергер* 2004: 19), на этом фоне футбол

стал для них не просто игрой, а одним из весомых факторов реанимации “размытой” идентичности, символом их культурно-политического единства (Pyta 2006: 8).

С другой стороны, футбол способствует сближению народов и стимулирует их к диалогу. В условиях активных транснациональных миграций, массового притока приезжих из Азии и Африки на континент он стал выражением культурного многообразия многополярного мира, заметно меняющим внешний облик национального спорта европейцев. Прежние миграции довоенного и послевоенного времени (1930–1950-е годы) не имели столь ярких культурогенных последствий для Европы, поскольку носили внутриконтинентальный характер и представляли собой перемещение преимущественно христиан (Blecking 2008: 52–55)⁵. Появление начиная с конца 1980-х годов этнических общин мигрантов, находящихся на значительной культурной дистанции от коренных европейцев, поставило государственные и муниципальные власти перед необходимостью интеграции этих общин на законодательном уровне. Спортивные сообщества, футбольные клубы выступили одним из медиаторов их адаптации и дальнейшей интеграции в социум принимающих стран. В спортивной сфере в конечном счете сформировались два подхода к решению проблемы: германский мультикультурный, допускавший создание этнических спортивных ассоциаций приезжих без права участия ее членов в национальной сборной, и французский, ориентированный на смешанные спортивные клубы (Gasparini 2008: 123–124). Интеграция иммигрантов во Франции через короткое время привела к тому, что сборная этой страны стала заметно выделяться своим интернациональным составом и преобладанием натурализованных игроков, многие из которых позднее были признаны лучшими футболистами в истории французского футбола, а некоторые, такие как Зинедин Зидан, — звездами мирового класса. Со временем процессы интернационализации футбола распространились по всей Европе. Не стала исключением и Германия, национальная сборная которой в течение долгих лет состояла в основном из этнических немцев⁶. Сегодня, по оценкам специалистов, почти 50% любительских команд этой страны составляют игроки не немецкого происхождения (Blickenschtaff 2014).

В наши дни во многих ведущих английских, немецких, французских или голландских клубах наряду с европейцами играют выходцы из Турции, с Африканского континента, из арабских государств (Burdsey 2009: 704–721; Merkel 2014: 241–245), а в национальных чемпионатах — команды с натурализованными игроками, приехавшими из разных стран; многие европейские сборные уже трудно называть национальными в классическом смысле. Такие смешанные команды демонстрируют либеральную модель поведения в условиях динамично меняющегося культурного пространства, легко вписываются в стратегический курс ведущих европейских государств, согласно которому все народы и этнические группы признаются как “равноценные элементы единого социально-культурного континуума” (Blecking 2016) и рассматриваются как неотъемлемая часть гражданского общества. Победа многонациональной сборной Франции на чемпионатах мира (1998 г.) и Европы (2000 г.) заставила многих французов, а позднее и других европейцев принять концепцию “единство в многообразии”, признать положительное влияние интернационализации команд на стилевые особенности и результаты игры (Blecking 2016; Ingersoll et al. 2017: 67–92). Золотая медаль сборной Франции на мундиале 2018 г. еще больше укрепила позиции мультикультурализма в футболе. В Германии, Франции, Италии, Нидерландах и в других европейских странах сегодня создаются специальные благотворительные фонды, которые спонсируют футбольные команды из беженцев с целью облегчения их интеграции в принимающее сообщество. Вместе с тем активная миграция инокультурных групп населения вызывает тревогу у некоторых жителей Старого Света. Еще совсем недавно многие из них считали идеи мультикультурализма и многообразия общества

ответом на социальные проблемы Европы, сегодня же все больше людей видят в них причину всех неурядиц (*Малик* 2015). Любое поражение команд с участием представителей некоренных народов становится лишним поводом критики политики мультикультурализма и в спортивной среде (*Cook* 2018).

Футбол, как профессиональный, так и досуговый, связал воедино два социальных феномена — этничность и мультикультурализм, соединил процессы национальной консолидации и укрепления межэтнических связей. В сегодняшнем динамичном мире он, с одной стороны, способствует бурному росту интеграционных связей, укреплению и расширению универсальных общечеловеческих установок и ориентиров, с другой — стимулирует принятие ценности различия. С одной стороны, он отражает культурное многообразие общества, с другой — подвергает сомнению современные версии мультикультурализма, вступающие в противоречие с идеологией национальных культур (*Малик* 2015; *Cook* 2018). Однако, как бы то ни было, диалектика развития футбола свидетельствует о том, что противоречия и метаморфозы, заложенные в игре, являются скорее преимуществом, стимулирующим движение современного многонационального общества в сторону глобальной интеграции, чем недостатком.

Противоречия и парадоксы

Культурная динамика футбольной глобализации отражает изменения человеческой цивилизации. Финал Кубка мира по футболу, наряду с олимпийскими играми, не только выступает главным событием в мире спорта, но и демонстрирует универсальность этой игры, ее огромную популярность (*Валь* 2003: 115). Развлекательная ценность футбола, его значение для общества и влияние на него растут с каждым годом. В динамично меняющемся мире трансформируется не только структура социума, но и качество спортивного соперничества и отношение зрителей к футболу, да и сама игра; происходит универсализация нормативных основ игрового поведения, открываются новые грани человеческого общежития.

Сегодня можно утверждать, что английский футбол (как и английский язык) покорил весь мир. Нивелируя прежние традиции, нарушая социальные границы и ценностные установки, он стал не только достоянием мировой цивилизации, объединившим в одном игровом пространстве многочисленные народы, но и неотъемлемой частью менталитета, объектом национальной гордости и самоутверждения, сферой межкультурного диалога, социальной платформой адаптации иммигрантов к окружающей среде, посылом толерантности и взаимопонимания культур.

Как элемент массовой культуры современный футбол выглядит вполне привычным и заурядным явлением, отражающим и внутреннюю эволюцию культур, включенных в игру, и влияние этих культур на саму игру. Смешение психологий разных этнических групп, представители которых участвуют в игровом процессе, придает футболу многоликость и многообразие (*Rossing, Skrubbeltrang* 2017: 600–601), но вместе с этим неизбежно приводит к обострению противоречий и возникновению парадоксов. Латиноамериканский футбол, также как испанский и португальский, по своему темпераменту заметно отличается от немецкой, голландской или бельгийской игры (*Gebauer* 1988). Для представителей одних культур (напр., для итальянцев) “фолить” и симулировать травмы во время игры считается искусством, для других (напр., для англичан) — непристойным, неблагородным поведением. Свою специфику имеет и культура боления различных народов.

Наряду с универсализацией, игру сопровождают рост “локальной гетерогенности”, сохранение и развитие местных особенностей (*Robertson* 1992: 8), использование аутентичной стратегии поведения больших и малых социальных групп и превращение стадионов в места конкурентной борьбы за социальный статус и признание.

Как показывает действительность, футбол выравнивает мир, но не устраняет различий. Подобно двуликому Янусу, наряду с объединяющим он демонстрирует и разъединяющее начало, по-разному проявляясь в разных ситуациях, достаточно успешно разделяя человеческие коллективы, большие группы людей и целые народы. Футбол отражает узаконенную, кодифицированную форму виртуального насилия, которое “беспреданно угрожает перейти в насилие фактическое” (Кричли 2018: 180; Фюрер 2006).

Триумфальное шествие организованного футбола как движения культурного обновления, цивилизованности и прогресса — это ответ на многие запросы общества, обусловленные расширением культурных границ, появлением новых возможностей (Франке 2006: 68). Если в Европе и других регионах мира до Нового времени игры с мячом, напоминающие футбол, были частью религиозных и светских праздников, то в Новейшее время сама футбольная игра стала событием, все больше напоминающим праздник. Дворовые, корпоративные матчи вызывают всплеск положительных эмоций, а мировые чемпионаты и вовсе выливаются в массовые карнавалы и гуляния, сопровождающиеся таким всеобщим национальным единением, которое способны породить лишь войны и крупные катастрофы (Купер, Шимански 2011: 391).

* * *

В результате самых разных глобальных событий, в т.ч. массовых миграций, пандемий и т.п., мир меняется на глазах, нарушаются привычные алгоритмы повседневной жизни и культурного пространства — все это сопровождается психологическими стрессами и депрессиями. Происходящее как динамично-мобилизующая сила способствует социально-культурным изменениям в обществе и одновременно заставляет людей задуматься о настоящем и будущем. Человек, будучи существом социальным, *apriori* не может жить без игры и зрелищ — это то, что в самых критических ситуациях придает ему жизненные силы, помогает поддерживать внутреннее равновесие, способствует сближению с окружающими. На больших и малых футбольных полях культура игры в сознании зрителей и болельщиков — это проекция культуры отношений между представителями различных сообществ. Согласно высказыванию известного французского писателя и драматурга Ж. Жироу, “силы, таящиеся в футбольной игре, уравнивают силы войны, заложенные в человечестве” (см.: Валь 2003: 114). И в этом смысле футбол как инструмент “мягкой силы” выполняет культуuroбразующие функции, воплощая на практике идею “единства в многообразии” — одну из главных идей глобализации. И, наконец, футбол дает возможность надеяться на лучшее будущее и более совершенный мир.

Примечания

¹ Согласно докладу Всемирного банка, в 2003 г. футбол признан символом глобализации.

² Лето 2018 г. надолго запомнится иностранным туристам, посетившим игры чемпионата мира по футболу в Москве и других российских городах, атмосферой толерантности и дружелюбия. Футбол объединил на несколько недель болельщиков из самых разных стран, убедительно продемонстрировав свой миротворческий, созидательный ресурс.

³ По данным социологического опроса международного агентства “Kantar”, в 2012 г. из 659 млн болельщиков “Манчестер Юнайтед” 325 млн были жителями Азии (Sports.ru 2012).

⁴ В некоторых сообществах, как, например, в среде китайских болельщиков, принято временное поклонение отдельным футбольным звездам или нескольким командам одновременно (Купер, Шимански 2011: 345, 347, 366).

⁵ В основном мигрировали греки, поляки, итальянцы, испанцы, португальцы, которые без особого труда интегрировались в английскую/немецкую/французскую культурную среду и растворялись в ней, в т.ч. через футбол.

⁶ Футбол в Германии с самого начала был игрой мигрантов и выступал инструментом социализации маргинальных групп. В то время как сами этнические немцы первоначально предпочтение отдавали гимнастике (*Blecking* 2016).

Источники и материалы

- Малик* 2015 — *Малик К.* Общины против общества в Европе // Россия в глобальной политике. Крах мультикультурализма. 04.05.2015. http://www.globalaffairs.ru/person/p_3025
- Blecking* 2016 — *Blecking D.* “Ethnisch gemischte Teams funktionieren besser”: Integration, Inklusion, Flüchtlingsmigration und der Fussball in Deutschland // Beitrag im Dossier Bundeszentrale für politische Bildung. 13. Dezember 2016. <https://www.bpb.de/gessellschaft/sport/bundesliga/155901/integration-inklusion-fluechtlingsmigration>
- Blickenschtaff* 2014 — *Blickenschtaff B.* Why Germany Wants to Look Like Its Soccer Team // Pacific Standard. 25.06.2014. <https://psmag.com/news/world-cup-why-germany-wants-to-look-like-its-soccer-team-83416>
- Burdsey* 2009 — *Burdsey D.* Forgotten Fields? Centralising the Experiences of Minority Ethnic Men’s Football Clubs in England // Soccer & Society. 2009. Vol. 10. No. 6. P. 704–721.
- Cook* 2018 — *Cook B.* In Football, Multiculturalism Only Works when You Win: The World Cup Fallout // Huck. 25.07.2018. <https://www.huckmag.com/outdoor/sport-outdoor/mesut-ozil-germany-multiculturalism>
- History of the India n.d. — History of the India National Football Team // Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/History_of_the_India_national_football_team (дата обращения: 17.04.2020).
- Hunter* 2015 — *Hunter D.* Football is Multicultural — but You Wouldn’t Know It Looking at the Crowd // NewStatesman. 26.03.2015. <https://www.newstatesman.com/lifestyle/2015/03/football-multicultural-you-wouldn-t-know-it-looking-crowd>
- Ingersoll et al.* 2017 — *Ingersoll K., Malesky E., Saiech S.* Heterogeneity and Team Performance: Evaluating the Effect of Cultural Diversity in the World’s Top Soccer League // Journal of Sports Analytics. 2017. Vol. 3. No. 2. P. 67–92.
- Kawase et al.* 2015 — *Kawase K., Kato T., Moriyasu K.* European Soccer Teams Court Asian Fans // nikkeiAsia. Business. 06.08.2015. <https://asia.nikkei.com/Business/European-soccer-teams-court-Asian-fans>
- Merkel* 2014 — *Merkel U.* German Football Culture in the New Millennium: Ethnic Diversity, Flair and Youth on and off the Pitch // Soccer & Society. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 241–245.
- Sports.ru 2012 — Kantar: в Азии за “Манчестер Юнайтед” болеют 325 миллионов человек // Sports.ru. 29 мая 2012. <https://www.sports.ru/football/141085788.html>

Научная литература

- Айзенберг К.* Футбол как глобальный феномен. Исторические перспективы // Логос. Философско-литературный журнал. 2006. № 3 (54). С. 91–103.
- Бергер П.Л.* Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / Ред. П. Бергер, С. Хантингтон. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 8–26.
- Бромберже К.* Современный футбол, местная идентичность и глобальный мир // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 11–24. <https://doi.org/10.7868/S0869541518020021>
- Буганов А.В.* Спорт в России: этнологические, этнополитические и антропологические аспекты // Вестник антропологии. 2016. № 1 (33). С. 37–57.
- Бурдые П.* Как можно быть спортивным болельщиком? // Логос. Философско-литературный журнал. 2009. № 6 (73). С. 99–113.
- Валь А.* История футбола. М.: Астрель-АСТ, 2003.
- Караваева Д.Н.* Футбол: идентичности Англии и ее Севера // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 25–43. <https://doi.org/10.7868/S0869541518020033>
- Койл Д.* Международный футбол // Энциклопедия британского футбола / Авт.-сост. Р. Кокс, Д. Рассел, Р. Вэмплю. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 175–176.
- Кричли С.* О чем мы думаем, когда думаем о футболе / Пер. с англ. В.А. Колосов. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2018.
- Купер С., Шимански С.* Футболономика. М.: Альпина Паблишер, 2011.

- Льюис Р. Фан-культура // Энциклопедия британского футбола / Авт.-сост. Р. Кокс, Д. Рассел, Р. Вэмплию. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 305–307.
- Пильц Г. Футбол — это наша жизнь: перемены и процессы дифференциации культуры футбольных фанатов // Логос. Философско-литературный журнал. 2009. № 6 (73). С. 114–133.
- Секацкий А. Сила взрывной волны: статьи, эссе. СПб.: Лимбус Пресс, 2005.
- Соммер Д.С. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2014.
- Трентер Н. Спорт, экономика и общество в Великобритании (1750–1914). Реферат // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2006. № 33 (6). С. 42–53.
- Фоер Ф. Как футбол объясняет мир: невероятная теория глобализации. М.: Олимп-Бизнес, 2006.
- Франке Э. Современный спорт — религия рубежа тысячелетий // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2006. № 33 (6). С. 67–80.
- Armstrong G., Giulianotti R. Football in the Making // Football Cultures and Identities / Eds. G. Armstrong, R. Giulianotti. L.: Macmillan Press Ltd, 1999. P. 3–14.
- Collins T. How Football Began? A Global History of How the World's Football Codes Were Born. L.: Routledge, 2018.
- Dimeo P. Football and Politics in Bengal: Colonialism, Nationalism, Communalism // Soccer in South Asia: Empire, Nation, Diaspora / Eds. P. Dimeo, J. Mills. L.: FRANK CASS, 2001. P. 57–74.
- Ehrenberg A. Le culte de la performance. Paris: Calmann-Lévy, 1991.
- Eisenberg Ch. Der Weg des Fußballs um die Welt 1863–2004 // Die lokal-globale Fußballkultur — wissenschaftlich beobachtet / Org. von D.H. Jütting. Münster: Waxmann (Verlag), 2004. S. 45–60.
- Elias N. The Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process. Oxford: Blackwell, 1986.
- Foot J. How Italian Football Creates Italians: The 1982 World Cup, the “Pertini Myth” and Italian National Identity // The International Journal of the History of Sport. 2016. Vol. 33. No. 3. P. 341–358.
- Gasparini W. Sport and Integration of Immigrants in France: A Contribution to a Critical Sociology of Existing Thought Patterns // Sport-Integration in Europe: Widening Horizons in Intercultural Education / Ed. P. Gies-Sturber, D. Blecking. Baltmannsweiler: Schneider-Verlag, 2008. P. 120–126.
- Gebauer G. Körper und Einbildungskraft: Inszenierungen des Helden im Sport. Berlin: Reimer, 1988.
- Goldblatt D. The Ball is Round: A Global History of Soccer. L.: Penguin, 2008.
- Tamir I. The Decline of Nationalism among Football Fans // Television and New Media. 2014. Vol. 15 (8). P. 741–745.
- Kuper S. Where's Darth Vader Gone? Is the Age of Football as a Substitute for War Coming to an End? // The Blizzard. 2012. No. 5. P. 136–143.
- Maderer D., Holtbrugge D., Schuster T. Professional Football Squads as Multicultural Teams: Cultural Diversity, Intercultural Experience and Team Performance // International Journal of Cross-Cultural Management. 2014. Vol. 14. No. 2. P. 215–238.
- Maguire J., Falcous M. Sport and Migration: Borders, Boundaries and Crossings. L.: Routledge, 2011.
- Markowitz A.S., Rensmann L. The Gaming the World: How Sports Are Reshaping Global Politics and Culture. Princeton: Princeton University Press, 2010.
- Marsch G. Aggro: The Illusion of Violence. L.: Dent and Son, 1975.
- van Bentem N. Die Organisation des wettkampfbetriebenen Fußballsports in der Bundesrepublik Deutschland // Die lokal-globale Fußballkultur — wissenschaftlich beobachtet / Org. von D.H. Jütting. Münster: Waxmann (Verlag), 2004. S. 11–28.
- Nogawa H., Maeda H. The Japanese Dream: Soccer Culture towards the New Millennium // Football Cultures and Identities / Eds. G. Armstrong, R. Giulianotti. L.: Macmillan Press Ltd, 1999. P. 223–233.
- Pyta W. German Football: A Cultural History // German Football: History, Culture, Society / Ed. A. Tomlison, Ch. Young. N.Y.: Routledge, 2006. P. 1–22.
- Robertson R. Globalisation. L.: Sage, 1992.
- Rossing N.N., Skrubbeltrang L.S. The Language of Football: A Cultural Analysis of Selected World Cup Nations // Sport in Society: Cultures, Commerce, Media Politics. 2017. Vol. 20. No. 5–6. P. 599–611.
- Sarro R. The Generation Game: Football among the Baga of Guinea // Football Cultures and Identities / Eds. G. Armstrong, R. Giulianotti. L.: Macmillan Press Ltd, 1999. P. 141–152.
- Scotch N.A. Magic, Sorcery and Football among the Urban Zulu: A Case of Reinterpretation under Acculturation // Journal of Conflict Resolution. 1961. Vol. 5. No. 1. P. 70–74.

Young K.M., Smith M.D. Mass Treatment of Violence in Sports and Its Effects // *Current Psychology: Research and Reviews*. 1988. Vol. 7. P. 298–311.

Research Article

Abdulkarimov, S.A. Football Movement: A Triumph of Soft Power [Futbol'noe dvizhenie: triumf miagkoi sily]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 3, pp. 168–184. <https://doi.org/10.31857/S086954150015501-1> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Soultan Abdulkarimov | <http://orcid.org/0000-0002-7689-9783> | abdsult@bk.ru | independent researcher (Moscow, Russia)

Keywords

football, game, contests, amateur, professional, culture, history, evolution, multiculturalism, tolerance

Abstract

The article explores the phenomenon of football (soccer), viewing it in a broader historical perspective as a movement of cultural renewal and marker of progress. Not only is football in the avant-garde of the contemporary sport, but it is also an active agent instrumental in shaping transnational culture. I focus on the evolution of playing behavior, the impact of football on mass consciousness, and the role and significance of ethnicity, multiculturalism, and tolerance in amateur and professional sport. Even though football does not eliminate cultural differences, while club competition and fan movements may not infrequently have adverse consequences, still the game is highly conducive to humanization of social relationships, evokes positive reflections in society among larger and smaller social groups, peoples, and cultures, and helps unite the civilized world within a single movement of the global community.

References

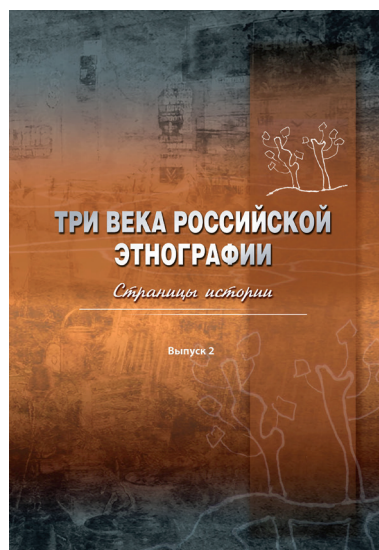
- Armstrong, G., and R. Giulianotti. 1999. Football in the Making. In *Football Cultures and Identities*, edited by G. Armstrong and R. Giulianotti, 3–14. London: Macmillan Press Ltd.
- Berger, P.L. 2004. Kulturnaia dinamika globalizatsii [Cultural Dynamics of Globalization]. In *Mnogolikaia globalizatsia* [Many Globalizations], edited by P. Berger and S. Huntington, 8–26. Moscow: Aspekt-Press.
- Bromberger, C. 2018. Sovremennyi futbol, mestnaia identichnost' i global'nyi mir [Modern Football (Soccer), Local Identity and Global World]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 11–24. <https://doi.org/10.7868/S0869541518020021>
- Buganov, A.V. 2016. Sport v Rossii: etnologicheskie, etnopoliticheskie i antropologicheskie aspekty [Sport in Russia: Ethnological, Ethnopolitical and Anthropological Aspects]. *Vestnik antropologii* 1 (33): 37–57.
- Bourdieu, P. 2009. Kak mozno byt' sportivnym bolet'shikom? [How Can be Sport Supporter?]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* 6 (73): 99–113.
- Collins, T. 2018. *How Football Began? A Global History of How the World's Football Codes Were Born*. London: Routledge.
- Dimeo, P. 2001. Football and Politics in Bengal: Colonialism, Nationalism, Communalism. In *Soccer in South Asia: Empire, Nation, Diaspora*, edited by P. Dimeo and J. Mills, 57–74. London: FRANK CASS.
- Ehrenberg, A. 1991. *Le culte de la performance* [The Cult of Performance]. Paris: Calmann-Lévy.
- Eisenberg, Ch. 2004. Der Weg des Fußballs um die Welt 1863–2004 [The Way of Football in the World 1863–2004]. In *Die lokal-globale Fußballkultur – wissenschaftlich beobachtet* [The Local-Global Football Culture – Scientific Research], edited by von D.H. Jütting, 45–60. Münster: Waxmann (Verlag).

- Eisenberg, C. 2006. Futbol kak global'nyi fenomen. Istoricheskie perspektivi [Football as a Global Phenomenon: Historical Perspectives]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* 3 (54): 91–103.
- Elias, N. 1986. *The Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process*. Oxford: Blackwell.
- Foer, F. 2006. *Kak futbol ob'iasniaet mir: neveroiatnaia teoriia globalizatsii* [How Soccer Explains the World: An Unlikely Theory of Globalization]. Moscow: Olimp-Biznes.
- Foot, J. 2016. How Italian Football Creates Italians: The 1982 World Cup, the “Pertini Myth” and Italian National Identity. *The International Journal of the History of Sport* 33 (3): 341–358.
- Franke, E. 2006. Sovremennyi sport — religiia rubezha tysiacheletii [Modern Sport is Religion of Millenniums' Milestone]. *Otechestvennye zapiski. Zhurnal dlia medlennogo chteniia* 33 (6): 67–80.
- Gasparini, W. 2008. Sport and Integration of Immigrants in France: A Contribution to a Critical Sociology of Existing thought Patterns. In *Sport-Integration-Europe: Widening Horizons in Intercultural Education*, edited by P. Gies-Sturber and D. Blecking, 120–126. Baltmannsweiler: Schneider-Verlag.
- Gebauer, G. 1988. *Korper und Einbildungskraft. Inszenierungen des Helden im Sport* [Body and Strength of Imagination: Demonstration of Heroes in Sport]. Berlin: Reimer.
- Goldblatt, D. 2008. *The Ball is Round: A Global History of Soccer*. London: Penguin.
- Karavaeva, D.N. 2018. Futbol: identichnosti Anglii i ee Severa [Football: The Identities of England and Northern England]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 25–43. <https://doi.org/10.7868/S0869541518020033>
- Koil, D. 2006. Medzhdunarodnyi futbol [International Football]. In *Entziklopedia britanskogo futbola* [Encyclopedia of British Football], edited by R. Koks, D. Rassel, and R. Vempliu, 175–176. Moscow: FAIR-PRESS.
- Kritchley, S. 2018. *O chem my думаем, когда думаем о футболе* [What We Think About when We Think about Football]. Moscow: KoLibri; Azbuka-Attikus.
- Kuper, S., and S. Szymanski. 2011. *Futbolonomika* [Soccernomics]. Moscow: Al'pina Publisher.
- Kuper, S. 2012. Where's Darth Vader Gone? Is the Age of Football as a Substantive for War Coming to an End? *The Blizzard* 5: 136–143.
- Lewis, S. 2006. Fan-kul'tura [Fan-Culture]. In *Entziklopedia britanskogo futbola* [Encyclopedia of British Football], edited by R. Koks, D. Rassel, and R. Vempliu, 305–307. Moscow: FAIR-PRESS.
- Maderer, D., D. Holtbrugge, and T. Schuster. 2014. Professional Football Squads as Multicultural Teams: Cultural Diversity, Intercultural Experience and Team Performance. *International Journal of Cross-Cultural Management* 14 (2): 215–238.
- Maguire, J., and M. Faloutsos. 2011. *Sport and Migration: Borders, Boundaries and Crossings*. London: Routledge.
- Markowits, A.S., and L. Rensmann. 2010. *The Gaming the World: How Sports Are Reshaping Global Politics and Culture*. Princeton: Princeton University Press.
- Marsch, G. 1975. *Aggro: The Illusion of Violence*. London: Dent and Son.
- Nogawa, H., and H. Maeda. 1999. The Japanese Dream: Soccer Culture towards the New Millennium. In *Football Cultures and Identities*, edited by G. Armstrong and R. Giulianotti, 223–233. London: Macmillan Press Ltd.
- Piltz, G. 2009. Futbol — eto nasha zhizn': peremeny i protsessy differentsiatsii kultury futbol'nykh fanatov [Football is Our Life: Innovations and Processes of Differentiations in the Culture of Football Supporters]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* 6 (73): 114–133.
- Pyta, W. 2006. German Football: A Cultural History. In *German Football: History, Culture, Society*, edited by A. Tomlison and Ch. Young, 1–22. New York: Routledge.
- Robertson, R. 1992. *Globalisation*. London: Sage.
- Rossing, N.N., and L.S. Skrubbeltrang. 2017. The Language of Football: A Cultural Analysis of Selected World Cup Nations. *Sport in Society: Cultures, Commerce, Media Politics* 20 (5–6): 599–611.
- Sarro, R. 1999. The Generation Game: Football among the Baga of Guinea. In *Football Cultures and Identities*, edited by G. Armstrong and R. Giulianotti, 141–152. London: Macmillan Press Ltd.
- Scotch, N.A. 1961. Magic, Sorcery and Football among the Urban Zulu: A Case of Reinterpretation under Acculturation. *Journal of Conflict Resolution* 5 (1): 70–74.
- Sekatskii, A. 2005. *Sila vzryvnoi volny: Stat'i, esse* [The Strength of Explosive Wave]. St. Petersburg: Limbus Press.
- Sommer, D.S. 2014. *Moral' XXI veka* [Ethics of 21st Century]. Moscow: Kodex.
- Tamir, I. 2014. The Decline of Nationalism among Football Fans. *Television and New Media* 15 (8): 741–745.

- Treanter, N. 2006. Sport, ekonomika i obshestvo v Velikobritanii (1750–1914) [Sport, Economics and Society in Great Britain (1750–1914)]. *Otechestvennye zapiski. Zhurnal dlia medlennogo chtenia* 33 (6): 67–80.
- Val, A. 2003. *Istoria futbola* [The History of Football]. Moscow: Astrel-AST.
- van Bentem, N. 2004. Die Organisation des wettkampfbetriebenen Fußballsports in der Bundesrepublik Deutschland [Organization of Football Competitions in Germany]. In *Die lokal-globale Fußballkultur – wissenschaftlich beobachtet* [The Local-Global Football Culture – Scientific Research], edited by von D.H. Jütting, 11–28. Münster: Waxmann (Verlag).
- Young, K.M., and M.D. Smith. 1988. Mass Media Treatment of Violence in Sports and Its Effects. *Current Psychology: Research and Reviews* 7: 298–311.

КРИТИКА, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

© Т.Д. Соловей. Уйти от науки, где вечно повторяется вчера (рец. на: *Три века российской этнографии: страницы истории* / Отв. ред. М.М. Керимова, А.А. Сирина, сост. М.М. Керимова. М.: ИЭА РАН, 2019. 356 с., ил.)

Проект “перезапуска” историографической коммуникации и создания постоянной институциональной основы для систематического обсуждения историографических проблем, анонсированный инициаторами первого выпуска сборника “Три века российской этнографии: страницы истории” (2018), получил продолжение в 2019 г., что делает честь последовательности и настойчивости А.А. Сириной и ее коллег.

Основу второго выпуска составили 12 статей, подготовленных на основе текстов докладов, представленных на секции “Источниковедение, историография, судьбы ученых в отечественной и зарубежной этнологии” XII Конгресса этнологов и антропологов России (г. Ижевск, 3–6 июля 2017 г.). Общее количество докладов (41), поданных для участия в секции, свидетельствует, по мнению редакторов-составителей, “о большом интересе и востребованности этой проблематики” (с. 6).

Возможны и другие интерпретации такого историографического “аншлага”. Ограниченный круг каналов профессиональной коммуникации и сокращение публикаторских возможностей вкуче с ужесточением наукометрических требований оставляют немного шансов обеспечить присутствие в профессиональном пространстве. Заявить доклад на ежегодный конгресс — одна из таких возможностей. Тем более что конгрессы демонстрируют тенденцию к расширению проблематики, круга участников и количества секций, отражающую то ли “цветущую сложность” этнологии/антропологии в России, то ли размывание ее предметной определенности и логико-дискурсивного уровня.

Оборотной стороной подобного многообразия выступает профессиональная дезориентация: калейдоскоп круглых столов/симпозиумов/секций (от фундаментальных, субдисциплинарных до узколокальных, региональных) и пестрый пул участников (зачастую не этнологов/антропологов в строгом профессиональном смысле) способны затруднить поиск своего места и встраивание в повестку форума. Общая тема XII Конгресса “Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы” выглядит как косвенное признание неустойчивости и переходности дисциплинарного статуса, поскольку подразумевает, что кардинально

Татьяна Дмитриевна Соловей | <https://orcid.org/0000-0002-7453-297X> | tsolovei19@yandex.ru | д. и. н., профессор кафедры этнологии исторического факультета | МГУ им. М.В. Ломоносова (Ленинские Горы 1, Москва, 119991, Россия)

Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 185–188. <https://doi.org/10.31857/S086954150015503-3>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

новая социальная реальность и трансформирующиеся контуры этнологии/антропологии рожают *новые* смыслы ее существования и *новую* миссию.

История науки как бесспорный и внятный атрибут профессиональной идентичности оказывается прибежищем для тех, кто не нашел собственную “нишу” в огромном, предельно атомизированном коммуникативном пространстве конгресса. Подчас складывается впечатление, что историографический модуль формируется по остаточному принципу из докладов и сообщений, не попавших в повестку “основных” секций и круглых столов.

В ситуации трансформации профессиональной идентичности и очевидной растерянности антропологического сообщества перед лицом цеховых и социальных проблем историография из периферийного и узкоспециального знания превращается в важнейший элемент внутринаучной нормализации.

Исследователи обращаются к прошлому (изрядно романтизируемому), чтобы вытеснить инстинктивное неприятие настоящего и заместить отсутствие горизонта будущего, через прошлое обозначить исследовательское кредо или сформулировать утопию “идеальной науки”.

Столь массовое вторжение неисториографов в область истории науки, чем бы оно ни объяснялось, размывает контуры историографического жанра. Историографией объявляется буквально любая вылазка в прошлое этнографии, будь то опыт научной биографии или презентация архивного/эпистолярного/полевого/фотографического документа/источника. Восстановление неизвестных, забытых, недооцененных имен или фактов, сопричастных формированию этнографической традиции, как проявление исторической справедливости — это весомый, но явно недостаточный аргумент для исследователя, который неизбежно ранжирует эти имена и факты, устанавливает их историографический вес, встраивает, как фрагменты мозаики, в полотно прошлого, формируя его целостный, логически непротиворечивый образ. Историография — это не калькуляция имен и фактов, не презентация и комментирование источников, но анализ и концептуализация, без чего формирование историографического континуума невозможно.

Рецензируемый сборник проявил одновременно сильные и слабые стороны масшштабности интереса к истории науки. Положительное измерение состоит в том, что в историографическую лабораторию вовлекается все более широкий круг исследователей. История отечественной этнографии становится густонаселенной, выпуклой и выразительной за счет введения в научный оборот новых имен, биографических подробностей и источников. Отрицательное измерение — угроза *фрагментации и деконтекстуализации* материала. Особенно в случае с историей советской этнографии, где (в отличие от досоветской) отсутствуют обобщающие труды и целостная историографическая концепция.

Большинство статей сборника относятся к жанру *Personalia*. В орбиту историографического интереса попали фигуры очень разнородные: относительно малоизвестные — Фридрих Плениснер, представитель административной этнографии XVIII в. (статья С.В. Березниченко), А.Н. Кудрявцев, российский дипломат, вице-консул в Дюбурже в 1860-е годы (статья С.А. Иниковой), Н.Н. Волков, политический активист и сотрудник МАЭ в конце 1930-х годов (статья Е.Б. Толмачевой); представители этнологического мейнстрима первой половины XX в. — монголовед Б.Б. Бамбаев (статья С.Г. Жамбаловой), этнограф Л.Е. Каруновская, ученица Л.Я. Штернберга (статья Е.В. Ревуненковой), этнограф и фольклорист Б.М. Соколов (статья М.М. Керимовой); один из “фронтменов” отечественной/мировой этнологии С.М. Широкогоров, чей исследовательский эвристический потенциал, судя по статье А.М. Кузнецова, историографически далеко не исчерпан. Это в высшей степени профессиональные и основательно верифицированные источниками тексты.

Авторы этих текстов исходят из презумпции академической объективности: прошлое должно говорить устами своих героев, архивных источников и фотодокументов. В этом видится добросовестность, беспристрастность и неангажированность наблюдателя исторических реалий. Но подобный историографический “нейтралитет” и фетиш “объективности” — не более чем иллюзия или самообман. Выбор того или иного интеллектуального кумира выступает проекцией академической предрасположенности и бессознательного тяготения к *подобному* научному, гражданскому и человеческому стилю. То есть этот выбор субъективен, а в прошлом, как и в настоящем, мы ищем интеллектуальное и психологическое гетто.

Если первая половина XX в. в истории русской/советской этнографии — это основательно “вспаханное” историографическое поле, то, по справедливому замечанию инициаторов сборника, вторая половина прошлого столетия представляет собой “малоизученный период” (с. 7). Соглашаясь с этим, не могу разделить утверждение, будто “интерес ученых все более смещается к его изучению” (с. 7). Само содержание сборника этот тезис парадоксально опровергает.

Вторая половина XX в. представлена текстами Е.И. Мироновой, М.В. Головизнина, А.А. Истомина и И.Ю. Заринова (текст В.Ц. Головачева с точки зрения хронологической стоит особняком). Однако статья Е.И. Мироновой, повествующая об известной экспедиции историка и религиоведа А.И. Клибанова в Тамбовскую область (1959), скорее относится к истории становления советского религиоведения, а не этнографии. Статья М.В. Головизнина, посвященная “этнографическим” аспектам в творчестве русского писателя Варлама Шаламова, тоже бьет мимо цели: литературные труды Шаламова, не публиковавшиеся до 2017 г., в рассматриваемом историческом контексте не имели шансов повлиять на логику и динамику советской этнографии и едва ли что-то дают для характеристики облика этой “социалистической” дисциплины. Наконец, статья Китаиста В.Ц. Головачева, исследующая обычаи матереубийства и его пережитки в широком этноисторическом контексте (историографический аспект), при всем уважении к автору и его качественному тексту, не имеет решительно никакого отношения к трехвековой истории отечественной этнографии.

Другое дело, что статьи Е.И. Мироновой, М.В. Головизнина, В.Ц. Головачева сами по себе могут стать предметом историографического анализа в качестве характеристики современного состояния отечественной этнологической науки, свидетельствуя о таких ее чертах, как фрагментация этнологии/антропологии, возникновение целого ряда стыковочных субдисциплин, а также широкая экспансия антропологии, тематизировавшей различные сегменты гуманитарного дискурса.

Ближе всего к истории этнографии второй половины XX в. стоит статья А.А. Истомина, жанр которой можно определить как автобиографические заметки. Жанр весьма продуктивный с точки зрения историографического поиска, поскольку здесь срабатывает эффект “личного свидетельства” непосредственного участника или очевидца исторических событий (в данном случае речь идет о периоде 1982–1991 гг.). Но историк науки должен принимать в расчет следующее обстоятельство. В подобном типе историографического источника вопрос об объективности или субъективности автора, а также достоверности или недостоверности созданной им картины исторической действительности отходит на второй план. В конце концов, правда — это то, с чем мы согласны. Если следовать этой максиме, то единственным надежным критерием отношения к любой форме (само)рефлексии выступает ее способность вызвать эмоциональный отклик. Картина мира “по Истомину” — сотканный им *миф* о времени, этнологии и о себе в этнологии — вызывает эмоциональную обратную связь.

Собранные в сборнике статьи, не объединенные ничем (ни каким-либо проблемно-тематическим стержнем, ни концептуальными основаниями), кроме хронологического

принципа, в целом создают впечатление разногласия. Авторские монологи с “яйной” картиной мира не складываются в диалог и не формируют дискуссионного пространства. Факты прошлого — материал для трудов историков науки — сами по себе не являются историографией, которая предполагает как минимум упорядочивание фактов и выстраивание “силовых линий” историографического процесса, определяющих его логику и динамику.

Статья И.Ю. Заринова, рассматривающая динамику теоретических аспектов этнографии/этнологии/антропологии в широкой исторической ретроспективе, несмотря на ее обобщающий характер, не может компенсировать отсутствие историографической стратегии (концепции) или общего вектора исследований. Даже плохая (поверхностная, пунктирная) стратегия лучше ее отсутствия, и никакая сумма тактических историографических решений не способна ее заменить.

Стратегия, рассчитанная на несколько лет и коллективные усилия нескольких профессионалов, должна привести к созданию целостной концепции истории советской этнографии и превращению ее в конвенциональное знание, приемлемое для большинства. Подчеркну — необходима такая версия истории цеховой традиции в XX в., которая будет *принята* и психологически интериоризирована, избавив профессиональное сообщество от коллективной травмы, исток которой — драма крушения СССР и развал института советской науки. Без принятия прошлого невозможно двигаться вперед.

Следующим шагом в реализации такой историографической стратегии станет осмысление настоящего и преодоление “мифологии жертвенности”. Ученые — не жертвы, а акторы новой нормальности, пожинающие плоды собственных действий, а равно и бездействия. Неприемлемое настоящее и страх перед будущим толкают к поискам “золотого века” науки в прошлом — советском или досоветском. Однако историческое время не открутить назад. Нам предстоит вырваться из порочного круга представлений, в оптике которых этнология — наука, где вечно повторяется вчера.

Book Review

Solovei, T.D. To Move Away from the Discipline Where Yesterday Perennially Repeats Itself [Uiti ot nauki, gde vechno povtoriaetsia vchera]: A Review of *Tri veka rossiiskoi etnografii: stranitsy istorii* [Three Centuries of Russian Ethnography: Pages of History], edited by M.M. Kerimova and A.A. Sirina. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 3, pp. 185–188. <https://doi.org/10.31857/S086954150015503-3> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tatiana Solovei | <https://orcid.org/0000-0002-7453-297X> | tsolovei19@yandex.ru | Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia)

© Л.Н. Хаховская. Традиция Гондатти в современном этнографическом североведении (рец. на: *Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (к 125-летию поездки Н.Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 году)* / Отв. ред. О.П. Коломиец, И.И. Крупник. М.: PressPass, 2020. 468 с.)

Рецензируемый научный труд представляет собой коллективную монографию. Составляющие ее научные статьи, исследующие различные этнокультурные явления, разнообразны по целям, подходам и стилю изложения, но при этом обладают несколькими общими признаками. Во-первых, работы объединяет “единство места”, поскольку все они связаны с Чукоткой. Во-вторых, прямо или опосредованно, значительная часть размещенных материалов имеет отношение к личности выдающегося исследователя Чукотки Николая Львовича Гондатти, внесшего неоспоримый вклад в изучение культуры коренных жителей Чукотки. В этом он видел свой служебный, гражданский и общечеловеческий долг. В-третьих, и это наиболее важно, редакторы-составители (О.П. Коломиец и И.И. Крупник) вполне обоснованно отнесли эти научные статьи к сфере прикладной этнологии.

Как отмечается в заключительной статье сборника (авторы эпилога — О.П. Коломиец, И.И. Крупник), прикладная этнология как вид научной и гуманитарной активности получила общественное признание и институциональное оформление в нашей стране в последние десятилетия, хотя зародилась гораздо раньше (с. 448). Действительно, лаборатория прикладной этнологии была создана в конце 1980-х годов на историческом факультете МГУ; с 1990 г. под эгидой ИЭА РАН выпускается журнал “Исследования по прикладной и неотложной этнологии”; получила распространение практика этнологических экспертиз. Вместе с тем выделить отличительные черты собственно прикладных исследований достаточно проблематично, граница между прикладной и академической этнологией размыта. Как справедливо отметил В.В. Пименов, “уже самые ранние этнографические сведения... собирались не столько из чистой любознательности, сколько по вполне практическим соображениям” (Пименов 1986: 4).

Практические же соображения, как правило, сводятся к потребности управлять аборигенными народами, территории проживания которых входят в состав или находятся в орбите интересов более влиятельных геополитических субъектов. Так, из программного текста вышеупомянутого журнала следует, что “в числе прикладных аспектов этнологии на первом месте стоит задача управления этническими процессами” (Лопуленко 2012: 4). Университетские ученые связывают отечественные прикладные исследования с колониальной политикой Российской империи, советским строительством и постсоветскими политическими преобразованиями (Казьмина и др. 2007: 97, 98) и подчеркивают потребность в “выявлении ситуаций межэтнической напряженности в стране и за ее пределами” (Лаборатория б.г.).

По мнению авторов рецензируемого издания, цель прикладной этнологии состоит в том, чтобы изучать социально-экономическое и культурное развитие “через изменения в относительно небольших общественных ячейках” (с. 449), т.е. на первый

Людмила Николаевна Хаховская | <https://orcid.org/0000-0002-4427-755X> | hahovskaya@gmail.com | к. и. н., ведущий научный сотрудник лаборатории истории и экономики | Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН (ул. Портовая 16, Магадан, 685000, Россия)

план выходит не столько содержательное наполнение научной активности, сколько масштаб оптики исследователя и его социальная роль. Предпочтение отдается микроисторической фокусировке, вниманию к повседневным, низовым процессам, работе в малых группах, а также эмпатии, сопереживанию ученого тем, кого он исследует. Именно этими чертами, как полагают О.П. Коломиец и И.И. Крупник, характеризуются “наследие” и “традиция Гондатти”, здесь же проходит водораздел между ним и В.Г. Богоразом, который, так же как и Гондатти, является основоположником профессионального этнографического изучения Чукотки (с. 444).

Вводная статья монографии (авторы И.И. Крупник и О.П. Коломиец) посвящена всесторонней оценке научного вклада Гондатти в этнографическое североведение. Предприняв в 1895 г. длительную и масштабную поездку по Чукотскому полуострову, Гондатти, являвшийся чиновником царской администрации, старался получить сведения, которые способствовали бы совершенствованию местного управления, улучшению жизни чукотских аборигенов. Он изучал размещение и состав населения, природно-климатические условия, хозяйство и быт местных жителей. В его должностные обязанности, кроме того, входила организация проведения переписи 1897 г. Гондатти и сам стал переписчиком, как, впрочем, и главы некоторых других северных регионов. Безусловно, руководствовался он и собственными познавательными устремлениями, поскольку приложил много усилий к сбору этнографической коллекции и лингвистических материалов.

Авторы указывают на первенство Гондатти в таких важных аспектах этнографического знания, как выделение ряда территориальных групп оленных чукчей, этнолингвистическая классификация азиатских эскимосов, описание старожильческого и этнически смешанного населения р. Анадырь, фиксация народных экологических наблюдений (с. 21–25). Они полагают, что исследования Гондатти отмечены значимым методологическим достижением, которое характеризуется “фундаментальным изменением подхода к описанию Чукотки и ее обитателей” (с. 9). Речь идет о том, что исследователь стал первым, кто начал применять “общинный (локальный) подход” в этнографии этого отдаленного края. Суть данного подхода определена как пристальное внимание к повседневной жизни локальных групп и фиксация черт и свойств местных природных и культурных ландшафтов, приуроченных, как правило, к местам обитания аборигенов (стойбища и селения) (с. 23, 24). Эти поселенческие сообщества авторы склонны рассматривать как некие общины, хотя они и сами осознают условность такого допущения (данный термин в тексте иногда закавычен).

Действительно, этнографии Гондатти свойственны такие важные черты, как деятельная “привязка” фактов к ареалам их наблюдения, внимание к местным условиям и специфике жизни отдельных групп и сообществ. Все же, по нашему мнению, видение этнических процессов на Чукотке сквозь призму “общинного развития” (*community development*) является следствием влияния западных антропологических теорий, возникших в процессе исследования проблем управления в развивающихся странах (Индия и др.). Их перенесение на российскую почву выглядит не вполне обоснованным. Община как социальная структура характеризуется правовыми полномочиями, которые возникают либо исторически (крестьянская община в досоветской России), либо в результате законодательного наделения таковыми (родовая община в современной России). Авторы же под общиной имеют в виду локальное сообщество, как правило, сельское, т.е. связанное общностью территории и, отчасти, самосознания, но не являющееся субъектом каких-либо прав.

В вводной статье и в особенности в заключении (эпilogе) проводится мысль об известной оппозиционности личных судеб и научного наследия двух крупных этнографов, неразрывно связанных с Чукоткой, — Гондатти и Богоразом. Как считают И.И. Крупник и О.П. Коломиец, Гондатти реализовал краеведческий, или “практический”, подход в североведении, на основе которого в настоящее время развивается

прикладная этнология. Богораз же был представителем академического и административного направлений, которые характеризуются широким проблемным охватом, теоретическим фундированием, включенностью в управленческие процессы (с. 444–446). Наряду с этим они отмечают сходство научных подходов и полевых методов этих двух ученых (с. 444), не отрицают сильного влияния на деятельность Гондатти его роли административного управленца. Более того, его идеи оказались созвучны тем планам советских преобразований, которые отстаивал Богораз (с. 446).

Также авторы отмечают, что наследие этих двух ученых характеризуется таким сближающим их качеством историографического и эпистемологического порядка, как профессионализм. Несмотря на то что итогом чукотских “полей” Богораза стал ряд общеизвестных монографий с широким, хотя и не всегда достоверно точным обобщением фактических данных, а материалы Гондатти остались главным образом в статусе рукописей, они являются не “ранним” (к нему отнесены сведения лиц, работавших на Чукотке до Гондатти), а “профессиональным” знанием (с. 13, 444). Иными словами, с одной стороны, Гондатти поставлен в ряд других “просвещенных сибирских администраторов”, изучавших Чукотку; с другой стороны — имеются качественные отличия, которые позволяют считать его, наряду с Богоразом, первым профессионалом в этнографии Чукотки. Судя по всему, основным таким качеством можно считать систематичность (системность?) и детализированность результатов исследований (с. 444). Однако, по нашему мнению, исторический и историографический контексты, в свете которых эта сторона наследия Гондатти выглядела бы более убедительно, нуждаются в дальнейшей тщательной проработке, особенно в отношении досоветского периода.

В итоге, обосновав ключевую роль Гондатти в становлении “общинной” (локальной) этнографии как метода сбора и изучения местных традиций, И.И. Крупник и О.П. Коломиец постулируют связь многих современных региональных этнографических исследований с “традицией Гондатти”, поскольку они являются в основном краеведческими, в значительной мере направлены на “вопросы настоящего дня”, ориентированы “на улучшение жизни и управления” и, наконец, имеют большое значение для “местных общин” (с. 449, 454).

Рецензируемая монография также состоит из исследований такого рода, сгруппированных в четырех частях. В число ее авторов входят как академические ученые, так и представители других областей — музейные работники, специалисты по культурному наследию, этническим языкам и традициям. В целом ряде публикаций продемонстрирован непосредственный полевой опыт, отмеченный высоким уровнем эмпатии, взглядом “изнутри” аборигенного сообщества, преломлением масштабных исторических событий через судьбы и переживания конкретных людей и семейств. Так, В.Н. Нувано выявил гендерную составляющую современных трансформаций хозяйственно-культурного годового цикла ваежских оленеводов: чукотские обрядовые традиции угасают из-за отсутствия в стойбищах женщин. О.Е. Ященко проследила современную историю вторичного заселения (*placemaking*) закрытых в 1960-х годах приморских поселков, привнеся в полевое исследование собственный эмоциональный опыт.

На значительном хронологическом отрезке прослежена история отдельных поселений и местностей Чукотки (Марково, Уэлен, Дежнёво, бухта Провидения), описана культура и социальная организация ряда сельских локальных сообществ. Большой интерес для этнографов и краеведов, несомненно, представляют опубликованные в книге рукописные записи из архива Гондатти, а также материалы музейных собраний. Характеризуя историю формирования и структуру этнографической коллекции музея “Наследие Чукотки”, О.Б. Расторгуева отметила недостаточную представленность в ней культуры глубинных чукчей-оленьеводов, а также выделила проблемы, связанные с выяснением “легенд” этнографических артефактов. Эта статья хорошо

показывает, что формирование региональных музейных фондов в значительной степени зависит от энтузиазма отдельных личностей, тогда как системная собирательская работа, как правило, отсутствует. Важную часть книги составляют биографические очерки, повествующие о людях, внесших большой вклад в изучение и сохранение знаний о языках, фольклоре и истории края.

Монография представляет собой первое коллективное научное издание, которое оценивает наследие Гондатти, а также дает характеристику современному этапу региональных этнокультурных исследований. Круг этнографических источников, положенных в основу публикаций, разнообразен: материалы непосредственного наблюдения, “живые голоса” представителей локальных аборигенных сообществ, визуальные и вещественные артефакты. Авторы вводят в оборот архивные и современные материалы по этническим традициям, народным экологическим знаниям, развитию этнических языков и культур. Книга включает большой корпус иллюстративных материалов. Без сомнения, данное издание будет востребовано как профессионалами, так и более обширной аудиторией. Хочется поблагодарить редакторов-составителей и авторов издания за их огромный труд, яркость и живость изложения, а также за искреннюю любовь к своему “интеллектуальному герою”.

Источники и материалы

Лаборатория б.г. — Лаборатория прикладной этнологии // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. <http://www.hist.msu.ru/departments/4011/research/laboratory> (дата обращения: 11.11.2020).

Научная литература

Казьмина О.Е., Пименов В.В., Соловей Т.Д. (ред.) Этнология на историческом факультете (программы курсов). Учебно-методическое пособие. М.: Исторический факультет МГУ, 2007.

Лопуленко Н.А. “Исследования по прикладной и неотложной этнологии” (1990—2011): аналитический обзор // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 228. М.: ИЭА РАН, 2012.

Пименов В.В. Прикладные аспекты этнографии: тенденции и проблемы // Советская этнография. 1986. № 5. С. 3—12.

Book Review

Khakhovskaya, L.N. Gondatti's Traditions in Contemporary Ethnographic Studies of the North [Traditsiia Gondatti v sovremennom etnograficheskom severovedenii]: A Review of *Prikladnaia etnologiia Chukotki: narodnye znaniia, muzei, kul'turnoe nasledie (k 125-letiiu poezdki N.L. Gondatti na Chukotskii poluostrov v 1895 godu)* [Applied Ethnology in Chukotka: Indigenous Knowledge, Museums, Cultural Heritage (Celebrating 125th Anniversary of N.L. Gondatti's Trip to the Chukchi Peninsula in 1895)], edited by O.P. Kolomiets and I.I. Krupnik. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 3, pp. 189—192. <https://doi.org/10.31857/S086954150015504-4> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Liudmila Khakhovskaya | <https://orcid.org/0000-0002-4427-755X> | hahovskaya@gmail.com | N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (16 Portovaya St., Magadan, 685000, Russia)

IN MEMORIAM

ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВИЧ МОРОЗОВ
(30.11.1955 – 18.10.2020)

Игорь Алексеевич происходил из семьи служащих, глубоко почитал свою мать, именовал ее матушкой, носил связанный ею цветной свитер с традиционным прибалтийским орнаментом (она проживала в г. Таллин в Эстонии). Он рассказывал, что мама работала проводницей на поезде и, будучи подростком, он помогал ей поднимать тяжелые матрасы с подушками и одеялами на третьи (служебные) полки железнодорожных вагонов. Получилось, что благодаря судьбе своей матушки Игорь Алексеевич с рождения в г. Кинешма Ивановской обл. был связан с железной дорогой (значит, с фольклорной идеей пути).

Детство И.А. Морозов провел в г. Часов-Яр Донецкой обл.: как-то на 8 Марта он подарил мне запретный букетик краснокнижных подснежников, купленный в переходе у московского метро, и сказал, что они навевают ему детские воспоминания о склонах гор, покрытых ранней весной первоцветами с белыми нежными лепестками.

Будучи сознательным гражданином, И.А. Морозов отдал долг Отечеству, отслужив по призыву в армии, вроде бы, на аэродроме и, кажется, в войсках связи, куда брали людей с тонким слухом. Вероятно, этот опыт позже послужил одной из причин обращения к теме “мужского” в научной работе, а также обусловил прекрасные навыки записывать в фонетической транскрипции (специально им разработанной на основе существующих версий) фольклорные тексты.

Он был высокого роста, с широкими мужскими плечами, русыми волосами и добрыми серыми глазами, носил заостренную бородку и очки. Его внешний вид мало менялся со временем.

Игорь Алексеевич приехал в Москву и в 1976 г. выдержал огромный конкурс при поступлении в МГУ им. М.В. Ломоносова на филологический факультет. На кафедре русского языка был приглашен академик Н.И. Толстой из Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне Институт славяноведения РАН), который не только проводил познавательные семинары по этнолингвистике для студентов, но и организовал Полесские этнолингвистические экспедиции на пограничье Украины и Белоруссии, куда вовлек И.А. Морозова в 1978–1984 гг. Однокурсниками Игоря Алексеевича оказались будущие блистательные ученые О.Е. Фролова, К.А. Чекалин, А.Е. Махов, И.В. Пешков, С.П. Бушкевич и др., с которыми всю жизнь его связывала искренняя дружба; с большинством из них он писал статьи и книги (как и с другими коллегами).

Уважение к alma mater И.А. Морозов пронес через всю жизнь. Он опубликовал статьи в “Университетском пушкинском сборнике” (1999), “Актуальных проблемах полевой фольклористики” (2002, т. 1; 2003, т. 2). На портале МГУ “Истина” содержатся сведения о его научной деятельности.

По окончании университета в 1981 г., получив звание учителя русского языка и литературы, он преподавал эти предметы в средней школе г. Таллин. С 1984 по 1989 г. уже в Москве И.А. Морозов работал в Центральном научно-исследовательском институте геодезии, аэросъемки и картографии, являлся научным сотрудником Отдела географических названий, занимался стандартизацией топонимов и гидронимов на атласах и картах. Еще со времени первых этнолингвистических экспедиций И.А. Морозов убедился в огромной практической пользе разных карт, тщательно изучал их перед выездами “в поле” и затем точно, как в картографии, указывал местоположение встретившихся этнографических объектов. В тот период он написал статью “Об опыте картографирования фольклорных текстов (на материале восточнославянских народных игр)” (“Ареальные исследования в языкознании и этнографии”, 1985).

В 1986–1989 гг. И.А. Морозов учился в аспирантуре в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, в секторе этнолингвистики и фольклора; принимал участие в сборе материалов и написании статей для первого и второго томов “Славянских древностей: этнолингвистического словаря” (под ред. акад. Н.И. Толстого, своего научного руководителя). Одной из важнейших своих статей в издании Игорь Алексеевич считал “Игры народные” в т. 2 (1999): этой теме он был предан несколько десятилетий.

Поистине грандиозной оказалась собирательская деятельность И.А. Морозова, совершившего более 100 полевых выездов во многие регионы России в 1988–2020 гг. (помимо экспедиций в белорусско-украинское Полесье на рубеже 1970–1980-х годов): это Архангельская, Вологодская, Псковская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Смоленская, Брянская, Калужская, Орловская, Курская, Белгородская, Рязанская, Ульяновская области, Ставропольский край, Чеченская Республика, Республика Удмуртия, а также Германия. И.А. Морозов с болью вспоминал о гибели девушки-коллеги в экспедиции при перелете на самолете, кажется, на Русском Севере, однако эта трагедия не остановила его экспедиционного пыла, только приучила более тщательно готовиться к выездам “в поле”.

Проживание в избах у бабушек, в помещениях школ-интернатов, общежитий и сельских клубов, в многочисленных номерах самых скромных гостиниц в райцентрах являлось обыденностью экспедиционной жизни. Собираясь в очередную поездку, И.А. Морозов упаковывал в рюкзак продукты с долгими сроками хранения, громоздкую звукозаписывающую технику и фотоаппараты в 1980–1990-е годы,

а в более благоприятные 2000–2010-е годы — уже легкие цифровой диктофон и фотокамеру, но к ним в придачу ноутбук с блоком питания, так что груз за спиной неизменно оставался тяжелым.

В Государственный республиканский центр русского фольклора (ГРЦРФ, 1990–2016), в учреждении которого деятельное участие принимал академик Н.И. Толстой, И.А. Морозова пригласили работать в 1992 г., учитывая его большой опыт исследователя-полевика. Там он являлся сначала научным сотрудником в Отделе традиционного русского досуга, затем старшим научным сотрудником в Отделе историко-теоретических и философских проблем традиционной культуры (под рук. доктора философии Н.А. Хренова). И.А. Морозов продолжал ездить в фольклорные экспедиции и затем систематизировал полученные данные по народным праздникам, развлечениям и играм, занимался проблемами адаптации традиционного игрового фонда в современных условиях, историей и теорией классических развлечений и игр. Чуть ли не всегда Игоря Алексеевича можно было увидеть в наушниках и с тогда еще аналоговым диктофоном, склоненного над клавиатурой компьютера и занятого “расшифровкой” полевых материалов. По результатам экспедиций им совместно с В.Е. Добровольской и В.Г. Смолицким был составлен сборник “Фольклор Судогодского края” (1999).

Первой серьезной монографией И.А. Морозова стала «Женитьба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой “свадьбы”/“женитьбы”» (1998), по которой он защитил кандидатскую диссертацию по фольклористике в ИМЛИ РАН. Уже тогда он был автором множества научных статей, научно-популярных брошюр, методических разработок и программ: “Забавы вокруг печки. (Русские народные традиции в играх)” (1994); “Мир традиционной народной игры. (Экспериментальная программа занятий для школьников по народным праздникам, играм и игровой комбинаторике)” (1994; 1996, 2-е изд.); “Не робей, воробей! Детские игры, потешки, забавушки Вологодского края” (1995) (все три — в соавт. с И.С. Слепцовой); “Народные игры для детей (организация, методика, репертуар)” (1995, в соавт. с Н.С. Агамовой, И.С. Слепцовой).

Тема игры не отпускала И.А. Морозова и спустя десятилетия. В год своей защиты докторской диссертации он выпустил книгу “Личность: игра и реальность” (2010, в соавт. с И.С. Слепцовой). Также были опубликованы статьи об игре как образе мышления, стиле поведения, способе моделирования особого пространства и нового конструирования реальности; о влиянии игры на отстраненность личности; о создании игровых сообществ, в которых важен гендерный аспект; об игре как “живом организме” и как разновидности ритуала; о прагматике игровых текстов (2010; 2009; 2006; 2001; 1993).

И.А. Морозов был широчайшей души человеком, улыбчивым, очень доброжелательным, гостеприимным и остроумным. Отдавая приоритет интервьюированию бабушек и дедушек в экспедициях, он легко находил контакты с людьми всех возрастов, в том числе с детьми. Наблюдая за строительством детских домиков, прячущихся на деревьях, в бурьяне или в лесной чаще, он написал статью «Игровой “дом” (в контексте современных детских игровых практик)» (“Очерки русской народной культуры”, 2009).

Влияние научной концепции академика Н.И. Толстого, усвоенной со студенческих лет, проявилось в увлеченности Игоря Алексеевича этнодиалектными словарями как особым жанром научной справочной книги, всегда составленной по только что собранному экспедиционным материалам. Среди работ И.А. Морозова — “Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь” (1997, в соавт. с И.С. Слепцовой, Е.Б. Островским, С.Н. Смольниковым, Е.А. Минюхиной); “Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь” (2001, в соавт. с И.С. Слепцовой, Н.Н. Гиляровой, Л.Н. Чижиковой);

“Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь: В 2 т.” (2012, в соавт. с И.С. Кызласовой (Слепцовой), А.П. Липатовой, М.Г. Матлиным и др.). Принцип составления этнодиалектного словаря предполагает разбивание единого текста на смысловые фрагменты и исключает показ полноты записанного большого произведения или продолжительного обряда (свадьбы, похорон и др.). Игорь Алексеевич объяснил свою любовь к этим книгам: во-первых, ему нравилась методика Н.И. Толстого; во-вторых, в наше время трудно найти и зафиксировать полностью объемное произведение; в-третьих, организаторы науки не содействуют подобным публикациям, предпочитая теоретические труды с цитированием фрагментов.

Диктофонные фиксации И.А. Морозова представляют самостоятельный интерес в плане изучения методики проведения опроса: еще на магнитофонных кассетах Игорь Алексеевич не жалел места и вел запись непрерывно, не ставя прибор на паузу при задавании вопросов. Этим он добивался, как минимум, двух целей: сохранял в неприкосновенности логику беседы и не давал повода последующим исследователям (потенциальным слушателям его кассет) усомниться в безупречности результатов, полученных без наводящих вопросов и подсказок. Каждое интервью начиналось строго с фиксации на магнитную пленку “паспортных данных” собеседника (фамилии-имени-отчества, года и места рождения, даты переезда в данный населенный пункт, если было такое). Пунктуально выполняя методическое требование советской фольклористики и этнографии, ставивших задачу изучения личности носителя народной традиции и его биографии, в дальнейшем И.А. Морозов оказался перед противоположной задачей постперестроечного времени с его ориентацией на международное авторское право и принятые в Западной Европе и США иные научные подходы к информанту: сохранить в тайне его личные данные, обезличить их формулировкой “муж./жен., возраст, место жительства”. И.А. Морозов разработал систему кодировки сведений об исполнителе с помощью инициальных букв (сам он фигурировал в качестве собирателя как “МИА”), которую применяют теперь многие исследователи. Слушать магнитофонные кассеты и пришедшие им на смену цифровые аудиофайлы И.А. Морозова — истинное удовольствие для любого ученого: в них проявляется удивительная натура собирателя, своим воодушевлением и расположением к собеседнику, успешным переходом на его родной диалект (“Вы ходили наряжонкой и дренить на свадьбе?”), подвигающим информанта поделиться знанием локальной народной культуры.

И.А. Морозов щедро делился своими научными связями. Так, он познакомил меня с А.Б. Страховым, издателем журнала “*Palaeoslavica*” в США, давал рекомендации по выбору издательств и журналов. Именно А.Б. Страхов подсказал Игорю Алексеевичу тему дипломной работы “Восточнославянская терминология народных игр” (науч. рук. акад. Н.И. Толстой). В дружеском зарубежном журнале на славянскую тематику И.А. Морозов опубликовал ряд статей (1994, vol. 2; 1998, vol. 6; 2017, vol. 25).

Отдавая в 1990-е годы приоритет фольклористике, И.А. Морозов занимался темой фольклоризма писателей, особенно выделяя А.С. Пушкина и В.С. Высоцкого и посвящая им статьи (1999).

В 2001 г. И.А. Морозов был принят в Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН), где по 2008 г. проработал старшим научным сотрудником Отдела русского народа. Это был период, когда Игорь Алексеевич по собственному почину и весьма успешно занимался издательскими делами, взяв на себя придумку тематики, подбор авторов, верстку научных сборников, доставку их в типографию и распределение тиража по библиотекам и книжным магазинам. Тут уже в экспедиционный рюкзак упаковывались книги, имеющие солидный вес в прямом и переносном смысле. И.А. Морозов не боялся публиковать книги на собственные небольшие деньги, частично одолженные у друзей. Но даже имея скромные

средства на издание, он не жалел их на печатание в два проката краски страниц с черно-белыми фотографиями, заботясь об эстетике книги. Верные университетские друзья (в частности, И.В. Пешков, создавший издательство “Лабиринт”) помогли И.А. Морозову в двух выпусках “Мужского сборника”. Всего было опубликовано три: “Мужчина в традиционной культуре” (2001); «“Мужское” в традиционном и современном обществе» (2004); “Мужчина в экстремальной ситуации” (2007). “Мужской сборник” оказался настолько успешным, что Рязанский областной научно-методический центр народного творчества (РОНМЦНТ) в лице издателя “Рязанского этнографического вестника” В.В. Коростылева (1947–2020) обратился к И.А. Морозову с просьбой разрешить ему переиздать первый и второй выпуски для земляков. Кстати, в 1995 г. РОНМЦНТ совместно с ИЭА РАН организовал в г. Рязани Первый конгресс этнографов и антропологов.

Начиная с первого такого мероприятия, И.А. Морозов участвовал почти во всех Конгрессах антропологов и этнологов России (название претерпело изменение): в I, III, IV, VIII, X, XII, а на VI, IX, XIII еще руководил секцией. На XIV конгрессе секция 10 “Советское прошлое сегодня: повседневные практики, нарративы, музейные пространства” под руководством П.С. Куприянова посвящена его памяти.

В 1994 г. РОНМЦНТ проводил в Рязани Первые Лебедевские чтения, на которых И.А. Морозов не только сделал увлекательный доклад по найденному им редчайшему скоморошьему тексту («Денис-старец и его ближайшие родственники (рязанская версия текста “Старец Игренище” из сборника Кириши Данилова»», опубликованном в сборнике “Этнография и фольклор Рязанского края. Материалы Российской научной конференции к 100-летию со дня рождения Н.И. Лебедевой” (“Рязанский этнографический вестник”, 1996), но и показал себя прекрасным танцором. В удальской пляске в паре с И.С. Слепцовой он совместил элементы академической хореографии с традиционными телодвижениями народного танца. На III Конгрессе фольклористов России в 2014 г. он руководил секцией 3 “Локальные традиции и культуры: современные исследования”.

И.А. Морозов охотно принимал участие в разнообразных застольях и сам устраивал ежегодные “Морозовские посиделки” по случаю своего дня рождения. Безусловно, его интересовали тематика народной обрядовой и повседневной пищи, семантика крестьянской трапезы, иерархия усаживания за столом гостей и другие подобные сюжеты, которыми он стал заниматься еще в ГРЦРФ. Его штудии по этим вопросам вылились в серию статей о пище в экстремальных и кризисных ситуациях, о структуре и смысловом наполнении традиционного застолья, о магии в связи с его началом и завершением, о теме изобилия в русской культуре XIX–XX вв. (2012; 2011; 2002; 2000). В повседневной жизни И.А. Морозов был неприхотлив к пище: любил творожный (домашний) сыр и кашу на завтрак.

Игорь Алексеевич зарекомендовал себя в ИЭА РАН чрезвычайно ответственным сотрудником. Когда в конце 2000-х годов началась реструктуризация отделов, то от некоторых заведующих (Н.Л. Пушкаревой, М.Л. Бутовской) И.А. Морозову поступили заманчивые предложения перейти к ним. К этому времени перестала заведовать Отделом русского народа доктор ист. наук И.В. Власова (1935–2014), авторитетный ученый и замечательный человек, поэтому И.А. Морозов считал возможным перейти в 2008 г. в Сектор кросс-культурной психологии и этнологии человека (под рук. доктора ист. наук М.Л. Бутовской) на должность ведущего научного сотрудника; тематика избранного сектора была ему более близка.

В 2010 г. И.А. Морозов защитил в ставшем родным институте докторскую диссертацию “Феномен куклы в традиционной и современной культуре: кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма” по специальности “этнография, этнология и антропология”; в 2011 г. выпустил монографию под тем же названием. На тему книги написаны статьи с вопросом о желании мальчиков играть с куклами,

с анализом понятия “кукла” в русской культуре XIX–XX вв., о роли куклы в онтогенезе и в традиционном свадебном обряде (2012; 2011; 2006; 2005).

Вызывают восхищение самоотверженность и решительный подход И.А. Морозова к новому научному проекту: он всегда ставил совершенно оригинальную задачу, выбирал темы исследований, которыми до этого никто не занимался, для реализации замысла совершал целый ряд экспедиций с конкретно обозначенными целями, планомерно собирал новый материал. Возвращаясь из экспедиций, он с восторгом рассказывал о том, что его поразило на этот раз: так, во время исследований по кукле (под которой он понимал любой объект антропоморфного вида или с приданными ему свойствами, позволяющими рассуждать об “очеловеченности”) в Ульяновской обл. он любовался поставленными на подоконниках или между оконными рамами игрушками и фотографировал их, удивлялся прикрепленным к настенному ковру куклам, радовался сшитым специально для них одеждам по подобию подлинного народного костюма в его региональном варианте. Появилась статья “Конструирование персонального пространства в контексте социальной реальности (на примере интерьера)” (“Журнал социологии и социальной антропологии”, 2013, № 4, в соавт. с И.С. Слепцовой).

Со студенческих лет И.А. Морозов мечтал оказаться в Египте, чтобы воочию полюбоваться шедеврами античности, и осуществил мечту. Большинство трудов И.А. Морозова основано на сравнительно-историческом методе: он с легкостью, но с опорой на серьезную доказательную базу, проходил по реалиям и обычаям разных времен и народов, находя в них что-то общее или, наоборот, видя существенные различия во взглядах на какой-либо предмет или ритуал. Его книжные полки были заставлены монографиями ученых самых разных стран.

И.А. Морозов получил приглашение на научный симпозиум во Францию, и для этой поездки специально приобрел красивый костюм, желая во всем соответствовать достойному образу российского ученого. Во французском журнале “Cahiers Slaves” вышла пара его статей (1999, vol. 2; 2007, vol. 9).

Во второй половине дня, устав от напряженного мыслительного процесса, Игорь Алексеевич совершал прогулки, обычно в своем районе – на ВДНХ или к Ростокинскому акведуку, либо после института – по Воробьевым горам и Парку культуры имени А.М. Горького. Во время прогулок он все равно подмечал этнографические моменты и объекты, фотографировал их и объяснял, что они обозначают и чем интересны в исследовательском плане. Например, он фиксировал детские рисунки на асфальте (особенно свидетельствующие об играх – “в классики” и т.п.).

Наблюдательность И.А. Морозова была очень продуктивна в экспедициях, когда он, встречая на пути однотипные объекты, начинал интересоваться причинами их возникновения в определенный период времени или в конкретном локусе. Он всегда фотографировал такие объекты и искал их владельцев и создателей, чтобы спросить о понравившемся творении. В экспедициях по Костромской обл. в 2015–2017 гг. И.А. Морозов заметил рукотворных лебедей, пальмы и даже фигуры старика со старухой, выполненные из пластиковых бутылок, березовых поленьев и прочего “вторсырья”, которому местные жители дали “вторую жизнь”. Вернувшись в Москву, И.А. Морозов развернул на страницах “Этнографического обозрения”, членом редколлегии которого он являлся, особую дискуссию: «“Искусство обновления форм”: скрытые знаки традиции и ее движущие силы» и «Практики “переиспользования” как фактор возникновения “новых традиций” (ответ оппонентам)» (2017, № 1, обе в соавт. с И.С. Слепцовой).

И.А. Морозов был из когорты ученых, которые работают на междисциплинарном уровне и не повторяют когда-либо найденные методики, даже самые удачные, успешно прошедшие апробацию и одобренные коллегами. Да и сам изучаемый диалектный, фольклорный, этнографический и в последнее время социологический

материал каждый раз он разыскивал совершенно новый, отвечающий новаторским критериям его собирания и анализа. Так, опубликовав “Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.)” (2004, в соавт. с И.С. Слепцовой), И.А. Морозов в дальнейшем считал излишним использовать шаблонные названия с терминами вроде “месяцеслов”, “круглый год”, хотя учитывал их важную роль в классике науки. Он предпочитал давать более сложные и конструктивные заглавия своим трудам и сборникам: “Обнажение языка (кросс-культурное исследование семантики древнего жеста)” (2008, в соавт. с М.Л. Бутовской, А.Е. Маховым); “Динамика традиции в региональном измерении. Трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края” (2016, отв. ред. и сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова); “Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов” (2019, в соавт. с И.С. Слепцовой, Е.А. Самоделовой, П.С. Куприяновым, Е.Г. Чесноковой).

С 2014 г. И.А. Морозов стал главным научным сотрудником Центра кросс-культурной психологии и этологии, являлся членом Ученого совета и Диссертационного совета ИЭА РАН, руководил аспирантами П.А. Скрыльниковым и Е.Г. Чесноковой, чьи статьи вошли в сборники и коллективные монографии, опубликованные в Беларуси в 2016–2017 гг. под его редакцией, уже во время их учебы. При выборе темы диссертации Игорь Алексеевич всегда учитывал мнения аспирантов, согласовывал с ними свои предложения и затем приглашал их на равных участвовать в экспедициях, вовлекая в работу по научным грантам.

В ИЭА РАН И.А. Морозов продолжал изучать традиционные и современные формы игрового поведения, роль факторов игры в индивидуальных жизненных стратегиях. Монография “Игры и развлечения удмуртов” И.А. Морозова и Л.Н. Долгановой выдержала два издания (1995; 2002, 2-е изд., доп.). Его внимание к кинематографии как исследовательскому полю социальной антропологии проявилось в статье “Игры в кадре: традиционные развлечения в повествовательной ткани мирового кино” (“Традиционная культура”, 2018, № 2). Игорь Алексеевич восторгался французским художественным фильмом “Амели”, акцентируя внимание на нетривиальном исчезновении героини, буквальном растворении ее в воздухе, подобном тому, как смерч закручивает человека или иной объект и уносит его в небеса. Даже развлекательные кинофильмы И.А. Морозов не умел смотреть бесцельно: готовя книгу “Обнажение языка...” (2008), он покупал DVD-диски и черпал из них изображения высунутого языка, останавливал кадр и обрабатывал его специальной компьютерной программой, желая проиллюстрировать будущее издание. Книга посвящена проблемам невербальной коммуникации, персонально-личностным аспектам социального пространства и кинесике.

В последние годы И.А. Морозов сожалел, что с уходом из жизни поколений носителей фольклора рубежа XIX–XX вв. и вплоть до 1930-х годов рождения изменилось само народное поэтическое творчество и наше представление о нем: вместо традиционной устной поэзии освободившуюся нишу заполнил постфольклор и квазифольклор. Изменение парадигмы исполнителей привело И.А. Морозова к мысли о смене экспедиционно-исследовательской тактики. В Костромских экспедициях 2015–2017 гг. он стал применять методику анкетирования, составив опросники и реализуя их результаты сразу в электронных таблицах, для чего брал с собой в поездки ноутбук с выносным жестким диском. Такие специфические опросы И.А. Морозов проводил с выборочными группами респондентов – с учащимися техникумов и школ, учителями и т.п. Результаты опубликованы в “Динамике традиции в региональном измерении” (2016, в соавт. с П.А. Скрыльниковым).

В Костромскую обл. И.А. Морозов ездил уже в конце 1980-х годов и вместе с И.С. Слепцовой разработал программу по сбору фольклорно-этнографической информации, снабдил ею отделы культуры, краеведческие музеи и школы райцентров

и попросил школьных учителей, клубных и музейных работников собрать материалы. Таким образом московскими учеными был дан новый импульс изучению родного края.

Ульяновская обл., очевидно, была любимицей полевых исследований И.А. Морозова: он ездил туда с И.С. Слепцовой многократно и даже в 2020 г. во время коронавирусной пандемии летал на самолете. Он чрезвычайно уважал ульяновских ученых-фольклористов М.П. Чередникову, М.Г. Матлина и В.Ф. Шевченко, считая их великими тружениками. Он был увлечен совместными с ними научными проектами и радовался, когда М.Г. Матлин, автор уже двух монографий по смежной культуре на свадьбе, защитил докторскую диссертацию в 2019 г. в ИМЛИ РАН.

По данным электронной библиотеки eLibrary, число публикаций И.А. Морозова насчитывает 320. Его персона указана в печатных справочниках “Российские фольклористы” (1994); “Slovenski folkloristi: lični podaci i adrese” (2008); “Материалы к биобиблиографическому словарю российских этнографов и антропологов, XX век” А.М. Решетова (2012); на интернет-порталах “Википедия”; «Энциклопедия “Ученые России”»; «Энциклопедия “Известные ученые”»; “Отечественные этнографы и антропологи. XXI век”; “Русская традиционная культура”.

“Лента новостей” РИА-ТАСС донесла до всего мира траурную информацию о кончине И.А. Морозова. Телевидение и раньше было благосклонно к Игорю Алексеевичу. В 1990-е годы или на рубеже XX–XXI столетий его, Л.А. Тульцеву из ИЭА РАН и меня пригласили на Шаболовку делать передачу о Масленице. В телестудии Игорь Алексеевич предоставил нам ближайшие места перед камерой, а сам отдалился на задний план (в итоге именно его фигура выглядела без искажений, допускаемых прибором) и оттуда весело рассказывал о масленичных забавах, сжигании Масленицы-куклы, специфических обрядовых песенках. Я думаю, подобные приглашения И.А. Морозова на телевидение и радио были неоднократны, и стоит поискать во Всемирной Паутине передачи с его участием.

С 2007 г. он ежегодно брал на себя роль руководителя проектов по грантам РГНФ, затем РФФИ и по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН, выступал исполнителем в проектах других ученых (в том числе по гранту РНФ). При этом он оставался патриотом России и не получал гранты из зарубежных фондов, хотя сотрудничал с иностранными учеными, считая науку международным делом.

Приглашая авторов принять участие в научном проекте, И.А. Морозов всячески заботился о них: согласовывал покупку железнодорожных билетов и устройство в общежитиях и гостиницах, следил за соблюдением режима дня и не допускал переработки в экспедициях, просил быть осторожными и не ходить в темное время суток. При кабинетной работе устраивал совместное обсуждение проекта, тщательно готовил рекомендации, набрасывал нечто вроде проспекта будущей книги, продумывал ее структуру и названия разделов и глав, обговаривал единое библиографическое оформление сносок и ссылок. В итоге он произносил длинную убедительную речь и затем выслушивал соображения каждого, спорил или соглашался с ними, вновь выдвигал новаторские идеи или, наоборот, отказывался от чего-то уже согласованного. А еще он звонил по телефону, интересовался здоровьем и настроением собеседника, излагал свои мысли об очередном научном проекте и сообщал новости из академического мира.

В ходе работы над коллективной монографией “Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов” (2019) не только менялись структура книги и теоретическое обоснование проблематики, но исчезали целые темы и появлялись новые, расширялась география (задумывалась монография по Костромской обл., в итоге в нее вошли полевые наблюдения по примыкающим областям Верхнего Поволжья и Русского Севера). Труд постепенно превращался из регионального в энциклопедический.

По объективным причинам сделав крен в социальную антропологию, И.А. Морозов стал заниматься исследованием культурных трансформаций под влиянием глобальных социально-политических процессов, технологических инноваций и массмедиа, заинтересовался проблемой роботизации общества и появлением новых персонажей и технологических объектов — киборгов, дронов и т.п., взаимодействием людей с ними. Написал статью «“Кодекс робота”: к вопросу об этических основах “постгуманистической цивилизации”» (“Технологии и телесность”, 2018).

И.А. Морозов увлекся проблемой частных музеев, пытался понять, почему обычные люди на собственные скудные средства устраивают их у себя дома, даже издадут книги и брошюры непосредственно по этой или сопутствующей тематике. Услышав в экспедиции от местных жителей о таком подвижнике, отправлялся к нему на экскурсию, чтобы подробно расспросить обо всех нюансах создания музея. Он выискивал в интернете сведения о подобных музеях, совершал однодневные путешествия на электричке по Подмоскovie даже во время пандемии коронавируса летом 2020 г. Появились его музейведческие статьи, написанные под углом зрения этнографа: “Семейный музей как репрезентация личностных установок и как пространство жизни” (2017); “Домашний музей как социокультурный топос” (2018).

Возможно, прочувствовав на себе похоронно-погребальную обрядность и поминальные обычаи в связи с кончиной мамы, И.А. Морозов вновь заинтересовался этой актуальной научной проблематикой. Вопрос о том, какое место занимают кладбища в культуре разных регионов и государств, привел И.А. Морозова к разработке проблематики “живого”/“неживого” в контексте концепции “сингулярности” и “постчеловеческих сообществ”, к исследованию современных погребальных и коммеморативных практик на европейском пространстве, к анализу понятия “неправильный мертвец” и социальных стратегий общения с мертвыми. Об этом вышла серия его статей в 2019 г. в “Сибирских исторических исследованиях” и “Этнографическом обозрении” (в соавт. с А.А. Шрайнер, Л.А. Ткачук); раньше были опубликованы статьи на родственные темы (2008; 2011). И.А. Морозов намеревался провести масштабное сопоставление русской и немецкой традиций захоронений, для этого изучал кладбища в Германии и феномен превращения памятников на городских площадях в объекты поклонения фанатов своим культовым героям.

И.А. Морозов публиковал статьи в ведущих журналах: “Этнографическое обозрение”, “Вестник РГНФ”, “Сибирские исторические исследования”, “Антропологический форум”, “Журнал социологии и социальной антропологии”, “Традиционная культура”, “Живая старина”, “Апокриф”. Отдельные номера серийных изданий “Рязанский этнографический вестник” и “Роман-газета” полностью посвящены его словарю и монографии. Среди зарубежных журналов его особой любовью пользовалась “Palaeoslavica” (США), печатался он также в “Cahiers Slaves” (Франция), “Studia Slavica” (Венгрия).

И.А. Морозову посчастливилось стать соавтором Н.И. Толстого, Л.Н. Виноградовой, М.Л. Бутовской, Н.Н. Гиляровой. Помимо упомянутых О.Е. Фроловой, А.Е. Махова и И.С. Слепцовой, с ним почитали за честь писать статьи и книги Е.Э. Будовская, Л.Н. Долганова, Е.Н. Минасенко, Н.С. Агамова, А.П. Липатова, Е.Г. Богина, Д.В. Громов, Е.В. Сафронов и автор данного некролога.

Е.А. Самоделова

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

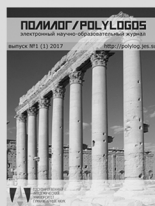
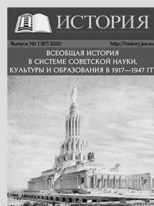
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**